

КУЛЬТУРА МИРА

Том 14. Выпуск 3.

(№ 4)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.
Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.
Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 19

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 14. Issue 3.

(№ 54)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2026

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the "National Institute of professional development and training of educators", Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Политология

<i>Демидов А.В.</i> Российская дипломатия в лицах: Александр Безбородко.....	12
<i>Лаптев И.А.</i> Отношение населения к средствам массовой информации и социальным медиа как инструментам политической коммуникации.....	23
<i>Цзин Сунь, Инхун Ян</i> Исследование модели преподавания и механизма оценки курсов по идеологической и политической теории с использованием искусственного интеллекта.....	29
<i>Герман Р.Э.</i> Гиперисторицизм политического сознания населения кавказского региона и его влияние на процессы этнополитической мобилизации.....	38

Культурология

<i>Петрова С.И., Петров И.Ф.</i> Философы-постмодернисты о плюрализации восприятия в культуре.....	52
<i>Фаттахов Р.А.</i> Евразийское толкование свободы.....	63
<i>Шиндель С.В., Аскарова А.Х.</i> Дискурсивные особенности придворного этикета, репрезентированного в спектакле «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt».....	72
<i>Еременко А.Г., Лаво Р.С., Шипунова Е.А., Распопина В.С.</i> Роль музеев в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне...	86
<i>Ефанов Д.А.</i> Педагогические основы изучения драматургии вокального номера, как ключевого элемента эстрадного искусства.....	89
<i>Альсусо Небрас</i> Мориски: память под угрозой. Культурная идентичность в условиях принудительной ассимиляции (XVI–XVII вв.).....	107
<i>Донгак В.С.-о.</i> Религиозный синкретизм традиционных семейных ритуалов тувинцев в современных условиях.....	118
<i>Зыкова Т.В.</i> Как музей меняет культурную среду. Из опыта работы над проектами музеев Красноярского края.....	124
<i>Карев С.А., Антонов О.В.</i> Диалог эпох в стенах Шелапутинской гимназии: музееологический анализ трансформации историко-культурной среды.....	134

<i>Карозин А.А.</i> От зрителя к соавтору: ролевая трансформация аудитории в контексте нелинейного нарратива.....	145
<i>Ли Ен Ок</i> Обзор современных исследований творчества Н.К. Рериха в Южной Корее.....	158
<i>Ли Сисян</i> Роль японской гравюры укиё-э в формировании колористической системы работ Густава Климта и его школы (Венский сецессион).....	166
<i>Панов Д.Г.</i> Будущий менеджер культуры: готовность к реализации задач культурной политики.....	175
<i>Ефанов Д.А.</i> Развитие музыкального слуха на уроках вокала в ДМШ-ДШИ: психолого-педагогический аспект.....	185
<i>Смердов М.И.</i> Ирбитская ярмарка: история и современность.....	192
<i>Сюзюмов И.А.</i> Концептуальная стагнация современной визуализированной антиутопии: анализ паттернов и функций жанра в XXI веке...	205
<i>Уржумцева Е.А., Берлизов Н.Е.</i> Реконструкция быта и хозяйственных практик населения панагия 1 на этапе поздней бронзы через археологические находки.....	213
<i>Ван Чао</i> Шаманская мифология как структурообразующий фактор монгольской драматургии.....	225
<i>Сюй Цзявэнь</i> «Малый театр» как пространство становления китайского театрального авангарда.....	233
Актуальные вопросы науки и инновации	
<i>Мальцева Л.В.</i> Зачем человеку нужна каллиграфия?.....	244
<i>Федорова Л.В.</i> Тенгризм и Тэнрикё как религии откровения.....	252
<i>Филиппов С.В.</i> Особенности различных подходов к системе управления персоналом.....	264
<i>Гермашева Т.М., Файзулина А.И.</i> «Политея» Платона в современной научной мысли Японии.....	271
Аннотации	280
Авторы	301

Contents

Political science

<i>Demidov A.V.</i> Russian diplomacy in person: Alexander Bezborodko.....	12
<i>Laptev I.A.</i> Public attitudes towards mass media and social media as tools of political communication.....	23
<i>Jing Sun, Yinghong Yang</i> A study of a teaching model and assessment mechanism for courses on ideological and political theory using artificial intelligence.....	29
<i>German R.E.</i> Hyperhistoricism of political consciousness of the Caucasian region's population and its influence on the processes of ethnopolitical mobilization.....	38

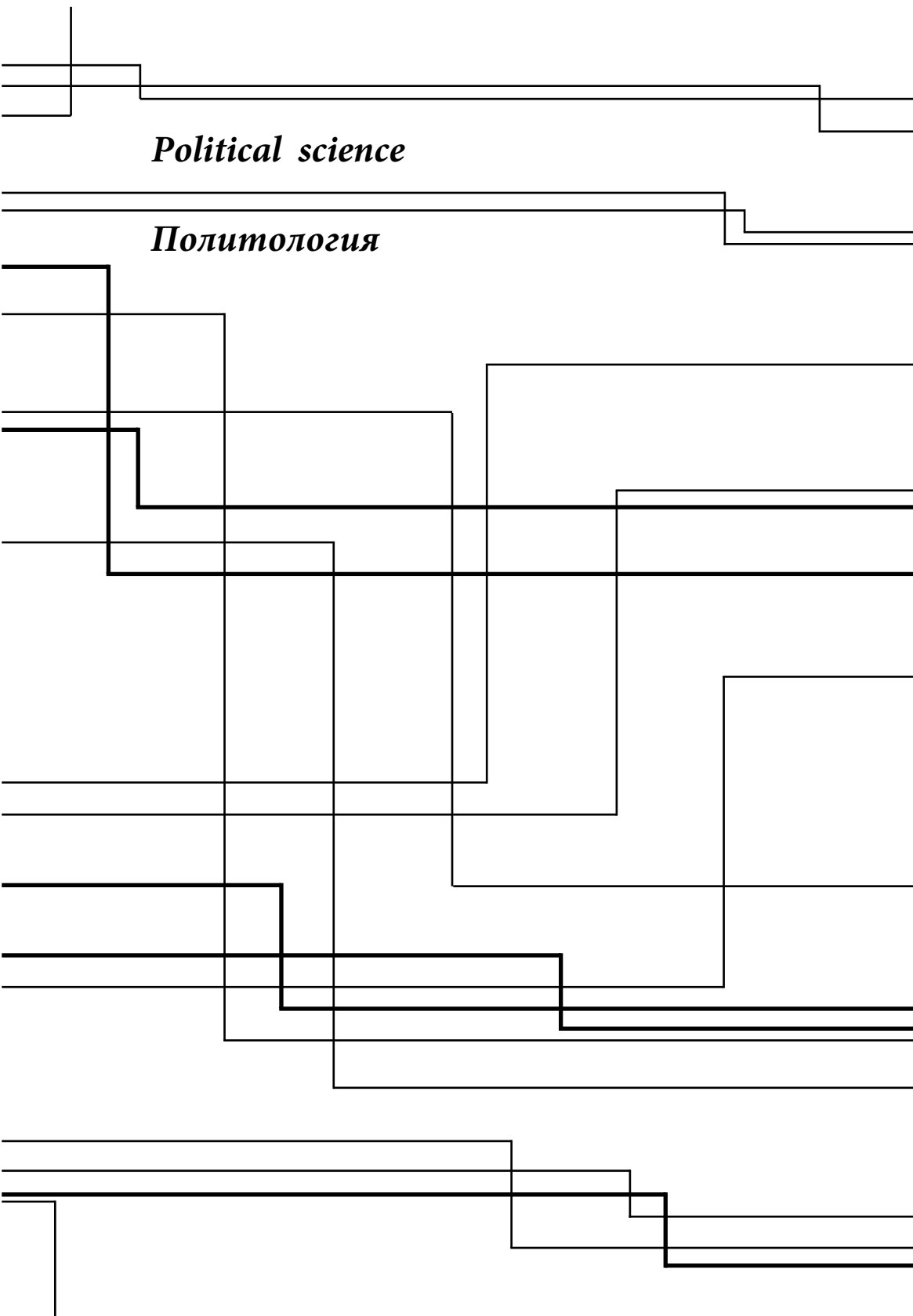
Culturology

<i>Petrova S.I., Petrov I.F.</i> Postmodern philosophers on the pluralization of perception in culture.....	52
<i>Fattakhov R.A.</i> The Eurasian interpretation of freedom.....	63
<i>Shindel S.V., Askarova A.Kh.</i> Discursive peculiarities of court etiquette represented in Theatricalized Performance «Great! With love, Catherine ...» by Creative Team «Jugendshtadt».....	72
<i>Eremenko A.G., Lavo R.S., Shipunova E.A., Raspopina V.S.</i> The role of museums in preserving the historical memory of The Great Patriotic War.....	86
<i>Efanov D.A.</i> Pedagogical foundations for studying the dramaturgy of a vocal piece as a key element of variety art.....	89
<i>Alsuso Nebras</i> Moriscos: memory under threat. Cultural identity under conditions of forced assimilation (16th–17th centuries).....	107
<i>Dongak V.S.-o.</i> Religious syncretism of traditional Tuvan family rituals in modern conditions.....	118
<i>Zykova T.V.</i> How a museum transforms the cultural environment: from experience working on museum projects in the Krasnoyarsk Region.....	124
<i>Karev S.A., Antonov O.V.</i> Dialogue of epochs within the walls of the Shelaputinsky gymnasium: a museological analysis of the transformation of the historical and cultural environment.....	134

Karozin A.A. From viewer to collaborator: role transformation of the audience in the context of a nonlinear narrative.....	145
Lee Yeon Ok The overview of contemporary South Korean studies on Nicholas Roerich.....	158
Li Xixiang The role of Japanese Ukiyo-e prints in the formation of the coloristic system of Gustav Klimt and his school (Vienna secession).....	166
Panov D.G. Future cultural manager: willingness to implement cultural policy objectives.....	175
Efanov D.A. Development of musical ear in vocal lessons at children’s music schools and children’s art schools: psychological and pedagogical aspect...	185
Smerdov M.I. Irbit fair: history and present.....	192
Syuzyumov I.A. Conceptual stagnation of contemporary visualized dystopia: analysis of patterns and functions of the genre in the 21st century.....	205
Urzhumtseva E.A., Berlizov N.E. Reconstruction of the life and economic practices of the population of panagia 1 at the stage of the late bronze age through archaeological finds.....	213
Wang Chao Shamanic mythology as a structure-forming factor of Mongolian dramaturgy.....	225
Xu Jiawen The “small theatre” as a space for the formation of the Chinese theatrical avant-garde.....	233
<i>Current issues of science and innovation</i>	
Maltseva L.V. Why does human need calligraphy?.....	244
Fedorova L.V. Tengrism and Tenrikyo as religions of revelation.....	252
Filippov S.V. Features of different approaches to the personnel management system.....	264
Germasheva T.M., Fayzulina A.I. Plato’s “Polithea” in modern Japanese scientific thought.....	271
Abstracts	292
Authors	303

Political science

Политология

Демидов А.В.

Кандидат политических наук, доцент. Российский государственный социальный университет.

Российская дипломатия в лицах: Александр Безбородко*

Аннотация. В статье дается краткое описание жизни и деятельности на дипломатическом поприще выходца из небольшого малороссийского города Глухова. А.А. Безбородко, не принадлежавший к высшим слоям российской аристократии, тем не менее, внес существенный вклад во внешнюю политику России в один из наиболее ярких периодов истории страны – в период правления императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: П.А. Румянцев, Кючук-Кайнарджийский договор, императрица, Крым, татары, Речь Посполитая, Османская империя, Крымское ханство, Англия, Пруссия, Австрия, Турция, православные, Швеция.

Demidov A.V.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor. Russian State Social University.

Russian diplomacy in person: Alexander Bezborodko

Abstract. The article provides a brief description of the life and activities in the diplomatic field of A.A. Bezborodko, a native of the small Little Russian town of Glukhov, who did not belong to the upper strata of the Russian aristocracy, nevertheless, made a significant contribution to Russia's foreign policy during one of the most striking periods in the country's history – during the reign of Empress Catherine II.

Key words: P.A. Rumyantsev, Kuchuk-Kaynardzhi Treaty, Empress, Crimea, Tatars, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ottoman Empire, Crimean Khanate, England, Prussia, Austria, Turkey, Orthodox, Sweden.

Александр Андреевич Безбородко родился в 1746 г. в городе Глухове¹ в Малороссии в семье незнатного происхождения.

¹ Глухов – один из старейших городов Древнерусского государства. Располагался на древнем торговом и военном пути. Являлся удельным городом Черниговского княжества. Киевский и Черниговский князья часто соперничали между собой за обладание Глуховым. В настоящее время входит в состав Шосткинского района Сумской области. – *Прим. автора.*

* © Демидов А.В., 2026.

Российская дипломатия в лицах: Александр Безбородко

Род Безбородко брал свое начало от казака Демьяна Ксенжинского, соратника Б. Хмельницкого, которому в бою с казаками саблей был отрублен подбородок. По этому ранению и было дано имя родовой фамилии.

Отец А. Безбородко принадлежал к сословию казацкой старшины и служил генеральным писарем (судьей) в малороссийском казачьем войске. В царствование Петра III отец вышел в отставку [6, с. 154].

Получать образование Александр Безбородко начал дома, а затем поступил в Киево-Могилянскую духовную академию, в единственном на то время высшее учебное заведении Украины, из которой и выпустился в 1764 г.

В том же году было упразднено украинское гетманство. Правителем края в качестве генерал-губернатора Малороссии и президента Малороссийской коллегии назначается известный полководец П.А. Румянцев. В канцелярию к нему и был определен А. Безбородко.

У П.А. Румянцева А. Безбородко в основном занимался разбором дипломатической переписки, и ему зачастую доверялись «многие секретные дела и комиссии» [6, с. 155].

Он работал много, несмотря на свою молодость, проявлял инициативу. Свое свободное время он посвящал самообразованию, в особенности стремился глубже понять внутри- и внешнеполитическое положение России. Огромная работоспособность, феноменальная память, острый ум молодого Александра, блестящее владение искусством пера привлекли внимание П.А. Румянцева.

Поначалу Александр Безбородко получил пост судьи в Малороссийский генеральный суд. Но он пробыл на этой должности всего лишь год. Будучи вновь причисленным к канцелярии Румянцева, он уезжает на юг для участия в войне с Турцией.

Здесь Безбородко получил первое боевое крещение. В битве при Ларге, где войска П.А. Румянцева одержали блестящую победу над турками, А. Безбородко отличился храбростью, сражаясь в передовом отряде. Позднее в 1773 г. при штурме Силистринских укреплений он вновь отличился смелостью.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. А. Безбородко едет в Москву, а затем и в Петербург. По протекции П.А. Румянцева в 1775 году он был оставлен при императорском дворе Екатерины II в качестве секретаря по приему прошений. «Представляю Вашему Величеству алмаз в коре, - сказал Румянцев императрице. - Ваш ум даст ему цену» [1]. Указом императрицы от 8 декабря 1775 г. повелевалось «полковнику Безбородку² быть при нас у принятия челобитий» [6, с. 159].

Этот момент стал поворотным в жизни А.Безбородко. Он начинает свою карьеру дипломатического и государственного деятеля. Всего пару

2 Так в тексте. – Прим.автора.

лет службы в должности секретаря императрицы А.Безбородко добился больших успехов. Он в совершенстве овладел французским, немецким и итальянским языками. Были опубликованы его исторические исследования [6, с. 159].

При дворе Александр Андреевич отличался безупречной репутацией, он был известен как человек честный и бескорыстный, как знаток литературы и как тонкий знаток искусства [6, с. 161].

В 1776 г. А.Безбородко подает царице «Записку о крымских татарах». В ней он подчеркивает необходимости присоединения Крыма к России. Автор пишет: «Остался один Крым и подвластные ему татары, от которых Россия уже 200 лет страдает и разорение претерпевает. Нужно принять добрые меры против сих вечных неприятелей...» [8, с. 150].

Записка произвела серьезное впечатление на царицу. Мысли, изложенные А.Безбородко, совпадали с собственными идеями Екатерины. Благодаря своим личным качествам уже через три года он начинает занимать видное место при императорском дворе. Не входя в число членов Иностранной коллегии, Безбородко, тем не менее, был в курсе всех внешнеполитических дел.

Он прекрасно понимал, что в центре внимания русской дипломатии оставались на тот момент три главнейшие задачи:

1. возвращение всех исконно русских земель, остававшихся в составе Речи Посполитой;
2. отношения с Османской империей и с ее верным вассалом Крымским ханством;
3. активное сохранение завоеваний России в бассейне Балтийского моря [10, с. 9].

В 1779 г. его производят в бригадиры Киевского полка.

В 1775–1783 гг. разразилась война за независимость от Великобритании североамериканских колоний (будущие США). Английское правительство, не желая потерять эти владения, лихорадочно искало союзников, могущих направить в Америку свои войска для участия в подавлении восстания колоний. Но, Франция и Испания поддерживали восставших. Пруссия отказала в помощи, не прельстясь обещанными английскими деньгами. Тогда Лондон в лице своего короля обратился к российской императрице. Была обещана значительная плата за отправку в Америку русских солдат.

Императрица Екатерины, как и другие просвещенные российские монархи, в принципе, высоко ценила отношения с Англией, бывшей в те годы наиболее развитым государством в экономическом и техническом плане. Торговля с Англией приносила России существенные доходы. Россия поставляла на берега туманного Альбиона, как и в другие страны, зерно и меха, слюду и древесину, пеньку и патоку, ревень и масло, а также

мед. Говоря словами А.С. Пушкина, Екатерина умела «судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет»³.

Вторя царице, А.Безбородко писал русскому послу в Лондоне: «Бога ради, старайтесь связать нас с Англией и по торгу, и по политике» [8, с. 167].

Но, с другой стороны российская императрица не жаловала тогдашнего английского короля Георга III, выходца из погрязшей в пьянстве и разврате Ганноверской династии, страдавшего к тому же серьезным психическим расстройством. Кроме того, Екатерина, учитывая, что отношения России и Британии никогда не были безоблачными, поручила своим советникам проработать этот вопрос и подготовить как ответ англичанам, так, возможно, и циркулярную ноту властям других европейских государств.

Работа советников, во главе которых стояли А.А. Безбородко и Г.А. Потемкин, завершилась представлением на утверждение царицы проекта «Декларации о вооруженном нейтралитете». Этот проект сопровождался докладом Екатерине, основные положения которого сводились к следующему:

1. Британии доверять нельзя, поскольку она всегда при первой же возможности нанесет удар в спину.

2. Британия и ее колониальная политика стали прямой причиной военных действий в Северной Америке.

3. Англичане ведут себя нагло и безнаказанно на морях, нападая на суда нейтральных государств. Очень часто англичане ведут себя как настоящие пираты, называя себя каперами.

4. Отдаление североамериканских колоний от Британии может позитивно сказаться на экономике Российской Империи, поскольку появится новый перспективный рынок сбыта для российских товаров.

5. Российская империя должна держаться своих национальных интересов и сохранять нейтралитет.

Что касается самой Декларации обнародованной от имени Екатерины II 11 марта (28 февраля) 1780 г., то в ней Россия обращалась к Англии, Франции, Испании и к другим европейским странам с заявлением, в котором излагались следующие принципы:

1. Нейтральные суда могут свободно плавать у берегов воюющих держав. Они имеют право защищать себя оружием от нападения воюющих государств.

2. Неприятельская собственность под нейтральным флагом (за исключением «заповеданных товаров») неприкосновенна.

3. Предметами военной контрабанды признаются только оружие и различное военное снаряжение.

4. Блокированным считается лишь порт, вход в который практически

3 Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – *Прим.автора.*

затруднен в связи с действиями военно-морских сил воюющих держав [5, с. 217].

Декларация, явно направленная против Англии, легла в основу конвенции, заключенной между Россией и рядом государств (Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий). Испания и США признали принципы Декларации, хотя формально в конвенциях не участвовали. Англия отказалась признать эти принципы.

По словам Ф. Энгельса, «Екатерина в первый раз сформулировала для себя и для своих союзников по «вооруженному нейтралитету» требования по ограничению прав, на которые претендовала Англия для своих военных судов в открытом море» [Цит. по 8, с. 151].

Что касается направления войск в Америку, то английскому послу в Петербурге императрица сообщила, что «русский солдат продажен никогда не был», и что «Россия за чужими хвостами не потащится» [7, с. 151].

Следующим важным этапом в дипломатической карьере А. Безбородко стали подготовка и личное участие во встрече Екатерины II с австрийским императором Иосифом II в Могилеве в 1780 г.

Переговоры двух монархов были посвящены вопросам, связанным с полным изгнанием турок из Европы, восстановлением Греческой империи⁴ и, созданием в Молдавии и Валахии государства Дакия [11, с. 173]. При этом Россия стремилась к контролю за всем северным Причерноморьем и за черноморскими проливами. Австро-Венгрия – к территориальным захватам на Балканах, расширению австрийской торговли на Черном море, ограничению влияния Пруссии.

Примечательно, что во время пребывания в Могилеве австрийский император имел продолжительные беседы о международных делах и с А. Безбородко, которого он охарактеризовал как «тонкого дипломата, от которого многое могло зависеть в будущем» [8, с. 151].

Великолепно понимая смысл и логику происходящего в тогдашней международной политике, А. Безбородко представил Екатерине в конце 1780 г. «Мемориал по делам политическим». В нем автор указал на возможность заключить между Россией и Австрией договор, формулирующий основные параметры взаимодействия двух держав в турецком вопросе: Россия получает Очаков, Крымский полуостров, а также один или два острова в Архипелаге. Австрии же должны по этим условиям достаться Белград с частью Сербии и Боснии.

Российская императрица высоко оценила Мемориал. 24 ноября 1780 г. А. Безбородко был причислен к Коллегии иностранных дел со званием «полномочного для всех переговоров». Он также был произведен в генерал-майоры. Как столичной правительственной элитой, так и иностран-

⁴ Предполагалось восстановление Византийской империи под управлением внука Екатерины – Константина Павловича. – *Прим. автора.*

ными дипломатами было замечено возвышение А. Безбородко. Все отмечали «великое явление на политическом российском небе» [6, с. 161].

Под влиянием дипломатических успехов Россия начинает вести в отношении Турции более жесткую политику. Нельзя обойти стороной деятельную работу А.А. Безбородко совместно с Г.А. Потемкиным по присоединению Крыма к России. Их работа состояла в агитации на полуострове в пользу независимости Крыма от Турции, в привлечении на сторону России проживавших там православных греков и армян, в экономическом ослаблении Крымского ханства путем переселения в Россию православного торгово-ремесленного населения. Не стоит забывать подкупы интриги и другие подрывные действия, которые привели к полному развалу экономики Крымского ханства, что облегчило его присоединение к России.

А. Безбородко входил в состав комиссии, ведавшей вопросами переселения нескольких тысяч ногайских татар, традиционно не доверявших крымским ханам с полуострова в Россию.

8 апреля 1783 г. был обнародован составленный А. Безбородко манифест о присоединении к России Крыма и прилегающих земель. Деятельность Александра Андреевича была высоко оценена русской императрицей. В 1784 г. А. Безбородко назначается «вторым присутствующим в Коллегии иностранных дел». Екатерина удостоила его графским титулом с гербом, содержащим девиз: «Трудом и рвением» [8, с. 153].

Екатерина II жаловала своего умного и верного помощника не только званиями и титулами, но, как в те времена водилось в России, именьями с большим количеством крепостных крестьян. К завершению своей карьеры А. Безбородко уже был крупным помещиком, в основном в южных регионах России [9, с. 203].

Присоединение Крыма к России было встречено в Париже и в Лондоне с нескрываемой враждебностью. Казалось, дело идет к военному столкновению между Россией, с одной стороны, Францией и Англией, с другой. Однако, до столкновения дело не дошло, поскольку усилиями А. Безбородко, лично ведшего переговоры с французским послом в Петербурге графом Л.-Ф. Сегюром, в 1786 г. был заключен торговый договор с Францией, разрядивший напряженность в русско-французских отношениях [8, с. 153].

Тогда же Александр Андреевич становится членом «Совета при Ея Императорском Величестве». Одновременно в руках А.А. Безбородко концентрируются все дела, связанные с отношениями между Россией и Турцией. Более того, можно утверждать, что не было почти ни одного внешнеполитического вопроса, в решении которого он не принимал бы самого деятельного участия.

В конце 80-х годов XVIII века назревала новая война России с Турцией, мечтавшей вернуть Крым и аннулировать Кючук-Кайнарджийский мир-

ный договор. Порту всячески настраивали на разрыв с Россией Англия и Пруссия, которые боялись усиления России. Неучастие Франции в этом альянсе можно также считать заслугой А. Безбородко – результатом его переговоров с Л.-Ф. Сегюром.

Александр Андреевич считал, что Россия еще не готова к новой войне. Тем более, что и международная обстановка складывалась не вполне благоприятно для России: ожидалось вмешательство Англии и Пруссии. Швеция готовилась вступить в войну на стороне Турции.

И здесь проявилась многогранность государственного таланта А.А. Безбородко. Он разработал детальный план военного разгрома Швеции, принятый Советом. 30 июня 1788 г. был обнародован составленный А.А. Безбородко манифест императрицы, в котором говорилось «о вероломстве и наглости нового противника, побуждающего нас поднять оружие в свою защиту» [8, с. 154].

В период войны со Швецией А.А. Безбородко развил бурную деятельность: он внимательно следил за ходом боевых действий, составлял планы операций сухопутных и морских сил, занимался вопросами назначения военачальников, снабжения войск, состояния финансов в стране и т.д.

В результате успешных дипломатических переговоров с Данией в Копенгагене «вспомнили» о существовании анти-шведского оборонительного договора с Россией. Началось стягивание датских войск к шведской границе. После некоторых колебаний Дания начала боевые действия против Швеции, однако под нажимом Англии и Пруссии была вынуждена достаточно быстро свернуть их.

К 1790 г. международная обстановка сложилась для России крайне неблагоприятно. Трехлетняя война со Швецией, несмотря на победы русского военно-морского флота, оказалась непростой – ни флот, ни армия к этой войне не были готовы. Более того, основные вооруженные силы России в это время вели войну против Турции.

В 1790 г. Австрия заключила сепаратный мирный договор с Турцией. Дания была парализована шантажом и угрозами Англии и Пруссии. Во Франции бушевала революция.

Россия оставалась против Швеции и Турции в одиночку – без союзников.

В начале 1790 г. А.А. Безбородко приступил к переговорам о мире со Швецией. Эти переговоры потребовали от него особой осмотрительности и большой осторожности. Они велись в обстановке секретности, поскольку было необходимо избежать нежелательное для России вмешательство враждебных третьих держав. 3 августа 1790 г. договор о мире между Россией и Швецией был подписан⁵.

⁵ Русско-шведская война 1788–1790 закончилась подписанием Верельского мирного договора 3 августа 1790 года (Вереле в Финляндии) на условиях сохранения довоенных

Одновременно создались условия для начала переговоров о мире с Турцией. Русские победы на поле боя и на море⁶ создали условия для того, чтобы эти переговоры велись на основе российских требований.

Переговоры с турками начались в Яссах. 5 октября 1791 г. умер Г.А. Потемкин. Находясь вдали от Петербурга, Александр Андреевич имел полную свободу действий. И в Яссах проявились блестящие дипломатические способности А. Безбородко.

А.Безбородко настаивал на ускорении хода переговоров, не давая туркам ездить с каждой согласованной статьей на одобрение к визирю. При этом Александр Андреевич дал понять дипломатам от Порты, что никакого смягчения и уступок со стороны России не будет. Он постоянно напоминал турецким дипломатам, что «...если мы мира желаем, то войны отнюдь не боимся» [8, с. 156].

В ходе переговоров между А.А. Безбородко и генералом М.В. Каховским, командовавшим после смерти Г.А. Потемкина русской армией на юге России, поддерживался тесный контакт. В целях усиления «убедительности» дипломатических аргументов русские военные представители при необходимости умело и своевременно демонстрировали готовность продолжить войну.

В Яссах в конце переговоров А.А. Безбородко применил против турок эффектный прием. Он заявил о существовании условия, без выполнения которого Россия не может подписать мир – это контрибуция в 12 млн. талеров⁷. У турок, вполне понятно, такой суммы с собой не было, и они написали долговую расписку. Александр Андреевич взял эту расписку в руки и разорвал на клочки, сказав: «Моя государыня не нуждается в ваших деньгах» [6, с. 170].

Этот ход произвел огромное впечатление на турок, и 9 января 1792 г. состоялось торжественное подписание Ясского мирного договора⁸. За этот дипломатический успех А.Безбородко был награжден орденом Андрея Первозванного и суммой 50 тысяч рублей [6, с. 172].

границ. Все территориальные претензии Швеции Россия отвергла. Известие о мире радостно восприняли российские и шведские офицеры, а также монархи, быстро восстановившие взаимную доброжелательность. В Лондоне, Берлине и Константинополе решение Швеции об окончании войны против России вызвало крайнее неудовольствие. – *Прим. автора.*

6 Речь идет о победе русского флота в августе 1790 г. под командованием Ф.Ф. Ушакова над турками при Тендре и о взятии Измаила русскими войсками под командованием А.В.Суворова в декабре 1790 г. – *Прим.автора.*

7 Талер – название крупной серебряной монеты, выпускавшейся Священной Римской империей, которая в XVI–XIX веках играла важную роль в денежном обращении Европы и в международной торговле. – *Прим.автора.*

8 Ясский мирный договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., акт о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествовавшие русско-турецкие соглашения. Новая русско-турецкая граница устанавливалась на юго-западе по реке Днестру. – *Прим. автора.*

По возвращении в Петербург Александр Андреевич понял, что ему не суждено более играть «первую скрипку» в российском внешнеполитическом ведомстве. После смерти Г.А. Потемкина фаворитом императрицы Екатерины II стал далеко не самый выдающийся государственный деятель П.А. Зубов.

Императрица, закрыв глаза на прежние заслуги Александра Андреевича, дала ему унижительное поручение подготовить указы о производстве П. Зубова в генерал-поручики⁹ и генерал-адъютанты¹⁰. Более того, Екатерина сообщила А. Безбородко, что отныне делами Иностранной коллегии будет заниматься все тот же П. Зубов. Все это глубоко оскорбило Александра Андреевича.

Новый избранник царицы сделал все, чтобы удалить А.А. Безбородко не только от руководства иностранными делами, но и от государственных дел вообще.

Тем не менее, опытные и умные государственные деятели были нужны для России всегда, особенно, когда перед страной вставали непростые задачи. Соответственно, и А.А. Безбородко был вновь призван к государственным делам для участия в разрешении польского вопроса. Ему было поручено ведение переговоров с Австрией и Пруссией о судьбе Польши. В июле 1793 г. Александр Андреевич выдвигает план раздела Польши. В основу этого плана были положены материалы переговоров А. Безбородко с прусским послом фон дер Гольцем, устанавливающие границы между Россией, Пруссией, Австрией и польскими областями после раздела. В январе 1797 г. он подписал от имени России конвенцию с Австрией и Пруссией о разделе польских земель.

Согласно конвенции, Австрия получала всю Галицию с округами, захваченными еще до раздела, Пруссия – Западную Пруссию с некоторыми другими землями, Россия – Белоруссию (современные Витебская и Могилевская области) [5, с. 346]. Для нашей страны это имело значение в том плане, что к ней отходили территории, населенные православными белорусами.

Важный этап в государственной карьере А.А. Безбородко был связан с воцарением Павла I после кончины Екатерины II. Новый император поручает Александру Андреевичу разбор бумаг покойной царицы.

Это было крайне важным делом. Известно, что при жизни Екатерина высказывалась за то, чтобы передать престол российских императоров своему внуку Александру, обойдя нелюбимого сына Павла. По имеющим-

⁹ Генерал-поручик – воинское звание, примерно соответствующее современному генерал-лейтенанту. – *Прим. автора.*

¹⁰ Генерал-адъютант – в Российской империи свитское звание. Чин был введен Петром I для лиц, состоявших старшими адъютантами при царе, генерал-фельдмаршале и «генералах полных». – *Прим. автора.*

ся сведением, императрица ознакомила с этим планом А.А. Безбородко. Но Екатерина при своей жизни не успела составить официального манифеста на сей счет. Соответственно, как можно предположить, Павел Петрович поручил Александру Андреевичу обнаружить и в случае обнаружения уничтожить соответствующее завещание Екатерины.

И, судя по всему, А. Безбородко с этой задачей успешно справляется. Новый император в 1797 г. назначает Александра Андреевича на должность канцлера. В день своей коронации Павел I, именным указом от 5 апреля 1797 года, возвёл Безбородко в достоинство светлейшего князя Российской империи. Кроме этого, император пожаловал ему орловскую вотчину, насчитывавшую несколько тысяч десятин земли.

На посту канцлера А.А. Безбородко стремился к поддержанию мира со всеми державами, что дало бы России возможность оправиться после периода длительных и тяжелых войн. В частности, предполагалось заключение мира с революционной Французской Республикой. Отказ Павла I от этой программы и вступление России во вторую антифранцузскую коалицию вынудили А.А. Безбородко в конце 1798 года ходатайствовать об увольнении от службы [3, с. 189].

Разбитый параличом, А.А. Безбородко умер 6 апреля 1799 года в возрасте 53 лет. Он погребён в Александро-Невской лавре.

* * *

В период правления Екатерины II России удалось решить три важнейшие задачи, стоявшие перед российской дипломатией на протяжении трех предшествовавших столетий:

- ликвидировать злейшего врага – Крымское ханство, обеспечить себе надежный выход к Черному морю, освоить плодородные земли Новороссии [2];

- уничтожить давнюю соперницу – Речь Посполитую, вернуть России исконно русские земли в Белоруссии и в Правобережной Малороссии, с православным населением;

- закрепить за собой завоевания России в стратегически важном бассейне Балтийского моря, продолжить освоение Прибалтики.

И в достижении целей, стоявших перед российской дипломатией немаловажной, была роль Александра Андреевича Безбородко, которого несправедливо считали лишь исполнителем воли императрицы Екатерины и ее приближенного Г.А.Потемкина. На самом деле можно говорить о том, что Россия в тот период имела на своей службе выдающегося дипломата, настоящего внешнеполитического стратега.

Библиографический список

1. Безбородко Александр Андреевич. // МИД России. 10 ноября 2014 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713824/.
2. Демидов А.В. От Киевского княжества до Гетманщины. // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2025. № 1.
3. Дипломатический словарь. Издание третье. Т. 1. – М.: Издательство политической литературы. 1971.
4. Дипломатический словарь. Издание четвертое. Т. I. – М.: Издательство «Наука». 1984.
5. Ключевский В.О. Русская история. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2013.
6. Манько А.В. Выдающиеся дипломаты России XVI – XIX веков. – М.: «Аграф». 2005.
7. Пиккуль В.С. Фаворит. Книга вторая. – М.: «Вече». 2024.
8. Рожнов В. А.А. Безбородко. / В сборнике «Записки научного студенческого общества Московского государственного института международных отношений». – М.: 1949. № 1 (27).
9. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1962.
10. Спицын Е.Ю. Российская империя XVIII - начала XX веков. Полный курс истории России. Книга II. – М.: «Концептуал». 2024.
11. Стариков Н.В. Запад против России. За что нас ненавидят. – М.: ЭКСМО.
12. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

References

1. Bezborodko A.A. MFA of Russia. November 10, 2014. Available at: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713824/.
2. Demidov A.V. From the Kyiv Principality to the Hetmanate. Eurasian Space: Economy, Law, Society. 2025. № 1.
3. Diplomatic Dictionary. Third edition. Vol. 1. Moscow: Political Literature Publishing House. 1971.
4. Diplomatic Dictionary. Fourth edition. Vol. 1. Moscow: Science Publishing House. 1984.
5. Klyuchevsky V.O. Russian History. Moscow: OLMA Media Group. 2013.
6. Man'ko A.V. Outstanding Russian Diplomats of the 16th–19th Centuries. Moscow: Agraf, 2005.
7. Pikul V.S. Favorite. Book Two. Moscow: Veche, 2024.
8. Rozhnov V. Bezborodko A.A. / In the collection Notes of the Student Scientific Society of the Moscow State Institute of International Relations. Moscow: 1949. № 1 (27).
9. Soviet Historical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House. 1962.
10. Spitsyn E.Yu. Russian Empire of the 18th–early 20th Centuries. A Complete Course in Russian History. Book II. Moscow: Conceptual, 2024.
11. Starikov N.V. The West versus Russia. Why They Hate Us. Moscow: EKSMO.
12. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Лаптев И.А.

Аспирант. Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград.

Отношение населения к средствам массовой информации и социальным медиа как инструментам политической коммуникации*

Аннотация. Средства массовой информации и социальные медиа сегодня стали основным инструментом политической коммуникации. В условиях массовой цифровизации и широкого распространения социальных медиа применение их в политической коммуникации оказывается необходимым условием для обеспечения эффективности процессов политической коммуникации. Средства массовой информации являются традиционными средствами коммуникации, применяющимися в политической коммуникации, а социальные медиа, которые получили распространение только в последние десятилетия, стали новой формой инструментов политической коммуникации, которые позволяют сегодня охватить труднодоступную для традиционных средств массовой информации часть населения – молодежь. Для молодой части аудитории, как и для населения в целом, наиболее предпочтительными каналами коммуникации сегодня являются такие социальные медиа, как социальные сети (ВКонтакте) и мессенджеры (Телеграмм, который на данный момент уже имеет ограничения в использовании на территории Российской Федерации). Однако, сегодня социальные сети и мессенджеры имеют тенденцию к сокращению в использовании в социальных медиа и всё большее укрепление, как основного канала политической коммуникации, получают традиционные средства массовой информации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, средства массовой информации, социальные медиа, социальные сети, мессенджеры, инструменты коммуникации, каналы коммуникации, коммуникация.

Laptev I.A.

Graduate Student. Volgograd Institute of Management - The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd.

Public attitudes towards mass media and social media as tools of political communication

Abstract. Today, mass media and social media have become the main tools of political communication. In the context of mass digitalization and the widespread use of social media, their applica-

* © Лаптев И.А., 2026.

Отношение населения к средствам массовой информации и социальным медиа как инструментам политической коммуникации

tion in political communication is essential for ensuring the effectiveness of political communication processes. Mass media are traditional communication tools used in political communication, while social media, which have only gained popularity in recent decades, have become a new form of political communication tools that allow for reaching a segment of the population that is difficult for traditional mass media to reach, such as young people. For the younger part of the audience, as well as for the general population, the most preferred communication channels today are social media such as social networks (VKontakte) and instant messengers (Telegram, which currently has restrictions on its use in the Russian Federation). However, today, social networks and instant messengers are showing a downward trend in their use in social media, and traditional media outlets are increasingly gaining prominence as the primary channel for political communication.

Key words: political communication, mass media, social media, social networks, messengers, communication tools, communication channels, communication.

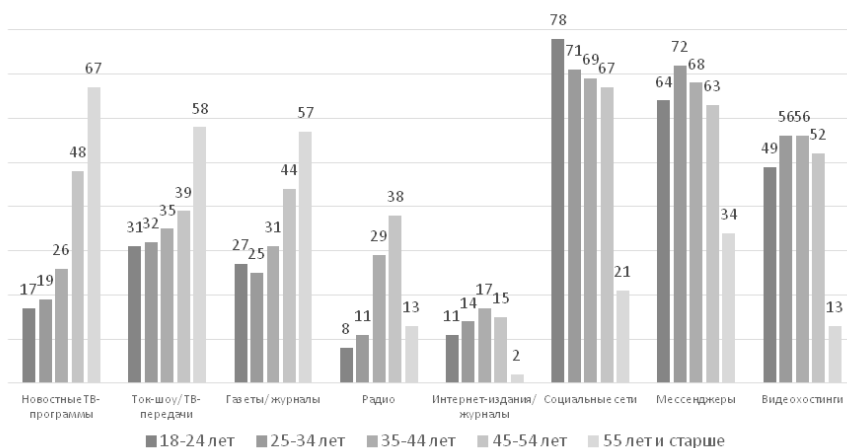
Политическая коммуникация является сегодня важной частью осуществления государственной политики, позволяя поддерживать связь между государственными решениями и общественным мнением. Благодаря политической коммуникации оказывается возможным оповещать население о принимаемых решениях, транслировать новостную политическую повестку, собирать общественное мнение и реакции населения на определённые события и в отношении действий политических деятелей. Основным инструментом политической коммуникации выступают средства массовой информации: телевидение (новостные программы, а также политические ток-шоу и телепередачи), печатные средства массовой информации (газеты, журналы, листовки, плакаты и т.д.), радио [1]. Молодая часть аудитории сегодня чаще, по сравнению со взрослой аудиторией населения, пользуется социальными медиа (социальные сети и мессенджеры), именно поэтому в политической коммуникации применяются и эти каналы коммуникации. Однако, в последнее время социальные сети и мессенджеры сталкиваются с ограничением использования их пользователями, что приводит к трудностям применения этих каналов в процессе политической коммуникации [2]. В связи с этим оказывается необходимым оценить отношение населения к каналам политической коммуникации и их эффективности в современных реалиях.

Исследование отношения населения к политической коммуникации проводилось с помощью онлайн-анкетирования, квотная репрезентативная выборка по полу и возрасту (n=300 человек). Основная цель исследования проанализировать отношение населения к каналам коммуникации, где можно встретить политическую коммуникацию, а также дать оценку их эффективности через призму отношения населения к этим каналам.

Первоначально в ходе исследования было важно понять какими средствами массовой информации и социальными медиа население в целом

Рис. 1. Распространённость средств массовой информации и социальных медиа среди населения, % пользования.

Источник: Составлено автором по результатам исследования.

пользуется. По результатам опроса было выявлено, что традиционные средства информации преобладают в старшей возрастной группе 45+ лет по сравнению с более молодой аудиторией 18-44 лет. Для старшей возрастной группы характерно использование таких каналов получения информации как новостные ТВ-программы, ток-шоу или ТВ-передачи. Для молодой аудитории более характерны такие каналы, как социальные сети, мессенджеры и видеохостинги. При этом для взрослой аудитории (45-54 лет) социальные сети и мессенджеры также входят в топ каналов коммуникации по использованию (см. рисунок 1).

Если говорить о том, какие каналы коммуникации используются в качестве каналов, предоставляемых контент, связанный с политической коммуникацией, то заметна аналогичная тенденция – основные каналы использования населением являются и основными каналами, в которых пользователи сталкиваются с политической коммуникацией. Однако, относительно социальных сетей, наблюдается тенденция к снижению с частотой столкновения с контентом, связанным с политической коммуникацией, в течение последнего года по мнению респондентов [3]. Эта ситуация может быть связана с укреплением традиционных средств массовой информации в качестве основных каналов политической коммуникации как официальных источников политического контента (ТВ и печатные средства массовой информации).

Несмотря на это, социальные медиа продолжают оставаться одними из распространенных каналов коммуникации, особенно среди молодой и взрослой части аудитории [4]. Именно поэтому важно было понять, в

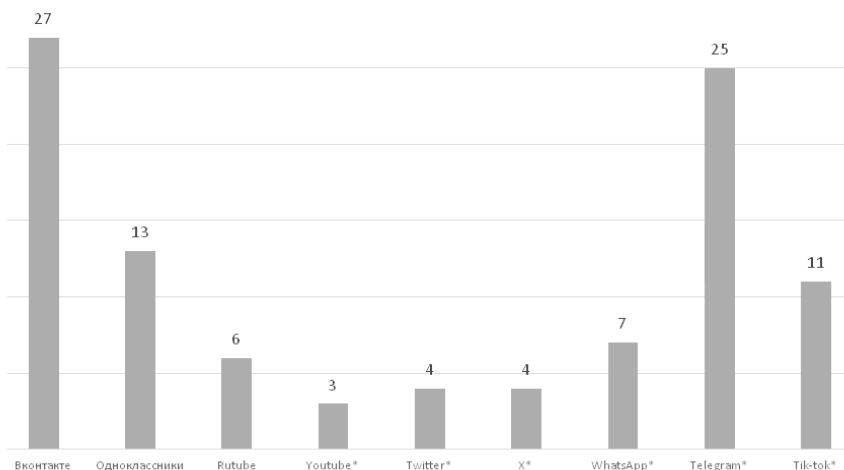
каком формате социальных медиа чаще пользователи сталкиваются с политическим контентом. В ходе исследования было выявлено, что наиболее распространён такой контент по ответам респондентов именно в мессенджерах – 43%. Этот показатель превалирует над видеохостингами (34%) и социальными сетями (23%), что связано с широким распространением новостных информационных каналов именно в мессенджерах (см. рисунок 2).

Частое столкновение с политическим контентом именно в мессенджерах также обуславливается тем, что публикуемый контент как в официальных, так и неофициальных новостных каналах в мессенджерах возможно не только изучать, но и оставлять свои комментарии и оценку этого контента, что создает открытость и возможность обратной связи, оценки этого контента со стороны населения. Однако, в связи с сегодняшним ограничением мессенджеров, даже при их возможности использования, пользователи сталкиваются с ситуацией, когда каналы и группы закрывают возможность комментирования, удаляют нежелательные комментарии, что снижает прозрачность оценки предоставляемого контента [5].

Если рассматривать конкретные социальные медиа, которые используют для получения политического контента, то необходимо было также узнать наиболее часто используемые каналы социальных медиа. В ходе исследования было выявлено, что самыми распространёнными по частоте столкновения с политическим контентом являются социальная сеть Вконтакте – 27% и мессенджер Телеграмм – 25% (который за последний месяц получил ограничения в использовании на территории Российской Федерации). Третье место занимает социальная сеть Одноклассники – 13% (см. рисунок 3). Эта ситуация показывает, что в целом при ограничении использования мессенджеров, если мы более детально рассматриваем ка-

Рис. 3. Распространённость социальных медиа по столкновению с политическим контентом, % столкновения *каналы, запрещённые или имеющие ограничения на территории Российской Федерации.

Источник: Составлено автором по результатам исследования.

налы, в которых пользователи сталкиваются с политическим контентом, то наиболее популярными остаются каналы, которые не попадают под действие ограничений – социальные сети [6, 7].

В целом, проводя анализ эффективности разных каналов коммуникации с точки зрения эффективности при осуществлении политической коммуникации по мнению опрашиваемых, здесь наблюдается также различие поколений. Более молодая часть аудитории отмечает наибольшую эффективность мессенджеров, что обусловлено скоростью получения информации, возможностью комментирования и предоставления собственной оценки контенту. Для взрослой части аудитории быстрота получения информации отмечается в более традиционных каналах получения информации – радио и печатные издания. При этом и взрослая, и старшая аудитория населения отмечает эффективность именно ТВ-коммуникации, и, в частности, ТВ-новостных программ, которые выходят с постоянной периодичностью и повторяемостью, позволяя охватывать людей в разное время суток и оперативно предоставляющую информацию.

Библиографический список

1. Порошина А.С. Социальные медиа как инструменты политической коммуникации / А.С. Порошина и другие // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93). С. 4578-4588.
2. Курочкин А.В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа / А.В. Курочкин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1.

С. 49-57.

3. Калишук В.О. Индекс эффективности использования социальных медиа в политической коммуникации государственных институтов / В.О. Калишук // Проблемы управления (Минск). 2023. № 3 (89). С. 39-44.

4. Михайлюк М.И. Использование социальных медиа в политической коммуникации среди молодежи: анализ опросов и тенденций / М.И. Михайлюк и другие // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 164-166.

5. Никитина Т.А. Роль социальных медиа в политической коммуникации / Т.А. Никитина, К.П. Буртный // Постсоветский материк. 2024. № 3 (43). С. 49-62.

6. Киричук Д.А. Цифровая трансформация медиaproстранства: новые вызовы и возможности для политической коммуникации в эпоху социальных медиа / Д.А. Киричук // Мировая политика. 2025. № 1. С. 48-55.

7. Дронов А.И. Социальные медиа как инструмент политической коммуникации в современной российской политике / А.И. Дронов // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 2 (114). С. 522-528.

8. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

References

1. Poroshina A.S. Social media as instruments of political communication / A.S. Poroshina and others // Issues of national and federal relations. 2022. Vol. 12. № 12 (93). P. 4578-4588.

2. Kurochkin A.V. The problem of assessing the effectiveness of political communications in social media / A.V. Kurochkin // Political expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. № 1. P. 49-57.

3. Kalishuk V.O. Index of the effectiveness of using social media in political communication of state institutions / V.O. Kalishuk // Problems of management (Minsk). 2023. №3 (89). P. 39-44.

4. Mikhailyuk M.I. Use of social media in political communication among young people: analysis of surveys and trends / M.I. Mikhailyuk et al. // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. № 5. P. 164-166.

5. Nikitina T.A. The Role of Social Media in Political Communication / T.A. Nikitina, K.P. Burtny // Post-Soviet Continent. 2024. No. 3 (43). Pp. 49-62.

6. Kirichuk D.A. Digital Transformation of the Media Space: New Challenges and Opportunities for Political Communication in the Era of Social Media / D.A. Kirichuk // World Politics. 2025. № 1. Pp. 48-55.

7. Dronov A.I. Social Media as a Tool of Political Communication in Modern Russian Politics / A.I. Dronov // Questions of Political Science. 2025. Vol. 15. No. 2 (114). P. 522-528.

8. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 134-143.

Цзин Сунь

Школа Марксизма, Северо-Восточный нефтяной университет, Дацин.

Инхун Ян

Школа Марксизма, Северо-Восточный нефтяной университет, Дацин.

Исследование модели преподавания и механизма оценки курсов по идеологической и политической теории с использованием искусственного интеллекта*

Аннотация. Расширение возможностей курсов по идеологической и политической теории с использованием искусственного интеллекта является неизбежным результатом развития эпохи информатизации образования.

Для всестороннего продвижения «живых» идеологических и политических курсов необходимо полагаться на технологию искусственного интеллекта. С целью проведения курсов по идеологической и политической теории, важно использовать цифровое кодирование, Интернет и электронное оборудование, а для завершения передачи учебной информации и обработки учебных данных создавать цифровые учебные сцены и онлайн- и оффлайн-кабинеты для занятий по идеологической и политической теории.

Также необходимо содействовать интеграции технологий искусственного интеллекта в образование, создать высококачественную базу учебных данных для курсов идеологической и политической теории и предоставить преподавателям и студентам более интеллектуальные модели преподавания и механизмы научной оценки.

Между тем, необходимо будет использовать технологию искусственного интеллекта для обеспечения возможности и повышения эффективности курсов идеологической и политической теории, а также для содействия качественному развитию идеологического и политического образования в новую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, курсы идеологической и политической теории, модель преподавания, Механизм оценки.

Jing Sun

School of Marxism, Northeast Petroleum University, Daqing.

Yinghong Yang

School of Marxism, Northeast Petroleum University, Daqing.

* © Цзин Сунь, Инхун Ян, 2026.

Исследование модели преподавания и механизма оценки курсов по идеологической и политической теории с использованием искусственного интеллекта

A study of a teaching model and assessment mechanism for courses on ideological and political theory using artificial intelligence

Abstract. Empowering ideological and political theory courses with artificial intelligence is an inevitable result of the development of the era of educational informatization. To comprehensively promote the «live» of ideological and political courses, it is necessary to rely on AI technology to enable ideological and political theory courses, use digital coding, the Internet, and electronic equipment to complete the transmission of teaching information and the processing of teaching data, and create digital teaching scenes and online+offline flipped classrooms for ideological and political theory courses. It is also necessary to promote the integration of AI technology and education, build a high-quality teaching data database for ideological and political theory courses, and provide teachers and students with more intelligent teaching models and scientific evaluation mechanisms. Meanwhile, there will be a must to use AI technology to enable and increase efficiency for ideological and political theory courses, and promote the high-quality development of ideological and political education in the new era.

Key words: Artificial intelligence, Ideological and political theory courses, Teaching model, Evaluation mechanism.

1. Introduction

The development of educational informatization in the era of digital intelligence has become an important way to promote the high-quality development of ideological and political education. Artificial intelligence technology achieves information transmission and data analysis processing of ideological and political theory course teaching content through digital encoding and compression, digital transmission, and modulation and demodulation. Relying on artificial intelligence technology to create digital teaching scenarios, flipped classrooms, and scientific evaluation mechanisms, it can form a human-computer interactive teaching mode, expand the supply of high-quality educational resources, and achieve optimized allocation of ideological and political education resources.

2. Relying on Artificial Intelligence to Create Digital Teaching Scenarios for Ideological and Political Theory Courses

With the evolution of artificial intelligence, especially new human-computer interaction, virtual real conversion, algorithm recommendation, etc., it has brought more extension space and application scenarios to the application of big data in ideological and political education. The integration of artificial intelligence technology and ideological and political theory courses can provide digital teaching application scenarios for implementing the fundamental task of moral education and talent cultivation in ideological and political theory courses. By leveraging the advantages of artificial intelligence technology in simulat-

ing scenarios, a network technology education platform can be built, highlighting the direct situational sense of teaching and enhancing the interactivity of ideological and political theory course teaching.

2.1 Providing Digital Teaching Models and Learning Platforms

In the process of promoting the innovative development of ideological and political theory courses, artificial intelligence technology achieves intelligent recommendation of educational resources through natural language processing, machine learning, and data mining, providing digital teaching application scenarios for teachers and students. Schools should fully leverage the role of artificial intelligence, integrate AI technology with the construction of teaching platforms, and create virtual simulation teaching platforms, online learning platforms, and teaching evaluation platforms for ideological and political theory courses. Artificial intelligence technology uses mobile devices to build simulated real-life learning scenarios for ideological and political theory courses, allowing students to download clients through computers and mobile phones, scan QR codes using electronic devices, wear VR devices to experience learning content in a virtual environment, and provide a digital teaching platform for students to experience learning ideological and political theory courses. Digital campus software can timely share relevant audio, video, and information such as current political hotspots, historical events, and red resources of ideological and political courses on the APP. Through artificial intelligence technology, natural language is processed to display red resources and stories in the form of micro movies on the Internet. Data analysis is used to intelligently retrieve and recommend red cultural resources, achieving digital cooperation and sharing of course resources. It is necessary to quickly, accurately, in real-time, and effectively provide vivid and vivid digital materials and course videos for ideological and political theory courses to teachers and students, and create an online teaching platform. Students can achieve human-computer interactive learning through speech recognition, explore the formation of adaptive learning modes, enhance students' learning interest and effectiveness, form a teaching evaluation platform for human-computer interaction, improve students' experience and identification with the teaching content of ideological and political theory courses, make up for the problems of single materials and monotonous content in previous ideological and political education teaching, effectively save manpower and material resources in the teaching process of ideological and political theory courses, and better promote the digital innovation and development of ideological and political theory courses.

2.2 Creating Virtual Practice Teaching to Provide Situational Teaching Space

By combining artificial intelligence technology with the teaching content of ideological and political theory courses, a comprehensive, three-dimensional, and human-computer interactive digital teaching space is formed. Digital teach-

ing scenarios are created, and artificial intelligence is used to create situational teaching scenarios, allowing students to generate vivid and vivid subjective experiences in a scenario similar to the real world. The continuous integration of digital technology and ideological and political theory course teaching content is achieved in students' minds, providing technical support for virtual practical teaching of ideological and political theory courses. Schools should attach importance to the construction of virtual simulation experimental classrooms, increase the construction of virtual simulation classrooms for ideological and political theory courses, carry out virtual practical teaching activities for ideological and political theory courses, and increase the cultivation of educational information technology talents. There is a must to promote the integration and development of artificial intelligence technology and ideological and political theory courses through online news and campus bulletin boards, explain and promote the specific advantages of virtual practice classrooms, and enable students to form a good understanding of digital virtual practice teaching scenarios. Teachers should establish a research team for artificial intelligence teaching technology, fully utilize artificial intelligence technology to carry out virtual practical teaching, integrate and compile valuable red resources and historical sites in ideological and political theory courses, create a virtual simulation of red story atmosphere, form dynamic videos, and directly display them to students through the virtual practical classroom of ideological and political courses. Through adaptive learning mechanisms, students can adapt to the needs of different educational stages and individual differences, and "promote the implementation and effectiveness of AI models in the field of education through multi-party collaboration at the technical practice level." [1] The virtual practical teaching scene constructed through artificial intelligence technology can provide a situational teaching mode for ideological and political theory courses, form a vivid and visual teaching environment for ideological and political theory courses, stimulate students' interest in learning the course, and enable students to understand and apply the knowledge learned more intuitively and vividly.

3. Relying on Artificial Intelligence Technology to Create an Intelligent Teaching Model for Ideological and Political Theory Courses

To activate ideological and political courses in the digital age, it is necessary to promote the integration of ideological and political theory courses with artificial intelligence technology, and enhance the intelligence level of ideological and political theory courses. The traditional single teaching mode makes the teaching content dull and uninteresting, which can easily lead to low student participation and low enthusiasm for self-directed learning. The flourishing development of MOOCs and online+offline teaching models is profoundly changing the teaching form of ideological and political education.

This inevitably requires promoting the digital development of curriculum resources and achieving the construction and sharing of digital resources for ideological and political theory courses. It is necessary to create an intelligent teaching model that combines online and offline teaching, guiding students to learn independently and interactively, thereby enhancing the effectiveness of ideological and political theory courses.

3.1 Accurately Pushing MOOC Course Resources

Artificial intelligence technology can provide teachers with complex classification of learning resources in the information resource library and perform precise calculation and analysis, facilitating the provision of accurate teaching course resources for teachers, mastering students' learning efficiency and emotional state, setting expected teaching goals for courses, improving the completion of teaching goals, enhancing the accuracy of ideological and political theory course learning analysis and course promotion, exerting the value of information screening, analyzing data information, and providing technical support for online course resource construction. MOOCs refer to large-scale open online courses that rely on their unique teaching models to provide online course data resources for the digital development of ideological and political theory courses. As an important component of the integration of artificial intelligence and ideological and political theory courses, MOOCs help improve the accuracy of course resource construction for ideological and political theory courses. Teachers of ideological and political theory courses should grasp the context of the digital era, "tell the story of the CPC, encourage teachers and students to inherit the fine tradition, and continue the red blood." [2] Therefore, it is necessary to continuously improve teachers' information literacy, tell good red stories, and create digital quality courses for ideological and political theory courses that are precisely adapted to students' needs. Creating a teaching model of MOOC+flipped classroom is conducive to achieving diversified collaboration and data sharing of ideological and political theory course resources, which is in line with General Secretary Xi Jinping's requirement to use new media and technologies to make work come alive, and to achieve a high degree of integration between traditional advantages of ideological and political theory teaching and digital technology, injecting new vitality into the digital development of ideological and political theory courses.

3.2 Creating an Integrated Teaching Model

With the continuous development of educational informatization, the traditional teaching mode of ideological and political theory courses is no longer suitable for the needs of ideological and political theory course construction in the digital age. Teachers should rely on new media platforms to create a new teaching mode of online+offline ideological and political theory courses, adopting a combination of in class and out of class, and online and offline teaching methods. Based on the analysis and processing capabilities of artificial intelli-

gence technology, the exploration of the teaching model of ideological and political theory courses can be more directly integrated into students' daily learning and life, creating a teaching mode that combines online and offline, and building ideological and political courses that are loved by students. Teachers of ideological and political theory courses should analyze the characteristics of students in different grades based on their data resources, highlight the pertinence of the educational objects of ideological and political theory courses, and effectively match the teaching content of ideological and political theory courses with the specific characteristics of students. Teachers can choose a portion of their ideological and political theory course hours for online MOOC teaching, make good use of course data resources, root patriotism in every teaching process, actively promote positive energy, focus on the educational value of red culture, and encourage students to actively participate in flipped classroom teaching activities, combined with offline practical courses of ideological and political theory courses, enrich the teaching mode of ideological and political theory courses, and achieve the integrated development of social practice and students' extracurricular quality expansion. The combination of online and offline teaching model still needs to take students as the main body of education, carefully plan teaching plans, focus on innovative teaching methods, integrate ideological and political theory classroom teaching with artificial intelligence technology, help students understand abstract ideological and political theory knowledge in the past, create an intelligent teaching mode, and improve the teaching effectiveness of ideological and political theory courses.

4. Building a Scientific Teaching Evaluation Mechanism for Ideological and Political Theory Courses Based on Artificial Intelligence Technology

Relying on artificial intelligence technology can promote the construction of a scientific teaching evaluation and classroom feedback mechanism, making the evaluation mechanism of ideological and political theory courses more efficient, and achieving full integration and data sharing of educational information. Schools should adapt to the trend of teaching development, use artificial intelligence technology to achieve scientific evaluation of students' comprehensive quality, explore teaching evaluation platforms driven by artificial intelligence technology, complete the digital collection of teaching data for ideological and political theory courses, intelligently screen and organize educational information, and form an embedded evaluation form; Utilize large-scale human-machine collaboration to reconstruct the teaching evaluation process and create an intelligent mutual evaluation method; By using artificial intelligence systems to analyze learning data, comprehensively mine teaching information, analyze students' learning situations, collect, analyze, and provide feedback on learning data and status, form comprehensive evaluation results, and construct a multi-dimensional, accurate, and open teaching evaluation mechanism.

4.1 The Embedded Evaluation Model Promoting a Multidimensional Evaluation System

The application of traditional network technology in the teaching evaluation process of ideological and political theory courses appears more in a single form, but the integration of artificial intelligence technology promotes the presentation of teaching evaluation in an embedded form, realizing the multidimensional transformation of evaluation forms towards human-machine collaboration trend. After the deep integration of artificial intelligence and ideological and political theory course teaching evaluation, it can assist teachers in carrying out statistical analysis of student feedback information, evaluation of machine exam papers, and analysis of process scores. Teachers and students form a dual entity, with precise interaction and communication achieved through diversified evaluations on intelligent platforms. To solve the complex problem of offline teaching evaluation of ideological and political theory courses, teachers can rely on artificial intelligence technology to use pre-set digital scoring standards to score and evaluate students' homework. By combining artificial intelligence technology with teaching evaluation and post class feedback of ideological and political courses, students' passive participation in the classroom can be changed. Artificial intelligence technology can be used to innovate the form of post class homework for ideological and political theory courses. Task-driven teaching methods can be adopted to accurately achieve teaching goals through situational review, knowledge exploration, discussion and communication, and post class expansion. Students can be intelligently grouped and managed, and learning content can be accurately pushed to students from publishing preview materials, collecting homework to summarizing completion rate and homework completion. It is necessary to meet the demand for information-based classrooms in ideological and political theory courses in the new era, and achieve multidimensional teaching evaluation forms. Teachers can use artificial intelligence technology to guide students to take panoramic homework pictures on campus, complete homework through human-computer interaction on WeChat and App platforms, enhance communication between teachers and students, and continuously improve the multidimensional evaluation form of ideological and political theory courses. "We need to clarify the value judgment and subject status of humans in human-machine collaboration, and establish value coordinates for cognitive governance in the era of artificial intelligence." [3] The integration of artificial intelligence technology with the evaluation of ideological and political theory courses can enhance the fun of teaching assignments, improve the speed of updating ideological and political teaching information, and enhance the efficiency of teacher teaching. It also has great applicability and multidimensionality.

4.2 Constructing a Precise Evaluation Content System Through Intelligent Mutual Evaluation Methods

Artificial intelligence technology can provide an API service model, where

teachers of ideological and political theory courses submit applications to the server, and then the client completes intelligent services, data management, and information processing. Large scale human-machine collaboration is used to build a precise teaching evaluation process, and the system analyzes the data before the server returns the results to the client to form teaching evaluation content. This type of teaching evaluation can leverage the precision function of artificial intelligence technology, break through the limitations of time and space, achieve the unity of teaching and learning, and enhance the accuracy of the entire teaching evaluation process. Using artificial intelligence technology to carry out online mutual evaluation between teachers and students can achieve no time difference and zero distance interactive communication between teachers and students, and enable teachers and students to discuss the teaching content before, during and after class on the Internet platform. Teachers put forward questions through pre class preview. After class tasks enable students to achieve individual growth in the process of continuous exploration, and solve the problem of unequal teaching and learning environment of traditional teaching. Teachers can also use artificial intelligence technology to accurately analyze the characteristics of learning situations, and design dynamic evaluation questions based on the differences in the characteristics of students in different grades. Artificial intelligence technology can identify difficult problems in the teaching process, combine students' questions and feedback, and assist teachers in summarizing and testing after class. At the same time, it can also screen student information with high error rates based on their homework completion and accuracy, making it convenient for teachers to provide personalized guidance and achieve precise teaching. In the process of education, the educational object triggers significant changes in behavior, abilities, and psychological tendencies, and learners demand diverse educational services [4] The API service model of artificial intelligence can comprehensively perceive the specific teaching context of teachers' work and students' learning, and provide personalized intelligent services to assist teachers in setting accurate teaching evaluation content. Artificial intelligence technology can also serve as an intelligent mentor, automatically evaluating and predicting students' questions, assignments, and test papers, forming precise and summative evaluations, and systematically summarizing and generating reports to continuously improve the teaching evaluation content of ideological and political theory courses.

5. Conclusion

The innovative application of artificial intelligence in the field of education is an important way to improve the quality of education. Therefore, schools should use artificial intelligence technology to create digital teaching scenarios for ideological and political theory courses to optimize the classroom environment, and use flipped classrooms to form an online+offline intelligent teaching model. At

the same time, by deeply mining and analyzing the forms, methods, and data of teaching evaluation, a scientific teaching evaluation mechanism can be formed. There will be a must to integrate artificial intelligence technology with ideological and political education, enhance the educational effectiveness of ideological and political theory courses, and promote the high-quality development of ideological and political theory courses.

Библиографический список / References

1. Liang Yingli, Zhang Mengmeng, Theoretical Claims and Practical Path of AI Big Language Model Promoting Education Development [J]. Journal of Nanjing University of Posts and Telecommunications(Social Science Edition), 2024. № 26 (2). P. 65-71.
2. Xi Jinping, Upholding the Party's Leadership, Carrying Forward the Revolutionary Legacy, and Taking Root in Chinese Soil to Blaze a New Trail in Building World-Class Universities with Chinese Characteristics. [N]. CCTV.com, 2022. № 4. P. 25.
3. Ma Junfeng, Wen Zhaolun, Triple Logic of DeepSeek Technological Construction: A Cognitive Perspective [J]. Journal of Shandong University of Science and Technology(Social Sciences), 2026. № 28 (1). P. 1.
4. Hu Qiming, Li Zhiyuan, Rethinking on Several Problems in the Current Research on Big Data of Ideological and Political Education [J]. Ideological and Political Education Research, 2022. № 38 (5). P. 100.

Герман Р.Э.

Кандидат исторических наук, доцент. Профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Гиперисторицизм политического сознания населения кавказского региона и его влияние на процессы этнополитической мобилизации*

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению гиперисторицизма как особой разновидности политического сознания, характерной для жителей кавказского региона. Суть данного феномена состоит в том, что давно минувшие исторические события наделяются сверхзначимым смыслом и превращаются в действенный фактор текущей политической жизни. В работе рассматриваются как зарубежные, так и российские теоретические концепции, посвящённые этой проблематике, прослеживаются корни гиперисторицизма на кавказской почве, а также проводится концептуальная демаркация между историческим сознанием в его обычном понимании и его гипертрофированными проявлениями. Опираясь на разбор отдельных показательных случаев, автор демонстрирует двойственный характер рассматриваемого явления и формулирует предложения, направленные на гармонизацию межнациональных взаимоотношений в северокавказском регионе в контексте сохранения единого российского социокультурного и политического пространства.

Ключевые слова: гиперисторицизм, политическое сознание, Северный Кавказ, этнополитическая мобилизация, историческая память, межэтнические отношения, российская государственность, политика памяти.

German R.E.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Hyperhistoricism of political consciousness of the Caucasian region's population and its influence on the processes of ethno-political mobilization

Abstract. This article is devoted to understanding hyperhistoricism as a special kind of political

* © Герман Р.Э., 2026.

Гиперисторицизм политического сознания населения кавказского региона и его влияние на процессы этнополитической мобилизации

consciousness characteristic of the inhabitants of the Caucasian region. The essence of this phenomenon is that long-past historical events are given a super-significant meaning and become an effective factor in current political life. The work examines both foreign and Russian theoretical concepts devoted to this issue, traces the roots of hyperhistoricism on Caucasian soil, and provides a conceptual demarcation between historical consciousness in its usual sense and its hypertrophied manifestations. Based on the analysis of individual illustrative cases, the author demonstrates the dual nature of the phenomenon under consideration and formulates proposals aimed at harmonizing interethnic relations in the North Caucasus region in the context of preserving a unified Russian socio-cultural and political space.

Key words: hyperhistoricism, political consciousness, North Caucasus, ethno-political mobilization, historical memory, interethnic relations, Russian statehood, politics of memory.

Северокавказский регион исторически выступает в качестве одной из наиболее специфичных с этнополитической точки зрения территорий Российской Федерации – здесь тесно переплелись религиозные, родоплеменные, лингвистические и исторические составляющие политических процессов¹. Значимость изучения гиперисторизма как самостоятельного типа политического сознания определяется рядом взаимосвязанных факторов.

Прежде всего, в нынешних условиях нарастающего геополитического противостояния со стороны коллективного Запада и интенсификации информационно-психологических кампаний, нацеленных на расшатывание южных границ страны, обращение к историческим травмам и накопленным претензиям превращается в один из основных рычагов внешнего вторжения во внутреннюю политику России². Переход публичного пространства в цифровой формат и стремительное распространение социальных сетей кардинально преобразили механизмы передачи исторических нарративов, превратив последние в средство быстрой мобилизации этнических групп³. Помимо этого, смена поколений в северокавказских республиках, прежде входивших в состав СССР, привела к тому, что молодые люди, лишённые непосредственного опыта советского сосуществования, выстраивают собственную идентичность по большей части на основе сюжетов о былых конфликтах⁴.

1 Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформротех», 2007. 384 с.

2 Маркедонов С.М., Неклюдов Н.Я., Сучков М.А. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: сравнительный анализ подходов США и России. // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 166-181. // URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.12>.

3 Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.

4 Соколов Д.В., Стародубовская И.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2015. 207 с.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, рассчитанной до 2025 года, прямо обозначена потребность в противостоянии попыткам искажения истории и применения исторической памяти в разрушительных целях⁵. Данное обстоятельство переводит теоретическую разработку проблематики гиперисторицизма из чисто академической плоскости в плоскость прикладную.

С политологических позиций под гиперисторицизмом целесообразно понимать такое состояние общественно-политического сознания, при котором происшествия далёкого (порой многовековой давности) прошлого осмысляются как часть текущей политической действительности, а пережитые сообществом обиды, травмы и победы превращаются в непосредственный побудительный мотив политических поступков сегодняшнего дня⁶. От обычного исторического сознания гиперисторицизм отличается рядом ключевых признаков.

Первый из них – ценностная гипертрофия прошедшего, в результате которой то или иное историческое событие наделяется почти сакральным значением и выносится за рамки критического осмысления. Второй признак – темпоральное сжатие: события, относящиеся к разным эпохам, воспринимаются как происходящие одновременно, а противник из прошлого отождествляется с актуальным оппонентом⁷. Третий – нравственная инверсия, выражающаяся в автоматическом перенесении моральных оценок прошлого на современность без учёта изменившихся обстоятельств. Четвёртый – мобилизационная направленность: гиперисторицизм неизменно нацелен на побуждение к действию и политическую активацию определённой группы⁸.

Следует различать гиперисторицизм, с одной стороны, и академический историзм (методологическое требование рассматривать явления в их развитии), а с другой – обычную историческую память. Если последняя играет роль объединяющего начала для сообщества, то гиперисторицизм выполняет преимущественно мобилизующую и зачастую конфронтационную миссию.

В зарубежной политической мысли близкая по содержанию проблематика разрабатывалась в нескольких теоретических рулах. Морис Хальбвакс положил начало теории коллективной памяти, обосновав социаль-

5 Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/70284810>

6 Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

7 Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

8 Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32.

ный характер представлений о прошлом⁹. Пьер Нора в своей концепции «мест памяти» (*lieux de mémoire*) показал, каким образом материальные и знаковые объекты выступают точками сосредоточения групповой идентичности¹⁰. Особого внимания заслуживают труды Яна и Алейды Ассман, посвященные культурной памяти, где введено различие между коммуникативной памятью (живой, передаваемой от поколения к поколению) и памятью культурной (закрепленной институционально и ритуально)¹¹.

В русле исследований национализма Энтони Смит сформулировал концепцию этносимволизма, в соответствии с которой современные национальные общности складываются вокруг так называемых «мифомоторов» – устойчивых сюжетов о золотом веке, особой избранности народа и пережитых им потрясениях¹². Концепция «избранной травмы», предложенная Вамиком Волканом, непосредственно описывает тот механизм, посредством которого коллективное страдание далёкого прошлого превращается в стержень групповой самоидентификации и источник затяжных межгрупповых противоречий¹³.

В российской политологии тематика гиперисторизма получает развитие в нескольких научных направлениях. В.А. Тишков в своих исследованиях по этнологии и политико-антропологическому изучению Кавказа неуклонно обосновывает конструктивистскую сущность этноисторических нарративов¹⁴. В.А. Шнирельман в фундаментальных исследованиях «Войны памяти» и «Быть аланами» подробно проанализировал, как на Северном Кавказе исторические концепции (аланская, нахская, черкесская и другие) превращаются в инструмент политической борьбы за территории и статусы¹⁵. Работы С.М. Маркедонова посвящены трансформации исторических сюжетов в политические программы на постсоветском пространстве¹⁶. А.А. Ярлыкапов исследует роль исламского компонента в формировании политизированной исторической памяти на Северо-Вос-

9 Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

10 Нора П. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 333 с.

11 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

12 Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell, 1987. 312 p.

13 Volkan V.D. *Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism*. – New York: Westview Press, 1997. 280 p.

14 Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2021. 543 с.

15 Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 591 с. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

16 Маркедонов С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. 260 с.

точном Кавказе¹⁷.

Российская школа отличается от западной большим вниманием к роли государства как арбитра в спорах о прошлом и к проблеме сохранения общероссийской идентичности как рамки, в которой региональные исторические нарративы могут существовать без деструктивного эффекта¹⁸.

Гиперисторицизм на Кавказе имеет глубокие культурно-исторические корни. Традиционные общества региона долгое время сохраняли черты родового устройства, где генеалогическая память (тейп, тухум, тукхум, фамилия) выполняла структурообразующую функцию¹⁹. Знание предков до седьмого-двенадцатого колена было не интеллектуальным упражнением, а условием социальной субъектности. Этот культурный код в трансформированном виде сохранился и в современную эпоху, обуславливая повышенную чувствительность к историческим сюжетам.

Второй источник – существовавший длительное время в прошлом обычай кровной мести (канлы), формировавший особое отношение к незавершённым историческим счётам²⁰. В секуляризованной форме этот код проецируется на отношения между этническими группами, превращая исторические конфликты в «незакрытые» сюжеты, требующие символического разрешения.

Третий источник – позднесоветская и постсоветская реструктуризация национальной политики. Период перестройки сопровождался лавинообразным ростом публикаций, реабилитировавших ранее табуированные сюжеты – депортации народов 1943–1944 годов, события Кавказской войны XIX века, репрессии 1930-х годов²¹. В условиях идеологического вакуума 1990-х годов эти сюжеты заполнили пространство коллективной идентичности, нередко в форме, далёкой от научной корректности.

Четвёртый источник – внешнее воздействие. Зарубежные диаспоры (прежде всего черкесская в Турции, Иордании, Сирии, а также чеченская в странах Европы и Ближнего Востока) сыграли роль ретрансляторов и амплификаторов конфликтных исторических нарративов²². С 2010-х годов наблюдается систематическое использование исторических сюжетов в ин-

17 Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 59-74.

18 Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 8. С. 37-50.

19 Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 692 с.

20 Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. 368 с.

21 Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998. 363 с.

22 Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (издание II, дополненное и переработанное). Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2014. 388 с.

формационных кампаниях, ведущихся против России недружественными государствами²³.

Пятый источник – институциональная слабость академической истории в ряде республик в 1990-е – 2000-е годы, когда место профессиональных историков заняли публицисты и политически ангажированные авторы, чьи построения приобретали статус квазиофициальной версии прошлого²⁴.

Демаркация между историческим сознанием и гиперисторицизмом проходит по нескольким линиям. Историческое сознание предполагает дистанцию между прошлым и настоящим, признание историчности самих исторических субъектов, способность к критическому анализу источников и готовность к диалогу с альтернативными интерпретациями. Гиперисторицизм, напротив, отрицает дистанцию, абсолютизирует свою версию событий и закрыт для пересмотра²⁵.

Историческое сознание интегративно: оно ищет общие сюжеты, объединяющие разные группы. Гиперисторицизм сегрегативен: он подчёркивает различия и противопоставления. Историческое сознание признаёт сложность и многомерность прошлого; гиперисторицизм редуцирует историю к простой схеме «жертва – палач» или «герой – враг»²⁶.

Важнейшее различие – в отношении к настоящему. Историческое сознание использует прошлое как ресурс для понимания настоящего и проектирования будущего. Гиперисторицизм, напротив, превращает настоящее в продолжение прошлого, лишая современность собственной субъектности и навязывая ей сценарии, написанные для иных эпох²⁷.

Можно провести анализ кейсов проявления гиперисторицизма в целях этнополитической мобилизации.

Кейс 1. «Черкесский вопрос» в контексте Олимпиады в Сочи 2014 года. Накануне и во время сочинской Олимпиады зарубежные черкесские организации при поддержке ряда западных и грузинских структур развернули кампанию вокруг событий Кавказской войны XIX века, требуя признания их «геноцидом»²⁸. Парламент Грузии в 2011 году принял соответствующее решение, имевшее очевидный политический, а не исторический харак-

23 Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионология. 2023. Т. 31. № 3. С. 442-458.

24 Шницерльман В.А. Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Вестник Российской нации. 2010. № 1-2 (9-10). С. 189-218.

25 Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 33-45.

26 Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. 256 с.

27 Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

28 Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2003. 547 с.; Richmond W. The Circassian Genocide. Los Angeles: Rutgers University Press, 2013. 232 p.

тер²⁹. Кампания продемонстрировала классический механизм гиперисторизма: события 150-летней давности были предъявлены как актуальная политическая повестка, причём в момент, специально выбранный для нанесения максимального символического ущерба России.

Кейс 2. Осетино-ингушские противоречия вокруг Пригородного района. Конфликт 1992 года и его последующее урегулирование показали, как апелляция к разным историческим периодам (депортация ингушей 1944 года, с одной стороны, и более глубокая историческая принадлежность территории – с другой) формирует несовместимые политические требования³⁰. Российское государство выступило здесь арбитром, последовательно проводящим линию на стабилизацию ситуации в рамках конституционно-правового поля.

Кейс 3. Споры вокруг аланского наследия. Дискуссия о наследниках аланской исторической традиции между осетинскими, вайнахскими, карачаевскими и балкарскими интеллектуалами демонстрирует, как академический сюжет может приобретать политическое измерение, особенно когда речь заходит о топонимике, школьных учебниках и официальных названиях³¹. Переименование Республики Северная Осетия в «Северная Осетия – Алания» в 1994 году вызвало неоднозначную реакцию в соседних республиках, что показывает чувствительность подобных решений³².

Кейс 4. Память о депортациях 1944 года. 23 февраля как день памяти жертв депортации чеченцев и ингушей, 8 марта – карачаевцев, 8 ноября – балкарцев стали важными элементами коллективной идентичности соответствующих народов³³. В позитивном измерении эта память способствует консолидации, в негативном – может использоваться для конструирования образа «вечного врага», что противоречит реальной исторической динамике, в которой осуждение депортаций было осуществлено самим советским государством, а реабилитация – Российской Федерацией³⁴.

29 Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8, № 1. С. 80-89.; Маркедонов С.М. Сочи-2014: этнополитическое измерение // Неприкосновенный запас. 2013. № 2.; Кирчанов М.В. «Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии (2011–2021) // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 148-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164.

30 Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 128 с.

31 Шницерльман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

32 Конституция республики Северная Осетия-Алания от 12 ноября 1994 года (с изменениями на 4 июня 2025 года) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/31900016/>.

33 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. № 116/102 д. 803/1 «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории». – М.: 1950. 17 с.

34 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: док., факты, коммент. /

Кейс 5. Информационные кампании последних лет. Мониторинг социальных сетей и Telegram-каналов показывает систематические попытки внешних акторов реактивировать исторические травмы для дестабилизации обстановки на Северном Кавказе, особенно в периоды обострения международной обстановки³⁵. Российские правоохранительные органы фиксируют связь подобных кампаний с центрами влияния, базирующимися за пределами страны³⁶.

Базой для гиперисторических конструкций на Кавказе служит ограниченный, но плотно нагруженный набор исторических сюжетов.

Кавказская война 1817–1864 годов является, пожалуй, центральным сюжетом гиперисторических конструкций на Северо-Западном Кавказе³⁷. Сложный, многоэтапный и многоуровневый процесс интеграции региона в состав Российской империи, включавший как военные действия, так и дипломатические, экономические, культурные усилия, в гиперисторической оптике редуцируется до односторонней схемы. При этом игнорируется как внешнеполитический контекст (соперничество с Османской империей и Британией), так и факт многолетнего сосуществования и взаимного влияния культур после 1864 года³⁸.

Депортации 1943–1944 годов служат базой для гиперисторизма на Северо-Восточном Кавказе³⁹. Трагические события, осуждённые ещё в советский период и юридически квалифицированные как преступление в постсоветский, в гиперисторической интерпретации иногда экстраполируются на всю историю взаимоотношений с российским государством, что не выдерживает критического анализа.

События Гражданской войны и установления советской власти на Кавказе (1918–1921) также служат материалом для конкурирующих нарративов, особенно в контексте противоречивых решений о территори-

Сост. Н. Бугай. – М.: ТОО «Кап», 1994. 260 с. Бугай Н.Ф. Региональный фактор в истории народов СССР: принудительному переселению чеченцев, ингушей и балкарцев – 70 лет // Приволжский научный вестник. 2014. № 3 (31), ч. 1. С. 44–56.

35 Дроботенко О.Н. Региональная специфика Северного Кавказа в контексте информационной безопасности России // Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография. Ставрополь, изд. СКФУ, 2015. С. 137–141.

36 Более 15 террористических и экстремистских организаций выявили в СКФО в 2024 г. // Информационная группа «Интерфакс». // URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/bolee-15-terroristicheskikh-i-ekstremistskih-organizacij-vyyavili-v-skfo-v-2024g>. На Северном Кавказе пресекли деятельность пяти террористических ячеек // Международное информационное агентство «Россия сегодня». // URL: <https://ria.ru/20241008/kavkaz-1976929486.html>. Глава МВД отметил рост числа экстремистских преступлений на Северном Кавказе на треть // Информационная группа «Интерфакс». // URL: <https://www.interfax.ru/amp/1076031>.

37 Дегоев В.В. Указ. соч.

38 Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Звезда, 2000.

39 Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч.

альном размежевании⁴⁰.

Средневековая история (аланское, хазарское, грузинское, тюркское наследие) становится базой для конструирования «древних» прав на территории и статусы⁴¹.

Привлекательность именно этих сюжетов для гиперисторических конструкций объясняется их драматизмом, наличием реальных трагедий и страданий, а также относительной лакунарностью научного знания, позволяющей различные интерпретации.

Гиперисторизм – явление амбивалентное. Его негативный потенциал проявляется в нескольких измерениях. Он способен блокировать межэтнический диалог, поскольку каждая сторона апеллирует к собственному закрытому нарративу. Он создаёт почву для радикализации молодёжи, особенно в условиях социально-экономических проблем, превращая абстрактные исторические сюжеты в личные обиды⁴². Он используется внешними акторами для дестабилизации российского государства, как было показано выше. Он искажает академическую среду, замещая научное знание идеологическими построениями⁴³.

Вместе с тем гиперисторизм обладает и определённым позитивным потенциалом. Он свидетельствует о живой, не атомизированной коллективной идентичности, что само по себе является ресурсом против постмодернистской деструкции традиционных ценностей⁴⁴. Он поддерживает историческую культуру, интерес к прошлому, спрос на исторические знания. Будучи правильно направлен, он может стать основой патриотического воспитания, ориентированного на общие страницы истории – совместное участие народов Кавказа в Великой Отечественной войне, в защите Отечества в другие исторические периоды, в освоении космоса, в современных общероссийских проектах⁴⁵.

Гармонизация межэтнических отношений на Северном Кавказе требует системной работы по нескольким направлениям.

Государственная политика памяти должна последовательно поддерживать общероссийские интегрирующие нарративы – победу в Великой Отечественной войне, общий вклад народов Кавказа в развитие российской

40 Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. Нальчик: Печатный двор, 2012. 606 с.

41 Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 252 с.

42 Северный Кавказ: модернизационный вызов / Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В. и др. – М.: Дело, 2011. 325 с.

43 Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. – М.: 1999. С. 118–147.

44 Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2004. 428 с.

45 Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. – М.: ЦПИ, 2012.

государственности, экономики, культуры, науки⁴⁶. Важна поддержка инициатив, подобных Российскому военно-историческому обществу, проектам «Бессмертный полк», «Без срока давности» в их кавказском измерении⁴⁷.

Развитие академической истории в регионе через поддержку университетских центров, академических институтов, журналов с независимым рецензированием способно вернуть профессионалам монополию на интерпретацию прошлого. Целесообразно расширение программ обмена между ведущими российскими и кавказскими научными центрами.

Образовательная политика должна обеспечить наличие единых базовых сюжетов российской истории при сохранении регионального компонента. Учебники региональной истории нуждаются в системной экспертизе со стороны Министерства просвещения и Российской академии наук⁴⁸.

Информационная политика в социальных сетях должна сочетать пресечение деструктивного контента с продвижением позитивных нарративов о совместной жизни народов Кавказа в составе России. Опыт работы профильных структур показывает эффективность такого комбинированного подхода⁴⁹.

Межрелигиозный диалог при ведущей роли традиционного ислама и православия выступает важным ресурсом сдерживания радикальных интерпретаций прошлого. Координационный центр мусульман Северного Кавказа последовательно проводит линию на гармонизацию межконфессиональных и межэтнических отношений⁵⁰.

Социально-экономическое развитие региона, реализуемое в рамках государственных программ, объективно снижает спрос на гиперисторические конструкции, поскольку реальные перспективы оказываются привлекательнее символических компенсаций за прошлые обиды⁵¹.

46 Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/71580894/>.

47 Российское военно-историческое общество. // Официальный сайт. // URL: <https://rvio.ru>

48 Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. Утверждена решением коллегии Министерства просвещения Российской Федерации, протокол от 23 октября 2020 г. № ПК-1вн // Министерство просвещения Российской Федерации. Банк документов. Официальный интернет-ресурс. // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34>

49 Каменская Е.В. Конституционно-правовые основы национальной политики и национальных отношений в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 2 (20). С. 22-30.

50 Координационный центр мусульман Северного Кавказа. Официальный сайт. // URL: <https://kcmsk.ru>.

51 Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа»» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/70644202/>.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Гиперисторицизм представляет собой не случайное, а структурно обусловленное явление политического сознания населения кавказского региона, имеющее глубокие культурно-исторические корни в традиционном укладе и обострившееся в постсоветский период под воздействием идеологического кризиса 1990-х годов и внешних влияний.

В отличие от исторического сознания, выполняющего интегрирующую функцию, гиперисторицизм характеризуется аксиологической гипертрофией прошлого, темпоральной компрессией, этической инверсией и мобилизационной функциональностью. Эти черты делают его удобным инструментом этнополитической мобилизации, которая может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер.

Анализ кейсов показывает, что гиперисторицизм наиболее активно эксплуатируется в моменты, когда внешние или внутренние акторы заинтересованы в дестабилизации обстановки. Сочинская Олимпиада, периоды обострения международной обстановки, ключевые электоральные циклы – все эти ситуации сопровождалась всплесками гиперисторических кампаний.

Базой для гиперисторических конструкций служит ограниченный набор сюжетов – Кавказская война, депортации, средневековая история, события Гражданской войны. Их драматизм и наличие реальных трагедий делают их особенно эффективным мобилизационным ресурсом, что требует от государства и научного сообщества не отрицания этих сюжетов, а их корректной, контекстуализированной интерпретации.

Стратегия работы с гиперисторицизмом должна основываться не на запретительных мерах, а на конструктивном замещении деструктивных нарративов интегрирующими, на укреплении академической истории, на поддержке общероссийской идентичности при уважительном отношении к региональной специфике. Северный Кавказ обладает огромным потенциалом для развития в составе России, и реализация этого потенциала требует, в том числе, разумной и последовательной политики памяти.

В конечном счёте, преодоление негативных проявлений гиперисторицизма возможно лишь в рамках общего проекта развития российской государственности, где история народов Кавказа предстаёт не как история противостояния, а как история общей судьбы, общих побед и общего будущего.

Библиографический список / References

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 3. С. 442-458.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. – М.: ЦПИ, 2012.
5. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по

- истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
6. Более 15 террористических и экстремистских организаций выявили в СКФО в 2024 г. // Информационная группа «Интерфакс». // URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/bolee-15-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizacij-vyyavili-v-skfo-v-2024g>.
7. Бугай Н.Ф. Региональный фактор в истории народов СССР: принудительному переселению чеченцев, ингушей и балкарцев – 70 лет // Приволжский научный вестник. 2014. № 3 (31). Ч. 1. С. 44-56.
8. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998. 363 с.
9. Глава МВД отметил рост числа экстремистских преступлений на Северном Кавказе на треть // Информационная группа «Интерфакс». // URL: <https://www.interfax.ru/amp/1076031>.
10. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Звезда, 2000.
11. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2003.
12. Дробизева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 8. С. 37-50.
13. Дроботенко О.Н. Региональная специфика Северного Кавказа в контексте информационной безопасности России // Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография. Ставрополь, изд. СКФУ, 2015. С. 137-141.
14. Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. 128 с.
15. Каменская Е.В. Конституционно-правовые основы национальной политики и национальных отношений в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 2 (20). С. 22-30.
16. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 692 с.
17. Кирчанов М.В. «Черкесские» нарративы в современной политике памяти Грузии (2011–2021) // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 148-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-148-164.
18. Конституция республики Северная Осетия-Алания от 12 ноября 1994 года (с изменениями на 4 июня 2025 года) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/31900016>
19. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. Утверждена решением коллегии Министерства просвещения Российской Федерации, протокол от 23 октября 2020 г. № ПК-1вн // Министерство просвещения Российской Федерации. Банк документов. Официальный интернет-ресурс. // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/>.
20. Координационный центр мусульман Северного Кавказа. Официальный сайт. // URL: <https://kcmask.ru>
21. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
22. Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (издание II, дополненное и переработанное). – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2014. 388 с.
23. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 252 с.
24. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 312 с.
25. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2004. 428 с.
26. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
27. Маркедонов С.М., Неклюдов Н.Я., Сучков М.А. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: сравнительный анализ подходов США и России. // Политические исследования. 2022. № 6. С. 166-181. // URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.12>.
28. Маркедонов С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. 260 с.
29. Маркедонов С.М. Сочи-2014: этнополитическое измерение // Неприкосновенный запас. 2013. № 2.

30. Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8. № 1. С. 80-89.
31. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32.
32. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. Нальчик: Печатный двор, 2012. 606 с.
33. На Северном Кавказе пресекали деятельность пяти террористических ячеек // Международное информационное агентство «Россия сегодня». Режим доступа: <https://ria.ru/20241008/kavkaz-1976929486.html>.
34. Нора П. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 333 с.
35. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/70644202/>.
36. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/71580894/>.
37. Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. 256 с.
38. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 33-45.
39. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: док., факты, коммент. / Сост. Н. Бугай. – М.: ТОО «Кап», 1994. 260 с.
40. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформаротех», 2007. 384 с.
41. Российское военно-историческое общество. Официальный сайт. // URL: <https://rvio.ru/>.
42. Северный Кавказ: модернизационный вызов / Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В. и др. – М.: Дело, 2011. 325 с.
43. Соколов Д.В., Стародубровская И.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2015. 207 с.
44. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2021. 543 с.
45. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». // URL: <https://base.garant.ru/70284810/>.
46. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. № 116/102 д. 803/1 «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории».
47. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
48. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. – М.: 1999. С. 118-147.
49. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика на Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 591 с.
50. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
51. Шнирельман В.А. Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Вестник Российской нации. 2010. № 1-2 (9-10). С. 189 - 218.
52. Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 59-74.
53. Richmond W. The Circassian Genocide. Los Angeles: Rutgers University Press, 2013. 232 p.
54. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1987. 312 p.
55. Volkan V.D. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. N.Y.: Westview Press, 1997. 280 p.

Culturology

Культурология

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Петров И.Ф.

Доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Философы-постмодернисты о плюрализации восприятия в культуре*

Аннотация. Философы-постмодернисты, внесли значительный вклад в переосмысление природы восприятия и интерпретации культурных феноменов. Несмотря на различия в подходах, их объединяет стремление преодолеть ограничения классической рациональности и обнажить условность любых смысловых конструкций. В статье показывается, что постмодернистские идеи оказали большое влияние на современную культуру, искусство, социальные науки. Они способствовали развитию критического мышления, научили замечать противоречия, парадоксы, многоплановость явлений, которые ускользают от однозначных трактовок. Постмодернисты отвергают идею единственно верного прочтения текстов культуры, утверждая принципиальную множественность интерпретаций. Смыслы не содержатся в произведениях искусства или литературы как нечто предзаданное, но рождаются каждый раз заново в процессе рецепции, обусловленной как личностью интерпретатора, так и широким социокультурным контекстом. Согласно постмодернистам, наше восприятие всегда опосредовано дискурсивными практиками, системами означивания и отношениями власти. Язык, с этой точки зрения, не просто отражает реальность, но активно конституирует ее, задавая границы мыслимого и воспринимаемого. Осознание этой обусловленности восприятия ведет к релятивизации любых смысловых иерархий и признанию равноправия различных точек зрения. Постмодернизм, таким образом, не только фиксирует фундаментальный плюрализм культурного восприятия, но и утверждает его в качестве позитивной ценности.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, культура, плюрализм, восприятие, интерпретация, текст.

Petrova S.I.

PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Pedagogy and Intercultural Communications, National Academy of Sciences, Private Educational Institution of Higher Education, "Academy of Marketing and Social-Information Technologies."

* © Петрова С.И., Петров И.Ф., 2026.

Философы-постмодернисты о плюрализации восприятия в культуре

Petrov I.F.

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Pedagogy and Intercultural Communications, National Academy of Sciences, Private Educational Institution of Higher Education, "Academy of Marketing and Social-Information Technologies."

Postmodern philosophers on the pluralization of perception in culture

Аннотация. Postmodern philosophers have made significant contributions to rethinking the nature of perception and interpretation of cultural phenomena. Despite their differences in approach, they share a common goal of overcoming the limitations of classical rationality and exposing the contingency of all meaning-making constructs. This article explores the profound impact of postmodern ideas on contemporary culture, art, and the social sciences. They contributed to the development of critical thinking, teaching us to notice contradictions, paradoxes, and the multi-layered nature of phenomena that defy straightforward interpretations. Postmodernists reject the idea of a single correct reading of cultural texts, emphasizing the inherent plurality of interpretations. They argue that meanings are not predetermined in works of art or literature, but are re-created each time they are perceived, influenced by both the individual interpreter and the broader socio-cultural context. According to postmodernists, our perception is always mediated by discursive practices, systems of signification, and power relations. From this perspective, language does not simply reflect reality, but actively constitutes it, setting the boundaries of what can be thought and perceived. Recognizing this conditioning of perception leads to the relativization of any hierarchical meanings and the recognition of the equality of different perspectives. Thus, postmodernism not only acknowledges the fundamental pluralism of cultural perception, but also celebrates it as a positive value.

Key words: modernism, postmodernism, culture, pluralism, perception, interpretation, text.

Плюрализация восприятия является важной тенденцией в современной культуре, которая подразумевает признание и принятие множественности точек зрения, интерпретаций и подходов к пониманию действительности. Этот феномен проявляется в различных сферах культурной жизни общества, таких как искусство, наука, философия, религия и политика.

В искусстве плюрализация восприятия выражается в сосуществовании и взаимодействии разнообразных художественных стилей, направлений и форм. Современное искусство отличается эклектичностью, смешением жанров и стиранием границ между «высокой» и «низкой» культурой. Художники свободно экспериментируют, сочетая элементы разных традиций и создавая уникальные произведения, открытые для множественных интерпретаций.

В науке принцип плюрализма проявляется в признании возможности альтернативных теорий и подходов к изучению одних и тех же явлений.

Ученые осознают ограниченность и относительность научного знания, стремятся к междисциплинарности и диалогу между различными научными школами и направлениями. Это способствует более глубокому и всестороннему пониманию сложных процессов окружающего мира.

Философская мысль также развивается в русле плюрализма, отказываясь от претензий на абсолютную истину и единственно верное мировоззрение. Сосуществование и взаимодействие различных философских течений, от классических до постмодернистских, обогащает интеллектуальный ландшафт и стимулирует критическое мышление. Философы признают многомерность бытия и многообразие способов его осмысления.

В сфере религии и духовности плюрализация восприятия выражается в росте интереса к различным религиозным традициям, практикам и верованиям. Люди стремятся к индивидуальному духовному поиску, не ограничиваясь рамками одной конфессии. Возникают новые синкретические религиозные движения, сочетающие элементы разных учений. Развивается межрелигиозный диалог и понимание ценности разнообразия духовного опыта человечества.

В политической жизни принцип плюрализма лежит в основе демократических систем, предполагающих свободу выражения различных общественно-политических позиций и идеологий. Признается право на существование оппозиции, многопартийность, свободу слова и печати. Плюрализм в политике способствует представительству интересов различных социальных групп и предотвращает установление тоталитарных режимов.

Таким образом, плюрализация восприятия является отражением возросшей сложности и многообразия современного мира. Она способствует развитию критического мышления, творческому поиску, толерантности и открытости к диалогу. Вместе с тем, плюрализм не означает равноценности всех точек зрения и не отменяет необходимости выработки общих ценностей и этических ориентиров. Задача современной культуры - найти баланс между плюрализмом и единством, многообразием и общностью, свободой самовыражения и ответственностью перед обществом.

Философы-постмодернисты, подвергли критическому переосмыслению многие фундаментальные идеи и ценности, лежащие в основе мировоззрения эпохи модерна. По их мнению, вера в единую объективную истину, универсальные идеалы прогресса и гуманизма, в способность науки постичь действительность во всей ее полноте - это не более чем культурные мифы и «метанарративы». Такие метанарративы предлагают упрощенные объяснительные схемы, претендующие на абсолютную истинность и всеобщность. Они показали ограниченность и условность подобных конструкций, призвав отказаться от поиска единственно верной картины мира и признать множественность равноправных точек зрения,

дискурсов и интерпретаций. Реальность, по мнению философов-постмодернистов, предстает как нечто текучее, фрагментарное, лишенное предзаданных смыслов и иерархий. Вместо метанарративов, унифицирующих человеческий опыт, постмодернисты предлагают обратиться к локальным контекстам, частным историям и уникальным жизненным траекториям.

Постмодернистская философия содействует утверждению плюрализма в культурном пространстве, поощряет критическое мышление и творческий подход в осмыслении усложняющегося мира. Способствует деконструкции привычных схем мышления и восприятия, открывает пространство для множественности смыслов и альтернативных прочтений реальности. Учит относиться с недоверием к любым претензиям на универсальную истину и чутко улавливать нюансы конкретных жизненных контекстов. При этом важно понимать, что постмодернистская критика модерна не означает полного релятивизма и отрицания всяких ценностей. Скорее, речь идет о более тонком и рефлексивном подходе, признающем неизбежную ограниченность и ситуативность любых убеждений и концепций.

Философы-постмодернисты активно исследовали феномен плюрализации восприятия в современной культуре. Они обратили внимание на то, как в условиях позднего капитализма и медиатизированного общества происходит стремительное умножение образов, знаков, симулякров, формирующих причудливую мозаику реальности. Так, Жан Бодрийяр рассматривал плюрализацию культурного восприятия через призму своей теории симулякров, описывая современность как эпоху «гиперреальности», где различия между оригиналом и копией, реальным и воображаемым стираются. Масс-медиа, реклама, виртуальные миры порождают цепочки самореферентных знаков [2]. В таких условиях восприятие становится фрагментированным, захваченным калейдоскопом симулякров. Для Ж. Бодрийяра современная культура – это пространство тотальной симуляции, где знаки и образы больше не отсылают к какой-либо реальности, а бесконечно множатся и циркулируют, порождая эффект гиперреальности. В мире симулякров стираются границы между реальным и воображаемым, оригиналом и копией, поверхностью и глубиной. В этих условиях восприятие лишается какого-либо устойчивого основания и распадается на множество фрагментарных, изменчивых впечатлений. Культура предстает как поток образов, где все может произвольно соединяться со всем по принципу комбинаторной игры.

Ж. Бодрийяр описывает современного субъекта как включенного в бесконечный процесс потребления знаков. Идентичность становится неустойчивой, ситуативной - она постоянно переконструируется из доступных культурных образов и стилей жизни. Индивид обречен скользить по

поверхности знаков, не имея возможности обрести какую-то глубинную сущность. Плюрализация восприятия предстает здесь как следствие утраты культурой символического измерения, распада устойчивых структур смысла. В мире тотальной симуляции любое восприятие относительно, обратимо, подвержено ироническому отстранению или разоблачению в качестве «всего лишь иллюзии». Таким образом, у Ж. Бодрийера плюрализация восприятия – это одновременно и безграничная свобода комбинирования культурных знаков, и обреченность на пребывание в царстве симулякров, не имеющем какого-либо внешнего референта. Множественность видения оборачивается утратой почвы, невозможностью обрести подлинность опыта.

Жан-Франсуа Лиотар, один из ключевых философов-постмодернистов, также уделял большое внимание теме плюрализации восприятия в современной культуре. В своей знаменитой работе «Состояние постмодерна» [8] Ж.-Ф. Лиотар провозгласил конец эпохи «великих нарративов» - тех объяснительных схем (например, идеи прогресса, эмансипации, просвещения), которые претендовали на универсальность и легитимировали различные социальные институты и практики модерна. В ситуации постмодерна, согласно Ж.-Ф. Лиотару, происходит распад этих метанарративов, и на смену им приходит множественность языковых игр, несоизмеримых между собой дискурсов и точек зрения. Ж.-Ф. Лиотар подчеркивал, что в постмодернистской культуре уже невозможен единый универсальный взгляд на мир. Вместо этого мы имеем дело с радикальным плюрализмом перспектив, обусловленных не столько объективной реальностью, сколько специфическими «правилами игры» того или иного дискурса (научного, политического, эстетического и т.д.) В таких условиях восприятие с необходимостью фрагментируется - оно погружено в тот или иной локальный контекст и руководствуется его внутренней логикой. По мысли Ж.-Ф. Лиотара, постмодернистская ситуация характеризуется утратой веры в единую истину и признанием принципиальной гетерогенности опыта. Индивид оказывается на пересечении разнородных языковых игр, между которыми нет иерархии и возможности итогового синтеза. Это обстоятельство открывает пространство для свободного комбинирования элементов, игры различий и интерпретаций, но вместе с тем порождает ощущение неопределенности и относительности всех ценностей и смыслов.

Таким образом, концепция Ж.-Ф. Лиотара фиксирует нарастающую плюрализацию мировосприятия как неизбежное следствие социокультурных трансформаций эпохи постмодерна. В мире, лишенном универсальных метанарративов, восприятие неизбежно приобретает фрагментированный, контекстуальный, вариативный характер, что несет в себе как новые возможности, так и новые вызовы для человека и культуры.

Жак Деррида, один из влиятельных мыслителей постструктурализма и деконструкции, также затрагивал тему плюрализации восприятия и интерпретации в современной культуре [7]. Центральным для философии Ж. Дерриды является понятие «различАние» (*différance*). Это неологизм, призванный одновременно передать идеи различия и откладывания смысла. Согласно Ж. Дерриды, смысл любого знака или текста никогда не присутствует в нем как нечто застывшее и самотождественное. Он всегда опосредован отношениями различия с другими знаками и бесконечно откладывается в процессе интерпретации. Из этого следует фундаментальная множественность и нестабильность смысла, которая проявляется на всех уровнях культуры. Любой текст (в широком смысле - литературный, философский, культурологический, социальный) допускает бесконечное число прочтений. Он рассеивается в своих интерпретациях, обнаруживая все новые смысловые измерения. Авторская интенция не может полностью контролировать этот процесс.

Ж. Деррида призывал деконструировать привычные бинарные оппозиции, лежащие в основе западной метафизики (например, означаемое/означающее, речь/письмо, мужское/женское). Он стремился показать, что смысл возникает именно в зазоре между элементами оппозиции, в самом движении «*différance*». Тем самым Ж. Деррида подрывал претензии любого дискурса на обладание полнотой истины. В такой перспективе восприятие реальности с необходимостью плюрализируется. Оно лишается твердой почвы, становится игрой различий и интерпретаций. Вслед за текстами, сама реальность превращается в сложное переплетение знаков и отсылок. Она дробится на множество перспектив, ни одна из которых не может претендовать на абсолютный статус.

Идеи Ж. Дерриды оказали огромное влияние на постмодернистскую культуру с ее акцентом на относительности истины, множественности смыслов, переосмыслении привычных иерархий и границ. Его мысль способствовала легитимации плюрализма как фундаментального условия современного восприятия и понимания мира.

Жиль Делёз, один из ключевых философов постмодернизма, также много размышлял о феномене плюрализации восприятия и смысла в современной культуре. Для Ж. Делёза принципиально важно «различие само по себе». В отличие от тождества и репрезентации, различие является подвижной, производящей силой, которая порождает множественность форм и смыслов. Ж. Делёз противопоставляет унифицирующим тенденциям культуры утверждение различия и повторения [4].

В работах, написанных совместно с Феликсом Гваттари, Жиль Делёз развивает концепцию «ризомы» - образа мышления и культурной модели, противоположной иерархическим древовидным структурам [3; 5; 6]. Ризома децентрирована, она растет в разные стороны, образуя хаотичные

переплетения и связи. Это образ культуры как пространства свободной циркуляции смыслов вне жестких структур и оппозиций.

Ж. Делёз описывает современность как эпоху «сборки» (agencement), для которой характерно соединение разнородных элементов в подвижные ансамбли. В таких ансамблях смысл рождается не из отношений репрезентации и подобия, а из резонанса различий, случайных встреч, неожиданных альянсов. Культура предстает как открытое поле экспериментирования, где возможны самые разные сборки восприятия и смысла.

Еще одно важное для Ж. Делёза понятие – «перцепт». Это блоки ощущений, отделившиеся от воспринимающего субъекта и ставшие автономными. Произведение искусства, по Ж. Делёзу, и создает такие перцепты – собственные миры ощущений и восприятий, доступные для освоения другими. Так искусство участвует в плюрализации восприятия.

В целом, философия Ж. Делёза утверждает множественность, становление, различие в противовес идентичности и репрезентации. Он последовательно выступает за культуру как открытое пространство циркуляции смыслов и восприятий вне унифицирующих моделей. Эта установка во многом определила облик философии и искусства постмодерна.

Ролан Барт, один из ключевых теоретиков постструктурализма, уделял большое внимание проблеме плюрализации культурного восприятия. Его идеи оказали значительное влияние на становление постмодернистской парадигмы. Р. Барт отмечал, что любой текст есть пересечение множества кодов и смыслов. Значение рождается не столько авторской интенцией, сколько в процессе интерпретации, где активную роль играет читатель (зритель). Поэтому один и тот же текст порождает плюрализм прочтений в зависимости от культурного бэкграунда воспринимающего [1]. Любая репрезентация реальности с необходимостью является частичной, обусловленной дискурсивными рамками.

Р. Барт рассматривал современную культуру как пространство бесконечного семиозиса – процесса порождения смыслов, в котором значащие свободно соединяются друг с другом, образуя все новые и новые комбинации. В отличие от классической культуры с четкой иерархией ценностей и устойчивой картиной мира, постмодернистская ситуация характеризуется радикальным плюрализмом интерпретаций. Каждый культурный текст (будь то литературное произведение, фильм, реклама или мода) предстает как многомерное смысловое пространство, сотканное из множества кодов и дискурсов. Читатель/зритель не просто пассивно воспринимает некий предзаданный смысл, но активно участвует в его создании, проецируя на текст свой опыт, желания и ожидания. Таким образом, восприятие оказывается субъективным, ситуативным, лишенным какого-либо привилегированного основания. Смысл рождается в акте чтения как подвижный, изменчивый эффект языковой игры. Произведение не об-

ладает имманентной сущностью или стабильной структурой, но каждый раз заново конструируется читателем.

Р. Барт говорит о «смерти автора» - исчезновении фигуры творца как носителя окончательной истины о смысле произведения. На смену ей приходит скриптор - своего рода письменная машина, порождающая текст как пространство цитации, отсылок, кодов без какого-либо трансцендентного означаемого. Плюралистичность восприятия проявляется у Р. Барта и в анализе моды, фотографии, массовой культуры. Он показывает, как современный человек постоянно совершает выбор из множества готовых культурных знаков, каждый раз заново придавая им значение в зависимости от контекста. Идентичность предстает как нечто подвижное, конструируемое в процессе манипуляции знаками.

В целом, для Р. Барта плюрализация восприятия – это фундаментальная черта постмодернистской ситуации, связанная с кризисом классических представлений о целостности субъекта, истины и смысла. Культура превращается в бесконечную игру интерпретаций, где любое восприятие носит фрагментарный, множественный, ускользящий характер.

Мишель Фуко, еще один крупнейший мыслитель постструктуралистского направления, также внес значительный вклад в осмысление плюрализации культурного восприятия. Однако его подход существенно отличается от концепции Р. Барта. М. Фуко показывал, как в разные исторические эпохи формируются специфические «эпистемы» или «дискурсивные формации», определяющие, что может быть сказано и помыслено. То, что представляется самоочевидным, на деле покоится на зыбкой почве имплицитных культурных предпосылок [9]. Если для Р. Барта множественность интерпретаций укоренена, прежде всего, в самой природе языка как открытой знаковой системы, то М. Фуко связывает ее с историческими трансформациями структур знания-власти. Каждая эпоха, по М. Фуко, характеризуется специфическим «эпистемическим порядком» - исторически обусловленной конфигурацией дискурсивных практик, которые регулируют производство высказываний в различных областях культуры. То, что может быть воспринято и помыслено, определяется не свободной игрой означающих, а жесткими правилами «дискурсивных формаций». Они задают горизонт возможного опыта, проводя границы между истинным и ложным, нормальным и патологическим, разумным и безумным. В этом смысле любое культурное восприятие оказывается продуктом властных отношений. Вместе с тем М. Фуко подчеркивает, что власть не является чем-то цельным и монолитным. Она рассеяна по всему социальному полю и действует на микроуровне межличностных отношений. Индивид не только подчиняется властным механизмам, но и сам активно участвует в их воспроизводстве, интериоризируя доминирующие культурные коды. Однако всегда остается зазор, пространство свободы, в котором возмож-

но переосмысление и оспаривание устоявшихся норм. Поэтому в современную эпоху на передний план выходят разнообразные «техники себя» - практики самоконституирования субъекта, позволяющие культивировать альтернативные формы восприятия и поведения.

Несмотря на различия в подходах, и Р. Барт, и М. Фуко тематизируют фундаментальную обусловленность культурного восприятия лингвистическими, социальными и историческими факторами. Смыслы культурных феноменов не являются чем-то заданным и однозначным, но конституируются в сложной игре означающих, дискурсивных практик и отношений власти. Признание этого обстоятельства ведет к плюрализации интерпретаций и проблематизации любых претензий на универсальную истину. В конечном счете, постструктуралистская «оптика» открывает перспективу освобождения восприятия от диктата господствующих кодов и создания новых, более свободных способов означивания реальности. Хотя этот процесс и сопряжен с известными трудностями, он представляется необходимым условием дальнейшего развития культуры в направлении большей открытости, толерантности и творческого многообразия. Если Р. Барт констатирует неизбежную множественность прочтений как факт семиотической реальности, то М. Фуко видит в плюрализации восприятия результат подвижного баланса между подчинением нормализующей власти дискурса и субъективным усилием самоизменения. Оба подхода схватывают важные аспекты культурной динамики постмодерна.

Постмодернистские идеи оказали большое влияние на современную культуру, искусство, социальные науки. Они способствовали развитию критического мышления, научили замечать противоречия, парадоксы, многоплановость явлений, которые ускользают от однозначных трактовок. В то же время постмодернистская философия нередко подвергается критике за чрезмерный релятивизм, подрыв рациональности, неспособность предложить позитивную программу. Поэтому ее стоит воспринимать не как истину в последней инстанции, а как один из возможных способов осмысления реальности, дающий интересные, но не абсолютные инсайты и перспективы.

Таким образом, философы-постмодернисты, внесли значительный вклад в переосмысление природы восприятия и интерпретации культурных феноменов. Несмотря на различия в подходах, их объединяет стремление преодолеть ограничения классической рациональности и обнажить условность любых смысловых конструкций. В этом контексте постмодернисты проблематизировали саму идею универсального восприятия, единой для всех картины мира. Они настаивали на принципиальном плюрализме дискурсов, способов конструирования реальности. Задача философии виделась не в поиске окончательных истин, а в деконструкции, выявлении относительности и контекстуальной обуслов-

ленности любых концептуальных построений. Постмодернизм поставил под вопрос идею единой реальности, доступной объективному познанию. Плюрализация восприятия предстала не досадным отклонением, а фундаментальным условием существования в мире «постмодернистской чувствительности».

Постмодернистская «оптика» отвергает идею единственно верного прочтения текстов культуры, утверждая принципиальную множественность интерпретаций. Смыслы не содержатся в произведениях искусства или литературы как нечто предзаданное, но рождаются каждый раз заново в процессе рецепции, обусловленной как личностью интерпретатора, так и широким социокультурным контекстом. Согласно постмодернистам, наше восприятие всегда опосредовано дискурсивными практиками, системами означивания и отношениями власти. Язык, с этой точки зрения, не просто отражает реальность, но активно конституирует ее, задавая границы мыслимого и воспринимаемого. Осознание этой обусловленности восприятия ведет к релятивизации любых смысловых иерархий и признанию равноправия различных точек зрения.

Плюрализация моделей интерпретации видится постмодернистам важным достижением современной культуры, открывающим перспективы для творческого переосмысления реальности. Преодолевая диктат универсальных метанарративов, индивид обретает свободу самостоятельного конструирования смыслов в диалоге с миром культурных артефактов. Хотя этот процесс чреват известной дезориентацией и утратой устойчивых ценностных ориентиров, он способствует раскрепощению творческого потенциала и развитию критического мышления. Постмодернизм, таким образом, не только фиксирует фундаментальный плюрализм культурного восприятия, но и утверждает его в качестве позитивной ценности. Допущение альтернативных прочтений, готовность к пересмотру устоявшихся схем, диалог и взаимообогащение различных традиций – все это составляет важные вехи на пути становления новой парадигмы культуры, более открытой, динамичной и инклюзивной. И хотя постмодернистская программа не лишена внутренних противоречий и радикальности, ее вклад в «освобождение» человеческого восприятия трудно переоценить.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет, 2000. 389 с.
3. Гваттари Ф., Делёз Ж. Что такое философия? – Москва: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
4. Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск: Водолей, 1998. 320 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Факто-

- рия, 2007. 672 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 895 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии. – Москва: Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко – Москва: Институт экспериментальной социологии; – Спб.: Алетея, 1998. 160 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
10. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

References

1. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
2. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moscow: Dobrosvet, 2000. 389 p.
3. Guattari F., Deleuze J. What is Philosophy? Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 1998. 288 p.
4. Deleuze J. Plato and the Simulacrum. Intentionality and Textuality. Philosophical Thought in Twentieth-Century France. Tomsk: Vodolay, 1998. 320 p.
5. Deleuze J., Guattari F. Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoria, 2007. 672 p.
6. Deleuze J., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. – Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. 895 p.
7. Derrida J. On Grammatology. – Moscow: Ad Marginem, 2000. 512 p.
8. Lyotard J.-F. The Condition of Postmodernity / Translated from French by N.A. Shmatko – Moscow: Institute of Experimental Sociology; – St. Petersburg: Aletheia, 1998. 160 p.
9. Foucault M. Words and Things. Archaeology of the Humanities. – St. Petersburg: A-cad, 1994. 406 p.
10. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Фаттахов Р.А.

Кандидат философских наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань. Директор, Общественный фонд татарской культуры Республики Татарстан имени Р. Вагапова.

Евразийское толкование свободы*

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязанность таких ценностей, как свобода, гуманизм, духовность в контексте евразийской культуры. По мнению автора, евразийская культура формируется на основе глубинных ценностей, которые отражают дух народов через образы бытия, мышления, морали, политики. Эти фундаментальные ценности лежат в основе аккумуляции и развития культурного наследия различных народов региона. Нам представляется, что функцию такого контекста эффективно выполняет культурно-ценностная система, интегрирующая евразийскую цивилизацию. В ее основе лежат органично взаимосвязанные ценности – свободы, гуманизма, духовности. Эти ценности являются ключевыми элементами в процессе формирования общей культурной платформы для дальнейшей гармоничной интеграции.

Ключевые слова: свобода, гуманизм, духовность, ценности, евразийская культура, культурное наследие.

Fattakhov R.A.

Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan. Director, Public Foundation of Tatar Culture of the Republic of Tatarstan named after R. Vagapov.

The Eurasian interpretation of freedom

Abstract. The article examines the interrelation of values such as freedom, humanism, and spirituality in the context of Eurasian culture. According to the author, Eurasian culture is formed on the basis of deep values that reflect the spirit of peoples through the images of being, thinking, morality, politics. These fundamental values underlie the accumulation and development of the cultural heritage of the various peoples of the region. It seems to us that the function of such a context is effectively performed by the cultural and value system integrating the Eurasian civilization. It is based on organically interrelated values – freedom, humanism, spirituality. These values are key elements in the process of forming a common cultural platform for further harmonious integration.

Key words: freedom, humanism, spirituality, values, Eurasian culture, cultural heritage.

* © Фаттахов Р.А., 2026.

Введение

«Евразия была (наряду с Индией, Китаем, Древней Грецией) одной из «прародин» ранних форм толерантного мышления и действия индивидов и человеческих сообществ. На путь толерантной коммуникации и взаимодействия евразийско-алтайские сообщества толкало множество факторов: масштабность территории, контрастность природы и климатических условий, «срединность» и пограничный характер географического, геополитического и геокультурного контекста развития» [1, с. 18]. Поэтому Евразия стала колыбелью одной из первых мировых цивилизаций – тюркской.

Эти ценности выводят евразийскую культуры за пределы составляющих огромное геополитическое пространство Евразии за пределы регионов и народов. «У народов Евразии наряду с национальными есть и цивилизационные черты и интересы, фиксируемые евразийцами в понятии симфонической (соборной) личности. Понятие «симфонического» широко разрабатывается евразийцами как принцип, связующий воедино человека, общество, нацию, государство и мировоззренческую основу культурного наследия... Личностью с евразийской точки зрения предстает не только отдельный человек, но и народ» [2, с. 163]. Разумеется, в первую очередь, подразумевается русский и российский народ, составляющий в государстве-цивилизации России основу всего геополитического пространства. О прочности длительности и долговечности евразийской православно-мусульманской и славяно-тюркско-кавказской цивилизации пишут и религиозные деятели. «Это – суть, судьба России» [3].

Разумеется, творческая свобода не является традицией российского духовного бытия. Социальные устои, религиозное насилие над простым народом не оставляло места для реалистического художественного или другого эстетического творчества. Даже в эпоху просвещенских подвигов Екатерины II подвергались гонениям Фонвизин, Крылов, Радищев и другие писатели за попытки движения «русской художественной литературы на пути к реализму». В этом контексте огромна заслуга Н.И. Новикова, который в своем словаре русских писателей в 1772 году «пресек попытку Екатерины II увести отечественную словесность с магистральных путей развития в сторону «улыбательной» сатиры, превратить ее в официально-верноподданическую». Новиков требовал «от писателей высокого мужества и пристального внимания к самым существенным сторонам общественной жизни» [4, с. 2].

Имена отечественных писателей и творцов реалистического искусства последних столетий известны всему миру. Пушкин и Гоголь придали реализму народный характер, пытались постичь русский дух, который во многом основан на православии - уважение и любовь ко всем народам, национальная нравственность. В понимании Чернышевского культура

и искусство различны в социальных группах, эстетические вкусы неравноправны. Герцен более определенно тяготеет к рассмотрению содержания искусства в зависимости от эпохи и социума, которые разрабатывают «свою субстанцию в художественных произведениях, органически связанных с нею, ею одушевленных... Религия, наука и искусство всего менее зависят от случайного и личного...» [4, с. 31]. Эта тенденция, по сути, объясняет классовый характер культуры и искусства, в котором произвольные и личностные толкования свободы оказываются неуместны.

Но реальная история отечественной культуры оказалось довольно противоречивой. Представления о реалистическом искусстве, народной и классовой культуре стали трактоваться многозначно, подверглись отрицанию и сомнению. Известные мыслители - Н. Бердяев, В. Соловьев, С. Булгаков, Г. Федотов, композиторы И. Стравинский, С. Рахманинов, художники А. Бенуа, В. Кандинский, писатели и поэты Н. Гумилев, А. Белый, Д. Мережковский явили миру новации в теории и практике отечественной культуры. Часть из них не восприняла эпохи буржуазных и социалистических революций, попытки новой власти России и СССР консолидировать творческих деятелей вокруг партийно и государственно определенного метода социалистического реализма, осуществила стилевые и жанровые искания в искусстве и культуре. М. Шолохов в «Тихом Доне», А. Фадеев в «Разгроме», М. Булгаков в «Белой гвардии» и «Мастере и Маргарите» - дали панорамные осмысления своей эпохи, в которых, как и в творчестве пролетарского писателя М. Горького, поэта В. Маяковского поднимались проблемы, не вписывающие в узкоидеологические лозунги чиновников нового общественно-политического строя. Творчество и в науке, и в искусстве, в целом - в культуре не могло быть уже прозрачным, без тайн и недомолвок. «...Граница между транспарантными и системными коммуникациями проходит в смысловом пространстве социальной жизни: в системных мирах господствуют специфические смыслы, отделяющие системы от окружающего мира и дающие им преимущества перед ним; в мирах же повседневной жизни людей преобладают их личностные смыслы и стратегии, органически вплетенные в ткань внешней среды» [5, с. 82].

Художественное творчество 20-х гг. еще сохраняло важнейший потенциал культуры Серебряного века - многообразие. Сосуществовали разные литературные течения, группировки. И впереди, конечно, были авангардисты, энергично взявшиеся за «реконструкцию» человека. Футуристы во главе с В.В. Маяковским и В.В. Хлебниковым эпатировали публику своими заявлениями. Правившая партия не могла находиться в стороне от этих бурных процессов. Чиновничий аппарат начинает находить способы регламентации и управления творчеством. Партийные руководители, лишённые зачастую элементарных знаний, стремились привить идеологию «классовой борьбы» многим великим русским мастерам.

Вместе с тем двадцатые все-таки не отказались от культурной полифонии, сохраняя определенные намерения к диалогу культур и эпох, когда не были еще полностью заангажированы политикой (публиковались произведения мировой литературы, мемуары и воспоминания белых генералов, проводились выставки художников-передвижников и авангардистов и т. д.), давали себя знать традиции христианской философии и культуры в сочинениях П. Флоренского, М. Булгакова и др... По существу, проводилась традиционная евразийская идея многоединства, направленная на формирование основы, «платформу для гармонизации взаимодействия с партнерами на основе принятия многообразия и признания общечеловеческих ценностей, являющихся по сути своей истинно универсальными» [6, с. 168].

Но диалектика исторической реальности уже прокладывала свои магистральные пути культурного развития. Стала доминирующей позиция большевиков по отношению к деятелям культуры – искусство и литература рассматривалось как придаток политики, как «часть общепролетарского дела». Эту позицию В.И. Ленин изложил в ряде работ («Партийная организация и партийная литература», «О литературе и искусстве»). Решение задач классовой борьбы, в частности, идеологических, требовало использования культуры как орудие в борьбе против «буржуазной идеологии». Принцип партийности литературы, по мнению В.И. Ленина, не противоречит принципу подлинной свободы художника, свободы от крепостнической цензуры, от денежного мешка, торгашества, подкупа и меценатства, лишаящих искусство надежной социальной почвы, богатства и значительности содержания. Ленин убедительно доказал, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Характеризуя литературу будущего, Ленин писал: «Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» [7, с. 22]. По существу, эта была линия Н. Чернышевского, А. Герцена, революционных демократов XIX века – понимания ими народности искусства и культуры, эстетических ценностей в зависимости от социальных обстоятельств, от эпохи и интересов и потребностей социумов. Не случайны слова враждебно относившегося к Октябрьской революции известного философа Н. Бердяева: «Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса» [8, с. 117] ... Пресловутой свободе творчества тех же 20-х годов XX века были противопоставлены установки «партийности» культуры. Пострадали и выдающиеся деятели культуры (М. Горький, М. Булгаков, П. Флоренский), были сосланы и эмигрировали философы («Философский пароход»), писатели

и поэты Е.Замятин, О.Мандельштам, не издавались А. Платонов, М. Зощенко и т.д. [9].

Социалистический реализм стал не просто художественным методом, парадигма новой идеологии коснулась не только культуры, но и образования и науки, религии и политики, причем всех народов огромной России, в том числе тех, кого сегодня принято назвать странами постсоветского политического пространства. В этой стратегической государственной политике привлекательным было ее всеобщность, всеохватность, своеобразная бескорытность, направленность против невежества и потребительства. «Та же духовность, которая рефлексруется в российском самосознании, присутствует в цивилизационных истоках национального духа евразийских народов как изначальная ориентация не на всевозрастающее материальное производство и потребительство, а на аскетическую умеренность, основанную на приоритете духовных ценностей» [10, с. 269].

Борьба за новую идеологию в культуре, за новую свободу творчества трудно давалась всем общностям и социумам страны – и русскому народу, который оказался в авангарде этого пути, и других народов России. Мы уже писали о сложном, противоречивом характере творчества татарского талантливого певца Рашида Вагапова. В нем, в его духовном бытии и творчестве перемешались и этническое, и религиозное, и континентальное (европейское и азиатское), и общечеловеческое, и универсальное. В контексте данной статьи интересны переживаемые им чувства свободы. Р.Вагапов своим творчеством, с одной стороны, показывает трудную, трагическую судьбу своего народа особенно в условиях советской эпохи, (об этом свидетельствуют многие исполняемые им протяжные народные мелодии), с другой - артист воспекает переживаемую эпоху, называя страну «самой красивой, самой свободной» (песня «Молодость»), восхваляет Сталина (песни «Народ поет», «Привет Сталину»).

Конечно, ведущие особенности творчества певца, в первую очередь, обусловлены социально-культурными доминантами своей эпохи. Речь не о противоречии между стихийным отражением правды жизни в произведениях Вагапова - художника и непониманием той же жизни Вагаповым - человеком, а о внутренних мировоззренческих противоречиях художника, обусловленных противоречивостью, отразившейся в нем общественной психологии. Эти черты творчества певца, особенно, его отношение к творческой свободе, ее индивидуальному осмыслению, наверное, следует рассматривать в тесной связи с историческими и общественными условиями того времени [11, с. 123].

В этой связи хочу провести некую параллель между эпохами – многовековым развитием духовности и свободы творчества дореволюционной культуры и менее чем вековой советской эпохой духовной жизни. Если художественное творчество 20-х гг. еще сохранило важнейший потенци-

ал культуры Серебряного века – многообразие, то тридцатые-сороковые – время своеобразного возврата традиционного для России засилья социальных устоев, религиозного и иного насилия над реалистическим эстетическим творчеством в виде упрочения административно-командной системы. Затем, в шестидесятые годы XX века в советском обществе произошли перемены в сторону демократизации духовной жизни, сменившиеся брежневские «заморозки», как реакцией на масштабную «холодную войну» в международных отношениях. Произошло своеобразное сужение культурного пространства, закрытие храмов, запреты на знакомство с шедеврами отечественной и зарубежной культуры, духовный диктат над инакомыслием, участилось диссидентство – все по законам классовой борьбы. Синусоида традиций в отечественной культуре не завершилась – в так называемые «перестроечные» годы духовного плюрализма и либерально-демократических свобод, вычерчивалась кривая глубокого кризиса образования, науки, всего культурного творчества.

В период социалистического строительства успешно решалась задача преодоления культурного неравенства и отсталости ранее угнетенных народов. Русская культура сыграла в этом просветительском процессе сыграла непереоценимую роль. На протяжении всей советской эпохи усиливалось взаимодействие культур русского и других народов страны, формировались научные кадры творческой и технической интеллигенции. На наш взгляд, российская цивилизация продемонстрировала спасительную внутреннюю силу, противостояния силам, разрушающим русскую традицию, русскую идею. В этом качестве культура советской эпохи продолжила российский менталитет столетий, настойчивое стремление к идеалу, и безоглядно неистовая вера в рай на земле, и напористая нацеленность на «мировую революцию, на светлое и радостное будущее...» [12, с. 486]. Ярким свидетельством тому стала Великая Победа в великой отечественной войне, 80-летие которой отметили народы всего постсоветского и евразийского пространства.

Разумеется, мы не хотим сводить всю многогранную евразийскую духовность к узко русской или российской. Справедливо подмечено: «духовность, которая рефлексивируется в российском самосознании, присутствует в цивилизационных истоках национального духа евразийских народов как изначальная ориентация не на всевозрастающее материальное производство и потребительство, а на аскетическую умеренность, основанную на приоритете духовных ценностей» [12, с. 490]. Возможно, в этом отличительная особенность евразийской духовности от западно-европейской. Нельзя не согласиться с утверждением: «Что касается западной культуры, то оно чаще связано со свободой внешней и свободой от, что, скорее всего, связано с позитивистской направленностью. Творчество здесь инструмент демонстрации, пропаганды социальной и политической свободы» [13, с. 269].

Своеобразие евразийской духовности и творческой свободе привносят и религиозные компоненты евразийской культуры. Тот же ислам далек от показных демонстраций духа, политических и идеологических и иных корыстных намерений. «...Присутствие единого духа образует в самосознании «отдельного» правоверного мусульманина *нравственное умонастроение*, делает таковым образ его мыслей, так что он в своем *субъективном* существовании, непосредственных ощущениях, природных вожделениях, склонностях, страстях, интересах и т.д. действительно свободен» [14]. Изначальная установка мусульманства, его мистической ветви – суфизма, на самосовершенствование человека, его морального облика последовательно проводятся во всей культурной жизни.

Азиатское составляющее евразийской духовности, конечно же, не сводимо к мусульманской. Здесь множество национальных и этнических оттенков, ее суммарный код полифоничен. «В восточной культуре, во многом связанной с кавказской, этот код связан с идеальным бытием, духовностью и она проявляется во всем – любой творческий акт воплощение, и приближение к свободе для, некоему идеалу духовности и внутренней свободы» [15, с. 13]. Скажем, «корни адыгского менталитета акцентированы на представлениях о совести и чести. Гипертрофированная «воля к совершенству» - вот что первое приходит на ум при попытке понять бесчисленные примеры проявления повышенного чувства собственного достоинства адыгов в прошлом» [16, с. 215], пишет известный исследователь духовных процессов на Кавказе профессор Р. Ханаху.

Заключение

Россия находится на решающем историческом и культурном перекрестке, в небывалых муках и с колоссальными потерями пытается обновиться, стать по-настоящему сильной страной. Хотя «большое видится на расстоянии», уже сегодня российская культура нуждается в глубоком осмыслении ее иллюзорных надежд и разочарований, труднейших исканий и несомненных достижений, невероятно крупных ошибок и тяжелых поражений [17, с. 467]. Первостепенная задача духовного возрождения России видится в изживании авторитарного мышления в общественном сознании наших дней, в предельной мобилизации всех спасительных средств и резервов внутри России и за ее пределами, в необходимости защиты подлинных ценностей национальной культуры с опорой на многовековые духовно-нравственные начала, на собиранье и восстановление всех истинных ценностей, созданных российским народом за многовековую историю.

Библиографический список

1. Тагиров Э.Р. Феномен культуры на фоне разлома Истории / Э.Р. Тагиров. – Казань. Логос-Пресс, 2023. 360 с.

2. Карабаева К.Д. Идея симфоничности в евразийстве как основа будущего в этнонациональной жизни России [Текст]: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Махачкала, 25-26 сентября 2008 г.) / Отв.ред. М.И. Бидалов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. 234 с. С. 162-165.
3. Мухетдинов Д. Евразийский православно-мусульманский симбиоз давно пора принять как данность // URL: <https://yandex.ru/search/?from=chromesearch&clid=2196598&text=>
4. Федоров В.И. Н.И.Новиков и его словарь русских писателей. Приложение к факсимильному изданию. – Москва, «КНИГА», 1987. С. 5-32.
5. Резник Ю.М. Цивилизация как сфера метакоммуникаций: соотношение транспарентных и системных начал // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том XVI. 2024. Эко-софия Российской цивилизации / научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории (Институт философии РАН); Российское философское общество; под общ. редакцией Ю.М.Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2024. 372 с. С. 62-86.
6. Онищенко Р.В. Идея «России-Евразии», как фундамент цивилизационного синтеза в системе координат «Восток-Запад» // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том XVI. 2024. Экософия Российской цивилизации / научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории (Институт философии РАН); Российское философское общество; под общ.редакцией Ю.М. Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2024. 372 с. С.164-173.
7. Ленин В.И. О литературе и искусстве/В. И. Ленин. – М.: Худож. лит., 1986. 575 с.
8. Бердяев Н.А. История и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: 1990. 365 с.
9. Рапацкая Л.А. Русская художественная культура / Л.А. Рапацкая. – М.: ВЛАДОС, 2002. 515 с.
10. Бидалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость // Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. 376 с.
11. Фаттахов Р.А. Рашит Вагапов. Личность. Творчество. Эпоха / Р.А. Фаттахов. – Казань, 2003. 165 с.
12. Стопченко Н.И. Своеобразие российской культуры советской эпохи/н. И. Стопченко // Культурология: Учеб. пособие. Под. ред. Г.В. Драча. – Ростов-на Дону: «Феникс», 2002. С. 482-496.
13. Бидалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость // Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. 376 с.
14. Омарова Л.Б. Культурные ценности и творческая свобода // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Программа и тезисы докладов Восьмого Международного научного форума. Краснодар, 2022. 230 с.
15. Чочаев Ш.Ю. Социально-философский идеал в религиозной философии восточного перипатетизма: Концептуальный анализ. Автореферат дис.на соиск. Уч.степени канд.филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2024. 36 с.
16. Омарова Л.Б. Культурные ценности и творческая свобода//Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Программа и тезисы докладов Восьмого Международного научного форума. Краснодар, 2022. 230 с.
17. Адыгская (черкесская) философия и культура (Энциклопедическое издание). Предисловие Хануху Р.А. – Майкоп: Адыг.респ.кн.изд.-во, 2022. 512 с.
18. Фаттахов Р.А. Культура личности художника в условиях тоталитарного общества (на примере жизни и творчества Рашита Вагапова) Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Нижний Новгород. 2005.
19. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

References

1. Tagirov E.R. The Phenomenon of Culture Against the Background of the Rift in History / E.R. Tagirov. – Kazan. Logos-Press, 2023. 360 p.
2. Karabaeva K.D. The Idea of Symphony in Eurasianism as the Basis for the Future in the Ethnonational Life of Russia [Text]: Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference (Makhachkala, September 25-26, 2008) / Ed. M.I. Bilalov. – Makhachkala: IPC DSU, 2008.

234 p. P. 162-165.

3. Mukhetdinov D. It is high time to accept the Eurasian Orthodox-Muslim symbiosis as a given // URL: <https://yandex.ru/search/?from=chromesearch&clid=2196598&text=>

4. Fedorov V.I. N.I. Novikov and his dictionary of Russian writers. Supplement to the facsimile edition. - Moscow, "KNIGA", 1987. P. 5-32.

5. Reznik Yu.M. Civilization as a sphere of metacommunications: the relationship between transparent and systemic principles // Questions of social theory: Scientific almanac. Volume XVI. 2024. Ecosophy of Russian civilization / Scientific Coordination Council on Philosophical Problems of Social Theory (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences); Russian Philosophical Society; under the general editorship of Yu.M. Reznik. - M.: Publishing House of the Independent Institute of Civil Society, 2024. 372 p. pp. 62-86.

6. Onishchenko R.V. The Idea of "Russia-Eurasia" as the Foundation of Civilizational Synthesis in the East-West Coordinate System // Questions of Social Theory: Scientific Almanac. Volume XVI. 2024. Ecosophy of Russian Civilization / Scientific Coordinating Council on Philosophical Problems of Social Theory (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences); Russian Philosophical Society; under the general editorship of Yu.M. Reznik. - M.: Publishing House of the Independent Institute of Civil Society, 2024. 372 p. pp. 164-173.

7. Lenin V.I. On Literature and Art / V. I. Lenin. - M.: Art. Literature, 1986. 575 p.

8. Berdyaev N.A. History and Meaning of Russian Communism / N. A. Berdyaev. Moscow: 1990. 365 p.

9. Rapatskaya L. A. Russian Artistic Culture / L.A. Rapatskaya. Moscow: VLADOS, 2002. 515 p.

10. Bilalov M. I. Comprehensibility of Truth: Elusiveness, Explainability, Expressibility // Makhachkala: State Autonomous Institution of the Republic of Dagestan "Dagestan Book Publishing House", 2017. 376 p.

11. Fattakhov R. A. Rashit Vagapov. Personality. Creativity. Era / R. A. Fattakhov. Kazan, 2003. 165 p.

12. Stopchenko N. I. Originality of Russian Culture of the Soviet Era / N.I. Stopchenko // Cultural Studies: Textbook. Ed. G.V. Drach. Rostov-on-Don: Phoenix, 2002. P. 482-496.

13. Bilalov M.I. Comprehensibility of Truth: Elusiveness, Explainability, Expressibility // Makhachkala: State Autonomous Institution of the Republic of Dagestan "Dagestan Book Publishing House", 2017. 376 p.

14. Omarova L.B. Cultural Values and Creative Freedom // Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Harmony. Program and Abstracts of the Eighth International Scientific Forum. Krasnodar, 2022. 230 p.

15. Chochoev Sh.Yu. Social and Philosophical Ideal in the Religious Philosophy of Eastern Peripateticism: Conceptual Analysis. Abstract of the Dissertation for the Degree of Cand. Sci. (Philosophy). - Rostov-on-Don, 2024. 36 p.

16. Omarova L.B. Cultural Values and Creative Freedom//Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for Interethnic Harmony. Program and Abstracts of the Eighth International Scientific Forum. Krasnodar, 2022. 230 p.

17. Adyghe (Circassian) Philosophy and Culture (Encyclopedic Edition). Preface by Khanakhu R.A. - Maykop: Adyghe Republic Book Publishing House, 2022. 512 p.

18. Fattakhov R.A. The Culture of the Artist's Personality in a Totalitarian Society (Based on the Life and Work of Rashit Vagapov) Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences. - Nizhny Novgorod. 2005.

19. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Шиндель С.В.

Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов. ORCID: 0000-0002-5253-0068

Аскарова А.Х.

Кандидат филологических наук, доцент. Заведующая кафедрой «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов.

Дискурсивные особенности придворного этикета, репрезентированного в спектакле «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt»*

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики придворного этикета, репрезентированного в спектакле «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt». Проектная деятельность коллектива включает широкий спектр мероприятий, направленных на популяризацию историко-культурного наследия немцев Поволжья. Одним из проектов «Jugendstadt» стал спектакль «Великая! С любовью, Екатерина ...» (автор сценария и режиссер Д. Жукоцкая (Рафф)), постановка которого осуществлена на русском и немецком языках (2019–2023 гг.). Предметом исследования являются дискурсивные особенности, объектом – лингвистические и экстралингвистические маркеры придворного этикета на материале сценария спектакля. К лингвистическим маркерам относятся: репрезентация на вербальном уровне этнокультурных реалий, правил и норм придворного этикета, расцвет которого приходится на время правления Екатерины II. В тексте сценария приводятся имена собственные представителей знати и придворного окружения юной будущей императрицы, наименование титулов, форма обращения, характерная для данной исторической эпохи. К экстралингвистическим маркерам репрезентации придворного этикета относятся детали интерьера, костюмы, декорации, исполнение танцев, использование театра «теневого полотна». В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический и семиотический методы, а также интерпретативный анализ эмпирического материала.

Ключевые слова: исторический дискурс, придворный этикет, немецкий язык, немцы Поволжья, творческий коллектив «Jugendstadt», спектакль «Великая! С любовью, Екатерина ...», семиотическое пространство, лингвистические маркеры, экстралингвистические маркеры, театр «теневого полотна».

* © Шиндель С.В., Аскарова А.Х., 2026.

Дискурсивные особенности придворного этикета, репрезентированного в спектакле «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt»

Shindel S. V.

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, Saratov. ORCID: 0000-0002-5253-0068

Askarova A.Kh.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, Saratov.

Discursive peculiarities of court etiquette represented in Theatricalized Performance «Great! With love, Catherine ...» by Creative Team «Jugendshtadt»

Abstract. The article is devoted to the study of the court etiquette represented in theatricalized performance «Great! With love, Catherine...» by the creative team «Jugendshtadt». The project activity of the team involves a wide range of activities with the aim of popularizing the historical and cultural heritage of the Germans in the Volga region. The theatricalized performance «Great! With love, Catherine...» (written and directed by D. Zhukockaya (Raff)) is one of these events, the staging of the play having been done in the Russian and German languages (2022-2023). The subject of the research is the discursive peculiarities; the object is the linguistic and extralinguistic markers of the court etiquette based on the script of the play. The representations of the ethnocultural realities, the rules and norms the court etiquette which blossoming fell at the period of Cathrine's reign on the verbal level are viewed as the linguistic markers. The script lists the proper names of the noble representatives and court circles of the young future empress, the titles, the forms of address which were typical for the historical epoch under discussion. The interior details, the costumes, the decorations, the dance performing, the use of the theatre «shadow puppetry» are considered as the extralinguistic markers of the court etiquette representation. The analysis and synthesis as the general scientific methods, the descriptive method, the textual and semiotic methods as well as the interpretational analysis of the empirical material have been applied in the research.

Key words: historical discourse, court etiquette, the German language, the Germans in the Volga region creative team «Jugendshtadt», theatricalized performance «Great! With love, Catherine...», semiotic space, linguistic markers, extralinguistic markers, theatre «shadow puppetry».

Благодарность. Авторы выражают благодарность Елене Кондратьевне Гейдт – председателю Национально-культурной Автономии российских немцев Марковского района, Наталье Анатольевне Мейдт – заместителю председателя, и бессменному руководителю коллектива «Jugendstadt», за активную жизненную позицию в деле популяризации историко-культурного наследия немцев Поволжья; а также Екатерине Миньковой за предоставление авторского перевода на немецкий язык текста сценария спектакля «Великая! С любовью, Екатерина ...».

Введение

На первую четверть XXI века пришлось несколько круглых памятных дат, связанных с историей и культурой немцев Поволжья: в декабре 2023 года исполнилось 100 лет со дня образования Автономии, 90-летний юбилей композитора А.Г. Шнитке отмечался 24 ноября 2024 года, 260 лет исполнилось поволжскому городу Маркс в августе 2025 года. Именно здесь, в Марксе, 13 лет назад сформировался творческий коллектив молодых людей – «Jugendstadt» (в пер. с нем. «город молодых»), первоначально состоявший по большей части из потомков немцев Поволжья, которые, по собственной инициативе, сохраняют и транслируют в наши дни историко-культурное наследие своих предков. Используя в своей деятельности новаторство креативных форм, участники коллектива реализовали целый ряд культурно-просветительских проектов, которые снискали большое признание публики. Один из них – спектакль «Великая! С любовью, Екатерина ...» (2019-2023), посвященный императрице, в честь которой город Маркс получил свое первоначальное название – Екатеринбург.

На наш взгляд, работа над сценарием, перевод текста на немецкий язык, а также постановка спектакля «Великая! С любовью, Екатерина ...» – представляет собой уникальный опыт исторической реконструкции с возможностью иммерсии в атмосферу этикета придворной жизни времени правления императрицы. В этой связи, целью исследования является выявление и анализ лингвистических и экстралингвистических маркеров придворного этикета эпохи «золотого века» Российской империи, репрезентированных в русскоязычном и немецкоязычном вариантах сценария спектакля «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt».

Таким образом, объект исследования – лингвистические и экстралингвистические маркеры придворного этикета, предмет – дискурсивные особенности их функционирования в билингвальном пространстве на материале спектакля «Великая! С любовью, Екатерина ...». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать придворный этикет как специфический жанр исторического дискурса;
- 2) проанализировать вербальные средства репрезентации этикетных норм (обращения, титулы, формы приветствий и прощаний);
- 3) выявить экстралингвистические маркеры, создающие семиотическое пространство придворной культуры;
- 4) сопоставить особенности реализации придворного этикета в русском и немецком языковых сегментах спектакля.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения своеобразия исторического дискурса, реконструированного и репрезентированного в семиотическом пространстве нематериальных объектов

лингвокультуры. Научная новизна заключается в комплексном характере исследования особенностей придворного этикета с точки зрения их дискурсивных особенностей на материале сценария спектакля «Великая! С любовью, Екатерина ...», переведенного на немецкий язык.

Изучение различных аспектов исторического дискурса предполагает глубокое понимание самого термина «дискурс». Мы будем придерживаться точки зрения Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс следующим образом: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – социокультурными, психологическими и другими факторами; это текст, взятый в событийном аспекте. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1].

Исследование исторического дискурса как неотъемлемого элемента реконструкции событий исторического прошлого давно вышло за пределы архивных изысканий и научных монографий. Это связано с тем, что в последние десятилетия все более значимую роль в сохранении и популяризации историко-культурного наследия играют творческие коллективы, общественные организации и центры национальных культур, которые предпочитают изучать историю и культуру «вживую», обращаясь, в том числе, к театральным формам их репрезентации. Именно такой подход позволяет не только передать фактологическую канву событий, но и воссоздать атмосферу эпохи, включая нормы и правила придворного этикета, получить представление о церемониале коронации [2, 14], о специфике дипломатических [10, 13] и светских церемониалов [4], которые являлись неотъемлемой частью жизни российской Империи периода XVIII в.

Публикаций, посвященных разным аспектам истории правления Екатерины II великое множество и нет никакой необходимости и приводить здесь подробный теоретический обзор подобной научной литературы. По большому счету императрице удалось сконструировать российское государство в духе Просвещения: «Эпоха Екатерины II была временем духовного расцвета, формирования национального самосознания, складывания в обществе понятий чести и достоинства» – пишет А. Каменский в книге «Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация» [5].

При Екатерине Великой в том числе небывалого блеска и своего апогея достиг и российский двор: «Роскошь, царившая при дворе, служила заразительным примером для столичного общества. Все высшее общество увлекалось театром, и молодежь охотно устраивала домашние спектакли. Образовывались целые группы великосветских любителей; известны театры княгини Долгоруковой, графини Головкиной, в доме Апраксиных. С постройкой здания Благородного собрания Москва прославится своими балами по всей России. Каждый год накануне Рождества помещики соседних с Московской губерний со своими семействами отправлялись из деревень в Москву в сопровождении длинных обозов

с поросятами, гусями, курами, крупую, мукою и маслом»¹. И далее: «По четвергам все соединялись в большом кругу Благородного собрания: «Тут увидят они статс-дам с портретами, фрейлин с вензелями, а сколько лент, сколько крестов, сколько богатых одежд и алмазов. Есть про что девять месяцев рассказывать в уезде!»².

Что же касается упоминания фавориток, статс-дам, фрейлин, то отдельного внимания заслуживают работы, посвященные рассмотрению статуса и роли женщины при русском императорском дворе. Так, в работе «Женские образы при дворе: фрейлины и фаворитки» [11] автор М.М. Окорочкова анализирует трансформацию придворной службы женщин – от символа воспитанности и добродетели до инструмента политического влияния, в том числе на процесс принятия государственных решений. Особое значение в контексте исследования данной темы имеют публикации, посвященные автобиографии персоналий влиятельных женщин при дворе императрицы, например: «Роль женщины в семье и при дворе во второй половине XVIII века (по письмам графини Е.М. Румянцевой)» [6], «Поведенческая культура дворянской элиты в «Мемуарах» графини В.Н. Головиной» [12].

В этой связи интерес представляет исследование М.В. Коротковой «Бальная культура московского дворянства в XVIII - первой половине XIX в.: официальная церемония, развлечение или любовная игра?» [7]. На основе архивных материалов автор предпринимает попытку реконструировать бальную культуру московского дворянства и приходит к выводу, что «эволюция дворянского бала от принудительного государственного церемониала до светского развлекательного мероприятия определила его долгую жизнь и популярность в России, особенно в Москве» [7, с. 5].

Теоретической основой для настоящего исследования послужила публикация К.Э. Гниденко «Балы и ассамблеи в отечественной праздничной культуре: история и современность» [3]. В статье автор рассматривает исторический аспект становления бала и анализирует его роль и место в праздничном пространстве современности, обращается к творчеству наиболее известных специалистов исследуемой сферы. О танцевальной культуре русских балов в исторической ретроспективе пишет и автор П.А. Мордвина в работе «Танцевальная культура русских балов XVIII-XIX веков» [9].

Основная часть.

Екатерининский бал на манер традиционного мероприятия, проводимого ежегодно в музее-заповеднике «Царицыно», был задуман творческим

1 Балы и маскарады в России при Екатерине II. // URL: <https://author.today/post/116736> (Дата обращения: 25.04.2026).

2 Там же.

Рис. 1. Скриншоты из электронного журнала «Was für ein Jugendstadt».

коллективом «Jugendstadt» на территории Поволжья. Однако, в процессе подготовки быстро выяснилось: просто балом дело не ограничится. Так родилась идея интегрировать организованный самостоятельно «Екатерининский бал» в сюжет спектакля об императрице. Своими воспоминаниями поделилась автор сценария и режиссер Даяна Жукоцкая (Рафф) (фото по центру рис.1): «Нашим спектаклем «Великая! С любовью ... Екатерина» (часть I.) мы хотели рассказать о детстве Екатерины II, так как в основном на телеэкранах и в театральных постановках мы видим уже жизнь взрослой императрицы. Сюжет рассказывает о жизни юной Фике³. Маленькая девочка познает мир, интересуется историей, а также изучает быт, географию, обычаи России»⁴. Будущая императрица знакомится с принцем Петром Ульрихом, встречается с королем Пруссии, получает письмо от Елизаветы. «Все обстоятельства, с которыми сталкивалась Фике на жизненном пути, меняли ее; иногда – самым неожиданным образом. Такой подход сближает зрителя с героиней, ведь у всех своя жизнь со своими трудностями и внезапными поворотами судьбы, и все они подводят нас к определенному результату. Главное – выстоять, и не сломаться» – формулирует основную идею спектакля режиссер Жукоцкая (Рафф). Одним из элементов спектакля стало использование театра теней: с помощью теневого полотна была показана хронология сюжетной линии спектакля (приезд Фике на карете, силуэты Петра и Елизаветы, фрагменты бала и коронации). Премьера спектакля состоялась в августе 2019 г. (1 часть) в Марксе, а впоследствии был показ на гастролях в Самаре, Казани, Набережных Челнах и даже в Хорватии.

3 Здесь и далее Фике – это русифицированное сокращенное с семантикой уменьшительно-ласкательного значения имя, переведенное с немецкого языка «Friederike» (от нем. Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Dornburg).

4 Полное описание деталей проекта представлено в электронном журнале «Was für ein Jugendstadt», в статье «Бал, творчество, спектакль» // URL: <https://jdr.ru/bal-tvorchestvo-spektakl/> (Дата обращения: 25.04.2026), а также в Телеграм-канале «Jugendstadt».

В 2023 г. «Югендштадт» приступил к подготовке собственного Екатеринбургского бала. «Атмосфера XVIII в. не ограничилась лишь спектаклем. Мы решили устроить бал. Во дворе Российско-Немецкого дома» – вспоминает участница коллектива София Власова⁵. Была проделана огромная работа по изготовлению реквизита: костюмов, бумажных цветов из салфеток, праздничной люстры с элементами декора в виде перьев. «Так, двор превратился в бальный зал; балкон – в террасу с цветами и отображал сады, по которым гуляла Императрица; лестница на второй этаж стала настоящий картинной галереей; второй этаж превратился в музыкальную гостиную с фортепиано, свечами и фотозоной с золотыми масками» – подвела итог С. Власова⁶.

Участники изучали историю XVIII в., репетировали бальные танцы, говорили на немецком языке и даже исполняли роли иностранных послов. «На блоке по танцам XVIII в. участникам мастерской совместно с Екатериной Минькиной пришлось столкнуться с новыми и необычными для них терминами. Ребята узнали, как танцуется кадрили, что такое контрданс и полонез, как выполнять па де бурре и многое другое. Бальный танец XVIII в. – это не только красивые рисунки и вычурные па, но это также и умение держаться достойно, показать себя и продемонстрировать ловкость, грацию и уверенность»⁷ – раскрывает детали С. Власова. Танец, как известно, был обязательным предметом во всех учебных и военных заведениях. Молодым людям предстояло реконструировать танцевальную культуру дворцовых балов, с соблюдением норм этикета придворной жизни и тем самым сымитировать атмосферу духа Века Просвещения.

Для создания атмосферы полного погружения в среду придворной жизни императрицы участницей коллектива Екатериной Минькиной был предложен авторский перевод текста спектакля на немецкий язык. Не размещая здесь сценарий в полном объеме (он занимает около 18 страниц – всего 13 сцен), мы приведем краткое содержание основных сцен спектакля.

Сцена 1. *(Перед зрителем теневое полотно, на котором появляются все картины предстоящего спектакля: карета, бал, встреча с Петром, встреча с Елизаветой, коронация. Нечто похожее на сон).*

Сцена 2. *(Главная героиня Фике одна. Задаётся вопросами: Кто такой император?... Какая она эта Россия?.. Какие люди в ней живут?.. Wer ist das – der Emperor? Wie ist das Russland? Was für Leute leben darin? Слышим*

5 Полное описание деталей проекта представлено в электронном журнале «Was für ein Jugendstadt», в статье «Бал, творчество, спектакль» // URL: <https://jdr.ru/bal-tvorchestvo-spektakl/> (Дата обращения: 25.04.2026), а также в Телеграм-канале «Jugendstadt».

6 Там же.

7 Там же.

песню вдалеке, бежит берет подушку садится около окна и слушает «Ты взойди красно солнышко»).

Сцена 3. (Знакомство с принцем Петром Ульрихом. На теневом полотне начинают приходиться люди, официанты).

Сцена 4. (Отец ввел Фике в большой кабинет. Стол, свеча).

Сцена 5. (Вставка бегающих, обсуждающих предстоящее событие фрейлин (именно на тени должны быть «шушуканья»). Перед полотном сидит мать и рядом стоит отец, они разговаривают. В руках у Иоганны письмо).

Сцена 6. (Теневое полотно. Через проектор выведенная карета по центру. Музыка. Отец и София прощаются. Пока они едут, создаются специальные эффекты: снег, дома и т.д., затем звуковые эффекты. Имитация дороги).

Сцена 7. (Пишет письмо отцу и в это время на проекторе отображаются моменты). Мысли Фике: «Наше путешествие в Россию длилось целых 3 недели. Я ездила в санях, обшитых внутри соболями, с шелковыми матрацами. Мама очень устала от дороги, а я совершенно нет. Мне рассказывали разные истории. Особенно меня заинтересовал рассказ про тетю. Как она начала править». Unsere Reise nach Russland dauerte 3 Wochen. Ich fuhr in einem mit Zobeln gesäumten Schlitten, mit Seidenmatt ratzen. Mama war sehr müde vom langen Weg, aber ich absolut nicht. Mir wurden verschiedene Geschichten erzählt. Die Geschichte über meine Tante hat mich besonders interessiert. Wie sie zu herrschen an fing.

Сцена 8. (Резкое переключение сцен. Сцена в тени. Елизавета сидит в ожидании встречи. Входят Иоганна с Софи, Елизавета встает и идет навстречу. Иоганна склонилась в глубочайшем реверансе, поцеловала протянутую руку. Очень быстро, боясь забыть речь, стала говорить).

Сцена 9. (В тени София подходит к окну, наблюдает, после этого зябнет, накидывает шаль и закрывает окно. К ней приходит одна из фрейлин, дает ей тетради и учебники. Изучение уроков).

Сцена 10. (Фике на переднем плане, сидит в болезненном виде. На теневом фоне Елизавета разговаривает с Иоганной. На полотне дата происходящего шествия «1 июня. Москва». Люди все толпятся в ожидании увидеть Елизавету с Софией. Переговариваются, ищут место где будет лучше всего видно).

Сцена 11. (Екатерина входит перед полотном, перед ней стоят люди, глубоко кланяются и один из мужчин подводит Екатерину к придворным).

Мысли Софии: Отныне я - Екатерина Алексеевна. Завтра нареченная невеста Великого Князя Петра Федоровича» Von nun an bin ich, Ekaterina Alekseevna. Morgen die Braut des Großherzogs Peter Fedorovich.

Сцена 12. (Залетает на сцену Петр, музыка резко прекращается. Петр смеется, «пиф паф тра-та-та». Садится дерзко на стул перед Екатери-

ной, за ним вбегают прислуга, понимают, что все спокойно, и наблюдают со стороны).

Сцена 13. (Обручение Петра и Екатерины. Финальная сцена, без слов. Величие, церемония, музыка. Текст, который звучит на фоне как исторический факт)⁸.

В реквизите можно выделить экстралингвистические, а в тексте сценария – лингвистические маркеры, репрезентирующие придворный этикет в тексте спектакля «Великая! С любовью ... Екатерина».

Экстралингвистические маркеры.

Семиотическое пространство спектакля насыщено невербальными признаками, отсылающими к придворной культуре XVIII века. Одним из ключевых экстралингвистических маркеров выступает использование театра «теневого полотна». На полотне возникают тени кареты, в которой едет маленькая Фике, фрагменты бала, силуэты Петра и Елизаветы, церемониал коронации. Теневой театр выполняет здесь двойную функцию: с одной стороны, он создает эффект «сна» или «воспоминания», с другой – позволяет визуализировать те события, которые невозможно или нецелесообразно показывать в «живом» плане (путешествие, сцены детства, массовые шествия).

Костюмы выступают значимым семиотическим маркером сословной принадлежности. Хотя в сценарии нет развернутых описаний костюмов, реплики фрейлин в бй сцене указывают на важность одежды как дара императрицы: «Смотрите, подарок Ее императорского Величества Вашей светлости», «Какой прелестный цвет... как оный вас нежит». Немецкий текст сохраняет эту семантику: «Ein Geschenk Ihrer kaiserlichen Majestät an Ihre Hoheit», «Was für eine schöne Farbe, Eure Gnade, wie sie Euch jedoch verwöhnt». Переодевание, представленное в бй сцене вынесено за теневой экран и символизирует переход героини в новое статусное качество.

Интерьер и предметная среда также репрезентируют придворный этикет. В картине 6 описываются «покои»/«Gemächer», в которые прибывают героини. Упоминание «саней, обшитых внутри соболями, с шелковыми матрацами» (7я сцена, письмо Екатерины отцу) создает представление о роскоши русского двора. Немецкий перевод сохраняет эти детали: «einem mit Zobeln gesäumten Schlitten, mit Seidenmatratzen».

Танцы как элемент придворной культуры присутствуют в сцене урока танцев (2я сцена 2): «Un, deux, trois... Et avancez... un, deux, trois...» – здесь французский язык (язык придворного балета) выступает дополнительным маркером аристократической среды. Играют «скрипка и флейта» – типич-

⁸ Сценарий спектакля хранится в архиве творческого коллектива «Jugendstadt». Авторам статьи он был любезно предоставлен Екатериной Минькиной – исполнившей роль Софии и сделавшей перевод текста с русского на немецкий язык. Здесь мы помещаем его в сокращенном виде.

ный для XVIII века камерный состав.

Музыкальное оформление включает несколько жанровых пластов. Народная песня «Ты взойди красно солнышко» противопоставлена французской классической поэзии (Расин, Корнель, Мольер), что создает семантический конфликт между «высокой» придворной культурой и народной традицией. Реакция мадемуазель Кардель: «Вы слушаете не то, что надо. Вам надо слушать Корнеля, вы же слушаете мужицкие песни!» / «*Sie hören nicht auf das, was Sie brauchen. Sie müssen Corneille hören, und Sie hören Bauernlieder!*» – ярко демонстрирует иерархию культурных ценностей в придворном дискурсе.

Церковная обрядность как экстралингвистический маркер этикета представлена в эпизоде принятия православия (10я сцена). Здесь происходит встреча с «архиепископом», слышится «церковное пение» и текст символа веры, который произносит София.

Лингвистические маркеры.

Наиболее рельефно этикетные нормы проявляются в сфере титулования и обращений. В русскоязычных репликах зафиксированы следующие формы: «Ваше Величество» (к императрице Елизавете Петровне), «Ваше Высочество» (к великому князю Петру Федоровичу), «Ваша светлость» (к князю Кристиану Августу и княгине Иоганне Елизавете). В немецкоязычных репликах им соответствуют: «*Eure Majestät*», «*Eure Hoheit*», «*Eure Gnade*», что свидетельствует о внимании к точности этикетных формул.

Особый интерес представляет сцена официального представления придворных после принятия будущей императрицей православия (11я сцена). Здесь последовательно перечисляются должности и титулы: «камергер», «граф», «камер-юнкер», «гофмейстерина», «камер-фрейлина». Каждое именование сопровождается соответствующим этикетным действием: «поклон и поцеловал ей руку». Этот фрагмент сценария демонстрирует строгую иерархию придворных чинов, характерную для рассматриваемой эпохи.

Значимым лингвистическим маркером выступают также формулы приветствия и прощания. В сцене встречи с Елизаветой Петровной (8я сцена) Иоганна произносит пространную речь: «Ваше Величество! Я пришла повергнуть к стопам Вашего Величества чувство живейшей признательности...» – что представляет собой образец гиперболизированной этикетной лести, характерной для придворного дискурса XVIII века. Немецкий перевод сохраняет пафосность оригинала: «*Eure Majestät! Ich bin gekommen, um mich vor den Füßen Eurer Majestät zu verneigen, mit meinem Gefühl der Dankbarkeit...*».

Интересно отметить случаи переключения кодов, когда немецкие реплики вкрапляются в русскоязычный текст. Например, в 1й сцене народ обсуждает рождение девочки: «Ну что? Слава Богу?.. Все благополуч-

но? Und? Ist alles gut?» – «Да, жалко... Не мальчик. Ja, aber... kein Junge. Schade.»). Такое двуязычие отражает реальную языковую ситуацию в немецких колониях и одновременно подчеркивает культурную идентичность их представителей.

Этнокультурные реалии получают вербальное выражение через имена собственные. В сценарии упоминаются реальные исторические персонажи: Фридрих II (король Прусский), Елизавета Петровна, Петр Великий, граф Бестужев и граф Орлов. Особую значимость приобретает смена имени главной героини: из Софии Фредерики она превращается в Екатерину Алексеевну. В ее монологе (10я сцена) вербализуется этот символический акт: «Отныне я, Екатерина Алексеевна» / «Von nun an bin ich, Ekaterina Alekseevna». Немецкий вариант сценария сохраняет русскую форму имени, что подчеркивает принятие новой идентичности.

Дискурсивные особенности перевода этикетных выражений

Сопоставительный анализ русскоязычных и немецкоязычных фрагментов сценария позволяет выявить специфику передачи придворного этикета в билингвальном контексте. Немецкие реплики, как правило, калькируют русские этикетные формулы, что создает эффект «буквального перевода» и одновременно подчеркивает немецкое происхождение персонажей. Например, обращение «Ваше Высочество» регулярно передается как «Eure Hoheit», хотя в современном немецком языке более употребительной является форма «Ihre Hoheit». Фиксация режиссерского сомнения в выборе формы свидетельствует о стремлении к исторической аутентичности, а не к языковой нормативности.

В сцене гадания Менгдена (3я сцена) используются краткие этикетные формулы: «Не сомневайтесь Ваше Высочество!» / «Zweifeln Sie nicht, Eure Hoheit!». Здесь важно отметить, что немецкий вариант сохраняет обращение на «Вы», что соответствует нормам как русского, так и немецкого этикета.

Показательным является эпизод с письмом императрицы (5я сцена), где русский текст имитирует канцелярский стиль XVIII века: «По именному повелению Ее Императорского величества...», а немецкий перевод дает эквивалентную архаизированную форму: «Auf nominellen Befehl Ihrer kaiserlichen Majestät...». Употребление прилагательного «августейшая» / «August-Kaiserin» также относится к этикетной лексике.

Придворный этикет XVIII века представлял собой сложную семиотическую систему, регулировавшую все аспекты жизни монаршего двора. Как справедливо отмечает Ю.М. Лотман, «быт становится знаком, частью культуры» [9, с. 248], и в этом смысле придворный этикет выполнял не только регулятивную, но и символическую функцию, демонстрируя иерархическую структуру власти. В рамках дискурсивного подхода придворный этикет может быть охарактеризован как институциональный тип

дискурса, поскольку он обслуживает социальный институт монархии и придворной аристократии.

Исторический дискурс, к которому правомерно относить репрезентацию придворного этикета в театральной постановке, обладает рядом специфических черт: он ориентирован на реконструкцию прошлого, использует архаизированную лексику и устойчивые формулы, характерные для определенной эпохи, и предполагает дистанцию между современным зрителем/читателем и исторической реальностью. В случае со спектаклем «Jugendstadt» эта дистанция преодолевается за счет билингвального характера постановки, что отражает реальную языковую ситуацию при дворе Екатерины II, где немецкий язык (родной язык будущей императрицы) сосуществовал с русским языком придворного общения.

Заключение

Придворный этикет, репрезентированный в спектакле «Великая! С любовью ... Екатерина», представляет собой специфический жанр исторического дискурса, характеризующийся совокупностью лингвистических и экстралингвистических маркеров. К лингвистическим маркерам относятся: титулованные формы обращения (Ваше Величество, Eure Majestät, Ваше Высочество, Eure Hoheit), наименования придворных чинов (камергер, гофмейстера, камер-юнкер), архаизированные этикетные формулы приветствия и прощания, имена собственные исторических лиц, а также билингвальные вкрапления, отражающие языковую картину эпохи.

Экстралингвистические маркеры в сценарии включают: использование театра теневого полотна как средства визуализации исторической ретроспективы; костюмы, выполняющие семиотическую функцию статусного маркера; предметы интерьера и детали обстановки (сани, меха, шелк); танцы и музыку (скрипка, флейта, церковное пение); обрядовые действия (церемония представления, обручение, принятие православия). Все эти элементы в совокупности создают целостное семиотическое пространство придворной культуры XVIII века.

Перспективы дальнейшего исследования видятся авторам в расширении эмпирической базы за счет других постановок творческого коллектива «Jugendstadt», а также в более детальном сопоставительном анализе этикетных формул в русском и немецком языках на материале исторических документов XVIII века.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Амелёхина С.А. Церемониал коронации в российской империи / С.А. Амелёхина // Российская история. 2014. № 1. С. 74-80.
3. Гниденко К.Э. Балы и ассамблеи в отечественной праздничной культуре: история и современность / К.Э. Гниденко // Культурные тренды современной России: от национальных исто-

ков к культурным инновациям: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. В 5 т., Белгород, 28 апреля 2021 года. Том 3. – Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2021. С. 288-291.

4. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII - начала XX века / О.Ю. Захарова. – Москва: Центрполиграф, 2001. 351 с.

5. Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М.: 1999. С. 259.

6. Коновалова А. Роль женщины в семье и при дворе во второй половине XVIII века (по письмам графини Е. М. Румянцевой). / *Metamorphosis. Журнал гендерных исследований*, 2020. Т. 3. № 3. 44-49 с.

7. Короткова М.В. Бальная культура московского дворянства в XVIII - первой половине XIX в.: официальная церемония, развлечение или любовная игра? / М.В. Короткова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2008. № 2. С. 5-23.

8. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII - начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1994. 398 с.

9. Мордовина П.А. Танцевальная культура русских балов XVIII-XIX веков / П.А. Мордовина, О.В. Ершова // *Современные проблемы высшего образования. Творчество в дистанционном формате: Материалы VI международной научно-практической конференции*, Москва, 15–25 апреля 2021 года / Под общей редакцией С.М. Низамутдиновой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Учебный центр «Перспектива», 2021. С. 297-304.

10. Новикова А.Д. Церемониал приема супруг дипломатов при российском императорском дворе восемнадцатого века / А.Д. Новикова // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 557-570. – DOI: 10.15826/qr.2024.2.895.

11. Огорокова М.М. Женские образы при дворе: фрейлины и фаворитки / М. М. Огорокова // *Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы VIII Международной научной конференции, посвященной развитию российской науки*. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 11 декабря 2025 года. Том 2. Научные сообщения студентов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2025. С. 687-690.

12. Решетова Л.И. Поведенческая культура дворянской элиты в «Мемуарах» графини В.Н. Голвиной / Л.И. Решетова // *Культура и текст*. 1999. № 5. С. 128-138.

13. Смилянская Е.Б. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины Второй / Е. Б. Смилянская // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1255-1273. – DOI: 10.15826/qr.2020.4.526.

14. Трубочанинова Е.Р. Специфика церемониала официальных торжеств в России (на примере коронаций XVII-XIX веков) / Е.Р. Трубочанинова // *Театрализованные формы современной праздничной культуры России: сборник материалов Региональной научно-практической конференции*, Белгород, 24 января 2023 года. – Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2023. С. 42-46.

15. Субботина Н.С., Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Саламатова Е.П. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте // *Власть истории и История власти*. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 12-16.

References

1. Arutyunova N.D. "The Language and World of Man." – Moscow: Languages of Russian Culture, 1999.

2. Amelokhina S.A. "The Coronation Ceremony in the Russian Empire." *Russian History*, № 1. P. 74–80.

3. Gnidenko K.E. "Balls and Assemblies in Russian Festive Culture: History and Modernity." *Cultural Trends in Contemporary Russia: From National Roots to Cultural Innovations*, a collection of materials from the IX All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Master's Students, Postgraduates, and Young Scientists. Published in 5 volumes, Belgorod, April 28, 2021. Volume 3. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2021. P. 288-291.

4. Zakharova O.Yu. *Secular ceremonies in Russia in the 18th - early 20th centuries* / O.Yu. Zakharova. – Moscow: Centropoligraf, 2001. 351 p.

5. Kamensky A. Russian Empire in the 18th century: Traditions and modernization. – Moscow: 1999. P. 259.
6. Konovalova A. The role of women in the family and at court in the second half of the 18th century (based on the letters of Countess E. M. Rumyantseva). / *Metamorphosis. Journal of Gender Studies*, 2020. Vol. 3. № 3. 44-49 p.
7. Korotkova M.V. Ballroom culture of the Moscow nobility in the 18th - first half of the 19th centuries: official ceremony, entertainment, or love game? / M.V. Korotkova // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2008. № 2. P. 5-23.
8. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture: Everyday life and traditions of the Russian nobility (18th - early 19th centuries) / Yu.M. Lotman. – St. Petersburg: *Iskusstvo-SPb*, 1994. 398 p.
9. Mordovina P.A. Dance culture of Russian balls of the 18th-19th centuries / P.A. Mordovina, O.V. Ershova // *Modern problems of higher education. Creativity in a distance format: Proceedings of the VI international scientific and practical conference, Moscow, April 15-25, 2021 / Under the general editorship of S.M. Nizamutdinova*. – Moscow: Limited Liability Company “Educational Center” *Perspektiva*“, 2021. P. 297-304.
10. Novikova A. D. The Ceremony of Reception of Diplomats' Spouses at the Russian Imperial Court of the Eighteenth Century / A.D. Novikova // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 557-570. – DOI: 10.15826/qr.2024.2.895.
11. Okorokova M.M. Female Images at Court: Maids of Honor and Favorites / M.M. Okorokova // *Humanities in a Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the VIII International Scientific Conference Dedicated to the Development of Russian Science*. In 2 volumes, St. Petersburg, December 11, 2025. Volume 2. Students' Scientific Reports. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2025. P. 687-690.
12. Reshetova L.I. Behavioral Culture of the Noble Elite in the “Memoirs” of Countess V.N. Golovina / L.I. Reshetova // *Culture and Text*. 1999. № 5. P. 128-138.
13. Smilyanskaya E.B. Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine the Great / E.B. Smilyanskaya // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. № 4. P. 1255-1273. – DOI: 10.15826/qr.2020.4.526.
14. Trubchaninova E.R. Specifics of the Ceremonial of Official Celebrations in Russia (based on the coronations of the 17th-19th centuries) / E.R. Trubchaninova // *Theatrical forms of modern festive culture of Russia: collection of materials of the Regional scientific and practical conference, Belgorod, January 24, 2023*. – Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2023. P. 42-46.
15. Subbotina N.S., Achaeva M.S., Pospelova N.V., Salamatova E.P. Allusive proper nouns with the general semantics of “a small size” in a literary text // *The power of history – History of power*. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 12-16.

Еременко А.Г.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», старший научный сотрудник научно-методического отдела ГБУК КК КГИАМЗ (Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына»).

Лаво Р.С.

Доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Шипунова Е.А.

Магистрант ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Распопина В.С.

Магистрант ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», главный специалист отдела молодежной политики ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Роль музеев в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной Войне*

Аннотация. В статье авторы рассматривают необходимость сохранения исторической памяти поколений о Великой Отечественной войне. Особое внимание уделяется роли музеев и мемориальных комплексов как главных хранителей подлинных свидетельств, способных предотвратить или раскрыть фальсификацию итогов Второй мировой войны и преуменьшения роли советского народа в Победе над фашизмом. Анализируется эволюция музейных практик, начиная от первых выставок и заканчивая современными экспозициями и иными музейными проектами. Сделан вывод, что синтез документальности и художественных форм наиболее эффективно обеспечивает сохранение исторической правды и преемственность поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, героизм, патриотизм и мужество советского народа, музеи и мемориалы о войне, память поколений, музейная коммуникация, сохранение исторической памяти.

* © Еременко А.Г., Лаво Р.С., Шипунова Е.А., Распопина В.С., 2026.

Eremenko A.G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of History, Cultural Studies, and Museology at the Krasnodar State Institute of Culture; Senior Researcher in the Research and Methodology Department at the E.D. Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve.

Lavo R.S.

Doctor of Philosophy, Professor in the Department of History, Cultural Studies, and Museology at the Krasnodar State Institute of Culture.

Shipunova E.A.

Master's student at the Krasnodar State Institute of Culture.

Raspopina V.S.

Master's student at the Krasnodar State Institute of Culture; Chief Specialist in the Youth Policy Department at the Krasnodar State Institute of Culture.

The role of museums in preserving the historical memory of The Great Patriotic War

Abstract. In the article, the authors consider the need to preserve the historical memory of generations about the Great Patriotic War. Special attention is paid to the role of museums and memorial complexes as the main keepers of authentic evidence capable of preventing or uncovering falsification of the results of World War II and downplaying the role of the Soviet people in the Victory over fascism. The evolution of museum practices is analyzed, starting from the first exhibitions and ending with modern expositions and other museum projects, and it is concluded that the synthesis of documentary and artistic forms most effectively ensures the preservation of historical truth and the continuity of generations.

Key words: The Great Patriotic War, heroism, patriotism and courage of the Soviet people, museums and memorials about the war, memory of generations, museum communication, preservation of historical memory.

Актуальность темы исследования. Одной из важнейших задач в культурной политике, направленной на молодое поколение, – это сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны. Победа в этой войне явилась для граждан одним из самых важных праздников в истории советской и современной России, народным Днём. Несмотря на осознание важности сохранения исторической памяти, молодые люди невольно сталкиваются с попытками фальсификации истории средствами массовой информации западных стран и иностранных агентов. Так, распространение ложной ин-

формации, поделка исторических документов и артефактов, преуменьшение роли наших предков в разгроме немецко-фашистских захватчиков и нацистского режима Германии – всё это было и остаётся важным фактором, который стоит учитывать в борьбе с идеологическим противником.

И без влияния западных стран память о тех событиях постепенно замалчивается и забывается по естественным причинам. Современная молодежь всё дальше от тех событий, ведь в культурном дискурсе остаются только наиболее яркие события и имена. В семейной биографии также возникают зазоры: молодые люди не могут осознанно опросить предков-участников или любых иных свидетелей боевых действий, кроме детей войны, потому что те уже умерли. Для передачи истории семьи у них есть живые родственники, которые не были очевидцами, но которые пересказывают воспоминания родителей и бабушек с дедушками. Однако не во всех семьях это присутствует.

Главными хранителями коллективной, народной памяти о войне являются музеи и мемориальные комплексы. В плане содержания они обладают нужными компетентными специалистами и документами для создания достоверного культурного текста, будь то отдельная экспозиция, выставка или экскурсионная программа. Но современный посетитель отвык от традиционных форм музейной практики и они, зачастую, не слишком ему интересны. От похода в культурное учреждение он ждёт уникальный опыт, который не мог бы получить в другом месте и времени. Музеи, как и любое культурное учреждение, входит в конкуренцию за внимание аудитории с библиотеками, концертными залами, театрами, кино, средствами массовой информации и другими институтами. Из-за этой борьбы музеям приходится балансировать: с одной стороны, подключать маркетинговые инструменты и создавать развлекательно-просветительские или художественно-просветительские программы для привлечения большего количества посетителей, жертвуя фактологической достоверностью, а с другой, не подстраиваясь под публику, сохранять культурное наследие и нести историческую память и преемственность поколений, что является одной из традиционных духовно-нравственных ценностей России. Эту проблему музейные центры решают синтезом документальной достоверности содержания и креативностью, художественностью формы. Например, воплощая текст из личных дневников и архивов в театральном действии, тем самым транслируя культурные ценности.

Степень научной разработанности проблемы. К проблеме сохранения и передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне обращались Коваленко В.В., Исаева Ю.В., Малафеев А.В., Алексеева Е.С., Матюхин А.В., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Попов М.Ю. Основной вклад в разработку темы репрезентации Великой Отечественной войны в современных музеях внесли такие исследователи, как Давыдов С.Г. и Коробицына Л.В.

Перспективами исследования являются вопросы использования синтетических форм музейных практик в сохранении и трансляции исторической памяти об Великой Отечественной войне.

Цель, задачи и предмет исследования. Цель работы заключается в анализе современных музейных практик, направленных на сохранение и трансляцию исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. В задачи исследования входит изучение роли музейных учреждений в формировании и сохранении исторической памяти поколений, изучение опыта ведущих отечественных музеев в сохранении достоверной памяти. Опыт эволюции отечественных музейных практик прошлого и настоящего, выделение и анализ современных форматов музейной деятельности представляет определенный научный интерес.

Научная новизна исследования. Несмотря на наличие ряда научных работ, анализирующих музейные проекты, направленных на сохранение достоверной исторической памяти, приуроченных к 80-летию Великой Победы, Году защитника Отечества, перспективными вопросами исследования по-прежнему анализ использования современных форматов просветительских мероприятий для молодого поколения. Перспективными на наш взгляд являются театрализации музейных проектов как мощного инструмента погружения, трансляции культурной ценности.

Методология и методы исследования. В основе исследования использовались как общенаучные методы исследования – анализ, синтез, индукция, интерпретация, сравнение, наблюдение, так и специальные коммуникативные и культурологические методы: аксиологический, историко-генетический, функциональный анализ, интервьюирование.

Эмпирическая база исследования представлена материалами из открытых источников (экспозиции и мероприятия музеев), публикаций СМИ, материалов периодики и информационных ресурсов, в том числе отделов маркетинга или связей с общественностью музейных центров.

Основная часть. В 2025 году Россия отметила 80-ю годовщину со дня Победы в Великой Отечественной войне. Она была завоевана дорогой ценой. В России и постсоветском пространстве трудно найти семью, которой бы не коснулись бы эти события. Недаром в каждом населенном пункте установлены памятники, погибшим в годы Великой Отечественной войны участникам и героям. Именно к этим монументам в день Победы приходят благодарные потомки, чтобы поклониться и поблагодарить за возможность жить под мирным небом.

Чтобы не повторились ужасы той войны, необходимо сохранить достоверную память и преемственность поколений [1]. Это актуально именно сейчас, когда правящие элиты западных стран и некоторые правительства бывших советских республик сносят памятники воинам-освободителям, целенаправленно искажают историческую правду. Они пытаются прини-

зять роль советского народа в Великой Победе над фашизмом, приписывая решающую роль союзникам, начавшим боевые действия лишь в июне-декабре 1944 года.

Послевоенное поколение знало историю ВОВ по рассказам отцов и дедов, их однополчан, вернувшихся с фронта, работников тыла и матерей, испытавших на себе все тяготы и невзгоды сложного для граждан страны. Многие из них были не только очевидцами, но участниками и жертвами тех событий.

Во годы войны и после ее окончания было написано немало стихов и песен, которые до настоящего времени трогают души людей и являются уникальным свидетельством произошедших памяти тех событий. Стихи Константина Симонова, Александра Твардовского, Ольги Берггольц, Булата Окуджавы, Эдуарда Асадова и многих других посвящены стойкости и мужеству героев, страданиям людей, переживших нашествие иностранных оккупантов.

Память о войне сохранилась в мемуарах писателей-фронтовиков, выдающихся полководцев, а также в художественных произведениях, написанных на основе реальных событий. Значение таких произведений как «Воспоминания и размышления» маршала Победы Г.К. Жукова, «Блокада» А.Б. Чаковского, «Брестская крепость» С.С. Смирнова, «А зори здесь тихие» и «В списках не значился» Б.Л. Васильева, «Молодая гвардия» А.А. Фадеева и многих других писателей трудно переоценить. Именно эти произведения использовались в патриотическом воспитании молодежи. Они подчеркивают величие моральных ценностей страны и возвеличивали дух наших солдат [2]. Но стоит заметить, что современные юноши и девушки «в силу молодого возраста, поверхностности интересов или отсутствия должного воспитания в семье» не всегда могут понять значение Победы советского народа над фашистами [3].

Дети, родившиеся в послевоенное время, знают о великом подвиге нашего народа не только по рассказам ветеранов, мемуарам полководцев, художественной прозе, но и по замечательным документальным и художественным фильмам о Великой Отечественной войне, вызывающим чувство гордости за наших дедов и отцов. Отмечая роль кино в воспитании патриотизма, констатируют: «Зритель любого возраста может «учиться» на положительных примерах и не повторять ошибки, видя их результат» [4].

Документальные фильмы формировали представление о войне в целом. Художественные фильмы, как правило, раскрывали характер советского человека, как на фронте, так и в тылу и оккупации. Они порождали эмоции сопереживания, сопричастности и сочувствия к тяжелым испытаниям, обрушившимся на народ нашей страны, вызывали восхищение героизмом солдат и стойкостью простых людей, переживших ужасы тяжелых испытаний.

История Великой Отечественной войны подробно изучалась в советских школах. Реформа образования, проведенная после распада СССР, в условиях масштабной трансформации государства, значительно снизила уровень знаний молодежи о событиях тех дней. Старая идеология была утрачена, а новая еще не успела сформироваться [5]. В настоящее время создаются новые учебники истории для образовательных школ страны.

Но, несмотря на изменения в общественном сознании стране, память поколений о войне не была утрачена. Более того, в 2007 году в Тюмени появилось новое движение «Парад победителей», на котором горожане впервые вышли на улицы города с портретами своих родственников-фронтовиков. Эту инициативу подхватили жители других регионов. А в 2012 году движение стало общероссийским и получило название «Бессмертный полк». В настоящее время оно получило международное признание и распространение. Первыми зарубежными участниками общественного движения стали ветераны Великой Отечественной войны и родственники погибших в Израиле и Белоруссии, присоединившиеся к акции в 2014 году. Сейчас это мероприятие поддерживают жители более чем 80 государств мира. Миссией «Бессмертного полка» является сохранение памяти о героизме наших предков, увековечивание их подвига, сохранение преемственности поколений [3].

Большую роль в сохранении памяти о героизме советского народа для молодежи играют музеи и выставки о войне. Хотя, согласно исследованию, чаще они узнают о событиях через родственников, а также многочисленных ресурсов сети Интернет, «содержание которых нередко не соответствует требованиям достоверности и научной обоснованности» [6], что как раз таки присутствует в музеях. В связи с этим происходит расширение воспитательной и образовательной активности музеев [7]. Им отдается роль не только непосредственного сохранения артефактов, но и передачи памяти с помощью воспитательных, образовательных и творческих мероприятий.

Первый мемориальный комплекс открылся еще во время войны 7 ноября 1944 года. Он увековечил подвиг солдат армии Карельского фронта, которые успешно переправились через реку Свирь и предотвратили окружение Ленинграда вторым блокадным кольцом.

Одной из инициатив по сохранению памяти об ужасах Великой Отечественной войны, а именно о выживании в блокадном Ленинграде, стала выставка при средней школе № 7 Василеостровского района учителя литературы и ветерана Великой Отечественной войны Антонины Степановны Батуриной. В школьном музее «ЛУЧ» («Ленинградский учитель») она представила документы о работе ленинградских школ и педагогов в годы войны и блокады Ленинграда. В 1997 году А.С. Батурина передала его материалы в дар Отделу рукописей Российской национальной библиотеки, где они хранятся в фонде № 1434 [8].

Известна история создания музея «Обороны Ленинграда», идея которого принадлежит группе энтузиастов во главе с историком Львом Рыковым. Они собирали экспонаты прямо под обстрелами. Первоначально выставка открылась в здании бывшего Сельскохозяйственного музея на Исаакиевской площади. В экспозиции были представлены: дневник Тани Савичевой, переданный ее выжившей сестрой; карта города, на которой врач Н. Никитин отметил места падения бомб на город; пайка блокадного хлеба, весом 125 граммов, сохраненный семьей Васильевых.

Не менее символичными в 1943 году, сразу после Сталинградской битвы, стали выставка трофеев в полуразрушенном здании универмага, где в плен сдался фельдмаршал Паулюс. В импровизированном музее, в подвале завода «Красный Октябрь», который создали рабочие можно было увидеть немецкие знамена, личные вещи солдат вермахта, пробитые каски, самодельные печки-буржуйки и многое другое. По инициативе одного из участников обороны завода «Баррикады» поисковые группы собирали на Мамаевом кургане солдатские медальоны и письма, свидетельства подвига защитников города. Письмо солдата, адресованное матери, стало легендой музея: «Если я погибну, мама, передай мои часы в музей. Пусть люди знают, за что мы умираем».

Руководство страны с самого начала войны осознавало, что борьба за Победу ведется не только на полях сражений, но и в сфере идеологии. Именно поэтому в мае 1942 года была создана Комиссия «По истории Великой Отечественной войны». Она координировала сбор документов и свидетельств очевидцев. А после Сталинградской победы работа стала еще активней и ключевую роль в ней играл Центральный музей Красной Армии.

После окончания Великой Отечественной войны почти в каждом городе нашей необъятной страны появились аллеи славы, монументы, выставки, экспозиции, увековечивающие великий подвиг советского народа.

Для России, Беларуси и некоторых бывших республиках постсоветского пространства, не стремящихся переписать историю в угоду правящим элитам зарубежных стран, история Великой Отечественной войны является сакральной. В исторических музеях, мемориальных комплексах, экспозициях и выставках можно найти бесценные документы и экспонаты, демонстрирующие масштабы и итоги войны, героизм, мужество и патриотизм советского народа. Чтобы наиболее доступно и интересно преподнести посетителям исторические факты, память о событиях войны, реальные артефакты, в современных музеях и мемориальных комплексах активно внедряют различные музейные и вне музейные практики. К таким практикам можно отнести как классические экскурсии, лекции, музейные уроки, дискуссионные клубы, круглые столы и конференции, конкурсы, так и инновационные и художественные внедрения: интерактивные и мультимедийные технологии, перформативные и театрализованные экскурсии с

элементами «погружения».

Также, музеи могут осуществлять социокультурную роль, что видно по деятельности Евпаторийского краеведческого музея: «Музей также служил связующим звеном между ветеранским сообществом и иными общественными и образовательными организациями и учреждениями, координируя их действия и создавая эффективную систему коммуникации» [9]. В 1960-1970-х гг. прошлого столетия шло активное взаимодействие с пионерами и ветеранами. Музей также оказывал методическую и организационную помощь в проведении местных памятных мероприятий.

Центральным музеем нашей страны является Музей Победы на Поклонной горе в Москве, где на постоянной основе действуют экспозиции «Подвиг Народа», «Битва за Москву. Первая Победа!», а уникальные диорамы «Контрнаступление советских войск под Москвой», «Блокада Ленинграда», «Сталинградская битва», «Курская дуга», «Форсирование Днепра» и «Штурм Берлина» воссоздают сражения, сыгравшие ключевую роль в ходе Великой Отечественной войны [10]. В зале «Памяти и Скорби» скульптурная группа «Скорбь», олицетворяет в образе женщины всех матерей, жен, сестер и дочерей, оплакивающих погибших в годы ВОВ. В зале «Полководцев» размещена галерея лиц высшего командного состава, награжденных орденом «Победа» за успешное проведение боевых операций в масштабе одного или нескольких фронтов. В зале «Славы» на 72 мраморных пилонах за подвиги, совершённые в годы войны увековечены имена более 11800 Героев Советского Союза и Героев России.

С целью сохранить и передать будущим поколениям факты о каждом, кто внес свой вклад в Победу над нацизмом, в 2019 году был запущен Все-народный исторический проект «Лица Победы». Это депозитарий, имеющий международный статус, где в электронном виде хранятся данные, фотографии и личные истории миллионов людей, в том числе и из других стран, воевавших на фронте или трудившихся в тылу.

Символично, что «Центральный Музей Победы» имеет несколько филиалов и постоянно расширяется. В 2015 году в деревне Хорошево Ржевского района Российским военно-историческим обществом был основан Музей «Калининский фронт. Август 1943 года» (Ставка И.В. Сталина). В 2020 году на месте одной из самых кровопролитных битв Великой Отечественной войны был возведен Ржевский мемориал советскому солдату. Это величественная 25-метровая фигура солдата, стоящая на стальных плитах с высеченными именами погибших воинов.

Музей Г.К. Жукова в Калужской области стал филиалом Музея Победы в 2020 году. Его экспозиции посвящены выдающемуся советскому полководцу, четырежды Герою Советского Союза, Г.К. Жукову. Он был награжден двумя орденами «Победа». Это современный музейный комплекс, включающий в себя здание музея, реконструированный родительский

дом, скульптурную композицию «Родина Маршала Г.К. Жукова». В музее хранятся личные вещи, фотографии и документы полководца.

«Главные оружейные реликвии армии» (Музей ГОРА) на Поклонной горе также является филиалом Музея Победы. Это крупнейшая выставка военной техники Второй мировой войны под открытым небом, где можно увидеть раритетные экспонаты, легковые автомобили, бронетранспортеры, танки, истребители и даже корабли, размещенные в искусственном водоеме.

Музеи активно внедряют нетрадиционные для такого учреждения виды культурных практик: игры, мастер-классы, квесты как развлекательные форматы [11], и даже спектакли. Так, музыкальный театром «На Поклонке» при поддержке Музея Победы 29 мая 2025 года был представлен музыкально-исторический спектакль «Дети войны», наглядно демонстрирующий синтез документальной достоверности и художественной выразительности. Артисты театра – это дети от 7 до 15 лет, которые играют своих ровесников, а именно московских школьников 1940-х годов. Такие проекты сохраняют историческую правду, формируют у юного поколения чувство сопричастности к судьбе отечества, налаживают диалог «отцов» и «детей» и способствуют тому, что всё больше людей, особенно молодёжь и дети, вовлекаются в историю Родины. В дальнейшем зрители могут заинтересоваться и другими проектами учреждения, связанными с историей Великой Отечественной войны.

Музей «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» был открыт в 1973 году, к 30-летию освобождения города [12]. В главной экспозиции представлены документальные и вещественные свидетельства, представляющие историю Смоленского сражения 1941 года, задержавшего наступление фашистов на Москву. В музее собраны уникальные документы об оккупации города Смоленска, терроре против мирного населения, деятельности подполья и операции «Суворов» по освобождению города в 1943 году. Тематика музея обусловлена её географическо-историческим положением, что позволяет сотрудникам рассказывать о характерных для места вещах, например, о феномене подпольщиков в Смоленской области, история города в 1941-1945 гг., о местных памятниках и названиях улиц, связанных с войной. Для посещения музей предлагает форматы обзорной или тематической экскурсий, лекции, лектория, медиапроекта, урока мужества, месячника по военно-патриотической работе, тематического вечера, демонстрации художественных и документальных фильмов, викторины, конференции, а также интерактивных программ и театрализованных выступлений исторического театра «Порубежье». На сайте заповедника указаны представлено всего две постановки – «Новости из прошлого» и «Курс молодого бойца» –, хотя театр регулярно участвует в музейных и региональных мероприятиях. Актёры театра в исторических костюмах воспроизводят сцены боя, этюды из жизни бойца и быта граж-

дан в реконструируемых условиях. Артисты-любители активно вовлекают посетителей в происходящее, разговаривая с ними, обучая искусству обращения с оружием.

В Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына представлены экспонаты, отражающие события первых дней Великой Отечественной войны, оккупацию и геноцид против мирного населения, деятельность подполья и освобождение Кубани в нескольких тематических блоках, которые завершаются «Залом Победы», посвященному беспримерному героизму воинов-кубанцев, защищавших Родину [13]. Документы и фотографии участников Великой Отечественной войны, их личные вещи, предметы солдатского быта, воссозданный интерьер партизанской землянки, диорама «Атака на Сопке Героев» (высота 121,4), на которой запечатлена рукопашная схватка Героя Советского Союза И.Т. Юркина с фашистом, воссоздают атмосферу того тяжелейшего периода в жизни нашей страны.

Для полного погружения в историю посетители могут выбрать экскурсию по экспозиции «Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» и мероприятие «Прорыв» о Краснодарской наступательной операции [14]. «Прорыв» как спектакль, который играют в музее, подстраивается под архитектуру выставки: гости перемещаются внутри единой локации, встречаясь с разными героями и их историями. Как в спектакле-променаде, зритель следует за гидом, которым выступает экскурсовод музея. Он рассказывает об историческом контексте, действиях противника, обобщая опыт и знания о Великой Отечественной войне и конкретно об эпизоде оккупации Краснодара. Персонажи «Прорыва», чей художественный текст основан на реальных письмах и дневниках, воздействуют на посетителя эмоционально. Они обращаются к нему с личными историями и переживаниями, разыгрывают, как принято в театре, драматические сцены и этюды.

Роль музеев и экспозиций о войне невозможно переоценить. В условиях информационной войны именно деятельность музеев и мемориальных комплексов предоставляют доказательства подвига советского народа. Михаил Ломоносов говорил, что народ, незнающий своего прошлого, не имеет будущего. Именно музеи формируют у сегодняшнего поколения чувство причастности к истории Родины. Недаром ежегодно их посещают миллионы человек, и не только россиян, но и туристов из зарубежных стран. Бесценные свидетельства героического прошлого страны-победительницы вызывают гордость за народ, сохранивший родную землю для потомков, а выставки современного вооружения дают уверенность, что Россия справится с любыми вызовами и агрессией от кого бы она не исходила.

Классические экспозиции обновляются и дополняются новыми форматами, ведь именно «в пространстве музея формируются этические, эстетические, духовно-нравственные ценности на основе соприкосновения с

подлинными памятниками истории и культуры» [11]. Музей как открытое пространство, в котором встречаются непрофессионалы, позволяет участникам творчески самовыражаться. При этом погружаясь в историю, проводя собственное исследование, окунаясь в мироощущение людей прошлого методами переживания и воплощения, участники переживают события прошлого в безопасной среде. Это позволяет им создать уникальный опыт переживания событий, в которых они никогда не участвовали. Такие методы, основанные на подлинных документах и артефактах, способствуют тому, что у молодежи формируется историческая память и эмоциональная связь с предшествующими поколениями. Именно они помогают в столкновении с попытками искажения истории, распознать обман, аргументировать свою позицию и распространить истину, тем самым бороться с подменой не только ложными фактами, но и беречь ценности.

Таким образом, музейные практики, сочетающие подлинные факты и историческую достоверность, художественно обработанные и оформленные, создают прочный фундамент патриотического сознания молодого гражданина России и преемственности памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Коваленко В.В. Историческая память: сущность, основные формы, роль в обществе // Парадигмы истории и общественного развития. 2017. № 5. С. 35-37.
2. Исаева Ю.В. Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 18-24. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodyozhi> (Дата обращения: 11.04.2026).
3. Малафеев А.В. «Бессмертный полк» как сохранение памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2022. № 1 (46). С. 86-92. – DOI: 10.24412/2227-1384-2022-146-86-92.
4. Алексеева Е.С. Тема Великой Отечественной войны в отечественном кино // Альманах мировой науки. 2019. № 10 (36). С. 16-17. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42403766> (Дата обращения: 12.04.2026).
5. Матюхин А.В. Основные параметры идеологических проектов в России // Обозреватель-Observer. 2008. № 12. С. 36-49. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13054957> (Дата обращения: 10.04.2026).
6. Касьянов В.В., Самыгин П.С., Попов М.Ю. Историческая память о событиях Великой Отечественной войны и современное российское общество // История. Культурология. Политология. 2025. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-sobytyah-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-sovremennoe-rossiyskoe-obschestvo> (Дата обращения: 11.04.2026).
7. Давыдов С.Г. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 107-111. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynye-kompleksy-i-formirovanie-istoricheskoy-pamyati-o-sobytyah-velikoy-otechestvennoy-voyny> (Дата обращения: 11.04.2026).
8. Сайт Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. // URL: <https://nlr.ru/manuscripts> (Дата обращения: 26.01.2026).
9. Борунов С.С., Иванов В.А., Микитинец А.Ю. Трансформация политики памяти о Великой Отечественной войне в 1960–1970-е гг. (на примере евпаторийского краеведческого музея) // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 3 (94). С. 60-71. – DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-60-7.

10. Сайт Музея Победы. // URL: <https://victorymuseum.ru/> (Дата обращения: 25.03.2026).
11. Воробьева Г.И., Орфаниди Н.И., Акоева Н.Б. Организация деятельности регионального музея с использованием интерактивных технологий // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 4 (79). – DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-91-100.
12. Сайт Музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». // URL: https://www.smolensk-museum.ru/catalog/smolensk_v_godi_vov/ (Дата обращения: 25.03.2026).
13. Карякин А.В. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына как научно-исследовательское учреждение // Наследие веков. 2015. № 3 (3). С. 59-64. // URL: <https://sciup.org/krasnodarskij-gosudarstvennyj-istoriko-arheologicheskij-muzej-zapovednik-imeni-e-170174897> (Дата обращения: 14.03.2026).
14. Сайт Музея Фелицына. // URL: <https://felicina.ru/> (Дата обращения: 14.03.2026).
15. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях рождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

References

1. Kovalenko V.V. Historical Memory: Essence, Main Forms, and Role in Society // Paradigms of History and Social Development. 2017. № 5. P. 35-37.
2. Isaeva Yu.V. Historical Memory of the Great Patriotic War as a Spiritual and Moral Basis for Patriotic Education of Youth // Bulletin of Public and Municipal Management. 2014. № 4. P. 18-24. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynye-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodyozhi> (11.04.2026).
3. Malafeev A.V. “Immortal Regiment” as a means of preserving the memory of the Soviet people’s heroism during the Great Patriotic War // Bulletin of the Sholem Aleichem Primorsky State University. 2022. № 1 (46). P. 86-92. – DOI: 10.24412/2227-1384-2022-146-86-92.
4. Alekseeva E.S. The Theme of the Great Patriotic War in Russian Cinema // Almanac of World Science. 2019. № 10 (36). P. 16-17. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42403766> (12.04.2026).
5. Matyukhin A.V. Main Parameters of Ideological Projects in Russia // Obozrevatel-Observer. 2008. № 12. P. 36-49. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13054957> (10.04.2026).
6. Kasyanov V.V., Samygin P.S., Popov M.Yu. Historical Memory of the Events of the Great Patriotic War and Modern Russian Society // History. Cultural Studies. Political Science. 2025. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-sobytyiah-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-sovremennoe-rossijskoe-obschestvo> (11.04.2026).
7. Davydov S.G. Museum Complexes and the Formation of Historical Memory of the Events of the Great Patriotic War // Modern Scientific Thought. 2020. № 4. P. 107-111. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynye-kompleksy-i-formirovanie-istoricheskoy-pamyati-o-sobytyiah-velikoy-otechestvennoy-voyny> (11.04.2026).
8. Website of the Manuscripts Department of the National Library of Russia. // URL: <https://nlr.ru/manuscripts> (26.01.2026).
9. Borunov S.S., Ivanov V.A., Mikitinets A.Yu. Transformation of the Policy of Memory of the Great Patriotic War in the 1960s–1970s. (using the Yevpatoria Museum of Local History as an example) // Cultural Life of the South of Russia. 2024. № 3 (94). P. 60-71. – DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-60-71.
10. Victory Museum Website. // URL: <https://victorymuseum.ru/> (25.03.2026).
11. Vorobyova G.I., Orfanidi N.I., Aкоеva N.B. Organization of Regional Museum Activities Using Interactive Technologies // Cultural Life of the South of Russia. 2020. № 4 (79). – DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-91-100.
12. Website of the Museum “Smolensk Region During the Great Patriotic War of 1941-1945”. // URL: https://www.smolensk-museum.ru/catalog/smolensk_v_godi_vov/ (25.03.2026).
13. Karyakin A.V. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn as a Research Institution // Heritage of Centuries. 2015. № 3 (3). P. 59-64. // URL: <https://sciup.org/krasnodarskij-gosudarstvennyj-istoriko-arheologicheskij-muzej-zapovednik-imeni-e-170174897> (14.03.2026).
14. Website of the Felitsyn Museum. // URL: <https://felicina.ru/> (14.03.2026).
15. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Ефанов Д.А.

Аспирант 3 курса. Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Педагогические основы изучения драматургии вокального номера, как ключевого элемента эстрадного искусства*

Аннотация. В статье рассматривается эстрадный вокальный номер как основная единица эстрадного искусства. Акцент сделан на педагогических аспектах: как изучать драматургию номера в системе профессиональной подготовки вокалистов. Анализируются композиционная структура, критерии драматургии и роль режиссуры. Предлагаются методические подходы к разбору номера со студентами. Делается вывод о необходимости включения драматургического анализа в учебный процесс.

Ключевые слова: эстрадный вокальный номер, драматургия, педагогика эстрадного искусства, режиссура, подготовка вокалиста, сценический образ.

Efanov D.A.

Third-year graduate student, St. Petersburg State Institute of Culture.

Pedagogical foundations for studying the dramaturgy of a vocal piece as a key element of variety art

This article examines the pop vocal performance as the fundamental unit of pop art. The focus is on pedagogical aspects: how to study the dramaturgy of a performance within the framework of professional training for vocalists. The article analyzes the compositional structure, dramaturgical criteria, and the role of direction. Methodological approaches to analyzing a performance with students are proposed. The conclusion is drawn regarding the necessity of incorporating dramaturgical analysis into the educational process.

Key words: pop vocal performance, dramaturgy, pedagogy of pop art, stage direction, vocalist training, stage image.

История эстрады имеет глубокие корни, которые восходят к искусству Египта, Греции, представления которых и на сегодняшний день славятся

* © Ефанов Д.А., 2026.

Педагогические основы изучения драматургии вокального номера, как ключевого элемента эстрадного искусства

своим колоритом и четкой структурой, тонким драматизмом, ориентиром на зрителя. В России элементы эстрадного исполнения появились во времена странствующих артистов – скоморохов, в Германии это движение представляли шпильманы, во Франции жонглеры, трубадуры. Трубадуров отличала особенность – музыка была написана под заказ, а творчество распространялось путем передачи наемных певцов и бродячих артистов.

Развиваясь прогрессивными темпами, искусство исполнения эстрадных номеров, а именно эстрадной музыки на сегодняшний день находится в центре внимания исследователей, деятелей культуры, искусства. Но не менее важно, как это знание передается студентам – будущим артистам эстрады.

Актуальность данной работы заключается в том, что драматургия играет важную роль в современном мире эстрадной песни, а так же имеет понятие «театр песни». Начиная с середины XX века вокалисты стали понимать значимость режиссуры, которая объединяла вокал и актерское мастерство, позволяя достигать наибольшей выразительности и производя более мощный эффект на зрителя. Однако в педагогической практике эстрадного вокала, драматургии до сих пор уделяют меньше внимания, чем технике голоса. Это проблема. Данная область вызывает живой интерес культурологов и исследователей, но в учебные планы включается фрагментарно.

Цель исследования – определить педагогические основы изучения драматургии постановки эстрадного вокального номера и предложить методические ориентиры для преподавателей. Задачи: проанализировать специализированную литературу с педагогической точки зрения, рассмотреть понятие номера как ведущего компонента эстрадного искусства, выделить особенности драматургии, которые важно объяснять студентам, показать на примере анализа произведений, как это работает в обучении. Предметом исследования является эстрадный вокальный номер как учебная единица. Объект исследования – драматургия эстрадного вокального номера в педагогическом контексте.

Теоретическая разработанность данной темы проявляется в работах Н. Смирнова-Сокольского [14], А. Конникова «Мир эстрады» [5]. Из современных исследователей стоит выделить: Н.К. Корнеева «Подготовка концертного номера вокалиста» [6], И.В. Маевскую с научной статьей «Особенности драматургии эстрадной песни на примере жанра монолога» [8]. Проблематику образной текстуры эстрадного номера подробно описал И.А. Богданов [1]. Но педагогического переложения этих трудов почти нет. В этом – практическая ценность нашей работы.

Искусство эстрады состоит из грамотно организованных эстрадных номеров, благодаря которым составляется успех концерта в целом. Для студента первое, что нужно понять: без номера нет эстрады. Номер – это не

просто песня. Это конструкция. «Номер считается главной художественной единицей эстрады. Данное понятие относится и к вокальному номеру». Изначально понятие «номер» восходит к истории цирка, когда артисты цирка стремились узнать под каким «номером» они выступают, имея в виду очередность. Со временем из цирковых «шатров» понятие «номер» проецировалось на эстраду. Однако с годами данное понятие приобрело более глубокий смысл. Другое определение номеру дает Н. Смирнов-Сokolьский: «Номер – отдельное, законченное выступление одного или нескольких артистов» [14, 45].

На сегодняшний день номер можно назвать маленьким спектаклем, который подразумевает свою строго определенную композицию, имеющую завязку, кульминацию и развязку. Для педагога это означает: со студентом нужно разбирать не только ноты, но и драматургическую партитуру. Важным условием номера является короткометражность (не более 15-20 минут), что требует предельной концентрированности выразительных средств, лаконизма, динамики. На занятиях это тренируется через упражнения на «сжатие» смысла: рассказать историю песни за одну минуту, потом за тридцать секунд. Для того чтобы номеру придать наибольшую выразительность, привлекают режиссеров, композиторов, авторов, хореографов и художников, а также художников по костюму и свету. В условиях вуза студент должен хотя бы минимально освоить функции каждого из этих специалистов. С точки зрения содержания сценария номер можно определить как «отдельный отрезок действия, который обладает собственной внутренней структурой» [13, 31].

Тесную связь театра и эстрады и в то же время их отличие отметил исследователь А. Анастасьев. Он говорил, что в театре произведением является спектакль, а в искусстве эстрады – это номер, являющийся, как выразился Ю. Дмитриев, «основой эстрадного искусства» [3, 52]. Важно отметить, что все исследователи сходятся в одном – эстрадный номер обладает четкой композиционной структурой. Она похожа на структуру любого сценического произведения. Прежде всего, она включает в себя: экспозицию, где происходит завязка сюжета; кульминацию, тот самый контрастный перелом, при отсутствии которого невозможно полное развитие сюжета; и заключительный момент – развязку, которая приводит все действие к логической завершенности. В педагогической работе полезно давать студентам схему-шаблон. Пусть они вписывают в нее свою песню. Где завязка? Где перелом? Где финал? Без этого номер рассыпается.

Длительность эстрадного номера непосредственно зависит от его функций и задач, поставленных при создании номера. Здесь следует учитывать четкую организацию содержания, так как необходимо максимально точно передать суть сюжета, донести до зрителя главную мысль песни, находясь в четких временных рамках, а также в рамках конкретного ху-

дожественного формата. Еще одно сходство эстрадного номера с другими драматическими действиями – у любого эстрадного номера есть своя форма. Повторяя слова А. Анастасьева, для оперного театра это спектакль. Для различных инструментальных оркестров, камерных ансамблей и солистов формой подачи эстрадного номера является концерт. Такую же форму выбирает музыкальная эстрада. Однако необходимо подчеркнуть, что концерт музыкальной эстрады имеет ряд отличий. В первую очередь, его основу составляют музыкальные номера, относящиеся к различным жанрам и стилям музыки. К примеру, если вокал сопровождает оркестр русских народных инструментов, то концерт называется академическим, а если аккомпанирует вокалу инструментальный ансамбль тех же народных инструментов, то концерт уже будет эстрадным. Такое различие объясняется особенностями исполнения, которые определяются спецификой каждого конкретного жанра [3, 55]. Студенту важно это различать, чтобы понимать, в какую оптику его оценивают.

Одной из основных характерных черт музыкального эстрадного номера является общение с публикой. Артист в исполняемом номере главным образом обращается к зрителю. Данная особенность разделяет эстрадный номер и академическое исполнение. На занятиях по вокалу это часто упускают: студент поет «в себя» или «в потолок». Педагог должен настойчиво возвращать его к контакту с залом. Даже если зал – учебная аудитория. Таким образом, можем сделать вывод, что номер является самостоятельной единицей концертного представления, который имеет собственную структуру, состоящую из завязки, кульминации и развязки, свою «историю», которую солист или вокальная группа стремятся передать зрителю. Создание номера является единством сотрудничества специалистов: автора, актера-певца, режиссера, художника, благодаря которому достигается эффект диалога исполнителя со зрителем. В педагогике это означает переход от индивидуальных занятий по вокалу к междисциплинарным проектам. Хорошо, если студент работает с режиссером хотя бы раз за семестр.

Специфика драматургии номера определяется следующими критериями: учет временных рамок; создание самостоятельного и законченного произведения; лаконичность; специфика учета выразительности средств, афористичности и передача идеи номера; жанр вокального эстрадного номера. Каждый из этих критериев – отдельная тема для занятия. Разберем их последовательно.

И вокальные, и театральные составляющие спектакля важны для постановки сценического выступления. Этот прием нужен для создания идеального сценического образа. Данный прием необходим для безупречного создания сценического образа, так как помимо художественного образа и вокальных данных артиста немалое значение играет содержание текста,

суть которого стремится передать исполнитель, следуя определенному сценарию номера. С педагогической точки зрения здесь возникает вопрос: как совмещать вокальные тренажи и актерские задачи? Обычный график не позволяет. Нужны специальные формы – мастер-классы, интегративные уроки, где педагог по вокалу и режиссер ведут занятие вдвоем.

Игровая театральная деятельность исполнителя на сцене подтверждается не только вокальным исполнением, но и в первую очередь индивидуальностью исполнителя. Индивидуальность артиста считается ценным свойством, наивысшим проявлением мастерства и таланта [8, 28]. Благодаря правильно выстроенной драматургии номера вокалист превращается в актера, который передает свои чувства зрителям. Раскрытие воображаемого художественного смысла является показателем профессионализма концертного вокалиста. «Певец-артист находит образ, который шествует с ним по всей его творческой биографии, и который настолько любим публикой, что она не мыслит себе этого исполнителя вне найденного им эстрадного образа» [2].

В учебной практике важно не загонять студента в один образ насильно. Некоторые педагоги делают эту ошибку. Увидят, что у студента получается лирический герой, и дальше только это и требуют. А надо, наоборот, пробовать разное. Артист-универсал более востребован. Сумев зарекомендовать себя в определенном образе на сцене, благодаря грамотно продуманному сценарию эстрадного номера, исполнители так и остаются в этом образе, боясь показать свою индивидуальность, личность, поскольку опасаются того, что потеряют популярность у публики. Однако существуют артисты – универсалы, которым удается достичь объединения разных стилистических возможностей. В качестве примера такого артиста можно привести личность Барбары Стрейзанд, которая является композитором, автором, певицей, продюсером, обладательницей двух «Оскаров» в номинациях «Лучшая актриса» и «Лучшая оригинальная песня», а также премий «Эмми», «Грэмми» и «Золотой глобус» [10]. Публика знает ее, в основном, как артистку бродвейских мюзиклов и полюбившихся мелодий и песен из них («People», «Don't rain on my parade», «Memory»), тем не менее она не боится меняться и пробует себя в качестве поп-исполнителя. На занятиях полезно разбирать биографии таких артистов. Это снимает страх перемен.

Предлагаем рассмотреть подробнее критерии оценивания драматургии вокального эстрадного номера – уже не только как исследовательскую задачу, но как основу для педагогической диагностики.

Первый критерий – учет временных рамок. Данный критерий предполагает, как было указано в первом параграфе, способность в короткое время лаконично упаковать определенную идею. Этот критерий является довольно строгим и одним из важнейших при анализе драматургии эстрад-

ного номера. «Номер» деформирует понятие «время». Народный артист СССР И. Шароев говорил: «Эстрада требует особой одаренности. Здесь трудно обмануть – ведь артист лишен многих средств театрального искусства, за которые можно спрятать свою неумелость: декораций, музыки, грима, театрального костюма, наконец, партнеров. Он стоит у микрофона один-одинешенек и надеяться ему не на что и не на кого – только на самого себя. Тут-то и происходит полная проверка – кто ты? что умеешь? или же не умеешь ничего? личность ты или так – «господин никто»? Жесткие это условия, но справедливые. На эстраде все заметнее...» [17, 87]. История эстрады помнит номера, которые длились менее трех минут и содержали в себе все многообразие эстрадного номера с необходимой структурой. Для педагога это означает: не надо давать студенту слишком длинный материал в начале обучения. Пусть берет песню на 2–3 минуты. В короткой форме легче отследить структуру. Полезное упражнение – взять готовую песню и сократить ее до 90 секунд, сохранив завязку, кульминацию и развязку.

Второй критерий – создание самостоятельного и законченного произведения. Бывают ситуации, когда предложенный сценарий соответствует только определенному спектаклю и не может быть применен на разного рода эстрадных площадках. Суть в том, что эстрадный номер может быть сыгран совершенно на любой площадке, в любых условиях. «Драматургическая структура номера должна иметь определенный простор, «воздух», который давал бы артисту возможность импровизировать в рамках сценария» [13, 44]. В обучении это проверяется просто: просим студента спеть тот же номер в разных условиях – в классе, на учебной сцене, без микрофона, с микрофоном, сидя, стоя. Если номер «рассыпается» – значит, структура жесткая, а не гибкая.

Третий критерий – лаконичность. Этот закон указывает эстетическую составляющую эстрадного номера, что действует на основы драматургического создания. «Общим для всех родов и жанров эстрады свойством, – точно определяет профессор С. Клитин, – является лаконизм. Это понятие распространяется буквально на все стороны эстрадного искусства» [4, 112]. Студенты часто путают лаконизм с примитивизмом. Лаконизм – это не бедность, а точность. На занятиях хорошо работает сравнение: стихотворение и роман. В стихотворении слов мало, но смысла много. Так и в номере.

Четвертый критерий – специфика учета выразительности средств, афористичности. Данный критерий предполагает учет средств художественной выразительности для передачи идеи музыкального номера для того, чтобы зритель проникся тематикой. Немаловажное значение в этом играет и эмоциональность исполнителя: жесты, мимика, динамичность. В педагогике это зона ответственности не только педагога по вокалу, но и педагога по сценическому движению. Проблема в том, что в учебных планах

эти дисциплины часто не стыкуются. Решение – сквозные темы. Например, месяц работы над «агрессией в жесте» или «тихой мимикой». Тогда вокалист не думает о жесте отдельно, он встраивает его в драматургию.

Пятый критерий – жанр вокального эстрадного номера. Жанровое разнообразие велико: монолог, диалог, музыкально-танцевальный жанр, история, оригинальный и эстрадно-цирковой, инструментально-вокальный [3, 61]. В каком бы жанре ни было исполнено произведение, важнейшим остается передача идеи, темы, проблематики вокального эстрадного номера. Студенту полезно за время обучения пройти через три-четыре разных жанра. Даже если его природный жанр – лирический монолог, год поработать в музыкально-танцевальном жанре. Это расширяет инструментарий.

Исследователь специфики эстрадного вокального номера Маевская И.В. предлагает оценивать драматическую составляющую музыкального эстрадного номера в виде сопоставительной таблицы, основными критериями в которой являются: текст песни, этап драматургии, применяемые средства выразительности. Так же исследователь рекомендует проводить анализ структуры песни [8, 29]. Для педагога эта таблица – готовая рабочая тетрадь. Раздаем студентам, они заполняют на каждую песню. Через полгода у них накапливается портфолио драматургических разборов. Это дисциплинирует мышление.

На сегодняшний день искусство эстрады развивается быстрыми темпами и в центре внимания не только вокальные данные исполнителя, но и актерское мастерство и сценическая постановка. Однако система подготовки вокалистов меняется медленно. Драматургию до сих пор часто преподают факультативно или не преподают вовсе. Номер считается главной художественной единицей эстрады и обладает четкой композиционной структурой. Построение номера совпадает со структурой драматического действия в целом. Как и во всех произведениях, в номере огромную роль играет завязка. Она задает атмосферу и настрой. Кульминационная часть в номере контрастна остальным частям для полноты развития темы. Развязка в номере приходит к логическому завершению.

Важнейшими характеристиками драматической постановки номера являются: учет временных рамок; создание самостоятельного и законченного произведения; лаконичность; специфика учета выразительности средств, афористичности и передача идеи номера; жанр вокального эстрадного номера.

Целью данной работы явилось изучение педагогических основ драматургии постановки эстрадного вокального номера. Для достижения цели нами были решены следующие задачи: проведен анализ специализированной литературы с педагогическим фокусом, рассмотрено понятие номера как ведущего компонента эстрадного искусства, изучены осо-

бенности драматургии эстрадного вокального номера применительно к учебному процессу.

Практические рекомендации для преподавателей. Первое: включить драматургический разбор номера в обязательный минимум по дисциплине «Эстрадный вокал». Второе: использовать таблицу Маевской как рабочий инструмент [8, 30]. Третье: организовать хотя бы одну междисциплинарную сессию в семестр с участием режиссера или хореографа. Четвертое: тренировать сжатие смысла – от 5 минут до 90 секунд. Пятое: разбирать биографии артистов-универсалов (Стрейзанд и другие) для снятия страха перед сменой образа [10].

Без системного подхода к драматургии эстрадный вокалист остается просто человеком с хорошим голосом. Но не артистом. А эстрада, как точно заметил Шароев [17, 88], прощает многое, но не прощает пустоты. Студент должен это чувствовать с первой песни.

Библиографический список

1. Богданов И.А. Постановка эстрадного номера: монография / И.А. Богданов. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГАТИ, 2013. 331 с.
2. Большая российская энциклопедия: электронный ресурс. // URL: https://bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/4916473 (Дата обращения: 20.03.2026).
3. Дмитриев Ю.А. Эстрада и цирк глазами влюбленного: сборник статей / Ю.А. Дмитриев. – Москва: Искусство, 1971. 207 с.
4. Клитин С.С. История искусства эстрады: учебное пособие / С.С. Клитин. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГАТИ, 2008. 448 с.
5. Конников А.П. Мир эстрады: очерки / А.П. Конников. – Москва: Искусство, 1980. 272 с.
6. Корнеев Н.К. Подготовка концертного номера вокалиста / Н.К. Корнеев. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 3 (40). С. 125-128.
7. Кузнецов Е.М. Из прошлого русской эстрады: исторические очерки / Е.М. Кузнецов. – Москва: Искусство, 1958. 367 с.
8. Маевская И.В. Особенности драматургии эстрадной песни на примере жанра монолога / И.В. Маевская // «Культурная жизнь Юга России». 2017. № 4 (67). С. 27-31.
9. Маевская И.В. Жанрово-стилевые аспекты отечественной эстрадной песни второй половины XX века: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Маевская Инна Викторовна. – Ростов-на-Дону, 2020. 205 с.
10. Официальный сайт Барбары Стрейзанд: электронный ресурс. // URL: <https://barbrastreisand.com/biography/> (Дата обращения: 20.03.2026).
11. Петров А. Песня / А. Петров // Эстрада России. XX век: лексикон. – Москва, 2000. С. 440.
12. Рыбакова Е.Л. Развитие музыкального искусства эстрады в современной России: традиции, перспективы, исследования: монография / Е.Л. Рыбакова. – Санкт-Петербург: СПбГУ-КИ, 2006. 278 с.
13. Селицкий А. Основы музыкальной драматургии: учебное пособие / А. Селицкий, И. Демина. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГК, 2008. 72 с.
14. Смирнов-Сокольский Н. Сорок пять лет на эстраде: воспоминания / Н. Смирнов-Сокольский. – Москва: Искусство, 1976. 384 с.
15. Уварова Е.Д. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945): монография / Е.Д. Уварова. – Москва: Искусство, 1983. 320 с.
16. Шак Т. Поэзия М. Цветаевой в жанре отечественной эстрадной песни (к проблеме исполнительской интерпретации) / Т. Шак, А. Куцурова // Русская литература в судьбах отечественной культуры: материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 9-10 апреля 2015 г.). – Краснодар, 2015. С. 431-438.

17. Шароев И. Музыкальный театр: события, проблемы: сборник статей / И. Шароев. – Москва: Музыка, 1990. 160 с.
18. Юшманов В.И. Вокальная техника и ее парадоксы / В.И. Юшманов. – Москва: ДЕАН, 2007. 128 с.
19. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.

References

1. Bogdanov I.A. Staging a Variety Act: A Monograph / I.A. Bogdanov. 2nd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg: SPbGATI Publishing House, 2013. 331 p.
2. The Great Russian Encyclopedia: An Electronic Resource. // URL: https://bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/4916473 (March 20, 2026).
3. Dmitriev Yu.A. Variety Art and Circus Through the Eyes of a Lover: A Collection of Articles / Yu.A. Dmitriev. Moscow: Iskusstvo, 1971. 207 p.
4. Klitin S.S. History of Variety Art: A Study Guide / S.S. Klitin. St. Petersburg: SPbGATI Publishing House, 2008. 448 p.
5. Konnikov A.P. The World of Variety Art: Essays / A.P. Konnikov. Moscow: Iskusstvo, 1980. 272 p.
6. Korneev N.K. Preparing a Vocalist's Concert Number / N.K. Korneev. Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2019. № 3 (40). P. 125-128.
7. Kuznetsov E.M. From the Past of Russian Variety Art: Historical Essays / E.M. Kuznetsov. Moscow: Iskusstvo, 1958. 367 p.
8. Maevskaya I.V. Features of Pop Song Drama: The Monologue Genre as an Example / I.V. Maevskaya // Cultural Life of the South of Russia. 2017. № 4 (67). P. 27-31.
9. Maevskaya I.V. Genre and stylistic aspects of Russian pop songs of the second half of the twentieth century: dissertation ... candidate of art history: 17.00.02 / Maevskaya Inna Viktorovna. – Rostov-on-Don, 2020. 205 p.
10. Official website of Barbra Streisand: electronic resource. // URL: <https://barbrastreisand.com/biography/> (03.20.2026).
11. Petrov A. Song / A. Petrov // Pop music of Russia. XX century: lexicon. – Moscow, 2000. P. 440.
12. Rybakova E.L. Development of pop music in modern Russia: traditions, prospects, research: monograph / E.L. Rybakova. – St. Petersburg: SPbGUKI, 2006. 278 p.
13. Selitsky A. Fundamentals of Musical Drama: A Study Guide / A. Selitsky, I. Demina. Rostov-on-Don: RGK Publishing House, 2008. 72 p.
14. Smirnov-Sokolsky N. Forty-five Years on the Stage: Memories / N. Smirnov-Sokolsky. Moscow: Iskusstvo, 1976. 384 p.
15. Uvarova E.D. Variety Theater: Miniatures, Reviews, Music Halls (1917–1945): A Monograph / E.D. Uvarova. Moscow: Iskusstvo, 1983. 320 p.
16. Shak T. M. Tsvetaeva's Poetry in the Genre of Russian Pop Songs (Towards the Problem of Performer Interpretation) / T. Shak, A. Kutsurova // Russian Literature in the Fates of Russian Culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, April 9-10, 2015). – Krasnodar, 2015. P. 431-438.
17. Sharoev I. Musical Theater: Events, Problems: Collection of Articles / I. Sharoev. – Moscow: Muzyka, 1990. 160 p.
18. Yushmanov V.I. Vocal Technique and Its Paradoxes / V.I. Yushmanov. – Moscow: DEAN, 2007. 128 p.
19. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a “political person” // Etnosotium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62-73.

Альсусо Небрас

Аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Мориски: память под угрозой. Культурная идентичность в условиях принудительной ассимиляции (XVI–XVII вв.)*

Аннотация. Статья посвящена феномену морисков – потомков мусульман Пиренейского полуострова, принявших крещение после завершения Реконкисты, – как культурно-историческому и теоретическому объекту исследования. Используя концепцию культурной памяти Я. Ассмана и семиотику культуры Ю.М. Лотмана, автор анализирует механизмы сохранения арабо-мусульманской культурной идентичности в условиях административного и инквизиционного давления. Показано, что феномен морисков воплощает принцип «двойной идентичности» – официальной христианской и скрыто поддерживаемой мусульманской; существование этой двойственности свидетельствует о пределах административного уничтожения культурной памяти. Особо анализируется доктрина *limpieza de sangre*, перенёсшая культурную границу с религиозного на биологический уровень и сделавшая интеграцию морисков структурно невозможной. Рассматриваются конкретные формы сохранения культурной идентичности: тайное исповедание веры (доктрина *такыйи*), традиция *алхамийадо* – записи романских текстов арабским алфавитом как акта идентификации, – а также повседневные ритуальные и языковые практики. Изгнание морисков 1609–1614 гг. анализируется как кульминация «семиотического проекта очищения» идентичности и как культурная катастрофа, последствия которой испанское общество ощущало на протяжении столетия. Судьба морисков в диаспоре, прежде всего в Тетуане, рассматривается через понятие культурной кристаллизации Ассмана.

Ключевые слова: мориски, принудительная ассимиляция, двойная идентичность, *limpieza de sangre*, культурная память, *алхамийадо*, *такыйа*, изгнание морисков 1609–1614, семиотика культуры, Ю.М. Лотман, Я. Ассман.

Alsuso Nebras

Postgraduate Student, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Moriscos: memory under threat. Cultural identity under conditions of forced assimilation (16th–17th centuries)

* © Альсусо Небрас, 2026.

Мориски: память под угрозой. Культурная идентичность в условиях принудительной ассимиляции (XVI–XVII вв.)

Abstract. The article examines the phenomenon of the Moriscos – descendants of the Muslims of the Iberian Peninsula who converted to Christianity following the Reconquista – as a cultural-historical and theoretical object of study. Drawing on Jan Assmann’s concept of cultural memory and Yu.M. Lotman’s semiotics of culture, the author analyses the mechanisms of preservation of Arab-Muslim cultural identity under conditions of administrative and inquisitorial pressure. It is shown that the Morisco phenomenon embodies the principle of “dual identity” – official Christian and covertly maintained Muslim – whose existence testifies to the limits of administrative destruction of cultural memory. Special attention is given to the doctrine of *limpieza de sangre*, which shifted the cultural boundary from the religious to the biological level, making Morisco integration structurally impossible. Concrete forms of identity preservation are examined: covert religious practice (the doctrine of *taqiyya*), the *aljamiado* tradition of recording Romance texts in Arabic script as an act of identification, and everyday ritual and linguistic practices. The expulsion of the Moriscos of 1609–1614 is analysed as the culmination of the “semiotic project of identity purification” and as a cultural catastrophe whose consequences Spanish society felt for a century. The fate of Moriscos in the diaspora, particularly in Tétouan, is considered through Assmann’s concept of cultural crystallisation.

Key words: Moriscos, forced assimilation, dual identity, *limpieza de sangre*, cultural memory, *aljamiado*, *taqiyya*, expulsion of the Moriscos 1609–1614, semiotics of culture, Yu.M. Lotman, J. Assmann.

Введение

В 1502 году кастильские мусульмане получили выбор: крещение или изгнание. В 1526 году тот же выбор был поставлен перед мусульманами Арагонской короны. Большинство выбрали крещение – не из убеждения, но из нежелания покинуть родину, бросать землю и разрывать привычные связи. Так возникла одна из наиболее трагических культурных фигур испанского раннего Нового времени: морис (*morisco*) – официально христианин, фактически носитель двух культурных традиций, двух форм памяти, двух идентичностей [1, с. 200-202].

Слово *morisco* – уменьшительное от *moros* («мавр») – уже в самой своей форме семиотически нагружено: оно обозначает не просто «бывшего мусульманина», но нечто промежуточное, неполноценно принадлежащее христианскому обществу. В официальных документах XVI в. мориски фигурировали как *nuevos convertidos de moros* – «новообращённые из мавров», – маркировка, сохранявшаяся десятилетиями после крещения. Показательно, что эта маркировка сохранялась и тогда, когда конкретный человек уже в нескольких поколениях принадлежал к христианской общине: культурная граница не исчезала с принятием крещения [2, с. 37-40].

Здесь обнаруживается важное структурное обстоятельство. Доктрина *limpieza de sangre* («чистоты крови»), утвердившаяся в Испании с середины XV в. перенесла культурную границу с религиозного на биологический уровень: принадлежность к «старохристианской» культуре определялась происхождением, а не верой и не поведением. Это делало интеграцию мо-

рисков структурно невозможной: сколько бы поколений ни принимало крещение искренне, «пятно» происхождения не устранялось [3, с. 50-52]. Парадокс *limpieza de sangre* состоит в том, что она превращала религиозную политику в расовую задолго до появления самого слова «раса» в современном смысле.

Феномен морисков представляет для культурологии исключительный теоретический интерес: он воплощает в концентрированном и хорошо документированном виде проблему, с которой сталкивается всякая культурная идентичность в условиях давления. Как сохраняется идентичность, когда её открытое выражение становится опасным? Каковы механизмы «подпольного» существования культурной памяти? Что происходит с человеком, вынужденным публично исповедовать одну идентичность, сохраняя другую в приватном пространстве? [4, с. 3-5].

Теоретический аппарат, применяемый в настоящей статье, опирается на две взаимодополняющие концепции: культурную память в разработке Я. Ассмана и семиотику культуры Ю.М. Лотмана. Ассмановская категория культурной памяти, включающая её долговременные формы и механизмы передачи через поколения, позволяет описать то, как арабо-мусульманская традиция сохранялась в условиях административного давления. Лотмановские понятия семиотической границы и «памяти знака» дают инструменты для анализа того, как культурные знаки – арабский алфавит, обряды, диетарные практики – продолжали функционировать как носители идентичности даже при ослаблении их исходного смыслового наполнения.

1. Исторический контекст: кто такие мориски

История морисков не начинается в 1502 г.: ей предшествуют столетия сосуществования мусульман, христиан и иудеев на Пиренейском полуострове, с многочисленными случаями смены веры в обоих направлениях. Мориски XVI–XVII вв. были потомками мудехаров – мусульман, оставшихся жить на христианских территориях после их присоединения, – подвергнутых принудительному крещению [5, с. 60-62].

Численность морисков к началу XVI в. оценивается историками в несколько сотен тысяч человек из общего населения полуострова примерно в шесть-семь миллионов. Их расселение было географически неравномерным: в Валенсии они составляли около трети населения, в Арагоне – значительную часть сельского крестьянства, в Кастилии – меньшую долю [6, с. 14-16]. Эта неравномерность имела принципиальные культурные последствия: уровень сохранности арабо-мусульманской традиции существенно варьировался в зависимости от региона.

Экономически мориски занимали в испанском обществе специфическое место. В Валенсии они составляли основную массу крестьянства на

землях арагонской аристократии, специализируясь на трудоёмком орошаемом земледелии и шелководстве – занятиях, требовавших именно той агрономической культуры, которую они унаследовали от арабской традиции. Когда в 1609 г. изгнание состоялось, экономика Валенсии пережила тяжёлый кризис: христианские переселенцы не владели ни навыками поливного земледелия, ни знаниями об уходе за шелковичным червём. Знание ушло вместе с людьми.

Культурная ситуация морисков к концу XV в. была глубоко неоднородной. Часть из них, прежде всего городские жители в Кастилии, прошла через реальную культурную ассимиляцию: говорила только по-кастильски, участвовала в христианском богослужении. Другая часть – особенно в горных районах Гранады и в сельской Валенсии – сохраняла арабский язык, исламские молитвенные практики, специфические обычаи питания и ритуального омовения. Между этими полюсами существовало широкое многообразие промежуточных состояний.

2. Двойная идентичность: публичное и тайное

Центральным для истории морисков и теоретически наиболее значимым является феномен двойной идентичности – её расщеплённости на публичный христианский и приватный мусульманский пласты. Теологическим обоснованием такого расщепления служила исламская доктрина такийи (*taqiyya*, تقيت) – дозволенного сокрытия веры в ситуации угрозы: мусульманин, которому угрожает смерть или серьёзный вред за открытое исповедание ислама, вправе внешне отречься от него, сохраняя веру в сердце [7, с. 95-97]. Именно это доктринальное положение позволяло морискам совмещать публичное посещение католической мессы с приватным исполнением исламских молитв и обрядов.

Из материалов инквизиционных процессов вырисовывается детальная картина двойной жизни морисков. Крещёный Мухаммад, носящий имя Хуан, посещает воскресную мессу – и совершает ритуальное омовение, прочитав тайную молитву по-арабски. Его жена, известная соседям как Мария, готовит пищу в соответствии с исламскими диетарными нормами. Их дети получают при крещении христианские имена – и второй, арабский набор имён, которыми их называют в семейном кругу [8, с. 45-46]: ребёнок отвечает на имя Педро на улице и на имя Осман дома. Это – не лицемерие, но стратегия культурного выживания, опирающаяся на законную теологическую доктрину.

С точки зрения лотмановской семиотики это раздвоение представляет собой семиотическую стратификацию: сосуществование двух знаковых систем в рамках одной личности и одного домохозяйства, причём каждая из них активируется в определённом коммуникативном контексте. Публичное пространство – улица, церковь, рынок, суд – требовало христианского

кода. Приватное пространство – дом, семья, тайные собрания – допускало мусульманский код [9, с. 257-258]. Граница между этими пространствами была одновременно семиотической и политической: её нарушение в надлежащем направлении грозило инквизиционным процессом.

Ассман описывает особую форму культурной памяти в условиях угрозы – скрытую, «подземную» память: она уходит с публичной поверхности в приватное пространство, но не исчезает. Именно такой «подземной» памятью была арабо-мусульманская традиция морисков: она не присутствовала в официальных документах, не выражалась в публичных ритуалах, не воплощалась в монументах. Но она жила – в домашних молитвах, в кулинарных практиках, в колыбельных песнях, которые матери пели детям, в историях, которые рассказывали старики о том, «каково было быть собой».

Феномен двойной идентичности морисков находит теоретическое осмысление и в рамках современной теории культуры. С. Холл, анализируя диаспорные идентичности, описывает стратегию «стратифицированной идентичности» – когда внешний, публичный уровень самопредъявления принципиально расходится с внутренним, приватным. Мориски воплощают предельный случай такой стратификации: два уровня идентичности были не просто различны, но диаметрально противоположны в своих культурных основаниях.

3. Алхамийадо: письмо как акт идентификации

Одним из наиболее удивительных культурных феноменов, связанных с морисками, является алхамийадо (*aljamía*, от арабского *al-‘ajamiyya* – «иноязычная речь») – практика записи романских (преимущественно кастильских и арагонских) текстов арабским алфавитом. Это слово первоначально обозначало, с точки зрения арабоязычного говорящего, «чужой» (романский) язык; впоследствии оно было переосмыслено и стало обозначать романский текст в арабском письменном облике – то есть, с точки зрения романоязычного, «свой» текст в «чужих» знаках [10, с. 415-418]. Фундаментальным справочным трудом по рукописям алхамийадо является каталог А. Гальмеса де Фуэнтеса, охватывающий коллекцию Мадридской Королевской академии истории.

Семиотическая особенность алхамийадо исключительно показательна. Содержание текстов – кастильское или арагонское, то есть «принятое» из доминирующей культуры; форма – арабская, то есть хранящая знаки принадлежности к исламской традиции. Знак-форма несёт в себе то, чего уже не может нести знак-содержание: идентичность, утратившую свой язык, но не утратившую свою письменную «печать» [11, с. 1-2]. Морис, записывающий кастильскую молитву арабским алфавитом, возможно, уже плохо понимал арабский – но сам акт использования этого алфавита был актом

культурной идентификации: «я принадлежу к этой традиции».

Среди наиболее показательных памятников алхамийадо следует назвать хорошо изученную «Касыду о Пророке» – поэму на арагонском диалекте, записанную арабским алфавитом и датированную XVI в. В ней наряду с исламскими молитвенными формулами присутствуют образы и обороты, характерные для современной ей кастильской лирики: перед нами – кастильский язык на службе ислама, арабское письмо как хранитель романского слова. Именно этот тип двойного кодирования воплощает «стратифицированную идентичность» морисков в её письменной форме.

Рукописи алхамийадо часто прятались в стенах, полах и потолках домов – и именно поэтому многие дошли до нас: они сохранились потому, что были тщательно укрыты от глаз властей. Парадоксально, что сама угроза преследования стала условием сохранения: запрятанные рукописи пережили тех, кто их прятал. Среди памятников алхамийадо представлены переводы коранических сур и хадисов, молитвенные сборники, жизнеописания Пророка, юридические трактаты, поэтические произведения, а также научные – астрономические и медицинские – рукописи, свидетельствующие о продолжении традиции, восходящей к великой науке аль-Андалуса.

4. Инквизиция и мориски: семиотика подозрения

Испанская инквизиция (Santo Oficio) сыграла ключевую роль в истории морисков, выступая главным институциональным инструментом надзора за их «подлинностью» в качестве христиан. С 1480-х гг. до изгнания 1609–1614 гг. инквизиционные трибуналы вели непрерывное делопроизводство по делам о тайном исповедании ислама; именно эти процессы являются сегодня главным документальным источником по реальной жизни морисков [12, с. 215-217].

Методология инквизиционного расследования опиралась на разработанный корпус «признаков» мусульманской идентичности: соблюдение пятничной молитвы; ритуальное омовение в определённые моменты; отказ от свинины и вина; произнесение формул «Бисмиллях» и «Аллаху акбар»; молитва в сторону Мекки; хранение арабских книг; обрезание сыновей; специфические способы забоя скота. Каждый из этих «признаков» является культурным знаком в лотмановском смысле – элементом системы, несущим значение принадлежности к определённой традиции [13, с. 265-267]. Инквизиция фактически составила исчерпывающий каталог семиотических маркеров мусульманской идентичности – и именно поэтому её документы стали важнейшим источником для исследователей этой идентичности.

Инквизиционные дела открывают изощрённую диалектику между

стратегиями сокрытия и стратегиями выявления. Мориски разрабатывали способы соблюдения исламских практик, которые труднее было обнаружить: молились тайно, без видимой пространственной ориентации; совершали омовение, которое можно было представить как обычное мытьё; воздерживались от свинины под предлогом болезни. Инквизиция, в свою очередь, совершенствовала методы дознания, опираясь на систему доноительства и сопоставления показаний. Это была семиотическая борьба: борьба за интерпретацию знаков.

Парадокс инквизиционной документации состоит в следующем: преследуя морисков, инквизиция создавала подробнейшие описания именно тех культурных практик, которые стремилась уничтожить. Протоколы допросов, описания обнаруженных рукописей, перечни ритуальных предметов сохранились в архивах трибуналов и сегодня являются главным источником по культуре морисков. Акт уничтожения потребовал документации – и эта документация сохранила то, что пытались стереть. Это – иронический пример лотмановского механизма культурной памяти: «стирание» оставляет след в самом акте стирания.

5. Восстание морисков Гранады (1568–1571): пределы принудительной ассимиляции

Восстание морисков Гранады в 1568–1571 гг. является одним из наиболее драматических примеров того, как политика принудительной культурной ассимиляции не приводит к ассимиляции, но порождает сопротивление. Восстание было спровоцировано рядом королевских указов 1567 г., запрещавших морискам носить традиционную одежду, говорить по-арабски, давать детям арабские имена и совершать традиционные обряды купания. Эти указы представляли собой попытку окончательного административного уничтожения арабо-мусульманской культурной идентичности через запрет её знаков – и именно они вызвали вооружённый ответ [14, с. 150-152].

Восстание началось в декабре 1568 г. в горном районе Альпухарр. В течение трёх лет испанские войска под командованием дона Хуана Австрийского вели тяжёлые горные бои против восставших, получавших поддержку от Османской империи и из Северной Африки. Подавление восстания сопровождалось массовыми депортациями: всё гранадское морисское население было выселено в глубь кастильских владений – с очевидной целью разрушить общинные структуры, поддерживавшие культурную идентичность.

С культурологической точки зрения восстание Альпухарр является поворотным моментом. Оно показало, что попытка уничтожить культурную идентичность административными запретами порождает не ассимиляцию, но сопротивление. Запрет арабского языка не превратил морисков

в испанцев – он превратил их в повстанцев. Это подтверждение того, что знаки, достаточно глубоко укоренившиеся в коллективной идентичности, превращают попытку их уничтожения в политический кризис.

6. Изгнание 1609–1614 годов: кульминация и последствия

В апреле 1609 г. Филипп III подписал указ об изгнании морисков Валенсии. В течение следующих пяти лет аналогичные указы были изданы для всех регионов полуострова. К 1614 г. около 275–300 тысяч человек были депортированы, большинство в Северную Африку [13, с. 200. Это был один из наиболее масштабных актов принудительного выселения в истории ранней современной Европы [15, с. 119-120].

Решение об изгнании было принято в результате многолетней дискуссии. Сторонники – среди которых особую роль сыграл архиепископ Ривера Валенсийский – настаивали на том, что мориски являются неисправимыми тайными мусульманами и угрожают «чистоте» испанского христианства. Противники – прежде всего арагонская аристократия – апеллировали к экономическим последствиям. Победила первая позиция – и именно она воплощает особую логику: приоритет символической *limpieza* над экономической целесообразностью.

Культурные последствия изгнания оказались не менее значительными, чем экономические. С уходом морисков исчезла значительная часть живой традиции, связывавшей испанскую повседневную культуру с её арабским прошлым. Арабские слова в языке не исчезли, мудехарские здания не рухнули – но ушли люди, хранившие в семейной памяти непосредственную связь с живым аль-Андалусом. После 1614 г. эта связь стала исключительно культурно-исторической: сохранившейся в артефактах и документах, но не в живой человеческой памяти. Разрыв живой культурной преемственности – вне зависимости от мотивов – является невосполнимой потерей.

7. Судьба морисков в диаспоре

История морисков не заканчивается на берегах Пиренейского полуострова – она продолжается в диаспоре, прежде всего в Северной Африке. Люди, изгнанные как «недостаточно испанские», нередко воспринимались в Марокко и Алжире как «недостаточно арабские» – как странный промежуточный тип, говорящий по-кастильски с арабскими молитвами. Именно это промежуточное положение стало источником и их трагедии, и их культурной osobosti [16, с. 250-253].

В марокканском городе Тетуан, существенно расширенном мориска-ми-переселенцами XVII в., сложилась особая андалусская культура диаспоры. Мориски строили дома в андалусском архитектурном стиле, сохраняли кастильский диалект в семейном общении – он был засвидетельствован

в нескольких семьях тетуанских «андалуси» ещё в XX в. – культивировали музыкальную традицию *нубы*, восходящую к придворному музицированию аль-Андалуса [17, с. 23-25].

Ассман, описывая механизмы культурной памяти в диаспоре, указывал на явление «кристаллизации»: в изгнании культурная память нередко приобретает более чёткие и устойчивые формы, чем на родине, – потому что утрата делает необходимым сознательное усилие по поддержанию. То, что на родине воспроизводилось автоматически, в диаспоре должно стать предметом намеренного культурного воспроизводства. Именно это произошло с андалусской традицией в Тетуане: она превратилась в сознательно культивируемое наследие – знак идентичности изгнанников и их потомков.

8. Выводы для культурологической теории

Феномен морисков предоставляет культурологической теории несколько принципиально важных наблюдений.

Первое: подтверждается ограниченность возможностей административного уничтожения культурной идентичности. Полтора столетия инквизиционного давления не смогли превратить морисков в «настоящих» христиан. Давление действительно трансформировало культурные практики, загоняло их в частную сферу, деградировало их – но уничтожить не смогло. Культурная идентичность в ситуации глубокого укоренения оказалась устойчивее прямого административного воздействия [3, с. 50-52].

Второе: феномен морисков иллюстрирует лотмановское понятие «памяти знака»: культурные знаки – арабский алфавит, определённые обряды, диетарные практики – сохраняли свою функцию носителей идентичности даже тогда, когда их исходное смысловое наполнение было в значительной мере утрачено. Морис, записывающий кастильскую молитву арабским алфавитом, уже мог не понимать арабского – но сам акт использования этого алфавита был актом идентификации [9, с. 257-258].

Третье: доктрина *limpieza de sangre* раскрывает особый механизм культурной эксклюзии, действующий независимо от реальной культурной практики. Когда граница принадлежности переносится с религиозного на биологический уровень, никакое культурное усилие со стороны исключаемых не может её преодолеть. Это создаёт ситуацию структурной невозможности интеграции – ситуацию, знакомую и из других исторических контекстов [2, с. 37-40].

Четвёртое: судьба морисков демонстрирует необратимые последствия насильственного разрыва культурной преемственности. Изгнание 1609–1614 гг. уничтожило не только «опасных тайных мусульман», но и людей, бывших живыми носителями реальной культурной связи между

испанской и арабской традициями. После их ухода эта связь стала исключительно предметом исторической реконструкции [3, с. 50-52].

Заключение

Мориски представляют собой наиболее трагическую и теоретически наиболее значимую фигуру в истории арабо-иберийского культурного взаимодействия. Их существование на протяжении более столетия воплощает предельный случай того, с чем сталкивается всякая культурная идентичность в условиях давления: необходимость выбирать между открытым сопротивлением, приватным сохранением и полной ассимиляцией – и неизбежность того, что любая из этих стратегий оставляет собственный культурный след.

С теоретической точки зрения, феномен морисков в концентрированном и документально богатом виде воплощает фундаментальные проблемы культурной идентичности: как идентичность сохраняется в условиях угрозы; как она стратифицируется на публичный и приватный уровни; как культурная память уходит в «подполье», не исчезая; как знаки идентичности сохраняют свою функцию даже при частичной утрате их содержательного наполнения; как доктрина биологической «чистоты» делает культурную интеграцию структурно невозможной; как разрыв живой культурной преемственности является невосполнимой потерей для обеих сторон.

История морисков завершается изгнанием – но не заканчивается. Их потомки в Марокко сохранили андалусскую музыкальную традицию, которая по сей день звучит на фестивалях. Их кастильский диалект был ещё слышен в XX в. Их рукописи алхамийадо хранятся в библиотеках Испании и Марокко, ожидая исследователей. Память, ушедшая в подполье, не исчезла – она сменила форму своего присутствия. По слову Бахтина, это и есть «большое время»: время, в котором голоса не умирают, но ждут своего часа [3, с. 392].

Библиографический список

1. Гарсия-Ареналь М. Жизнь мусульманских новообращенных в Испании. – Лондон: Тейлор энд Фрэнсис. 2024.
2. Хомза Л.А. Мориски. В Кембриджский компаньон по испанской инквизиции (Глава 6). – Кембридж: Издательство Кембриджского университета. 2025.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры. 2004.
4. Бодиян М. (Ред.). Культурное и религиозное пересечение границ в ранней современной Испании. Спрингер. 2023.
5. Домингес Ортис А., & Винсент Б. История морисков: жизнь и трагедия меньшинства. – Мадрид: Ревиста де Оксиденте. 1978.
6. Серрано Ильян Н. Валенсийские мудехары и мориски: история, язык и идентичность (Докторская диссертация). Университет Аликанте. 2023.
7. Бриквиль-Фертен О. Обращение в ислам или внутри ислама в некоторых алхамийских увещательных текстах. – Аль-Кантара, 2024. № 45 (2).

8. Кардайак Л. Мориски и христиане: полемическое противостояние (1492–1640). – Париж: Клинксик. 1977.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПб. 2000.
10. Роза Кандас П., & Суарес Гарсия Р. Корпус алхамийско-морисских текстов (COTEAM): гетеродоксальная документальная база для изучения испанского языка. В Издании текстов от документа к памятнику: новые тексты, новая история (с. 415–440). Севилья: Издательство Севильского университета. 2022.
11. Гарроте Паскуаль А. Эмоциональные звуки: арабские слова в кастильских алхамийских текстах. В Полиглотные тексты и переводы в ранней современной Европе. Лейден: Брилл. 2025.
12. Кеймен Х. Испанская инквизиция: историческая ревизия. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета. 1997.
13. Глазер-Эйтан Й. Конверсос, мориски и Евхаристия в ранней современной Испании. *Джуиш Хистори*, 2021. № 35. С. 265–291.
14. Харви Л.П. Мусульмане в Испании: 1500–1614. Чикаго: Издательство Чикагского университета. 2005.
15. Винсент Б. Диаспора морисков Испании, 1609–1614. *Диаспорас*, 2023. № 41. С. 119–123.
16. Бернабе Понс Л.Ф. Вновь о включении изгнанных морисков в Тунисское регентство. В Могущественные, маргинализированные и простые люди: история для всех (с. 249–257). Альбатрос. 2023.
17. Пеннелл К.Р. Марокко с 1830 года. – Лондон: Херст. 2000.
18. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // *Альманах Казачество*. 2025. № 85 (4). С. 83–88.

References

1. García-Arenal M. The Lives of Muslim Converts in Spain. London: Taylor & Francis. 2024.
2. Homza L.A. The Moriscos. In *The Cambridge Companion to the Spanish Inquisition* (Chapter 6). Cambridge: Cambridge University Press. 2025.
3. Assmann J. *Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in Ancient High Cultures*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2004.
4. Bodian M. (Ed.). *Cultural and Religious Crossing of Borders in Early Modern Spain*. Springer. 2023.
5. Dominguez Ortiz A., & Vincent B. *Morisco History: Life and Tragedy of a Minority*. Madrid: *Revista de Occidente*. 1978. 2005.
6. Serrano Illán, N. *Valencian Mudejars and Moriscos: History, Language, and Identity* (Doctoral dissertation). University of Alicante. 2023.
7. Brickville-Fertin O. Conversion to Islam or Within Islam in Some Alhamic Exhortatory Texts. – *Al-Qantara*, 2024. № 45 (2).
8. Cardailhac L. *Moriscos and Christians: A Polemical Confrontation (1492–1640)*. – Paris: Klinksic, 1977.
9. Lotman Yu.M. *Semiosphere*. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. 2000.
10. Rosa Candás P., & Suárez García R. The Corpus of Alhamic-Morisco Texts (COTEAM): A Heterodox Documentary Base for the Study of the Spanish Language. In *The Edition of Texts from Document to Monument: New Texts, New History* (p. 415–440). Seville: Seville University Press. 2022.
11. Garrote Pascual A. *Emotive Sounds: Arabic Words in Castilian Alhamic Texts*. In *Polyglot Texts and Translations in Early Modern Europe*. Leiden: Brill. 2025.
12. Kamen H. *The Spanish Inquisition: A Historical Revision*. New Haven: Yale University Press. 1997.
13. Glaser-Eitan J. *Conversos, Moriscos, and the Eucharist in Early Modern Spain*. *Jewish History*, 2021. № 35. P. 265–291.
14. Harvey L.P. *Muslims in Spain: 1500–1614*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
15. Vincent B. *The Morisco Diaspora in Spain, 1609–1614*. *Diасporas*, 2023, № 41. P. 119–123.
16. Bernabé Pons L.F. *Revisiting the Incorporation of Exiled Moriscos into the Tunisian Regency. In Powerful, Marginalized, and Ordinary People: A History for Everyone* (p. 249–257). Albatross. 2023.
17. Pennell K.R. *Morocco Since 1830*. London: Hurst. 2000.
18. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // *Almanac Cossacks*. 2016. № 85 (4). P. 83–88.

Донгак В.С.-о.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии. Тувинский государственный университет.

Религиозный синкретизм традиционных семейных ритуалов тувинцев в современных условиях*

Аннотация. В статье анализируются структурно-функциональные характеристики семейных ритуалов тувинцев в современных условиях. Особое внимание уделяется их синкретичности, которая проявляется в сочетании элементов шаманистских ритуалов и буддийских обрядов, также в сохранении культурного наследия, адаптации религии к новой среде и в меняющихся культурных условиях, образуя уникальные структуры верований и обеспечивая устойчивость в новой социальной среде. Научная значимость исследования заключается в его вкладе в теорию культурной устойчивости малых этносов России. Полученные данные расширяют понимание адаптационных механизмов традиционных обществ перед лицом глобальных вызовов. Работа обогащает этнологические исследования новыми эмпирическими материалами о специфике тувинской духовной культуры. Кроме того, она вносит методологический вклад, демонстрируя эффективность комплексного подхода к изучению синкретических религиозных систем.

Ключевые слова: религиозные синкретизм, шаманизм, буддизм, культурное наследие, этническая идентичность, тувинская культура, традиция, ритуалы, традиционная культура.

Dongak V.S.-o.

Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Philosophy, Tuvan State University.

Religious syncretism of traditional Tuvan family rituals in modern conditions

Abstract. The article analyzes the structural and functional characteristics of Tuvan family rituals in modern conditions. Special attention is paid to their syncretism, which is manifested in a combination of elements of shamanic rituals and Buddhist rituals, as well as in the preservation of cultural heritage, adaptation of religion to a new environment and in changing cultural conditions, forming unique belief structures and ensuring stability in a new social environment. The scientific significance of the research lies in its contribution to the theory of cultural sustainability of small ethnic groups in Russia. The data obtained expand the understanding of the adaptation mechanisms of traditional societies in the face of global challenges. The work enriches ethnological research with new empirical materials on the specifics of Tuvan spiritual culture. In addition, it makes a meth-

* © Донгак В.С.-о., 2026.

Религиозный синкретизм традиционных семейных ритуалов тувинцев в современных условиях

odological contribution, demonstrating the effectiveness of an integrated approach to the study of syncretic religious systems.

Key words: religious syncretism, shamanism, Buddhism, cultural heritage, ethnic identity, Tuvan culture, tradition, rituals, traditional culture.

Современные процессы цифровизации, урбанизации и глобализации, вызывая глубокие трансформации во всех аспектах общественной жизни, способствуют стиранию культурных границ, ослаблению связи с историческим культурным наследием и традициями, а также к размыванию этнической идентичности. В сложившихся условиях значительными возможностями в плане противостояния глобальным вызовам обладают семейные обряды и ритуалы. Они играют ключевую роль в сохранении традиций и обычаев, также выполняют не только сакральную, но и социально-интегрирующую функцию, укрепляя родственные узы и формируя чувство принадлежности к своей этнической группе. Как основной институт социализации, семья является хранителем и транслятором культурных, религиозных и общественных норм, которые передаются от предков к потомкам. К семейным традициям относятся не только ритуалы и обычаи, но и принятые в семье модели поведения и мировоззрение, которые переходят из поколения в поколение.

Эмиль Дюркгейм является одним из пионеров в исследовании роли ритуалов в традиционных обществах, впервые детально проанализировав их функции. Он рассматривал ритуалы как символические действия, не имеющие практической целесообразности, но критически важные для социальной сплоченности. Через ритуалы люди оживляют коллективные чувства, усиливают социальную солидарность и разделяют мир на священное и мирское. Анализируя ритуалы австралийских аборигенов, Эмиль Дюркгейм выделял четыре ключевые социальные функции ритуалов, которые превращают толпу в единое общество: *интегративная (сплочение)*: ритуал собирает людей в одном месте и заставляет их совершать общие действия. Это создает «коллективное возбуждение» (*effervescence*), при котором индивидуальные эгоистичные интересы растворяются, и человек чувствует себя частью целого; *дисциплинарная (подготовка)*: ритуалы накладывают на участников обязательства и запреты (аскеза, посты, правила поведения). Это приучает индивида контролировать свои импульсы и подчиняться общественным нормам, тренируя социальную волю; *воспроизводящая (поддержание памяти)*: со временем коллективные чувства и верования угасают. Ритуалы служат «подзарядкой»: они периодически оживляют общие ценности и традиции, не давая обществу распасться (избегая состояния *аномии*); *эйфорическая (терапевтическая)*: в моменты

кризисов или потерь (например, похоронные обряды) ритуал дает чувство поддержки. Коллективное выражение эмоций убеждает человека, что группа сильнее обстоятельств, и восстанавливает социальное равновесие [8, с. 498-570]. Харина Ю.А., выделяя следующие функции ритуалов: функцию социализации, социальной интеграции и дифференциации, психотерапевтическую, функцию сохранения социальной памяти, приходит к выводу, что «процесс трансформации ритуалов связан с его взаимосвязью с социальной, политической и культурной средой, которая, в свою очередь, подвержена изменениям (миграциям, росту численности, смене властных отношений и др.). Поэтому можно сказать, что изменения ритуалов являются не только следствием, но и «индикатором» социальных изменений. Мы показали, что внешне жестко регламентированное ритуальное поведение вполне подвержено изменениям, что не противоречит природе самого ритуала» [6, с. 56].

Целью настоящего исследования является анализ структурно-функциональных характеристик семейных ритуалов тувинцев в современных условиях. Особое внимание уделяется их синкретичности, которая проявляется в сочетании элементов шаманистских ритуалов и буддийских обрядов, также и в функции в укреплении внутрисемейной солидарности и обеспечении межпоколенческой культурной преемственности в современном социуме. Исследование призвано определить, каким образом повседневные традиционные ритуалы трансформируются под воздействием современных вызовов, сохраняя при этом свою роль в формировании этнической идентичности. Для решения поставленных задач используется междисциплинарная методология, интегрирующая этнографические, антропологические и культурологические подходы.

Повседневные и регулярные семейные ритуалы тувинцев органично сочетают элементы шаманистских ритуалов, буддийских обрядов и повседневных традиций, формируя целостную систему мировоззрения. Этот синкретический процесс выступает важнейшим механизмом сохранения этнической идентичности в условиях внешних культурных влияний. Примечательно, что для проведения этих ритуалов не обязательно обращаться к священнослужителям; их могут совершать уважаемые взрослые члены семьи или даже самостоятельно. Религиозный синкретизм как структурно-функциональная особенность, проявляется с одной стороны в совмещении и смешивании конфессий и культов, создающих новые системы или новые смыслы, с другой стороны, он действует как механизм сохранения культурного наследия, адаптации религии к новой среде и инструментом интеграции общества, позволяющий религиям функционировать в меняющихся культурных условиях, образуя уникальные структуры верований и обеспечивая устойчивость в новой социальной среде. При этом синкретический характер семейных духовных практик тувинцев демонстрирует

удивительную адаптивность традиционной культуры, способной вбирать новые элементы без утраты глубинной сущности. Именно эта особенность позволяет тувинцам сохранять культурную автономию в современных условиях. Религиозный синкретизм, как определяет Хомушка О.М., «сложный многоуровневый процесс соединения и взаимовлияния различных религиозных систем, при котором одна религия не поглощается другой, но происходит взаимопереплетение мировых религий с местными религиозными верованиями с сохранением автохтонных сакральных образов и архетипов» [6, с. 35]. В своем исследовании Дашковский П.К., Шершнева Е.А., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. также отмечают, что «исторически мировоззрение тувинцев сформировалось в виде синкретичной системы путем взаимопроникновения и взаимовлияния буддизма и традиционного комплекса верований. Такая особенность также положительно сказывается на религиозной ситуации в регионе» [1, с. 32].

Интеграция шаманских практик в домашние ритуалы тувинцев представляет собой синкретический процесс, где элементы шаманизма органично переплетаются с буддийскими канонами. Этот симбиоз особенно заметен в таких ритуалах, как окуривание можжевельником (артыш) дома и членов семьи во избежание бедствий или болезней членов семьи, разбрызгивание чая с молоком на сторону солнца и в огонь очага, кормление огня, когда одновременно с этими действиями читаются буддийские молитвенные тексты (сутры) и тувинские традиционные благопожелания (йорээлдер). Очаг издавна считается священным местом у тувинцев. Кенин-Лопсан М.Б. пишет: «Освящение огня в юрте было священной традицией каждой аратской семьи. ... А самыми главными подношениями для освящения огня являлись молоко, чай с молоком и арака» [3, с. 93]. Традиция ежедневного кормления домашнего очага – (одун чемгерер) сохранилась и широко бытует до сих пор. В современных условиях, если семья живет в благоустроенной квартире, то подношения кладутся сбоку на электроплитку. Затем эти подношения собираются, перевозятся на дачу или туда, где можно развести огонь. Исследования показывают, что подобное совмещение отражает адаптацию буддизма к местным космологическим представлениям, в результате формируется уникальный ритуальный комплекс, удовлетворяющий современные религиозные и этнокультурные потребности семьи. Также яркими примерами такого синтеза также служат этноэкологические традиции и ритуалы, где главным образом используются разноцветные ленты (чалама), которых Кенин-Лопсан М.Б. считает не только атрибутами, но и самим духом шамана, который сотворен из этих лент, также шелковые ленты (кадак) и буддийские флажки (хей-аът туктары), которые являются атрибутами буддизма [2, с. 508]. Ламажаа Ч.К., Санчай Ч.Х и Монгуш А.В. отмечают «широкую распространенность ритуальных лент и флагов в практике современных тувинцев.

Люди применяют ленты и в ритуалах освящения, и после него, и во время поклонений, при встрече с другими людьми в особых случаях. Теперь это не только привилегия шаманов и лам использовать ленты и флаги, но и повседневная практика населения. Это вызвало взрывной рост продаж в ответ на спрос соответствующей продукции, что в свою очередь также приводит к расширению подобной практики» [4, с. 364]. Исследование Майны Ш.Б. также иллюстрирует модернизацию традиционного семейного обряда, посвященного трехлетию ребенка (хылбык-дой) к городским условиям [5]. Такие церемонии обычно приурочены к обрядам освящения родовых мест, священных природных объектов или семейным событиям. Подобные практики демонстрируют комплементарность двух религиозных систем в повседневной жизни тувинцев.

Важным аспектом тувинского религиозного синкретизма является сохранение шаманистской символики в буддийском обрядовом контексте. Например, буддийские культовые предметы занимают важное место в домашнем пространстве тувинцев, выполняя защитные и сакральные функции, статуэтки Будды, молитвенные барабаны и танка размещаются в специальных алтарных зонах, становясь фокусом семейных молитв, там же тувинцы могут повесить шаманские обереги (когти медведя или волка и др.). Кроме того, буддийские ламы и шаманы изготавливают защитные обереги, которые могут одновременно храниться в доме или вешаться в автомобилях как материальные воплощения духовной защиты. Эти обычаи иллюстрируют синтез буддийских и народных представлений о духовной защите, где ритуальные предметы выступают медиаторами между мирами. Эта двойственность подчёркивает не замену, а дополнение традиционных верований буддийскими практиками. Таким образом, этноэкологические традиции, семейные церемонии и духовные защитные атрибуты становятся пространством диалога между религиозными традициями, обеспечивая преемственность этнокультурных кодов.

Научная значимость исследования заключается в его вкладе в теорию культурной устойчивости малых этносов России. Полученные данные расширяют понимание адаптационных механизмов традиционных обществ перед лицом глобальных вызовов. Работа обогащает этнологические исследования новыми эмпирическими материалами о специфике тувинской духовной культуры. Кроме того, она вносит методологический вклад, демонстрируя эффективность комплексного подхода к изучению синкретических религиозных систем. Практическая актуальность исследования связана с потребностями государственной этнокультурной политики Российской Федерации. Результаты работы могут быть использованы при разработке программ сохранения нематериального наследия коренных народов Сибири. Особую ценность они представляют для образовательных учреждений Тувы, где вопрос интеграции традиционных ценностей в

учебный процесс приобретает особую значимость. Это создает основу для осознанного подхода в деле сохранения этнической культуры в условиях современности.

Библиографический список

1. Дашковский П.К., Шершнева Е.А., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 18-34. – DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>
2. Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов = Тыва хамнарны торулгалары. – Кызыл: Новости Тувы. 2002. 544 с.
3. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл: Тувинское книжное издательство. 2006. 232 с.
4. Ламажаа Ч.К., Санчай Ч.Х., Монгуш А.В. Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 344-370. – DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
5. Майны, Ш. Б. Семейный обряд хылбык дой городских тувинцев / Ш. Б. Майны // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 76-88. – DOI: 10.25178/nit.2021.4.6.
6. Хамрина Ю.А. Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе / Ю.А. Хамрина // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 753-56
7. Хомушку О.М. Религии в Туве: история и современность / О.М. Хомушку. – Новосибирск: Издательство «Наука», 2024. 176 с.
8. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмил Дюркгейм; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
9. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

References

1. Dashkovsky P.K., Shershneva E.A., Bicheldey U.P., Mongush A.V. Religious situation in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study) // New studies of Tuva. 2021. № 2. P. 18-34. – DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>
2. Kenin-Lopsan M.B. Myths of the Tuvan shamans = The Tuvan shamans of Tyva. – Kyzyl: Tuva News. 2002. 544 p.
3. Kenin-Lopsan M.B. Traditional culture of the Tuvans. – Kyzyl: Tuvan book publishing house. 2006. 232 p.
4. Lamazha Ch.K., Sanchay Ch.Kh., Mongush A.V. Ritual ribbons and flags in the practice of modern Tuvans // New studies of Tuva. 2023. № 4. P. 344-370. – DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
5. Mainy, Sh. B. Family ritual khylyk doy of urban Tuvans / Sh. B. Mainy // New studies of Tuva. 2021. № 4. P. 76-88. – DOI: 10.25178/nit.2021.4.6.
6. Khamrina Yu.A. Methods and ways of transforming rituals in modern society / Yu.A. Khamrina // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 347. P. 753-56
7. Khomushku O.M. Religions in Tuva: History and Modernity / O.M. Khomushku. – Novosibirsk: Nauka Publishing House, 2024. 176 p.
8. Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia / Emile Durkheim; trans. from French by A. Apollonov and T. Kotelnikova; under the scientific editorship of A. Apollonov. – Moscow: Delo Publishing House, RANEPА, 2018. 736 p.
9. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

Зыкова Т.В.

Научный руководитель, Национальный центр В.П. Астафьева в Овсянке, старший преподаватель кафедры «Информационные технологии в креативных и культурных индустриях», Гуманитарный институт Сибирского Федерального Университета.

Как музей меняет культурную среду. Из опыта работы над проектами музеев Красноярского края*

Аннотация. Статья посвящена роли музеев как активных трансформаторов культурной среды на примере проектов Красноярского края. Рассматривается, как музеи актуализируют культурное наследие, выступают площадками для общественного диалога и участия, решают социальные проблемы, усиливают «силу места» и способствуют формированию сибирской идентичности. На основе анализа научных публикаций и конкретных практик (педагогическая археология, музеи под открытым небом, Красноярская музейная биеннале, Национальный центр В.П. Астафьева, филиал Национального центра «Россия») показаны механизмы влияния музеев на городскую и региональную среду. Особое внимание уделено комплексному характеру музейной деятельности и ее реализации на региональном, межрегиональном и международном уровнях. Сделан вывод о музеях как центрах общественной жизни и катализаторах культурных изменений в Сибири.

Ключевые слова: музей, культурная среда, культурное наследие, сибирская идентичность, актуализация, диалог, инновации.

Zykova T.V.

Scientific Director, V.P. Astafieva National Center in Ovsyanka, Senior Lecturer, Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, Humanities Institute, Siberian Federal University.

How a museum transforms the cultural environment: from experience working on museum projects in the Krasnoyarsk Region

Abstract. The article is devoted to the role of museums as active transformers of the cultural environment using the example of projects in the Krasnoyarsk Territory. It examines how museums actualize cultural heritage, act as platforms for public dialogue and participation, solve social problems, strengthen the «power of the place» and contribute to the formation of Siberian identity. Based on the analysis of scientific publications and specific practices (pedagogical archeology, open-air museums, Krasnoyarsk Museum Biennale, V.P. National Center Astafieva, branch of the

* © Зыкова Т.В., 2026.

Как музей меняет культурную среду. Из опыта работы над проектами музеев Красноярского края

National Center «Russia») shows the mechanisms of the influence of museums on the urban and regional environment. Special attention is paid to the complex nature of museum activities and their implementation at the regional, interregional and international levels. The conclusion is made about museums as centers of social life and catalysts of cultural changes in Siberia.

Key words: museum, cultural environment, cultural heritage, Siberian identity, actualization, dialogue, innovation.

Введение

Музеи в современном мире давно вышли за рамки простых хранилищ артефактов. Они активно преобразуют окружающее пространство, делая его более живым, осмысленным и открытым для людей. Особенно заметно это в регионах с богатым, но часто труднодоступным наследием, таким как Красноярский край. Здесь музеи не только сохраняют следы прошлого – от наскальных рисунков до деревянного зодчества и советской индустриальной культуры, – но и меняют повседневную жизнь городов и поселений, превращая их в места, где история разговаривает с настоящим. Актуальность такой трансформации особенно остро ощущается сегодня, когда культурная среда сталкивается с вызовами глобализации, оттока населения и необходимости укрепления локальной идентичности. Проблема заключается в том, как музей может стать не статичным учреждением, а активным агентом изменений, способным решать социальные задачи и усиливать «силу места». Цель исследования – показать на опыте проектов музеев Красноярского края, каким образом музеи актуализируют культурное наследие, выступают площадками диалога и влияют на формирование сибирской идентичности. Для достижения цели поставлены задачи: проанализировать механизмы актуализации наследия, формы участия сообществ, использование инноваций, уровни реализации проектов и их вклад в общественную жизнь. Отдельное внимание уделено финансовой стороне вопроса: востребованность музеев у населения объективно измеряется не только числом посетителей, но и готовностью людей платить за культурный опыт. Как показывает практика, именно этот критерий часто оказывается наиболее показательным при оценке реального влияния музея на среду.

Материалы и методы

Материалом послужили научные публикации, посвященные культурным процессам в Сибири, в том числе в Красноярском крае. Основу составили работы, освещающие региональные аспекты государственной культурной политики, развитие культурной среды индустриального города, педагогическую археологию, этнографические музеи под открытым небом, репрезентацию культурной памяти на Красноярской музейной биеннале и социокультурное проектирование выставок. Привлечены мате-

риалы о современных практиках публичного искусства и мультимедийной репрезентации наследия, а также данные официальной отчетности музеев Красноярского края о посещаемости и доходах. Важным дополнением стали сведения о новых музейных институциях – Национальном центре В.П. Астафьева в Овсянке (открыт в 2024 году) и филиале Национального центра «Россия» в Красноярске (открыт в 2025 году). Методология опирается на качественный анализ: систематизацию примеров из практики музеев края, сравнение подходов к музеефикации и интерпретации объектов, а также рассмотрение проектов через призму теорий культурной памяти и коммуникации. Такой подход позволяет проследить, как конкретные инициативы влияют на городскую и региональную среду.

Результаты и обсуждение

Музеи Красноярского края демонстрируют разнообразные способы актуализации культурного наследия. Один из ярких примеров – работа с археологическим материалом. Еще в конце XIX – начале XX века Красноярский краеведческий музей стал центром педагогической археологии: школьные и студенческие кружки под руководством опытных наставников участвовали в раскопках на Афонтовой горе и других памятниках, обрабатывали находки и устраивали выставки [4, с. 58]. Это не только сохраняло артефакты, но и формировало у молодых людей чувство ответственности за прошлое, превращая музей в мост между поколениями. Сегодня подобные практики продолжают в форме образовательных программ и экспедиций, где наследие оживает через непосредственное вовлечение [4, с. 60].

Другой путь актуализации связан с музеями под открытым небом и этнографическими комплексами Сибири. Такие музеи, включая проекты музеефикации деревянных сооружений, позволяют сохранять недвижимые объекты в их естественной или реконструированной среде. Фондовая деятельность здесь отличается от традиционных коллекционных музеев: она включает учет не только движимых предметов, но и архитектурных элементов, а также фиксацию нематериального наследия – традиций, обрядов, ремесел [9, с. 112]. В Красноярском крае и соседних регионах эти музеи помогают противостоять утрате традиционной культуры коренных народов и старожильческого населения, моделируя историко-культурные ландшафты и делая их доступными для посетителей.

Особое место занимают проекты, связанные с наскальным искусством и сакральным пространством Енисейского Севера. Выставки и экспозиции, посвященные петроглифам, не просто демонстрируют древние изображения, но и вписывают их в современный контекст – через разговор о будущем территорий, о связи человека с природой и духовными традициями. Реставрация храмов и их интеграция в музейные пространства, как в Енисейске, усиливает «силу места», превращая исторические точки в цен-

тры притяжения, где возрождается ощущение преемственности [7, с. 94].

Однако наиболее убедительным свидетельством того, как музей меняет культурную среду, служат не только художественные концепции, но и цифры. Люди «голосуют» за музеи рублем, и этот показатель часто оказывается красноречивее любых теоретических выкладок. Например, по итогам 2024 года доход Красноярского краевого краеведческого музея составил 68 млн рублей, в то время как Музейный центр «Площадь Мира» заработал 12 млн рублей. Разница более чем в пять раз говорит о разной востребованности этих институций у публики. И это при том, что именно «Площадь Мира» с ее биеннале и концептуальным искусством чаще всего фигурирует в академических дискуссиях о «музее как площадке диалога». Очевидно, что реальное влияние на культурную среду требует не только смелых художественных идей, но и способности говорить с разной аудиторией на понятном ей языке.

Наиболее яркий пример успешной трансформации культурной среды через создание новой музейной институции – Национальный центр В.П. Астафьева в Овсянке, открытый 1 мая 2024 года к столетию писателя. За восемь месяцев работы центр посетило более 176 тыс. человек [1; 3; 5]. Это не просто музей в традиционном понимании, а многофункциональный комплекс: в трехэтажном здании площадью более 2,5 тыс. кв. м разместились выставочный зал, интеллект-центр, детский центр, конференц-зал, сувенирный магазин и кафе [7]. Экспозиция включает подлинные рукописи произведений «Прокляты и убиты», «Пастух и пастушка», «Перевал», а также личные документы и вещи писателя [1]. При этом сам центр построен с использованием современных мультимедийных технологий, что делает его привлекательным для молодой аудитории. [13]. Важно, что центр изменил не только Овсянку, превратив деревню в точку культурного притяжения, но и повлиял на туристическую географию в целом. По данным геоаналитики, турпоток в музейный комплекс Астафьева вырос по сравнению с 2023 годом на 47%, причем около 20% посетителей составили гости из Москвы и Санкт-Петербурга [7; 9]. В пятерку регионов, откуда приезжали чаще всего, вошли Новосибирская, Московская и Иркутская области, республика Хакасия [7]. География туристов охватила Калининград, Краснодар, Нижний Новгород, Челябинск, Владивосток и другие города [9]. Это означает, что локальный по замыслу проект приобрел межрегиональное, а по сути – общероссийское значение.

Еще один новый игрок на музейной карте Красноярского края – филиал Национального центра «Россия», открытый в декабре 2025 года на центральной набережной Красноярска [2; 6]. Это второй филиал центра в стране после Приморья. В здании площадью 44 тыс. кв. м разместилась постоянная выставка «Энергия людей – энергия большого края», объединяющая 21 тематическую галерею, посвященную истории, промышленно-

сти, культуре и социальным достижениям региона [2; 8]. Предусмотрен также концертный зал на 440 мест [2]. Губернатор Михаил Котюков подчеркнул, что центр создан для всей семьи – здесь найдут занятия и дети, и родители, и пожилые люди [2; 6]. Экспозиция включает мультимедийные и интерактивные элементы, в том числе 16-метровый интерактивный макет Красноярского края [4]. Как отметила генеральный директор Национального центра «Россия» Наталья Виртуозова, красноярская экспозиция на выставке «Россия» на ВДНХ была самой посещаемой, и теперь ее идеи получили постоянную прописку в регионе [4]. Президент Владимир Путин в приветствии участникам церемонии открытия выразил уверенность, что филиал станет «точкой притяжения для делового и дружеского общения жителей и гостей Красноярского края» [8].

Стоит сказать и о Красноярской музейной биеннале, тем более что именно она наиболее часто становится объектом академического анализа. XV биеннале «АВЕНИСЕЕСИНЕВА» (2024) действительно создала иммерсивные проекты, где зрители становились соучастниками осмысления региональной памяти – через образы Енисея как символа течения времени, через абстрактные и поэтические интерпретации прошлого [10, с. 56]. Публичное искусство в рамках биеннале выходило за стены музея: инсталляции в городском пространстве, взаимодействия с жителями, совместное создание объектов провоцировали обсуждения и совместное творчество [10, с. 58]. Однако эти проекты, при всей их художественной ценности, работают преимущественно с подготовленной аудиторией и не могут конкурировать по массовому охвату с такими проектами, как Национальный центр Астафьева. Важно понимать: биеннале и «Площадь Мира» выполняют функцию культурного авангарда, задавая новые смыслы и формы, но системное изменение культурной среды требует институций, доступных разным социальным и возрастным группам. Именно эту роль сегодня выполняют новые музейные центры.

Обратимся к данным статистики, чтобы увидеть полную картину. По итогам 2024 года Красноярский краевой краеведческий музей заработал 68 млн рублей, тогда как Музейный центр «Площадь Мира» – 12 млн рублей. Эта разница отражает разные модели работы с аудиторией. Краеведческий музей, ориентированный на широкую публику, семейный досуг и образовательные программы, оказывается значительно более востребованным в финансовом выражении. «Площадь Мира» с ее фокусом на современное искусство работает с более узкой аудиторией, и это нормально для институции такого типа. Проблема возникает тогда, когда в академических дискуссиях именно эта модель выдается за универсальный образец «музея будущего». Реальный музейный ландшафт Красноярского края гораздо разнообразнее, и его «локомотивами» выступают не биеннале, а учреждения, сумевшие найти баланс между сохранением традиции и внедрением инноваций.

Многообразие подходов, которые используют музеи Красноярского края для работы с культурным наследием, можно систематизировать. В таблице ниже выделены ключевые направления деятельности, приведены характерные примеры проектов и обозначен их основной вклад в усиление «силы места» и трансформацию культурной среды. При этом в отличие от предыдущих исследований, где акцент делался исключительно на биеннале и «Площади Мира», здесь представлена более полная картина, включающая новые музейные институции.

Таблица 1. Основные направления деятельности музеев Красноярского края и их вклад в трансформацию культурной среды.

Направление деятельности	Ключевые примеры проектов	Вклад в культурную среду и «силу места»
Педагогическая археология и образование	Работа с Афонтовой горой, школьные и студенческие кружки, современные экспедиции [4]	Формирование межпоколенческой ответственности, превращение музея в мост между прошлым и настоящим
Музеи под открытым небом и этнография	Музеефикация деревянных сооружений, фондовая работа с недвижимыми объектами и нематериальным наследием [9]	Сохранение традиционной культуры коренных и старожильческих народов, моделирование историко-культурных ландшафтов
Наскальное искусство и сакральное пространство	Проекты с петроглифами, реставрация храмов (в т.ч. в Енисейске) [7]	Усиление «силы места», интеграция древнего наследия в разговор о будущем и духовной связи с территорией
Современное искусство и биеннале	XV Красноярская музейная биеннале «АВЕНИСЕЕСИ-НЕВА», деятельность Музейного центра «Площадь Мира» [10]	Создание иммерсивных проектов и публичного искусства, превращение музея в открытую площадку диалога и участия
Новые музейные центры	Национальный центр В.П. Астафьева в Овсянке (2024) [1; 7], филиал Национального центра «Россия» в Красноярске (2025) [2; 6]	Трансформация локальных территорий в точки межрегионального притяжения, внедрение мультимедийных технологий, рост турпотока и доходов
Инновационные технологии	Мультимедийные экспозиции, интернет-энциклопедии региональной культуры, виртуальные туры [2]	Расширение доступа к наследию, усиление эмоционального воздействия, преодоление географической удаленности

Из таблицы видно, что музейный ландшафт Красноярского края не сводится к одному или двум направлениям. Помимо традиционной археологической и этнографической работы, здесь активно развиваются новые формы – от биеннале до крупных мультимедийных центров. При этом «Площадь Мира» и биеннале, при всей их значимости для профессионального сообщества, занимают в этой системе скромное место с точки зрения финансовой эффективности. Это не означает, что они бесполезны, – просто их роль иная: они задают тренды, работают с «hard core» культурной аудитории, но не формируют повестку для большинства.

Влияние музеев на культурную среду и «силу места» проявляется в нескольких измерениях. Они обогащают городскую ткань, вводя новые смыслы в повседневность [5, с. 45]. Мультимедийные и художественные репрезентации наследия усиливают эмоциональное воздействие, превращая абстрактное «прошлое» в живое переживание. Информационные ресурсы, подобные интернет-энциклопедиям региональной художественной культуры, расширяют границы доступа [2, с. 87]. Однако наиболее мощный эффект дают проекты, которые одновременно решают несколько задач: сохраняют память, создают комфортную среду для досуга и генерируют экономическую активность. Национальный центр Астафьева – показательный пример такого комплексного воздействия. Он не просто хранит наследие писателя, но и стимулирует туризм, создает рабочие места в Овсянке, привлекает инвестиции в инфраструктуру села.

Инновационные технологии играют здесь ключевую роль. Цифровизация архивов, виртуальные туры, мультимедийные экспозиции и онлайн-платформы снимают барьеры физической удаленности Сибири. В Национальном центре Астафьева мультимедийные решения делают экспозицию доступной для детей от шести лет – для них разработана специальная экскурсия «Астафьев. Доступно» в игровой форме [3]. А в филиале Национального центра «Россия» интерактивный макет Красноярского края площадью 16 метров позволяет увидеть регион целиком в новом ракурсе [4]. Технологии здесь не самодовлеющие, а служат задаче сделать наследие близким и понятным разным поколениям.

Музеи Красноярского края способствуют формированию сибирской культурной идентичности. Через акцент на локальных особенностях – Енисее как главной артерии, наскальном искусстве, традициях старожилов и коренных народов, через фигуры, значимые для национальной культуры (как Астафьев), – они помогают жителям осознать свою уникальность. Однако идентичность формируется не только через «высокое» искусство. Посещение Национального центра Астафьева для многих – это семейный выходной, совмещенный с чаепитием с «астафьевским пряником», который можно расписать самостоятельно [3; 5]. Такие, казалось бы, простые формы включения традиции в повседневность работают на укрепление

«чувства места» не хуже сложных художественных концепций.

Уровни реализации проектов варьируются. На региональном уровне музеи Красноярского края активно участвуют в нацпроекте «Культура». Межрегиональный масштаб виден в выставках вроде «Тайны древностей и наскальной живописи Сибири и Дальнего Востока», где объединяются усилия музеев нескольких субъектов [11, с. 102]. Но наиболее убедительно межрегиональное, а точнее – общероссийское, значение имеют новые центры. Национальный центр Астафьева привлекает посетителей не только из Сибири, но и из Москвы, Санкт-Петербурга, Карелии, Дагестана, Камчатки [7; 9]. Филиал Национального центра «Россия» интегрирует красноярские проекты в общефедеральную повестку, будучи частью сети, создаваемой «от Тихого океана до Балтики» [6]. Таким образом, локальные проекты сегодня получают беспрецедентно широкое звучание.

Заключение

Музеи Красноярского края на практике доказывают свою способность менять культурную среду региона, но делают это не единым способом, а через разнообразные механизмы. Анализ показывает, что наиболее эффективными агентами изменений сегодня становятся не те институции, которые больше говорят о «диалоге» и «партиципации», а те, которые умеют соединять сохранение памяти с современными технологиями, работать с разной аудиторией и предлагать людям понятные и эмоционально близкие формы взаимодействия с наследием.

Национальный центр В.П. Астафьева в Овсянке, открытый в 2024 году и собравший за первые месяцы более 176 тыс. посетителей, – яркий пример того, как современный музей может изменить не только культурный ландшафт отдельного села, но и туристическую географию целого региона. А филиал Национального центра «Россия» в Красноярске, открытый в 2025 году, задает новые стандарты музейного проектирования, где мультимедиа, интерактив и традиционная экспозиционная работа существуют в синтезе.

При этом очевидно, что существующая исследовательская оптика нуждается в корректировке. Долгое время в фокусе академического внимания находились преимущественно Музейный центр «Площадь Мира» и Красноярская музейная биеннале, что создавало искаженное представление о музейном ландшафте края. Реальная картина гораздо богаче: наряду с этими важными, но нишевыми проектами, существуют институции, работающие с массовой аудиторией и демонстрирующие впечатляющие финансовые и посещаемостные показатели. Именно баланс между «элитарными» и «массовыми» музейными проектами создает здоровую культурную среду, в которой есть место как для концептуального искусства, так и для семейного досуга с «астафьевским пряником».

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью

сравнительного анализа эффективности разных музейных моделей, разработки критериев оценки влияния музеев на региональное развитие, а также с изучением долгосрочных эффектов от открытия новых музейных центров на социально-экономическую ситуацию на прилегающих территориях.

Библиографический список

1. Астахов О.Ю., Паничкина Е.В. Региональные аспекты государственной культурной политики в реализации нацпроекта «культура» (на примере территорий Сибири) // Сфера культуры. 2025. № 4 (22). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-v-realizatsii-natsproekta-kultura-na-primere-territoriy-sibiri> (Дата обращения: 20.04.2026).
2. Бородина М.А., Квашнина Ю.В., Жигаева А.А. Информационный ресурс «Живописный актив» как пример современной интернет-энциклопедии региональной художественной культуры // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2025. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-resurs-zhivopisnyy-aktiv-kak-primer-sovremennoy-internet-entsiklopedii-regionalnoy-hudozhestvennoy-kultury> (Дата обращения: 20.04.2026).
3. Будулак О. «мУКА: склады искусства»: Оксана Будулак о 7 примерах современного искусства // Обзор.city и связанные публикации, 2021. // URL: <https://obzor.city/article/660346> (Дата обращения: 20.04.2026).
4. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Музей, школа, вуз (к истории педагогической археологии в Красноярске) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. № 17. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-shkola-vuz-k-istorii-pedagogicheskoy-arheologii-v-krasnoyarske> (Дата обращения: 20.04.2026).
5. Горелова Ю.Р., Хилько Н.Ф. Художественная и мультимедийная репрезентация в отражении образов наследия и исторической памяти в городской культурной среде // Культурологический журнал. 2021. № 3 (45). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-i-multimedijnaya-reprezentatsiya-v-otrazhenii-obrazov-naslediya-i-istoricheskoy-pamyati-v-gorodskoj-kulturnoy-srede> (Дата обращения: 20.04.2026).
6. Григорьева Е.А., Барсукова Н.В., Пойлова Е.В. Развитие культурной среды индустриального города Красноярска в 1970–80-х годах // ПСЭРС. 2020. № 3 (41). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kulturnoy-sredy-industrialnogo-goroda-krasnoyarska-v-1970-80-h-godah> (Дата обращения: 20.04.2026).
7. Дворецкая А.П., Слабуха А.В., Пиков Н.О. Сакральное пространство Енисейского Севера в проектах будущего // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2024. № 8. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnoe-prostranstvo-eniseyskogo-severa-v-proektah-buduschego> (Дата обращения: 20.04.2026).
8. Ключников Т.А. Актуализация археологического наследия в современном обществе: методы, проблемы и перспективы / Т.А. Ключников // Город, пригодный для жизни: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Красноярск, 11–12 ноября 2021 года / Отв. за выпуск Д.Е. Лемьтская. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. С. 242-245.
9. Пронина С.А. Фондовая деятельность этнографических музеев под открытым небом в Сибири: дис. ... канд. культурологии. – Кемерово, 2022. // URL: https://kengik.ru/upload/iblock/bd3/Fondovaya-deyatelnost-etnograficheskikh-muzeev-pod-otkrytym-nebom-v-Sibiri_.pdf (Дата обращения: 20.04.2026).
10. Сергакова Е.А. Репрезентация культурной памяти в проектах XV Красноярской музейной биеннале «АВЕНИСЕЕСИНЕВА» // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2024. № 7. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kulturnoy-pamyati-v-proektah-hv-krasnoyarskoj-muzeynoj-biennale-aveniseesineva> (Дата обращения: 20.04.2026).
11. Хаткевич А.А., Сашнина О.В. Управленческий аспект социокультурного проектирования (на примере межрегиональной выставки «Тайны древностей и наскальной живописи Сибири и Дальнего Востока») // Сервис в России и за рубежом. 2020. № 4 (91). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskiy-aspekt-sotsiokulturnogo-proektirovaniya-na-primere-mezhregionalnoy-vystavki-tayny-drevnostey-i-naskalnoy-zhivopisi> (Дата обращения: 20.04.2026).
12. Чекмарева Е.В., Чекмарева Т.В. Музеи под открытым небом. Проект музеефикации фраг-

ментов острога Омской крепости // Строительство: наука и образование. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-pod-otkrytym-nebom-proekt-muzeefikatsii-fragmentov-ostroga-omskoy-kreposti> (Дата обращения: 20.04.2026).

13. Материалы к экспозиции Национального центра В.П. Астафьева в с. Овсянка: Экспозиционный сценарий / Сост. О.Р. Николаев, В.М. Ярошевская; ред. В.М. Ярошевская; Красноярский краевой краеведческий музей. – Красноярск, 2020. – Издательство «Офсет». С. 8-400.

References

1. Astakhov O.Yu., Panichkina E.V. Regional aspects of the state cultural policy in the implementation of the national project "Culture" (on the example of the territories of Siberia) // Sphere of Culture. 2025. № 4 (22). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-v-realizatsii-natsproekta-kultura-na-primere-territoriy-sibiri> (20.04.2026).
2. Borodina M.A., Kvashnina Yu.V., Zhigaeva A.A. Information resource "Picturesque Asset" as an example of a modern online encyclopedia of regional artistic culture // Journal of SFU. Humanities. 2025. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyy-resurs-zhivopisnyy-aktiv-kak-primer-sovremennoy-internet-entsiklopedii-regionalnoy-hudozhestvennoy-kulturnoy> (20.04.2026).
3. Budulak O. "Muka: warehouses of art": Oksana Budulak on 7 examples of contemporary art // Obzor.city and related publications, 2021. // URL: <https://obzor.city/article/660346> (20.04.2026).
4. Vdovin A.S., Makarov N.P. Museum, school, university (on the history of pedagogical archeology in Krasnoyarsk) // Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve. 2023. № 17. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzej-shkola-vuz-k-istorii-pedagogicheskoy-arheologii-v-krasnoyarske> (20.04.2026).
5. Gorelova Yu.R., Khilko N.F. Artistic and multimedia representation in the reflection of images of heritage and historical memory in the urban cultural environment // Cultural Studies Journal. 2021. № 3 (45). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-i-multimedijnaya-reprezentatsiya-v-otrazhenii-obrazov-naslediya-i-istoricheskoy-pamyati-v-gorodskoy-kulturnoy> (20.04.2026).
6. Grigorieva E.A., Barsukova N.V., Poilova E.V. Development of the cultural environment of the industrial city of Krasnoyarsk in the 1970-80s // PSERS. 2020. № 3 (41). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-kulturnoy-sredy-industrialnogo-goroda-krasnoyarska-v-1970-80-h-godah> (20.04.2026).
7. Dvoretzskaya A.P., Slabukha A.V., Pikov N.O. Sacred space of the Yenisei North in future projects // SFU Journal. Humanities. 2024. № 8. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnoe-prostranstvo-eniseyskogo-severa-v-proektah-buduschego> (20.04.2026).
8. Klyuchnikov T.A. Updating the Archaeological Heritage in Modern Society: Methods, Problems, and Prospects / T.A. Klyuchnikov // A City Fit for Living: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, November 11–12, 2021 / Responsible for the issue D.E. Lemytskaya. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2022. P. 242–245.
9. Pronina S.A. Collection Activities of Open-Air Ethnographic Museums in Siberia: Diss. ... Cand. of Cultural Studies. – Kemerovo, 2022. // URL: https://kengik.ru/upload/iblock/bd3/Fondovaya-deyatelnost-etnograficheskikh-muzeev-pod-otkrytym-nebom-v-Sibiri_.pdf (20.04.2026).
10. Sertakova E.A. Representation of Cultural Memory in the Projects of the 15th Krasnoyarsk Museum Biennale "AVENISEESINEVA" // SFU Journal. Humanities. 2024. № 7. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kulturnoy-pamyati-v-proektah-hv-krasnoyarskoy-muzejnoy-biennale-aveniseesineva> (20.04.2026).
11. Khatkevich A.A., Sashnina O.V. Management aspect of socio-cultural design (on the example of the interregional exhibition "Secrets of Antiquities and Rock Art of Siberia and the Far East") // Service in Russia and Abroad. 2020. № 4 (91). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskiy-aspekt-sotsiokulturnogo-proektirovaniya-na-primere-mezhregionalnoy-vystavki-tayny-drevnostey-i-naskalnoy-zhivopisi> (20.04.2026).
12. Chekmareva E.V., Chekmareva T.V. Open-air museums. Project for the museumification of fragments of the Omsk fortress // Construction: science and education. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-pod-otkrytym-nebom-proekt-muzeefikatsii-fragmentov-ostroga-omskoy-kreposti> (20.04.2026).
13. Materials for the exposition of the V.P. Astafieva National Center in the village of Ovsyanka: Exposition scenario / Comp. O.R. Nikolaev, V.M. Yaroshevskaya; ed. V.M. Yaroshevskaya; Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. – Krasnoyarsk, 2020. – Offset Publishing House. P. 8-400.

Карев С.А.

Магистрант кафедры истории культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры.

Антонов О.В.

Аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии, Института географии, геологии, туризма и сервиса, Кубанский государственный университет.

Диалог эпох в стенах Шелапутинской гимназии: музеологический анализ трансформации историко-культурной среды*

Аннотация. В статье представлен комплексный музеологический анализ трансформации историко-культурной среды здания Московской классической гимназии, основанной в 1901 году на средства выдающегося мецената П.Г. Шелапутина по проекту архитектора Р.И. Клейна. Под «диалогом» в контексте Шелапутинской гимназии понимается сосуществование и взаимодействие различных исторических слоев, смыслов и функций в одном пространстве на протяжении более чем 120 лет. Автор исследует эволюцию объекта от «совершенной образовательной среды» начала XX века, сочетавшей светское просвещение с духовным воспитанием в домовом храме св. Григория Богослова, до современного административного центра.

Рассматривается процесс архитектурной деградации и фрагментации пространства в советский период, когда размещение в здании общежития Академии коммунистического воспитания и Академии Генштаба РККА привело к сокрытию авторского замысла под поздними диссонансирующими конструкциями. На основе материалов государственной историко-культурной экспертизы 2024 года в статье анализируются современные методы реставрации, направленные на раскрытие первоначальных объемов и восстановление торжественного неоклассического декора: колонн, маскарон и сводчатых перекрытий.

Особое внимание уделено проблеме интеграции современных систем безопасности и связи Главной военной прокуратуры в историческую ткань памятника по принципу обратимости.

Ключевые слова: П.Г. Шелапутин, Р.И. Клейн, Шелапутинская гимназия, музеологический анализ, реставрация, культурное наследие, диалог эпох, неоклассицизм.

Karev S.A.

Master's student of the Department of History of Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture.

* © Карев С.А., Антонов О.В., 2026.

Диалог эпох в стенах Шелапутинской гимназии: музеологический анализ трансформации историко-культурной среды

Antonov O.V.

Postgraduate student of the Department of Economic, Social and Political Geography, Institute of Geography, Geology, Tourism and Service, Kuban State University.

Dialogue of epochs within the walls of the Shelaputinsky gymnasium: a museological analysis of the transformation of the historical and cultural environment

Abstract. The article presents a comprehensive museological analysis of the transformation of the historical and cultural environment of the Moscow Classical Gymnasium building, founded in 1901 with funds from the outstanding philanthropist P. G. Shelaputin and designed by architect R.I. Klein. In the context of the Shelaputinsky Gymnasium, “dialogue” refers to the coexistence and interaction of various historical layers, meanings and functions in one space for more than 120 years. The author explores the evolution of the facility from the “perfect educational environment” of the early 20th century, which combined secular education with spiritual education in the house church of St. Gregory the Theologian, to the modern administrative center. The article examines the process of architectural degradation and fragmentation of space during the Soviet period, when the placement of the Academy of Communist Education and the Academy of the General Staff of the Red Army in the dormitory building led to the concealment of the author’s idea under late dissonant structures. Based on the materials of the 2024 state historical and cultural expertise, the article analyzes modern restoration methods aimed at uncovering the original volumes and restoring the solemn neoclassical decor: columns, mascarons and vaulted ceilings. Special attention is paid to the problem of integrating modern security and communications systems of the Main Military Prosecutor’s Office into the historical fabric of the monument on the principle of reversibility.

Key words: P.G. Shelaputin, R.I. Klein, Shelaputinsky gymnasium, museological analysis, restoration, cultural heritage, dialogue of epochs, neoclassicism.

Архитектурное наследие Москвы сегодня сохраняет память о прошлом и остается живым участником развития мегаполиса. Особое место в этой системе занимают здания образовательных учреждений рубежа XIX–XX веков. В тот период архитектура учебных центров создавалась как особая интеллектуальная среда, где эстетика пространства напрямую работала на задачи просвещения. Это превращало их в знаковые точки на карте города, сохраняющие свою актуальность и воспитательный потенциал даже спустя столетие.

Шелапутинская гимназия в Хамовниках представляет собой исключительный объект для музеологического и культурологического анализа. Это пространство, где «гений места» вступает в сложный, подчас парадоксальный диалог с меняющимися государственными парадигмами. Исследование этого объекта позволяет проследить, как материальная среда сохра-

няют заложенные в неё смыслы даже в условиях жесткой ведомственной эксплуатации и радикальной смены функционального профиля.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки новых подходов к интерпретации культурного наследия в условиях жесткой ведомственной эксплуатации. В современной урбанистике и музеологии остро стоит вопрос: как сохранить подлинный смысл здания, если его функциональный профиль неоднократно претерпевал радикальные трансформации? Шелапутинская гимназии – это классический пример многослойной структуры, где за фасадом неоклассической строгости скрываются наслоения имперских образовательных идеалов, советской идеологической переработки и современных административных задач.

Научная проблема заключается в поиске точек соприкосновения между архитектурной субстанцией памятника и его ускользающим нематериальным наследием [16]. Здание, задуманное как гармоничное единство светского знания и сакрального смысла, на протяжении столетия подвергалось процессам «перекодирования». Сегодня, когда объект находится в стадии глубокой реставрации, необходимо осмыслить его морфологическую ценность и внутреннюю логику, которая позволяет памятнику сохранять свою индивидуальность вопреки внешним деформациям.

Целью настоящей работы является комплексное исследование процесса трансформации Шелапутинской гимназии как динамической историко-культурной среды. Рассматривается эволюция объекта, которая начинается с создания образовательного центра и продолжается в ходе современного восстановления. Происходит реконструкция развитие «духа места», сохраняющего способность транслировать фундаментальные ценности даже в специфической ведомственной среде. Исследование призвано показать, что диалог эпох внутри этих стен не завершен, а реставрация сегодня служит инструментом возвращения подлинного исторического времени в пространство современного города.

Технологическое обеспечение данного процесса базируется на принципах научной обоснованности и нормативной точности. Соответствующая методология сохранения и реставрации здания гимназии основана на научных исследованиях и строгом соблюдении нормативных требований ГОСТ Р 55528-2013. Основные этапы включают:

- Историко-архивные изыскания: глубокое изучение архивных материалов, планов и библиографии для воссоздания точной исторической справки и первоначального облика объекта.
- Комплексные натурные исследования: инструментальное обследование технического состояния конструкций (фундаментов, стен, перекрытий), фотофиксация текущего состояния и химико-технологический анализ строительных материалов.

– Определение предмета охраны: экспертное выявление элементов, подлежащих обязательному сохранению, таких как объемно-пространственная композиция, декор фасадов, историческая планировка и сводчатые перекрытия.

– Реставрационные принципы: методология предусматривает демонтаж поздних диссонирующих наслоений (перегородок, подвесных потолков) и воссоздание утраченных элементов строго по архивным данным и аналогам, что исключает изменение исторического облика [2].

– Междисциплинарная экспертиза: проект проходит оценку комиссией из инженеров-строителей, реставраторов и искусствоведов, которые подтверждают соответствие работ задачам сохранения наследия.

– Научная фиксация: обязательное ведение обследований и фиксации (обмеры, фото) на всех этапах работ для обеспечения сохранности всех элементов, обнаруженных в процессе раскрытий [6].

Комплексный подход к современному сохранению здания создает необходимую базу для осмысления его исторической роли. Обращение к истокам проекта говорит о том, что процесс формирования Шелапутинской гимназии наглядно демонстрирует, как частная инициатива по увековечиванию памяти может перерасти в значимый проект по развитию городской образовательной инфраструктуры. Становление этого учебного заведения неразрывно связано с именем Павла Григорьевича Шелапутина. Будучи крупным промышленником и общественным деятелем, он внес весомый вклад в социокультурное развитие Москвы на рубеже XIX–XX веков, руководствуясь принципами безвозмездного служения обществу. Основанием для создания гимназии стала личная трагедия мецената – смерть сына Григория, чью память отец решил почтить через организацию передового образовательного центра [3].

Проект здания был реализован архитектором Романом Ивановичем Клейном. Появление этого объекта внесло качественные изменения в городскую среду, поскольку здание отличалось не только архитектурными достоинствами, но и передовым техническим оснащением. В 1901 году гимназия получила официальный статус казенного учреждения и начала обеспечивать основательную подготовку учащихся. Пространство школы было организовано с учетом актуальных требований того времени: здесь располагались современный гимнастический зал, просторный актовый зал и домовый храм, что позволяло всесторонне решать вопросы воспитания и обучения.

Деятельность Павла Григорьевича Шелапутина не ограничилась одним объектом, а привела к созданию целого образовательного кластера [7]. В дополнение к гимназии меценат основал реальные училища и Педагогический институт. Широкая филантропическая деятельность, охватывающая медицину и культуру, подтверждает глобальное видение мецената о том,

как должно проходить развитие городской социальной среды. Что касается самой гимназии, то верность традициям этого места подтверждается и его дальнейшей историей, а конкретно, фактом обучения здесь будущего лауреата Нобелевской премии Михаила Александровича Шолохова.

Идейные установки мецената получили свое прямое продолжение в архитектурном облике учебного заведения. Планировка и эстетика здания, спроектированного Р. И. Клейном, стали материальным воплощением идеалов классического образования начала XX века, ориентированных на гармоничное единство разума, духа и физического развития. Архитектурное решение объекта, выполненное в духе неоклассицизма с элементами ампира, напрямую апеллировало к античным истокам европейской культуры [1]. Использование в оформлении фасадов ионического ордера, пилястр и балюстрад создавало визуальную связь с традициями Древней Греции и Рима, языки которых составляли основу гимназической программы. Декор в виде античных маскаронов, меандра и розеток подчеркивал причастность здания к великому наследию прошлого. Эти классические мотивы в сочетании с символами московского послепожарного ампира – щитами и лавровыми венками наделяли фасад особой торжественностью, превращая его в символ государственной значимости просвещения [8].

Просветительские идеалы эпохи нашли отражение и во внутренней организации пространства, где основную роль играл культ света и объема. Высокие потолки и масштабные арочные окна обеспечивали максимальное освещение учебных аудиторий, что символизировало открытость знаниям и торжество рационального начала. В планировке была заложена концепция всестороннего совершенствования личности: как говорилось ранее наличие редкого для того периода оснащенного гимнастического зала в сочетании с грандиозным актовым залом реализовывало принцип гармонии тела и интеллекта. Особой функциональной характеристикой проекта стало объединение гражданского и духовного пространств, выраженного в непосредственной связи актового зала с домовою церковью святого Григория Богослова через систему широких арок. Это архитектурное решение объединяло академическое обучение с религиозно-нравственным воспитанием, которое являлось важнейшим элементом образовательного курса.

Технологическое совершенство здания подтверждало веру эпохи в прогресс как надежную опору науки. Будучи образцовым учебным заведением, гимназия располагала продуманной инфраструктурой, включавшей столовую, мастерские и автономный пансион, а передовые инженерные системы отопления и водоснабжения ставили её в ряд наиболее инновационных построек Москвы того времени.

Однако заложенная в здание классическая строгость и масштабность в

дальнейшем стали основой для адаптации объекта к совершенно иным социальным задачам. После 1917 года судьба Шелапутинской гимназии стала отражением новой эпохи: место классического образования заняла идеологическая подготовка, а позже помещения и вовсе приспособили под военные нужды.

В период с 1919 по 1936 год на базе Педагогического института функционировала Академия социального воспитания, позднее преобразованная в Академию коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. В это время здание бывшей гимназии было приспособлено под нужды академического общежития, что стало первым этапом отхода от его первоначальной образовательной функции. Решающее изменение в истории объекта произошло в 1936 году, когда весь комплекс зданий был передан в распоряжение Академии Генерального штаба РККА. Данное событие окончательно перевело использование территории из гражданской сферы в военную.

Современный статус объекта определился в 1988 году, когда строения бывшего института и гимназии перешли в ведение Главной военной прокуратуры. В настоящее время здание по адресу переулок Хользунова, дом 14, строение 1, продолжает эксплуатироваться данным ведомством, обладая при этом статусом объекта культурного наследия. Мемориальный статус территории был дополнительно подчеркнут в 2018 году открытием во дворе комплекса памятника военным прокурорам и следователям [13]. Таким образом, даже в условиях радикальной смены функций и перехода в закрытый ведомственный режим, здание сохранило свою историческую структуру и остается важным элементом архитектурного облика Москвы [9].

Успешное сохранение архитектурного наследия в современных условиях требует глубокого понимания истории объекта и высокой степени технологической адаптивности. Сегодня мы обладаем целой палитрой принципиальных возможностей и разнообразных стратегий для сохранения. Эти инструменты не освобождают нас от ответственности – напротив, именно они накладывают на нас обязанность тщательного и внимательного поиска наиболее подходящего, оптимального решения, учитывающего особенности каждого сооружения. Все это требует не только профессиональной компетентности, но и серьезного анализа, уважения к исторической и культурной ценности [12], а также ответственности за сохранение этого наследия.

Реставрация Шелапутинского комплекса для Главной военной прокуратуры стала примером того, как современные технические задачи можно решить, не нарушая подлинного исторического облика здания. Предварительное техническое обследование определило существенный износ конструкций: состояние фундаментов из бутового камня, кирпичных стен

и перекрытий оценивалось как ограниченно работоспособное. Основными факторами деградации стали атмосферные воздействия и отсутствие должной эксплуатации в предшествующие периоды, что привело к коррозии металлических балок и деструкции стропильной системы [14].

Научно-проектная документация по восстановлению фасадов и интерьеров предусматривает деликатную расчистку стен, инъектирование трещин и реставрацию кирпичной кладки. Особое внимание уделяется сохранению предмета охраны – пышного лепного декора, включая пилястры коринфского ордера, балюстрады и маскароны, утраченные фрагменты которых воссоздаются по архивным данным. Сохранение четкой границы между тем, что необходимо для нового использования, и тем, что поверхностное и необоснованное вдохновение считает нужным для совершенствования, представляет собой сложную задачу. Эта граница требует тонкого балансирования, глубокого понимания и взвешенного решения, чтобы исключить риск утраты первоначальной ценности объекта при стремлении к его усовершенствованию [17].

Для восстановления «светлых и строгих» интерьеров, спроектированных архитектором Р. И. Клейном, реставраторы применяют ряд исследований, сочетающих научную реставрацию и адаптацию здания под современные административные нужды. Согласно источникам, этот процесс включает в себя несколько ключевых этапов:

1. Раскрытие первоначальных объемов.

Первоначальное пространство гимназии характеризовалось как «светлое и строгое», с просторными классами, аудиториями и высокими потолками. Однако за годы эксплуатации в качестве ведомственного объекта интерьеры были изменены поздними наслоениями. Реставраторы проводят:

- Демонтаж диссонирующих конструкций: удаляются поздние перегородки и локальные участки несущих стен, которые дробили просторные залы.

- Снятие навесных потолков: Проектом предусмотрен демонтаж подвесных потолков, что позволяет раскрыть исторические высотные отметки и сводчатые перекрытия, которые являются предметом охраны.

2. Реставрация исторической отделки и декора.

Чтобы вернуть интерьерам их первоначальный облик, проводятся следующие работы:

- Работа с лепниной: восстанавливаются лепные карнизы и фризы с орнаментальными и растительными мотивами.

- Очистка стен: проводится расчистка поверхностей от многослойных масляных красок, инъектирование трещин и нанесение новой известковой штукатурки по армированной сетке.

- Сохранение лестниц: Исторические одномаршевые и двухмаршевые

лестницы, их местоположение и материал (дерево, металл, железобетон) также подлежат обязательному сохранению и реставрации.

3. Восстановление светового режима.

Одной из главных характеристик «светлых» интерьеров Клейна были большие арочные окна. Реставраторы восстанавливают этот элемент через:

– Воссоздание столярных заполнений: Оконные рамы изготавливаются заново из твердых лиственных пород дерева с сохранением исторического рисунка переплетов.

– Раскрытие проемов: проводится раскрытие ранее заложенных исторических оконных и дверных проемов.

4. Компромисс с современными стандартами.

Поскольку в здании располагается Главная военная прокуратура, «строгость» интерьера дополняется современными офисными решениями, которые внедряются максимально бережно:

– Принцип обратимости: Новые перегородки (из ГКЛ по профилю «Кнауф» или стеклянные) и подвесные потолки («Рокфон») устанавливаются так, чтобы не нарушать капитальные стены и позволить в будущем вернуть залам их первоначальный вид.

– Скрытые коммуникации: Системы кондиционирования (VRV) и вентиляции размещаются под подшивными потолками в коридорах, а кабели прокладываются в специальных оцинкованных коробах на фасаде или внутри стен в штрабах, чтобы не диссонировать с классическим убранством.

Таким образом, реставраторы стремятся «очистить» здание от случайных перестроек советского периода, возвращая ему масштаб и свет, заложенные архитектором, при этом обеспечивая функциональность современного административного центра.

Несмотря на то что в современных условиях доступ внутрь здания ограничен режимом ведомственной принадлежности, Шелапутинская гимназия продолжает вести активный диалог с городской средой через свой архитектурный язык и монументальный декор. Этот визуальный диалог становится связующим звеном между закрытым функциональным пространством и общественной ценностью объекта, позволяя фасадам транслировать заложенные создателями смыслы непосредственно прохожему. Внешний облик гимназии, спроектированный Романом Клейном, выступает не просто как архитектурная оболочка, а как манифест классического просвещения. Пышный декор, колонны ионического ордера и балюстрады придают строению торжественный статус, выделяя его из окружающей застройки и подчеркивая величие образовательной миссии. Фасады, украшенные элементами московского ампира – лавровыми венками, щитами славы и львиными масками на замковых камнях, апеллируют к гражданской значимости здания. Большие арочные окна и ритмика

стометрового фасада вдоль переулка Хользунова создают образ открытого и светлого пространства, в то время как парадная ограда с каменными пилонами формирует буферную зону, приглашающую оценить масштаб меценатского проекта.

В этой связи актуализация символического капитала и возвращение имени Павла Шелапутина в публичный дискурс об объекте приобретают критическое значение для сохранения исторической правды. Восстановление мемориальной сути здания необходимо, так как оно изначально возводилось не только как учебное заведение, но и как личный памятник сыну мецената, Григорию Шелапутину. Без упоминания имени создателя объект рискует утратить свою неповторимую человеческую историю, превращаясь в обезличенный административный фонд. Имя на фасаде, где оно исторически было увековечено, служит напоминанием о высоком стандарте национального меценатства, воплощенном в личности Павла Григорьевича, который воспринимал свои многомиллионные пожертвования как посильный дар Родине [4].

Значимость гимназии обусловлена её связью с просветительским кластером Хамовников, здания которого были посвящены роду Шелапутиных. Само это имя возвращает постройкам их подлинный статус крупного просветительского центра, выделяя их из ряда обычных административных зданий. Кроме того, упоминание основателя связывает здание с именами великих современников, от художников, которым он покровительствовал, до нобелевских лауреатов, получавших здесь образование. Таким образом, даже за закрытыми дверями здание остается носителем глубокого культурного кода, а имя Шелапутина выступает необходимым ключом к его расшифровке и сохранению памяти.

Подводя итог, можно утвердительно сказать, что Шелапутинская гимназия является выдающимся примером устойчивости культурных смыслов. Даже при радикальной трансформации – от храма науки до центра военной юстиции – архитектурная форма продолжает транслировать идеалы, заложенные её создателями.

Современный стандарт научной реставрации предполагает высокий уровень публичности проектных решений и коллегиальность в разрешении междисциплинарных противоречий. Необходимым условием легитимации проведенных работ должна стать обязательная публикация полных иллюстрированных отчетов с их последующей интеграцией в систему библиотечных и архивных фондов города. Это позволит перевести результаты реставрации из плоскости ведомственной отчетности в сферу доступного научного знания.

Шелапутинская гимназия остается не просто памятником прошлого, а важным элементом исторического каркаса Москвы, где преемственность традиций просвещения и гражданского служения продолжает во-

площатся в камне, определяя облик и смысловое наполнение современного мегаполиса.

Библиографический список

1. Бабаджан С.Г. Неоклассицизм в архитектуре 1900-1910-х годов и поэзия акмеизма: к вопросу общности проблемного поля // Актуальные проблемы теории и истории искусства, 2022. Т. 12. С. 414-425.
2. Беловинский Л.В. Прогресс как фактор утраты исторической памяти // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств, 2015. № 3 (18). С. 63-69.
3. Бурьшкин П.А. Москва купеческая // ЭКСМО. 2022. 335с.
4. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России // М.: Центрполиграф. 2001. 443с.
5. Воеводина Л.Н. Философия культуры: проблемы и перспективы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2014. № 4 (15). С. 25-31.
6. Выписка из протокола заседания секции № 2 «Государственный учет объектов культурного наследия города Москвы» от 17.01.2024 № 50.
7. Горбунова Е.Ю. «Благотворители и меценаты в истории Московского университета» под ред. В.И. Тропина // МГУ. 2010. 320 с.
8. Дорожкина Н. «Неизвестные» москвичи – Шелапутины // журнал «История». 2009. № 6.
9. Завьялова Н. Б. Современные технологии в процессах сохранения объектов культурного наследия // Экономика, предпринимательство и право, 2024. Т. 14. № 3. С. 637 - 656.
10. Закон города Москвы от 13 ноября 2024 года № 24 Об объектах культурного наследия в городе Москве с изменениями на 25 декабря 2024 года).
11. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 55528-2013 «Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия...».
12. Осинцева О.А. Критерии оценивания историко – культурной ценности объектов // Актуальные проблемы архитектуры и дизайна: материалы XX Международной научно – практической конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург: УрГАХУ, 2024. С. 126-130.
13. Охотович Т.С. Практические проблемы, возникающие при применении норм, в сфере охраны и сохранения объектов // Вестник магистратуры: журнал. 2022. № 11–5 (134). С. 65-67.
14. Подъяпольский С.С. Реставрация памятников архитектуры: учеб. пособие // Москва: Стройиздат, 2000. 288 с.
15. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
16. Шевченко Э.А. Нематериальное культурное наследие как предмет охраны исторического поселения: размышления о предмете охраны // Academia. Архитектура и строительство, 2021. № 2. С. 83-90.
17. Шербина Е.В. Градостроительные риски утраты культурного наследия // Строительство: наука и образование, 2022. Т. 12. № 4. С. 4.
18. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.
19. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

References

1. Babajan S.G. Neoclassicism in Architecture of the 1900-1910s and Acmeist Poetry: Towards a Common Field of Problems // Actual Problems of Theory and History of Art, 2022. Vol. 12. P. 414-425.
2. Belovinsky L.V. Progress as a Factor in the Loss of Historical Memory // Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Arts, 2015. № 3 (18). P. 63-69.
3. Buryshkin P.A. Merchant Moscow // EKSMO. 2022. 335 p.

4. Vlasov P.V. Charity and Mercy in Russia // Moscow: Centropoligraf. 2001. 443 p.
5. Voevodina L.N. Philosophy of Culture: Problems and Prospects // Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Arts. 2014. № 4 (15). P. 25-31.
6. Extract from the minutes of the meeting of Section № 2 «State Registration of Cultural Heritage Sites of the City of Moscow» dated January 17, 2024. № 50.
7. Gorbunova E.Yu. «Benefactors and Patrons in the History of Moscow University» edited by V.I. Tropin // Moscow State University. 2010. 320 p.
8. Dorozhkina N. «Unknown» Muscovites - the Shelaputins // History Magazine. 2009. № 6.
9. Zavyalova N.B. Modern Technologies in the Preservation of Cultural Heritage Sites // Economy, Entrepreneurship and Law, 2024. Vol. 14. № 3. P. 637-656.
10. Law of the City of Moscow of November 13, 2024 № 24 «On Cultural Heritage Sites in the City of Moscow with Amendments as of December 25, 2024»).
11. National Standard of the Russian Federation GOST R 55528-2013 «Composition and Content of Scientific and Design Documentation for the Preservation of Cultural Heritage Sites...»
12. Osintseva O.A. Criteria for Assessing the Historical and Cultural Value of Objects // Actual Problems of Architecture and Design: Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists. Ekaterinburg: Ural State Academic University, 2024. P. 126-130.
13. Okhotovich T.S. Practical problems arising in the application of standards in the field of protection and preservation of objects // Bulletin of the magistracy: journal. 2022. № 11-5 (134). P. 65-67.
14. Pod'yapol'sky S.S. Restoration of architectural monuments: textbook // Moscow: Stroyizdat, 2000. 288 p.
15. Federal Law of June 25, 2002 № 73-FZ «On cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation».
16. Shevchenko E.A. Intangible cultural heritage as an object of protection of a historical settlement: reflections on the object of protection // Academia. Architecture and Construction, 2021. № 2. P. 83-90.
17. Shcherbina E.V. Urban development risks of loss of cultural heritage // Construction: science and education, 2022. Vol. 12. № 4. P.
18. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.
19. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Карозин А.А.

Аспирант кафедры теории и истории культуры. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

От зрителя к соавтору: ролевая трансформация аудитории в контексте нелинейного нарратива*

Аннотация. Статья посвящена анализу фундаментальных изменений в структуре зрительского опыта, вызванных развитием интерактивного кинематографа в первой четверти XXI века. Автор рассматривает процесс перехода реципиента от традиционной модели пассивного созерцания к новой гибридной форме – статусу «зрителя-пользователя». В работе подробно эксплицируется концепция «нарративной агентности» как ключевого фактора, наделяющего аудиторию инструментами прямого влияния на событийный ряд и смысловую структуру произведения.

Особое внимание уделяется психологическим и эстетическим феноменам рецепции, возникающим в условиях нелинейного повествования: «процедурной идентификации», при которой субъект отождествляет себя не только с персонажем, но и с самим волевым актом выбора, а также «эстетике ответственности», связанной с этическим весом принимаемых решений. На примере анализа репрезентативных медиапродуктов («Black Mirror: Bandersnatch», «Eggs», «Late Shift») обосновывается, что пользовательский интерфейс в современном интерактивном кино перестает быть технической надстройкой, превращаясь в органичный элемент «навигационной эстетики».

В статье доказывается, что ролевая трансформация аудитории ведет к деконструкции классической триады «автор – произведение – зритель», где фигура автора переходит к роли «архитектора вероятностей», а процесс просмотра трансформируется в акт осознанного сотворчества.

Ключевые слова: интерактивный кинематограф, зритель-пользователь, нарративная агентность, навигационная эстетика, нелинейный нарратив, процедурная идентификация, эстетика ответственности, тактильная визуальность.

Karozin A.A.

Postgraduate Student, Department of Theory and History of Culture, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

From viewer to collaborator: role transformation of the audience in the context of a nonlinear narrative

* © Карозин А.А., 2026.

От зрителя к соавтору: ролевая трансформация аудитории в контексте нелинейного нарратива

Abstract. The article is devoted to the analysis of fundamental changes in the structure of the viewer's experience caused by the development of interactive cinema in the first quarter of the 21st century. The author examines the process of the recipient's transition from the traditional model of passive contemplation to a new hybrid form – the status of “viewer-user”. The paper expatiates in detail the concept of “narrative agency” as a key factor that provides the audience with tools to directly influence the sequence of events and the semantic structure of the work. Special attention is paid to the psychological and aesthetic phenomena of reception that arise in the context of nonlinear storytelling: “procedural identification”, in which the subject identifies himself not only with the character, but also with the volitional act of choice itself, as well as the “aesthetics of responsibility” associated with the ethical weight of decisions. Using the example of the analysis of representative media products (“Black Mirror: Bandersnatch”, “Erica”, “Late Shift”), it is proved that the user interface in modern interactive cinema ceases to be a technical superstructure, turning into an organic element of “navigation aesthetics”. The article proves that the role transformation of the audience leads to the deconstruction of the classical triad “author – work – viewer”, where the figure of the author passes to the role of “architect of probabilities”, and the viewing process is transformed into an act of conscious co-creation.

Key words: interactive cinema, viewer-user, narrative agency, navigational aesthetics, nonlinear narrative, procedural identification, aesthetics of responsibility, tactile visibility.

Введение

Современная визуальная культура находится в состоянии перманентной трансформации, вызванной стремительной цифровизацией и процессами медиаконвергенции. Одной из наиболее радикальных перемен в этой области стало появление и развитие интерактивного кинематографа, который бросает вызов классическим канонам экранного искусства. Традиционная модель кинопотребления, выстроенная вокруг линейного повествования и «диктата» авторского монтажа, долгое время предполагала за зрителем роль пассивного созерцателя, чье участие ограничивалось исключительно когнитивной и эмоциональной интерпретацией уже завершенного текста.

Классическая кинотеория, от С. Эйзенштейна до А. Базена, традиционно рассматривала монтаж и композицию как инструменты тотального управления вниманием реципиента [9. с. 142]. В этой системе автор выступал в роли «демиурга», создающего фиксированную реальность, а зрительское воображение функционировало в строго заданных рамках завершенного произведения. Интерактивность же вносит в структуру фильма категорию неопределенности, где статичное созерцание сменяется динамическим навигационным процессом. В этом контексте экранный образ перестает быть объектом пассивного потребления и становится пространством потенциальных событий, реализация которых напрямую зависит от волевого акта аудитории.

Однако с развитием цифровых технологий и появлением таких проектов, как «Black Mirror: Bandersnatch» (2018), «Late Shift» (2016) или «Erica»

(2019), границы между экранным образом и реципиентом начали стремительно размываться. Интерактивность в кинематографе перестала восприниматься как технический аттракцион, превратившись в самостоятельную художественную систему, которую Л. Манович характеризует как переход от «нарратива к базе данных» [5. с. 218]. В этой новой реальности фундаментальной проблемой становится качественный сдвиг в статусе аудитории.

Исследование этого ролевого сдвига требует междисциплинарного подхода, объединяющего традиционное искусствоведение с инструментарием лудологии (теории видеоигр). Возникающий гибридный формат заставляет зрителя балансировать между кинематографической иммерсией и необходимостью рационального управления нарративом через интерфейс. Таким образом, речь идет не просто о добавлении «игровых механик» в кино, а о формировании качественно новой когнитивной позиции субъекта, который вынужден одновременно быть и эмоциональным созерцателем, и прагматичным навигатором.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления феномена, в котором зритель наделяется правом прямого влияния на событийный ряд. Это ведет к деконструкции традиционной модели участия: реципиент больше не просто «считывает» смыслы, заложенные автором, а активно участвует в их порождении.

Целью данной статьи является экспликация процесса ролевой трансформации аудитории в системе интерактивного кинематографа – от пассивного реципиента к статусу «зрителя-пользователя» (соавтора). Исследование направлено на выявление и анализ специфических механизмов вовлечения, таких как нарративная агентность, процедурная идентификация и эстетика ответственности, которые в совокупности формируют новую «навигационную эстетику» современного визуального опыта.

Феномен «зрителя-пользователя»: гибридная природа рецепции

Трансформация классической рецептивной модели в интерактивном кинематографе прежде всего манифестируется в изменении терминологического аппарата. Традиционное понятие «зритель», прочно укоренившееся в киноведении, подразумевает дистанцированность и внешнюю позицию по отношению к экранному тексту. В свою очередь, категория «пользователь», характерная для компьютерных наук и теории новых медиа, акцентирует внимание на функциональности, управлении и навигации в цифровой среде. Синтез этих двух ипостасей порождает гибридный статус – «зрителя-пользователя», чья природа рецепции принципиально двойственна.

Дж. Мюррей в работе «Гамлет на Голодеке» отмечает, что ключевым свойством цифровых сред является «агентность» – способность совершать действия и видеть их результаты [6. с. 126]. В контексте интерактивного кино это означает, что реципиент больше не находится в состоянии «ки-

нематографического транса» в его классическом понимании. Напротив, он пребывает в состоянии постоянной когнитивной готовности к совершению выбора. Зритель-пользователь вынужден балансировать между двумя режимами: иммерсивным погружением в художественную ткань фильма и прагматическим взаимодействием с интерфейсом.

Эта гибридность меняет саму онтологию восприятия. Если классическое кино опирается на «эффект присутствия» через отождествление с камерой или персонажем, то интерактивное кино вводит «эффект соучастия». Здесь интерфейс становится необходимым медиумом, физически связывающим волю субъекта с экранным действием. Как справедливо отмечает Л. Манович, в эпоху новых медиа экран превращается из «окна в мир» в контрольную панель управления данными [5. с. 96]. Таким образом, зритель-пользователь становится не просто потребителем визуальных образов, но активным узлом в алгоритмической системе фильма.

Подобная трансформация влечет за собой пересмотр классической концепции «эстетической дистанции». Если в традиционном кинематографе дистанция между субъектом и объектом остается фиксированной, обеспечивая зрителю позицию защищенного наблюдателя, то в интерактивной среде она становится динамичной. Дистанция сокращается в моменты тактильного взаимодействия с интерфейсом и вновь расширяется в периоды созерцания последствий принятого решения. Формируется специфический цикл обратной связи, в котором когнитивная активность зрителя направлена не только на дешифровку художественных символов, но и на понимание алгоритмической логики произведения. В результате рецепция приобретает черты исследовательского процесса: зритель-пользователь постоянно соотносит свои эстетические ожидания с программными ограничениями системы, превращая просмотр в серию гипотез и их визуальных подтверждений.

Важно подчеркнуть, что переход к этой роли не является линейным. В современных интерактивных проектах мы наблюдаем попытки минимизировать «разрыв» между созерцанием и действием за счет бесшовного монтажа. Тем не менее, сам факт наличия выбора выводит субъекта из позиции пассивного наблюдателя. Зритель-пользователь осознает свою роль как «навигатора», чьи действия определяют не только финал истории, но и саму структуру экранного времени. В этой ситуации рецепция становится процессом постоянного переключения между эстетическим переживанием и стратегическим планированием, что и определяет новую, гибридную природу участия аудитории в современном медиапространстве.

Нарративная агентность как инструмент смыслопорождения

Центральной категорией, определяющей ролевой сдвиг зрителя в интерактивном кинематографе, является нарративная агентность. В самом

широком смысле агентность понимается как способность субъекта совершать преднамеренные действия, которые приводят к значимым изменениям в окружающей его среде. Применительно к экранному искусству этот термин, введенный Дж. Мюррей, описывает «удовольствие от способности совершать действия, результаты которых мы можем видеть и интерпретировать» [6, с. 128].

Однако в контексте интерактивного кино агентность приобретает специфический характер. В отличие от видеоигры, где агентность зачастую носит инструментальный характер (управление персонажем в пространстве, решение механических задач), в нелинейном кинематографе она становится герменевтическим инструментом. Зритель-пользователь выбирает не «как идти», а «какому смыслу быть». Каждое решение – это акт интерпретации, который мгновенно материализуется в событийном ряде. Таким образом, агентность превращает процесс просмотра в процесс активного смыслопорождения: зритель не просто расшифровывает авторский посыл, он конструирует собственную версию художественного высказывания.

Важно различать простую «интерактивность» как техническое свойство системы и «агентность» как эстетическое переживание. Интерактивность может быть избыточной и пустой, в то время как агентность всегда связана с интенциональностью и ответственностью. В проекте «Late Shift» (2016) агентность реализуется через серию моральных дилемм, где зритель вынужден определять этический вектор поведения героя. Здесь выбор перестает быть механическим кликом и становится актом личного участия в судьбе персонажа.

Таким образом, нарративная агентность выступает связующим звеном между структурой фильма и сознанием зрителя-пользователя. Она наделяет аудиторию правом «редактирования» экранной реальности, что ведет к радикальному изменению баланса сил в триаде «автор – произведение – зритель». Фильм перестает быть монологом автора и превращается в диалогическое пространство, где окончательный смысл произведения рождается лишь в точке взаимодействия алгоритма и человеческой воли.

От эмпатии к процедурной идентификации

Трансформация зрительской роли в нелинейном нарративе неизбежно влечет за собой пересмотр классических механизмов идентификации. В традиционном киноведении, опирающемся на психоаналитические концепции (К. Метц, Ж.-Л. Бодри), идентификация реципиента носит преимущественно эмоциональный и зеркальный характер: зритель сопереживает герою, занимая позицию внешнего наблюдателя. Однако интерактивность переводит этот процесс в иную плоскость, которую Ян Богост называет «процедурной риторикой», а в контексте восприятия – процедурной идентификацией [12, с. 45].

Суть этого феномена заключается в том, что зритель-пользователь отождествляет себя не только с личностью персонажа (его характером или внешностью), но и с его способностью принимать решения в рамках предложенной системы. Как отмечает Мари-Лор Райан, в интерактивных средах возникает особый тип иммерсии – «интерактивная иммерсия», при которой субъект чувствует себя не просто свидетелем, а «действующим лицом в виртуальном мире» [19, с. 162]. Здесь идентификация становится перформативной: «я» зрителя сливается с «я» персонажа в момент совершения выбора.

Развивая эту мысль, исследователь Джеймс Ньюман предлагает разграничивать восприятие персонажа как «личности» и как «набора возможностей». В интерактивном контексте персонаж перестает быть автономным субъектом и превращается в «прокси-инструмент» зрителя [18, с. 106]. Это создает уникальное психологическое напряжение: реципиент одновременно сопереживает герою как живому человеку (кинематографический аспект) и использует его как функциональное средство для исследования границ возможного в сюжете (игровой аспект). Таким образом, идентификация в интерактивном кино носит дискретный характер: она постоянно «мерцает» между глубоким эмоциональным погружением в чужую жизнь и прагматичным контролем над цифровым аватаром.

Важный вклад в понимание этого процесса вносит нейропсихологический подход Торбена Гродала. В своей теории «РЕСМА-flow» (Perception, Emotion, Cognition, and Motor Action) Гродал доказывает, что эстетический опыт в интерактивных медиа становится полноценным только тогда, когда когнитивная оценка ситуации завершается моторным действием [16, с. 145]. В классическом кино этот цикл разорван: зритель видит и чувствует, но не может действовать. В интерактивном фильме, таком как «Eggs» (2019), моторное действие замыкает этот цикл. Это порождает ощущение «воплощенного присутствия», где идентификация строится на содействии.

С позиции когнитивного киноведения, представленного в трудах Уоррена Бакланда, интерактивность меняет сам процесс построения «ментальной модели» фильма. Если в линейном кино зритель строит гипотезы о том, что произойдет дальше, исходя из логики жанра, то в интерактивном – он строит гипотезы о том, что он сам может изменить. Бакланд подчеркивает, что это переводит работу воображения из области ретроспективного анализа – «почему это случилось?» – в область проспективного планирования «что случится, если я выберу это?» [14, с. 89]. Такая интеллектуальная активность делает идентификацию более личной, так как структура экранных событий начинает напрямую отражать когнитивные паттерны и предпочтения самого зрителя, материализуя его внутренний диалог с произведением.

Таким образом, мы наблюдаем сдвиг от пассивной эмпатии к активному соучастию. Зритель-пользователь вступает в отношения с экранным образом не на уровне пассивного созерцания чужой судьбы, а на уровне совместного конструирования биографии героя. Процедурная идентификация превращает экранный текст в пространство персонального опыта: реципиент идентифицирует себя с вектором развития сюжета, становясь ответственным за те моральные и событийные трансформации, которые претерпевает персонаж.

Эстетика ответственности и этический вес выбора

Одной из наиболее радикальных трансформаций, привносимых интерактивностью в кинематограф, является возникновение так называемой «эстетики ответственности». В традиционном кино зритель освобожден от морального груза за поступки героев: он может осуждать или оправдывать персонажа, но остается в позиции «чистого» наблюдателя. В нелинейном нарративе ситуация меняется кардинально – выбор, совершаемый зрителем-пользователем, наделяет его статусом соучастника.

Интерактивные медиа превращают реципиента в «этического агента». В проектах вроде «Late Shift» (2016) или «Black Mirror: Bandersnatch» (2018) зритель постоянно сталкивается с моральными дилеммами. Принимая решение за героя, субъект неизбежно проецирует на экран собственные ценностные установки. В этот момент художественное пространство фильма превращается в своеобразную «этическую лабораторию», где проверяются границы дозволенного.

Особое место в этом процессе занимает феномен «нарративной вины». Если в линейном триллере гибель симпатичного зрителю героя воспринимается как трагический просчет режиссера или судьбы, то в интерактивной версии та же гибель может стать результатом ошибки самого зрителя. Это порождает уникальное для кинематографа чувство ответственности за «неправильный» финал. Зритель-пользователь стремится «переиграть» ситуацию не только из любопытства, но и ради эмоционального искупления, что значительно усиливает когнитивную и эмоциональную связь с произведением.

Важным катализатором «эстетики ответственности» выступает фактор ограниченного времени на принятие решения, который мы характеризуем как процедурный саспенс. В проектах «Erica» или «Late Shift» таймер выбора не оставляет времени на глубокий рациональный анализ, заставляя зрителя действовать импульсивно, на уровне интуитивных моральных реакций. Это сближает экранный опыт с реальными жизненными ситуациями, где дефицит времени является ключевым условием стресса. Совершая выбор, зритель-пользователь острее ощущает подлинность своего соучастия, так как результат транслирует его непосредственный эмоцио-

нальный отклик, лишенный цензуры. Это превращает нелинейный фильм в пространство предельной искренности реципиента перед самим собой.

Таким образом, эстетика ответственности переводит интерактивное кино из разряда развлекательного аттракциона в плоскость глубокого экзистенциального опыта. Выбор перестает быть просто механическим переключением между ветками сюжета; он становится актом личного волеизъявления. Это превращает процесс просмотра в персональное высказывание зрителя, где итоговый смысл фильма неразрывно связан с тем этическим весом, который пользователь придал каждому своему шагу в цифровом лабиринте.

Когнитивное участие и тактильная визуальность

Трансформация зрителя в соавтора происходит не только на уровне принятия решений, но и на глубинном когнитивном уровне. В интерактивном кинематографе процесс «сборки» фильма в сознании реципиента требует значительно более высоких интеллектуальных усилий по сравнению с классическим кино. Если традиционный зритель является активным, так как постоянно строит гипотезы о развитии сюжета, то зритель-пользователь интерактивного фильма оперирует уже не гипотезами, а целыми массивами данных.

Когнитивное участие в нелинейном нарративе носит конструктивный характер: реципиент должен удерживать в памяти не только текущую сцену, но и логику своих предыдущих выборов, чтобы осознавать их влияние на структуру произведения. Это превращает просмотр в интеллектуальную навигацию по «базе данных» фильма, где эстетическое удовольствие напрямую зависит от способности зрителя распознать алгоритмические закономерности повествования.

Важной особенностью этого процесса является феномен «тактильной визуальности». В интерактивном кино экран перестает быть непркосновенной плоскостью. В проектах, ориентированных на сенсорные интерфейсы, визуальный ряд провоцирует зрителя на физическое действие. Изображение становится «осязаемым»: чтобы продвинуться по сюжету, пользователь должен коснуться предмета в кадре, «стереть» пыль или «открыть» зажигалку жестом по экрану.

Эта физика взаимодействия радикально меняет структуру взгляда. Взаимодействие зрения и осязания создает новый тип иммерсии. Интерфейс здесь выступает не как преграда, а как органичный мостик, через который воля зрителя транслируется в пространство фильма. Тактильность делает идентификацию с героем более интимной: когда зритель физически «касается» экранного мира, дистанция между субъектом и цифровым образом сокращается до минимума.

Кроме того, тактильное взаимодействие неразрывно связано с факто-

ром процедурного саспенса. Необходимость совершить физический жест в строго ограниченный промежуток времени создает уникальное психофизическое напряжение. В эти секунды когнитивная нагрузка достигает пика: зритель-пользователь должен не только мгновенно интерпретировать драматический контекст, но и четко координировать свои моторные реакции. Ожидание отклика системы на совершенное действие удерживает аудиторию в состоянии непрерывного интеллектуального и сенсорного тонуса. Таким образом, саспенс перестает быть только свойством сюжета и становится свойством самого процесса взаимодействия, окончательно закрепляя за зрителем роль активного участника, чьи рефлексы определяют ход повествования.

Таким образом, когнитивное участие и тактильная визуальность формируют фундамент новой модели восприятия. Зритель-пользователь не просто интерпретирует визуальные образы, он физически и ментально «ощупывает» границы экранной реальности, превращая процесс наблюдения в процесс осязаемого конструирования художественного пространства.

Деконструкция авторской роли: автор как «архитектор вероятностей»

Трансформация зрительской роли в соавтора неизбежно ведет к радикальной деконструкции фигуры автора. В классической кинотеории, режиссер традиционно занимал позицию «демиурга» – единоличного творца, диктующего зрителю темпоритм, последовательность событий и единственно верную интерпретацию смыслов. Однако в интерактивном кинематографе эта моноцентрическая модель разрушается.

Ролан Барт провозгласил «смерть автора» ради «рождения читателя» [13, с. 31]. В нелинейном нарративе этот тезис обретает буквальное техническое воплощение: автор добровольно делегирует часть своих полномочий аудитории. Но это не означает исчезновения авторской воли. Напротив, она переходит на новый уровень – уровень проектирования систем. Так можно характеризовать современную роль режиссера интерактивных медиа как «архитектора вероятностей».

В этой модели творческая задача смещается с создания фиксированного «пути» к созданию «пространства возможностей». Автор больше не монтирует фильм – он монтирует лабиринт. Автор в цифровых средах выступает как «хореограф», задающий правила движения, но не само движение. Он проектирует базу данных, внутри которой зритель-пользователь будет реализовывать свою нарративную агентность. Таким образом, авторское высказывание в интерактивном кино становится многослойным и вариативным.

Подобный сдвиг созвучен концепции «открытого произведения» Умберто Эко, в которой художественный объект принципиально не завершен и требует активного вмешательства реципиента для своей актуализации [10, с. 84]. В интерактивном кинематографе эта «открытость» переходит из области метафоры в область программного кода. Автор создает не закон-

ченное высказывание, а контекст – структурированное поле возможностей, внутри которого смысл рождается лишь в момент взаимодействия. Режиссер здесь работает как геймдизайнер, для которого критически важно не то, что он скажет зрительскому залу, а то, какой персональный опыт получит зритель-пользователь в процессе «навигации» по предложенной системе. Таким образом, авторское начало не исчезает, а растворяется в правилах взаимодействия, превращая режиссера в невидимого координатора каждого уникального сеанса.

Интересен и тот факт, что в нелинейном кинематографе меняется понятие «режиссерской версии». Если в классическом кино это финальный, эталонный вариант фильма, то в интерактивном – это сама совокупность всех возможных путей и финалов. Автор проектирует не только «удачные» сюжетные линии, но и «ошибки» зрителя, превращая их в часть художественного опыта. Следовательно, деконструкция авторской роли не умаляет значимости создателя, но переводит его из статуса «рассказчика» в статус «архитектора навигационной эстетики», где главная задача – обеспечить гармоничное взаимодействие между программным алгоритмом и живым воображением реципиента.

Реализация нелинейного нарратива в современных медиапродуктах

Для верификации теоретических положений о ролевой трансформации аудитории необходимо обратиться к анализу репрезентативных проектов последних лет, каждый из которых по-своему воплощает принципы «навигационной эстетики».

Наиболее масштабным примером деконструкции авторской воли и манипуляции зрительской агентностью является фильм «Black Mirror: Bandersnatch» (реж. Дэвид Слэйд, 2018). Здесь «зритель-пользователь» вовлекается в сложную мета-нарративную игру: сюжет фильма посвящен созданию интерактивной игры, и персонаж начинает осознавать, что им кто-то управляет. В этом проекте агентность носит парадоксальный характер – автор намеренно заманивает зрителя в ловушку, показывая иллюзорность его выбора. Однако именно через это «сопротивление материала» реципиент острее ощущает свою роль: когнитивная нагрузка по сборке пазла истории превращает просмотр в акт интеллектуального расследования.

Проект «Late Shift» (реж. Тобиас Вебер, 2016) демонстрирует реализацию «эстетики ответственности» в формате классического криминального триллера. Основным достижением здесь стал «бесшовный» монтаж: фильм не прерывается на паузы для выбора, что поддерживает высокий уровень кинематографической иммерсии. Зритель вынужден принимать решения в условиях жесткого дефицита времени (процедурный саспенс). Это заставляет аудиторию реагировать интуитивно, проецируя свои моральные установки на героя. В данном кейсе «зритель-пользователь» мак-

симально приближен к позиции этического агента, чей выбор напрямую определяет жизнь или смерть персонажа.

Особый интерес с точки зрения «тактильной визуальности» представляет проект «Erica» (реж. Джек Эттридж, 2019). В отличие от предыдущих примеров, «Erica» изначально проектировалась под сенсорные интерфейсы. Здесь взаимодействие достигает физического уровня: зритель буквально «касается» экранного мира, открывая зажигалку, перелистывая страницы дневника или вытирая слезы на лице героини. Этот тип «воплощенной вовлеченности» минимизирует эстетическую дистанцию. Идентификация с персонажем в «Erica» носит не только эмоциональный, но и моторный характер, превращая экран в осязаемое пространство сотворчества.

Важно отметить, что общим знаменателем для данных проектов выступает превращение интерфейса из технической надстройки в органичный элемент художественной ткани. В «Bandersnatch» интерфейс становится инструментом мета-комментария и иронии, в «Late Shift» – невидимым катализатором эмоционального напряжения, а в «Erica» – полноценным «органом чувств», связывающим тело зрителя с телом фильма. Это позволяет говорить о возникновении специфического «интерфейсного нарратива», где сама логика взаимодействия транслирует смыслы не менее эффективно, чем диалоги или визуальные метафоры. Эстетическое удовольствие зрителя-пользователя в данном контексте извлекается не только из наблюдения за развитием фабулы, но и из самой грации и точности навигации внутри предложенной системы.

Кроме того, рассмотренные кейсы демонстрируют радикальную трансформацию временной итеративности кинопроизведения. В отличие от классического фильма, предлагающего законченный и необратимый опыт, интерактивный нарратив поощряет многократное «возвращение» к ключевым точкам выбора. Феномен повторного прохождения превращает зрителя в исследователя «архитектуры вероятностей». Реципиент стремится не просто досмотреть фильм до конца, а освоить всё пространство заложенных автором смысловых траекторий. Таким образом, интерактивный кинематограф формирует новую модель «глубокого просмотра», в которой ценность произведения определяется полнотой раскрытия его алгоритмического потенциала и мерой личного вклада зрителя в актуализацию экранных событий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ролевая трансформация аудитории в интерактивном кинематографе носит фундаментальный характер, затрагивая когнитивные, психологические и эстетические уровни восприятия. Переход от позиции пассивного созерцателя к статусу «зрителя-пользователя» знаменует собой окончание эпохи моно-

центрического авторского диктата и формирование новой, диалогической модели медиапотребления.

Подводя итоги, можно выделить несколько ключевых аспектов этой трансформации:

1. Гибридизация рецепции. Современный реципиент объединяет в себе качества кинозрителя и пользователя цифровых систем. Этот синтез порождает специфическую «пульсирующую дистанцию», где эстетический опыт неразрывно связан с интеллектуальным управлением нарративом.

2. Нарративная агентность и ответственность. Право на выбор в интерактивном кино перестает быть техническим «аттракционом» и превращается в инструмент смыслопорождения. «Эстетика ответственности» и феномен «нарративной вины» делают просмотр глубоко персональным этическим актом, превращая экран в пространство личного волеизъявления.

3. Тактильность и процедурность. Внедрение интерфейса в ткань фильма привело к появлению «тактильной визуальности». Когнитивное участие зрителя теперь включает в себя не только дешифровку образов, но и моторную координацию, что в условиях «процедурного саспенса» создает максимально высокий уровень иммерсии.

4. Новая роль автора. Деконструкция фигуры автора-демиурга привела к возникновению роли «архитектора вероятностей». Режиссер сегодня проектирует не линейный текст, а многомерную среду, в которой окончательный смысл произведения актуализируется только в точке взаимодействия с волей реципиента.

Таким образом, интерактивный кинематограф выступает не просто как технологическое ответвление киноискусства, а как детерминанта развития новой визуальной культуры. Формируемая им «навигационная эстетика» радикально пересматривает классическую триаду «автор – произведение – зритель», превращая процесс восприятия в акт осознанного сотворчества. Дальнейшее изучение этого процесса открывает широкие перспективы для анализа иммерсивных медиасред будущего, где границы между создателем и аудиторией продолжают свое стремительное размывание в пользу гибридных форм цифрового существования.

Библиографический список

1. Базен А. Что такое кино?: [сб. статей] / пер. с фр. – М.: Искусство, 1972. 384 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. С. 384-391.
3. Галкин Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. 2007. Вып. 3. С. 54-72.
4. Дженкинс Г. Культура конвергенции: где старые и новые медиа сталкиваются / пер. с англ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 384 с.
5. Манович Л. Язык новых медиа / пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
6. Мюррей Д.Х. Гамлет на Голодеке: будущее нарратива в киберпространстве / пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. 368 с.

7. Хотин Д. М. Проблема дефиниции интерактивного фильма: игра или кино // *Культура и искусство*. 2025. № 1. С. 84-90.
8. Эберт Р. Почему видеоигры не могут быть искусством // URL: <https://www.rogerebert.com/rogers-journal/video-games-can-never-be-art> (Дата обращения: 25.01.2026).
9. Эйзенштейн С. М. Монтаж. – М.: Музей кино, 2000. 592 с.
10. Эко У. Открытое произведение / пер. с итал. – М.: Академический проект, 2004. 416 с.
11. Baudry J.-L. Ideological Effects of the Basic Cinematographic Apparatus // *Film Quarterly*. 1974. Vol. 28. № 2. P. 39-47.
12. Bogost I. *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. – Cambridge: MIT Press, 2007. 464 p.
13. Bordwell D. *Narration in the Fiction Film*. – Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 370 p.
14. Buckland W. *Cognitive Film Theory*. – London: Routledge, 2000. 192 p.
15. Dimoglou G. Rebooting Interactive Films: An Intermedial Approach to Cinema and Videogames // *Ekphrasis*. 2024. Vol. 31 (1). P. 154-170.
16. Grodal T. *Embodied Visions: Evolution, Emotion, Culture, and Film*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. 304 p.
17. Metz C. *The Imaginary Signifier: Psychoanalysis and the Cinema*. – Bloomington: Indiana University Press, 1982. – 336 p.
18. Newman J. *Videogames*. – London: Routledge, 2004. 208 p.
19. Ryan M.-L. *Narrative as Virtual Reality 2: Revisiting Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 288 p.

References

1. Bazin, A. *What is Cinema? [collected articles]* / translated from French. Moscow: Iskustvo, 1972. 384 p.
2. Barthes, R. *The Death of the Author. Selected Works: Semiotics. Poetics*. Translated from French. Moscow: Progress, 1989. P. 384-391.
3. Galkin, D.V. *Computer Games as a Phenomenon of Contemporary Culture: An Interdisciplinary Study* // *Humanitarian Informatics*. 2007. Issue 3. P. 54-72.
4. Jenkins, G. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 384 p.
5. Manovich, L. *The Language of New Media*. – М.: Ad Marginem Press, 2018. 400 p.
6. Murray, D.H. *Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace* / translated from English. – М.: New Literary Review, 2020. 368 p.
7. Khotin, D.M. The Problem of Defining Interactive Film: Game or Cinema // *Culture and Art*. 2025. № 1. P. 84-90.
8. Ebert, R. *Why Video Games Can't Be Art* // URL: <https://www.rogerebert.com/rogers-journal/video-games-can-never-be-art> (Accessed: 25.01.2026).
9. Eisenstein, S.M. *Montage*. – М.: Cinema Museum, 2000. 592 p.
10. Eco U. *Open work* / translated from Italian. – М.: Academic project, 2004. 416 p.
11. Baudry J.-L. Ideological Effects of the Basic Cinematographic Apparatus // *Film Quarterly*. 1974. Vol. 28. № 2. P. 39-47.
12. Bogost I. *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. – Cambridge: MIT Press, 2007. 464 p.
13. Bordwell D. *Narration in the Fiction Film*. – Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 370 p.
14. Buckland W. *Cognitive Film Theory*. – London: Routledge, 2000. 192 p.
15. Dimoglou G. Rebooting Interactive Films: An Intermedial Approach to Cinema and Videogames // *Ekphrasis*. 2024. Vol. 31 (1). P. 154-170.
16. Grodal T. *Embodied Visions: Evolution, Emotion, Culture, and Film*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. 304 p.
17. Metz C. *The Imaginary Signifier: Psychoanalysis and the Cinema*. – Bloomington: Indiana University Press, 1982. – 336 p.
18. Newman J. *Videogames*. – London: Routledge, 2004. 208 p.
19. Ryan M.-L. *Narrative as Virtual Reality 2: Revisiting Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 288 p.

Ли Ен Ок

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Обзор современных исследований творчества Н.К. Рериха в Южной Корее*

Аннотация. Статья представляет собой обзор исследований философии и живописи Н.К. Рериха, опубликованных в Южной Корее в последнее время. Такие исследования появились относительно недавно, но показывают стабильную тенденцию к изучению взаимоотношений «Востока» и «Запада». Также, как и в России, на Дальнем Востоке Николай Константинович Рерих хорошо известен как художник, сценограф, философ, писатель, путешественник, археолог и общественный деятель. В статье рассматриваются несколько актуальных научных публикаций демонстрирующих взгляды современных корейских ученых на происхождение философии Н.К. Рериха, ее связи с теософией Е.П. Блаватской, интерес к «Живой этике» на Дальнем Востоке, восприятие живописи художника, культурно-историческое значение Пакта Рериха. В статье представлены исследования, относящиеся к 2010-2020-м годам.

Ключевые слова: Николай Рерих, Живая Этика, Дацан Гунзэчойнэй, Живопись Н. Рериха, Пакт Рериха.

Lee Yeon Ok

Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

The overview of contemporary South Korean studies on Nicholas Roerich

Abstract. The article provides an overview of recent research on the philosophy and art of Nikolai Roerich, published in South Korea. While this research is relatively new, it highlights a growing interest in exploring the relationship between the East and the West. In the Far East, Nikolai Roerich is well-known as an artist, set designer, philosopher, writer, traveler, archaeologist, and public figure. The article examines several relevant scientific publications that demonstrate the views of contemporary Korean scholars on the origins of N.K. Roerich's philosophy, its connections with the theosophy of E.P. Blavatsky, the interest in the Living Ethics in the Far East, the perception of the artist's paintings, and the cultural and historical significance of the Roerich Pact. The article analyzes research conducted in the 2010s and 2020s.

Key words: Nicholas Roerich, Living Ethics, Datsan Gunzechoinei, Paintings of N. Roerich, Roerich Pact.

* © Ли Ен Ок, 2026.

Обзор современных исследований творчества Н.К. Рериха в Южной Корее

Интерес к Востоку, отличавший российскую культуру Серебряного века во многом определил исследования культуры и искусства в разных странах. Известно, что подход к живописи здесь отличается от западного взгляда, а живопись Рериха намеренно и подчеркнуто отходит от западной традиции, сближаясь с восточными образами и техниками исполнения, что также вызывает дополнительный интерес к нему со стороны исследователей.

Знакомство с русским искусством, культурой и, в том числе, творчеством Н.К. Рериха началось в Южной Корее через выставки, мероприятия и проекты, связанные с культурным диалогом между странами несколько десятилетий назад. И сейчас эта практика, ставшая традицией продолжается¹.

Галеристка Ким Хи Ын заметила в интервью российскому изданию, что «русская реалистическая школа и современное российское искусство до сих пор недостаточно широко представлены в Южной Корее, несмотря на их высокую художественную ценность, глубокие традиции и сильные индивидуальности авторов» [1]. Со второй половины прошлого века началось глубокое изучение наследия Н.К. Рериха в Японии [2]². Некоторые тексты Рерихов переведены на японский язык.

В Японии и Корее есть представители «рериховского движения», которое некоторыми исследователями называется также Агни Йогой, а книги Елены Рерих и культурно-миссионерская деятельность Николая Рериха являются объединяющим звеном для всех членов и также заслуживают внимательного изучения.

Пак Ён Ын³ одной из первых обращает внимание читателя на значение «Живой этики» [3] для последующего развития мировой духовной культуры в статье «**Исследование культурно-исторического влияния теософии Елены Блаватской...**» [4]. Автор обращается к этической системе и литературному наследию Николая Рериха и Елены Рерих как преемников

1 Например, 3 декабря 2025 года в Сеуле открылась очередная художественная выставка русского искусства. Ее устроители — группа местных энтузиастов, любителей русской культуры из галереи Cartina Collection — не просто представляют корейцам русскую живопись, но и погружают гостей в мир культуры северного соседа через кино, музыку и литературу. В Южной Корее знакомство широкой публики с русским искусством началось в 2000 году после масштабной выставки «Россия: тысячелетие жизни и искусства».

2 Значительный интерес к русскому искусству начала XX века пришел в Южную Корею отчасти из Японии, где, как известно, проходили выставки современного русского искусства еще в 1920 годы. Например, выставка «Искусство новой России» прошла в Токио и Осаке в 1927 году. Это была одна из первых выставок советского искусства за рубежом. Куратором экспозиции стал Николай Николаевич Пунин.

3 Пак Ён Ын научная сотрудница Азиатско-Тихоокеанского исследовательского центра Университета Ханьян. Среди научных интересов Пак Ён Ын: Евразийская литература, кино, философия, теория культуры и искусства. Например, она является автором таких исследований как «Мистическая философия и единение Востока и Запада в фильмах Андрея Тарковского» и «Художественная трансформация идеологии Пьера Тейяра де Шардена в творчестве Анатолия Кима».

знаменитого теософа. Для корейской исследовательницы важно, что теософская система Блаватской сочетает в себе духовность христианства с духовностью восточных религий и пытается найти в них общее ядро истины. Пак Ён Ын приходит к выводу, что «Николай Рерих и Елена Рерих оценивали Елену Блаватскую как великого учителя человечества, и что пара поставила перед собой миссию всей жизни – распространять ее идеи в мире» [4, p. 68].

В исследовании дается подробный обзор биографии Рерихов и их интеллектуальной деятельности, начиная от учения гималайско-тибетского Махатмы, с которым, согласно их утверждениям, общалась Блаватская, создание теософского общества в Англии, вдохновленного «учителями Шамбалы». Автор проясняет для корейского читателя, что Николай Рерих называл обителями Махатмы на земле и Шамбалой на небе. В качестве примера приводится картина Н. Рериха «Вестник» (1925), созданная по поручению Махатмы как символ Блаватской и переданная Теософскому обществу в Индии. Подчеркивается, что для Рерихов Шамбала – не просто легенда или метафора, а исторический факт, возможность воплотить духовную мировую конфедерацию [4, p. 82-84].

Также внимание уделяется разработке понятия «культура». Рерих, развивая взгляды Блаватской, различал «цивилизацию» как форму материальных достижений и «культуру» как сферу духовного самосовершенствования личности. Данное противопоставление, по мнению автора, имеет реальные последствия для космической эволюции.

В заключении исследования анализируется деятельность супругов Рерих в США и в других странах в 1920-1930-е годы, как инициатив, которые отражали убеждение Рериха, что культура и искусство способны объединить человечество. В этом контексте рассматривается картина «Знамя Мира» (1931) и Пакт Рериха 1929 года о защите культурных ценностей. Подчеркивается, что 1935 год стал кульминацией миротворческой деятельности Рериха: документ был ратифицирован десятью государствами Американского континента, что «вызвало значительный общественный резонанс в США и Европе, способствовало сохранению культурных ценностей в годы Второй мировой войны и было закреплено решением ООН в 1954 году» [4, p. 88-89].

Ким Сан Хён⁴ рассматривает интеллектуальную деятельность и мировоззрение Владимира Стасова, Василия Кандинского и Николая Рериха как представителей художественной теории и критики конца XIX-начала XX века. Особое внимание он уделяет вопросу существования восточных прототипов в истоках русской культуры и искусства и анализирует их значимость в качестве культурно-научного дискурса в статье «**Культурно-ху-**

4 Ким Сан Хён получил докторскую степень по русской литературе (Канзасский университет). Преподавал русский язык и литературу в Университете Сонгюнван. Руководит Журналом евразийских исследований (Нидерланды).

дожественная реализация азиатскости: акцент на культуре, художественном прототипе, проблемах и влиянии русской устной литературы и живописи» [5]. По мнению автора с самого начала творческого пути Николай Рерих проявлял устойчивый интерес к русской исторической живописи и природе, что документально подтверждается его перепиской с Виктором Васнецовым. Начиная с 1898 года, когда, при содействии В. Стасова, Рерих получил право преподавать в Петербургском институте археологии, круг его интересов окончательно сосредоточился на наследии Древней Руси и искусстве славян. Этому направлению служат свидетельством такие работы, как дипломное исследование «Правовое положение художников древней Руси» на юридическом факультете и его первая лекция «Художественная техника в применении к археологии». С.Х. Ким отмечает, что уже в ранний период творчества живописца устойчиво прослеживаются интерес к истории, природе и национальному художественному наследию. Иллюстративным подтверждением выступают произведения «Идолы» (1901), «Заморские гости» (1901), «Гонец. Восста род на род» (1897), объединенные в цикл «Славяне и варяги» с подзаголовком «Из культурной жизни новгородских славян конца IX века». [5, p. 250].

Анализируя творчество Рериха, Ким Сан Хён отмечает, что его качественно новая стадия связана с художественно-археологической экспедицией, которая сопровождалась путешествиями по Гималаям и Тибету. Эта экспедиция определяется ученым как «величайшее дело во всей жизни Рериха» [5, p. 251]. В ходе экспедиции были проведены обширные исследования в области истории, археологии, фольклора, философии, религии, искусства и географии Индии, Китая, Алтая, Монголии и Тибета. В данном исследовании также отмечается, что Рерих использовал для написания своих книг несколько редких древних рукописей, обнаруженных в ходе экспедиции. Особое место уделено философско-религиозным воззрениям Рериха, в частности его мысли о единстве учений Будды, Конфуция и Христа в понимании «общего счастья и общности» [5, p. 252-253].

Заключая, автор подчеркивает, что важнейшей задачей экспедиционной деятельности Рериха стало утверждение идеи цивилизационного единства Востока и Запада. Художник рассматривает их как два взаимосвязанных культурных пространства, основанных на единой традиции, познание которой направлено на духовно-этическое совершенствование человечества. В этом контексте Конфуций и Христос осмысляются им как учителя гуманности и хранители мира. Автор указывает, что сам Рерих помещал Моисея, Амоса, Конфуция, Платона, Христа, Оригену, Сергия Радонежского и Будду в одну духовную линию, ориентированную на общее благо. Существенным подтверждением выступает зафиксированный им в Тибете устный фольклор о добре и общем благе, которые Рерих напрямую связывал с учением Христа и Будды. [5, p. 254-255].

В отношении живописи Рериха Ким Сан Хён выделяет весну 1928 года как переломный момент: пребывание в Северной Индии символизировало для художника обращение к новым духовным путям, что воплотилось в создании серии произведений, получившей название «Гималайская серия». Техника этой группы картин определяется ученым как «лаконичный штрих и световая простота изображения, раскрывающая духовное содержание горного пейзажа» [5, р. 246]. В качестве репрезентативных примеров выделяются «Гора Колокола» (1932) и «Путь на Кайлас» (1933). В анализ включаются картины «Сокровище мира. Чинтамани» (1924) и «Кришна. Весна в Кулу» (1929), на примере которых показано смещение акцента у Рериха в 1930-е годы в сторону изображений духовных аур и природных условий, в противоположность прежним фигуративным композициям. Восточная мистика и экзотика наиболее полно, по мнению исследователя, воплощаются в образе Шамбалы – «воображаемой страны равенства», найденном как в тибетских канонических текстах Канджура и Танджура, так и в народных легендах. Особое значение приобретает картина «София Премудрость» (1932), где в художественной форме выражен мотив мировой мудрости, укорененный в традициях русской философии и теософии. [5, р. 256-259].

Еще одна статья посвящена анализу феномена буддийского возрождения на территории Сибири как части более широкого процесса культурной идентификации России. Это – исследование Ли Ын Гён⁵ «Скрытая Шамбала в Сибири, Республика Бурятия: о движении буддийского возрождения в Сибири» [6]. В статье исследуются культурные механизмы буддийского возрождения в регионах Сибири; прослеживается параллель между мифологемой Шамбалы и развитием буддийских центров в Сибири, что интерпретируется как проявление своеобразного культурного синтеза Востока и России в начале XX века.

Ли Ын Гён уделяет особое внимание содержанию и значению художественно-археологических изысканий Н. К. Рериха, при этом опираясь на исследовательские положения ранее сформулированные корейским ученым Ли Сан Хёном. В центре статьи – особый интерес к обращению Рериха к восточной духовной традиции, что четко прослеживается уже в его участии в создании облика Дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге. Для научного руководства строительством был создан комитет ученых-востоковедов, куда вошел в том числе и Н.К. Рерих. Как художник он также является автором знаменитых витражей с изображениями восьми благих буддийских символов. Ли Ын Гён полагает, что именно обращение к буддийской культуре внутри России стало одним из важных векторов формирования творческой манеры и философской деятельности Рериха. Научная новизна этого художественного проекта по мнению автора ис-

5 Исследователь Института корейско-китайских отношений Университета Вонкванг, чьи интересы сосредоточены на трансграничных культурных и религиозных феноменах.

следования заключается в том, что Рерих создал своеобразный вариант российского буддийского искусства, использующего художественные материалы и техники, не характерные для традиционной архитектуры буддийской культуры. Рериху удалось сформировать выразительный образ Востока в западной художественной манере, а на дальнейшее формирование его мировоззрения повлияло знакомство с культурой таких регионов как Бурятия – центра российского буддизма, и Алтая, где наблюдалось активное распространение русского буддизма [6, с. 63–64].

Такая фокусировка автора статьи не случайна. Университет Вонкванг, где преподает Ли Ын Гён является одним из немногих учебных заведений, связанных с буддизмом Вон, зародившемся в Корее. Название «вон буддизм» происходит от корейских слов «вон» («круг») и «пультгё» («буддизм»), что буквально означает «буддизм круга» или «совершенный буддизм». Его синкретическая доктрина была написана основателем Сотаэсаном в 1935 году, под названием «Трактат о возрождении корейского буддизма» и ориентирована на реформированный буддизм в духе единства всех религий во многом напоминающем цели и задачи учения Н.К. Рериха.

Еще один рассмотренный нами текст – статья **Квон Чон Има**⁶ «**Историческая картина художника Николая Рериха: историческое и духовное происхождение, средневековье и современность, цвет и символика**» [7]. Предметом исследования здесь выступает как историко-художественное наследие Рериха, так и духовно-философские основания его искусства. Автор характеризует Рериха как «человека эпохи Возрождения XX века», подчеркивая универсальность его деятельности, охватывающей право, археологию, искусство, литературу и философию, и отмечает, что Рериха прежде всего художник-историк, интегрировавший археологические и философские поиски в живописный процесс. Квон Чон Им показывает как при всей широте своих интересов Рерих концентрировал усилия именно в области живописи, выступая в качестве исторического художника и художника-пейзажиста. Историческая живопись, по мнению исследователя, составила «альфу и омегу» творческой биографии Рериха. На раннем этапе в его художественной практике прослеживается активное обращение к истории Киевской Руси («Утро богатства Киевского» (1895), «Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь» (1900), «Идолы» (1901), «Заморские гости» (1901) и др.). В то же время к позднему периоду относятся монументальные полотна («Святогор» (1938), «Александр Невский» (1942), «Борис и Глеб» (1942)), в которых личность героя соотносена с масштабом гималайских пейзажей. Таким образом, в динамике творчества

6 Квон Чон Им — заведующий кафедрой русской литературы в университете Сеон-мун. Помимо литературоведения, его основные работы связаны с русским искусством: импрессионизмом Коровина, исторической живописью Сурикова, портретами Крамского и Серова, бытовым жанром Федотова и Перова и другими художниками.

прослеживается тенденция к символической универсализации исторических образов. [7, с. 2]. Описывается глубокая связь Рериха с усадьбой Извара, где уже в 1893 году он создал более тридцати рисунков, многие из которых связаны с историко-философской символикой. Показательно, что в контексте пространственных мотивов усадьбы автор указывает на санскритскую этимологию слова «Извара» как «Бога» и «Святого Духа», что соотносится с духовными поисками Рериха и его последующими индийскими паломничествами и именно Извара становится пространством, где впервые пробудилось стремление Рериха соединить историческое и духовное начала в художественном образе. [7, с. 6], [7, с. 10]. Таким образом, «археолог-Рерих» в ходе своей деятельности трансформируется в «художника-Рериха», а впоследствии в «философа-мистика» и «духовного паломника», стремившегося донести до человечества синтетическую мудрость различных религиозно-философских традиций – от христианства и буддизма до зороастризма и конфуцианства.

Автор сопоставляет живописный стиль Рериха с традицией русской исторической живописи, показывая отличия от произведений классицистов XVIII века (А. Лосенко, И. Акимов) и от национально-романтической линии XIX века (В. Васнецов, В. Суриков, И. Репин). В отличие от последних, сосредоточенных на детальной драматургии исторического эпизода, Рерих сознательно отказывается от повествовательности, предпочитая воспроизводить обобщенную атмосферу эпохи посредством декоративности, насыщенной символической цветовой палитры и линейной лаконичности. Прослеживается тенденция перехода к модернистскому стилю, что позволяет рассматривать Рериха как новатора, граничащего с символистскими поисками. Квон Чон Им отмечает важную роль художественных влияний: декоративная техника и колористическая система Рериха во многом сформировались под влиянием А. Куинджи, а композиционная строгость и символическая трактовка образа – под воздействием французской школы, в частности Пюви де Шаванна. Научная новизна заключается в том, что данное сочетание национальной археологической опоры (археологизм) и интернациональной художественной традиции позволило Рериху создать уникальный авторский вариант исторической живописи, связанный как с архетипами национальной памяти, так и с универсалиями духовной культуры. [7, с. 14-16].

История изучения творчества Николая Рериха в Южной Корее пока не носит масштабный характер. Однако в национальной историографии искусства признается, что художник внес большой вклад не только в историю русской культуры, но и в историю культуры человечества. Подобные исследования начались с публикаций 2010-х годов авторами-знатоками

русского языка и культуры с отсылками к доступным им текстам русских исследователей. Несмотря на это невозможно не отметить многообразие тем затрагиваемых в этих работах. Начав с изучения взаимосвязи теософии и культурно-исторического влияния Елены Блаватской, корейские ученые перешли к рассмотрению достижений Николая Рериха в буддийском искусстве. В их работах рассматриваются, пока поверхностно, общие черты между научными исследовательскими тенденциями в России, интерес к символизму, мифологии, фольклору и устному творчеству на рубеже XIX - XX веков. Философия и творческий мир Николая Рериха, а также содержание исторической живописи художника, кажется, изучено ими достаточно глубоко. По прежнему в изучении этих аспектов остаются пробелы, и мы ожидаем продолжения подобных научных публикаций в кругу южнокорейских исследователей.

Библиографический список

1. Шеляпина А. «Скрытое сокровище»: сеульская галерея Cartina Collection знакомит корейцев с русской живописью. // URL: <https://russkiymir.ru/publications/341985/> (Дата обращения: 01.01.2026).
2. Китamura Ю. Обзор японских публикаций о Н.К. Рерихе. // Рерихи: мифы и факты / под ред. А.И. Андреева, Д. Савелии. – СПб.: Нестор-История, 2011. С. 196-210.
3. Рерих Е.И. Записи Учения Живой Этики. – Москва: Пролог, 2007-2013. 539 с.
4. Pak Y.Y. Study on the Impact and Cultural Significance of Helena Blavatsky's Theosophy with a Focus on the Influences on Nicholas and Helena Roerich's literary movement. // *Journal of Slavic Studies*, 2012. Vol. 27. № 3. P. 67-97.
5. Kim Sang Hyun. Cultural and Artistic Implementation of „Asianity“. Cultural and Artistic Circles, Issues, and Influences of Russian Literature and Painting // *Korean Journal of Russian Language and Literature*. 2015. Vol. 27. № 1. P. 219-265.
6. Lee E.K. The Hidden Shambhala of Siberia, Buryatia. // *Journal of Slavic Studies*. 2020. Vol. 36. № 2 P. 57-86. – DOI: 10.17840/irsprs.2020.36.2.003.
7. Kwon J.I. Historical Paintings of N.K. Roerich] // *Journal of Slavic Studies*. 2019, vol. 34. № 3. P. 57-86.
8. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // *Альманах Казачество*. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

References

1. Shelyapina A. "Hidden Treasure": Seoul's Cartina Collection Gallery Introduces Koreans to Russian Painting. // URL: <https://russkiymir.ru/publications/341985/> (01.01.2026).
2. Kitamura Yu. Review of Japanese Publications on N.K. Roerich. // *The Roerichs: Myths and Facts* / edited by A.I. Andreev, D. Savelia. – St. Petersburg: Nestor-History, 2011. P. 196-210.
3. Roerich E.I. Recordings of the Teaching of Living Ethics. – Moscow: Prolog, 2007-2013. 539 p.
4. Pak Y.Y. Study on the Impact and Cultural Significance of Helena Blavatsky's Theosophy with a Focus on the Influences on Nicholas and Helena Roerich's literary movement. // *Journal of Slavic Studies*, 2012. Vol. 27. № 3. P. 67-97.
5. Kim Sang Hyun. Cultural and Artistic Implementation of „Asianity“. Cultural and Artistic Circles, Issues, and Influences of Russian Literature and Painting // *Korean Journal of Russian Language and Literature*. 2015. Vol. 27. № 1. P. 219-265.
6. Lee E.K. The Hidden Shambhala of Siberia, Buryatia. // *Journal of Slavic Studies*. 2020. Vol. 36. № 2 P. 57-86. – DOI: 10.17840/irsprs.2020.36.2.003.
7. Kwon J.I. Historical Paintings of N.K. Roerich] // *Journal of Slavic Studies*. 2019, vol. 34. № 3. P. 57-86.
8. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // *Almanac Cossacks*. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Ли Сисян

Аспирант. Российский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова.

Роль японской гравюры укиё-э в формировании колористической системы работ Густава Климта и его школы (Венский сецессион)*

Аннотация. Настоящее исследование осуществляет комплексный анализ определяющего влияния японской ксилографии укиё-э периода Эдо на генезис и эволюцию колористической системы в творчестве Густава Климта и художников его круга, объединенных вокруг Венского сецессиона и движения «Венских мастерских». В контексте феномена европейского японизма второй половины XIX века работа детально исследует не поверхностное заимствование экзотических мотивов, а глубокую структурную трансформацию западного живописного сознания под воздействием альтернативной цветовой парадигмы. Доказывается, что эстетические принципы укиё-э – плоскостность, локальность и условность цвета, примат декоративно-ритмической организации плоскости, смелые неимитационные контрасты – стали катализатором для радикального пересмотра Климтом и его современниками функций цвета в живописи. Это влияние способствовало переходу от натурализма и историзма к синтетическому, символично-орнаментальному стилю, в котором цвет эмансипировался от задачи иллюзорного воспроизведения реальности, став ключевым носителем эмоции, символа и чистой живописной выразительности. Исследование вносит вклад в понимание механизмов межкультурного диалога в искусстве модерна.

Ключевые слова: Густав Климт, Венский сецессион, японизм, укиё-э, цветовая система, колоризм, локальный цвет, плоскостность, декоративность, орнамент, модерн (югендстиль), Хокусай, Хиросигэ, синтез искусств.

Li Xixiang

Postgraduate student. Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov.

The role of Japanese Ukiyo-e prints in the formation of the coloristic system of Gustav Klimt and his school (Vienna secession)

Abstract. This study provides a comprehensive analysis of the decisive influence of Japanese ukiyo-e woodblock prints of the Edo period on the genesis and evolution of the coloristic system

* © Ли Сисян, 2026.

Роль японской гравюры укиё-э в формировании колористической системы работ Густава Климта и его школы (Венский сецессион)

in the works of Gustav Klimt and the artists of his circle, united around the Vienna Secession and the Wiener Werkstätte movement. In the context of the phenomenon of European Japonism in the second half of the 19th century, the study examines in detail not the superficial adoption of exotic motifs, but the profound structural transformation of Western pictorial consciousness under the influence of an alternative color paradigm. It is argued that the aesthetic principles of ukiyo-e—flatness, locality, and conventionality of color, the primacy of the decorative and rhythmic organization of the plane, and bold, non-imitative contrasts—served as a catalyst for Klimt and his contemporaries' radical reconsideration of the functions of color in painting. This influence contributed to the transition from naturalism and historicism to a synthetic, symbolic-ornamental style, in which color was emancipated from the task of illusorily reproducing reality, becoming a key carrier of emotion, symbolism, and pure pictorial expressiveness. This study contributes to the understanding of the mechanisms of intercultural dialogue in Art Nouveau art.

Key words: Gustav Klimt, Vienna Secession, Japonism, ukiyo-e, color system, colorism, local color, flatness, decorativeness, ornament, Art Nouveau (Jugendstil), Hokusai, Hiroshige, synthesis of the arts.

Введение

Австро-Венгерская империя в конце века, и в частности в Вене, отмечена интенсивными поисками новой художественной идентичности, стремившимся преодолеть эклектику историзма. Венский сецессион (1897), провозгласивший своим девизом «Эпохе – ее искусство, искусству – его свободу», стал эпицентром этого обновления [1]. Параллельно с конца 1850-х годов Европу захлестнула волна японизма – страстного увлечения японским искусством, открывшим для западных художников принципиально иную эстетическую вселенную. Это было не просто модное течение, а «художественное откровение», по выражению Эдмона де Гонкура, предложившее альтернативу ренессансной перспективе, академическому моделированию и нарративности сюжета.

Искусство японской цветной ксилографии укиё-э («картины изменчивого мира») с его культом линий, плоскостной трактовкой форм, смелыми кадрировками и, что наиболее важно для современных исследований, новым подходом к цвету, оказало глубокое влияние на формы фигуры европейского модерна – от импрессионистов и постимпрессионистов до набидов [2]. Однако в случае с австрийским, и specifically венским модерном, это влияние приобрело уникальные, синкретические формы. Густав Климт, бесспорный лидер сецессионистов, создал стиль, в котором византийская мозаика, символизм, эротизм и декоративность сплелись воедино. Вопрос о роли японской гравюры в этом синтезе, особенно в аспекте формирования его знаменитой колористической системы, остается актуальным для искусствоведения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью детальной расшифровки конкретного механизма трансформации художественного

языка под воздействием межкультурных влияний. Цель работы – выявить, систематизировать и проанализировать колористические принципы укиё-э, усвоенные и трансформированные Густавом Климтом и художниками его школы, и определить их роль в становлении уникального цветового строя венского модерна [3]. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

Охарактеризовать философско-эстетические основы и формальные особенности колорита в классической японской гравюре укиё-э (на примере творчества Утамаро, Хокусая, Хиросигэ).

Проследить каналы проникновения и восприятия японского искусства в венской художественной среде конца XIX – начала XX века.

Провести сравнительный формально-стилистический анализ эволюции палитры Климта от ранних академических работ через период сецессиона к «золотому» и позднему этапам, выделив элементы, восходящие к японскому прототипу.

Исследовать распространение и адаптацию этих колористических принципов в творчестве ближайших соратников Климта по Сецессиону и «Венским мастерским» (К. Мозер, Й. Хоффман, Ф. фон Штоль и др.) [4].

Оценить значение японского влияния для формирования общей декоративно-синтетической направленности венского модерна и его цветовой культуры.

Методология и исследовательский подход

Методологическая основа исследования является междисциплинарной, сочетая традиционные искусствоведческие методы с элементами сравнительного культурологического анализа.

Формально-стилистический анализ служит основным инструментом для детального «расчленения» визуальной структуры произведений. Он применяется к анализу композиции, роли линии и силуэта, характера цветных пятен, фактуры и взаимосвязи элементов в работах как японских мастеров, так и Климта с его кругом [5]. Особое внимание уделяется категориям плоскостности versus глубины, локальности versus тонального слияния, орнаментальности versus изобразительности.

Сравнительно-типологический метод позволяет выявить сходства и различия, установить вероятные источники влияния и характер их адаптации. Сравнение ведется не на уровне сюжета, а на уровне фундаментальных принципов организации цветопластической формы. Создаются типологические ряды по признакам: способ создания пространства, функция контура, природа цветового контраста.

Иконологический метод [6] используется для проникновения в смысловую уровень. Заимствованные формальные приемы (например, «прижатие» фигуры к плоскости, золотой фон) наполняются в творчестве Климта

новым, западным и сугубо личным символическим содержанием, связанным с темой «жизни-смерти», эроса, психологизма портрета. Метод помогает ответить на вопрос, как японская форма работает на выражение климтовской иконографии.

Историко-культурный и источниковедческий подходы необходимы для реконструкции художественного контекста. Анализируются каталоги выставок японского искусства в Вене например, знаменитая выставка 1873 года, состав частных коллекций, критические статьи в журнале «Ver Sacrum», письма и свидетельства современников [7]. Это позволяет установить конкретные «точки контакта» Климта и его круга с оригиналами укиё-э.

Основное содержание

Глава 1. Эстетика цвета в японской гравюре укиё-э: философия, техника, визуальные принципы.

Искусство укиё-э сформировалось в городской культуре Эдо (Токио) как демократичное, массовое искусство. Его колористическая система была обусловлена как техническими ограничениями ксилографии (печать с наборных деревянных досок для каждого цвета), так и глубокими эстетическими установками, уходящими корнями в традиционную японскую живопись.

Цвет как условный знак и декоративный элемент. В отличие от западного стремления к мимезису, цвет в укиё-э часто выполняет символическую и декоративную функцию. Небесный свод в японской гравюре не сводится к привычной голубизне: он может обретать оттенки червонного золота или киновари, служа инструментом передачи эмоционального напряжения, маркировки времени суток или достижения сугубо декоративного эффекта. Показательна в этом смысле знаменитая «Большая волна в Канагаве» Кацусики Хокусая, где водная стихия написана насыщенным берлинской лазурью – пигментом, завезенным из Европы, что является наглядным свидетельством активного культурного обмена между Японией и Западом.

Основополагающим принципом композиции выступает примат локального цветового пятна. Мастер не ставит перед собой задачи пластической лепки формы посредством светотеневой моделировки; его цель – выявление выразительного, ритмически упорядоченного силуэта. Цветовые плоскости обретают четкие, графически очерченные границы. Именно эта локальность цвета порождает мощные, почти аккордные сочетания. В пейзажных сериях Андо Хиросигэ, в частности в цикле «Сто знаменитых видов Эдо», подобный подход раскрывается с особой наглядностью: контрастное сопоставление чистых, открытых тонов – алой листвы японского клена и бирюзовой глади воды или глубокой синевы ночного неба – строится не на тональных переходах, а на эмоциональной напряженности цве-

тового противостояния.

В данной работе наблюдается отсутствие тонального единства и классически понимаемой перспективы. Пространственное решение строится не на принципах воздушной перспективы – т. е. постепенного смягчения цвета и контуров по мере удаления от переднего плана, – а на сопоставлении разномасштабных планов, нередко “приподнятых” и наложенных друг на друга. В результате возникает эффект орнаментальной плоскости, напоминающей ковровую композицию: каждый элемент – будь то человеческая фигура, древесная ветвь или деталь костюма – обретает самостоятельную, не подчиненную общему освещению цветовую значимость. Иначе говоря, цвет здесь не произведен от единого источника света, но мыслится как имманентное свойство самой изобразительной плоскости [8].

Орнамент и узор при этом выступают в качестве цветовых доминант. Ткани кимоно, ширмы, решетчатые конструкции образуют сложное поле геометрических и растительных мотивов, которые не только маркируют фактуру материала, но и активно членят плоскость листа, разбивая ее на контрастные сегменты. Именно этот принцип декоративной аппликативности цвета впоследствии станет определяющим для Густава Климта.

Глава 2. Каналы проникновения японской гравюры в художественную среду Вены и особенности её восприятия Густавом Климтом

Знакомство Вены с японским искусством произошло позже, чем в Париже, однако отличалось исключительной интенсивностью. Поворотным пунктом стала Всемирная выставка 1873 года, после которой интерес к японской эстетике приобрёл в австрийской столице системный характер. Благодаря деятельности коллекционеров – барона Фердинанда фон Райхенау, промышленника Карла Вайсгербера и других – в Вене сформировались значительные собрания гравюр укиё-э, открытые для изучения художниками. Важным каналом трансформации восточных влияний выступил журнал Венского Сецессиона «*Ver Sacrum*»: на протяжении 1898–1903 годов на его страницах систематически публиковались материалы, посвящённые японскому искусству, а в графическом оформлении издания последовательно применялись приёмы, восходящие к традиции японской ксилографии – асимметричное построение композиции, кадрирование фигур краем листа, выразительная контурная линия.

Эволюция колоризма Густава Климта: от академического реализма к синтетическому плоскостному цвету.

Ранний период и разрыв: В росписях «Бургтеатра» или холстах для Музея истории искусства Климт демонстрирует виртуозное владение академической техникой с ее сдержанной, тональной палитрой, подчиненной задаче иллюзионистического воспроизведения. Перелом наступает в середине 1890-х, что совпадает по времени с основанием Сецессиона и углублением интереса к японизму.

Факультетские картины и начало трансформации: В аллегориях «Философия», «Медицина», «Юриспруденция» (1899–1907) уже явственно проступает отказ от традиционного пространства. Фигуры погружаются в мерцающий, ирреальный фон, напоминающий абстрактный орнамент или космическую бездну. Цвет теряет предметную определенность, становясь эмоциональным и символическим полем. Здесь можно видеть не прямое заимствование японского приема, но общее стремление к дематериализации формы через цвет, созвучное эстетике укиё-э.

«Золотой период» как апофеоз плоскостного колорита: Именно в этот период влияние японских принципов проявляется наиболее отчетливо. В «Поцелуе» (1907-08), «Портрете Адели Блох-Бауэр I» (1907), «Юдифи» (1901) Климт достигает абсолютного синтеза.

Слияние фона и фигуры: Фигура не помещена в пространство, а сплавлена с ним в единую декоративную поверхность. Это прямое соответствие принципу плоскостности укиё-э, где фон (часто пустой, золотой или заполненный узором) является активной цветовой средой, а не глубиной.

Локальная цветовая организация и контурная определённость: в изображении тела, лица и рук использован телесный тон, однако границы этих элементов, как правило, выделяются чёткими, выразительными контурами, которые разделяют цветовые плоскости по принципу, близкому к контурной доске в гравюре. Одежда и фон строятся как мозаика локальных цветовых зон – прямоугольных, спиралевидных, включающих орнаментальные мотивы в виде глазчатых структур, геометрических и растительных форм.

Контраст и орнаментальность как носители цвета: блестящее золото, не имеющее природных аналогов (исполненное в техниках сусального золота и потали), вступает в контрастное взаимодействие с мелкими, но интенсивными цветовыми акцентами – малиновым, изумрудно-зелёным, бирюзовым, чёрным и белым. Указанные орнаменты выполняют функцию, сопоставимую с узорами кимоно в традиции укиё-э: они участвуют в формировании цветового и ритмического строя произведения, сообщая всей картинной плоскости вибрирующее, «звенящее» звучание [9].

Поздний период: в пейзажных и портретных работах 1910-х годов золото постепенно вытесняется более дробной, пуантилистической манерой письма. Вместе с тем принцип плоскостного решения и декоративного обобщения цвета сохраняется. Пейзажи, напоминающие вид сверху, с их мозаичной структурой из цветовых прямоугольников, находят удивительную параллель в гравюрах Хиросигэ, где крыши, поля и водные поверхности также представлены как абстрактные цветовые паттерны.

Японские колористические принципы в творчестве школы Климта (Венский сецессион и Венские мастерские).

Влияние японской гравюры, опосредованное и усиленное примером

Климта, распространилось на все сферы деятельности сецессионистов, воплощая идею Gesamtkunstwerk (тотального произведения искусства).

Коломан Мозер: В его графических работах для «Ver Sacrum», плакатах и дизайне тканей ясно читается язык чистых, контурно очерченных цветовых плоскостей. Его фигуры стилизованы, пространство сведено к минимуму, цветовая палитра часто сознательно ограничена двумя-тремя контрастирующими тонами (черный, белый, киноварь), что напрямую восходит к эстетике японской ксилографии с ее последовательной печатью с нескольких досок.

Йозеф Хоффман: Хотя архитектор, Хоффман в своих проектах мебели, интерьеров и металлоизделий для «Венских мастерских» применял ту же философию. Его знаменитые черно-белые геометрические узоры, чередование гладких и текстурированных поверхностей, игра с контрастами простых форм – это архитектурно-дизайнерское переложение тех же принципов плоскостности, локальности и декоративного ритма, которые обнаруживаются в укиё-э.

Климт, по свидетельствам, не был страстным коллекционером, как, например, Ван Гог, но он несомненно имел прямой доступ к гравюрам через круги сецессионистов, выставки и публикации. Важно отметить, что венские художники воспринимали Японию не этнографически, а как носителя высочайшей, утонченной художественной культуры, созвучной их собственным поискам изысканности, стилизации и победы над грубым материализмом современной жизни [10].

Даже в работах таких разных художников, как Эгон Шиле (в его ранних, более декоративных работах) или Ричарда Герстля, можно проследить усиленное внимание к экспрессивной роли контура, ограничивающего цветовое пятно, и к уплощению пространства. Японская гравюра, таким образом, стала одним из общих знаменателей, способствовавших формированию узнаваемого венского стиля с его графичностью, любовью к орнаменту и цветовой изощренности.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что роль японской гравюры укиё-э в формировании колористической системы Климта и его школы была не просто значительной, но структурообразующей. Это влияние осуществлялось на нескольких взаимосвязанных уровнях:

На уровне философии цвета: Укиё-э предложила модель, в которой цвет освобожден от подражания природе и становится инструментом субъективного выражения, декоративной организации плоскости и символического высказывания. Это позволило Климту совершить решительный разрыв с иллюзионизмом.

На уровне формального языка: Конкретные приемы – плоскостность,

трактовка фона как активной цветовой среды, использование локальных контрастных пятен, орнаментализация как способ структурирования цвета, возвышение линии-контура до статуса главного разделителя цветовых масс – были творчески усвоены и адаптированы.

На уровне синтеза: Гениальность Климта проявилась в том, что он стал эпигоном японского искусства. Он сплавил его принципы с другими источниками: золотые фоны византийских мозаик, символистская иконография, фрейдистский подтекст. В результате японская по происхождению декоративная плоскостность наполнилась напряженным психологизмом и сложной философской программой.

Таким образом, японская гравюра выступила в качестве мощного катализатора модернизации живописного языка. Она дала Климту и сецессионистам ключ к преодолению кризиса европейского реализма и помогла создать ту уникальную, изысканно-декоративную, насыщенную символами и цветом художественную систему, которая определила лицо венского модерна и оказала огромное влияние на последующее развитие европейского искусства XX века, прокладывая путь к абстракции и экспрессионизму.

Заключение

В результате исследования была подтверждена гипотеза о том, что знакомство с японской гравюрой укиё-э послужило одним из важнейших факторов в формировании новаторской колористической системы Густава Климта и, в более широком смысле, всего художественного направления Венского сецессиона. Японизм в Вене приобрел характер не увлечения экзотикой, а глубокого диалога, в ходе которого были усвоены фундаментальные принципы восточной эстетики. Эти принципы – примат плоскости над иллюзией глубины, автономная выразительность локального цвета, декоративно-ритмическая организация всей поверхности произведения – легли в основу того синтетического «стиля Климта», в котором живопись, графика и орнамент сливаются в нерасторжимое целое.

Влияние японского искусства способствовало радикальной трансформации функций цвета: из средства описания он превратился в средство выражения, конструирования и символизации. Это позволило венскому модерну занять уникальное место в общеевропейском художественном процессе, создав один из самых изощренных и целостных вариантов искусства эпохи. Исследование межкультурных связей, подобных рассмотренной, подчеркивает, что великие художественные открытия зачастую рождаются на пересечении традиций, в диалоге между, казалось бы, далекими друг от друга культурными мирами.

Библиографический список

1. Айрапетов А.Г. Австро-Венгрия: взгляд историков на реалии многонационального госу-

- дарства // Вестник ТГУ. 1996. № 3-4. С. 28-35.
2. Архипова Н.А. Взаимовлияние художественных культур Японии и стран западной Европы, США и российской империи на рекламную графику XIX-XX вв. // МНИЖ. 2023. № 9 (135). 55 с.
3. Петровская Н.И. Интерпретация ветхозаветного образа Юдифи в живописи авангардизма (конец XIX в. - начало XXI в.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-2. С. 216-223.
4. Проклов И.Н. О vitalности венского модерна // Художественная культура. 2021. № 4 (39). С. 40-67.
5. Кругликов С.Т. Орнамент и содержание: сюжет и смысл «поцелуя» Густава Климта // Художественная культура. 2022. № 4 (43). С. 140-165.
6. Морозова О.В. Методологический анализ структуры иконографического и иконологического методов в историко-архитектурном исследовании // Вестник ТГАСУ. 2011. № 4. С. 37-53.
7. Арутюнян Ю.И. Проблемы и методы изучения декоративно-прикладного искусства в современной искусствоведческой медиавистике // Вестник СПбГИК. 2021. № 4 (49). С. 100-104.
8. Уварова С.Н., Тараненко А.Н. О выстраивании образовательных траекторий в контексте творческого развития посредством различных живописных репрезентаций натюрмортной постановки // Педагогический ИМИДЖ. 2020. № 2 (47). С. 304-320.
9. Лавринова Н.Н. Сущность и структура орнамента в художественной культуре // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 127-130.
10. Балан М.В. Эволюция образа в портретах Ван Гога // ТРУДЫ СПБГИК. 2008. С. 15-22.
11. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

References

1. Airapetov A.G. Austria-Hungary: A Historians' View of the Realities of a Multinational State // Tomsk State University Bulletin. 1996. № 3-4. P. 28-35.
2. Arkhipova N.A. Mutual Influence of the Artistic Cultures of Japan and Western European Countries, the USA and the Russian Empire on the Advertising Graphics of the 19th-20th Centuries // Moscow Research Institute of Zhurnal. 2023. № 9 (135). 55 p.
3. Petrovskaya N.I. Interpretation of the Old Testament Image of Judith in Avant-garde Painting (Late 19th Century - Early 21st Century) // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2014. № 5-2. P. 216-223.
4. Proklov I.N. On the Vitality of Viennese Art Nouveau // Art Culture. 2021. № 4 (39). P. 40-67.
5. Kruglikov S.T. Ornament and Content: The Plot and Meaning of Gustav Klimt's "Kiss" // Art Culture. 2022. № 4 (43). P. 140-165.
6. Morozova O.V. Methodological Analysis of the Structure of the Iconographic and Iconological Methods in Historical and Architectural Research // Bulletin of TSUACE. 2011. № 4. P. 37-53.
7. Arutyunyan Yu.I. Problems and Methods of Studying Decorative and Applied Arts in Contemporary Art History Medieval Studies // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2021. № 4 (49). P. 100-104.
8. Uvarova S.N., Taranenko A.N. On the construction of educational trajectories in the context of creative development through various pictorial representations of still life composition // Pedagogical IMAGE. 2020. № 2 (47). P. 304-320.
9. Lavrinova N.N. The essence and structure of ornament in artistic culture // Analytics of cultural studies. 2011. № 19. P. 127-130.
10. Balan M.V. Evolution of the image in Van Gogh's portraits // WORKS OF SPBGIK. 2008. P. 15-22.
11. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Панов Д.Г.

Доцент кафедры физического воспитания. Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Будущий менеджер культуры: готовность к реализации задач культурной политики*

Успех грандиозной программы государственной культурной политики, ориентированной на превращение культуры в стратегический ресурс развития страны, зависит от того, насколько понимают и разделяют цели этой политики будущие менеджеры социокультурной сферы, какова их готовность к реализации поставленных задач. Именно поэтому целью настоящей статьи является выявление особенностей ценностных ориентаций будущих менеджеров социально-культурной деятельности, их оценок состояния и приоритетов развития отечественной культуры, а также готовности к выполнению стратегических задач государственной культурной политики. Анализируются результаты опроса, проведенного на факультете социально-культурных технологий Петербургского государственного института культуры в конце 2025 года, респондентами которого выступили студенты первого курса.

Исследование показало, что идеальный менеджер, по представлениям опрошенных, должен понимать специфику культуры, особое значение для успеха имеют такие качества, как целеустремленность и эрудиция. Подобный управленец должен быть прекрасным коммуникатором, обладать навыками целеполагания и планирования личного и рабочего времени, искусно владеть технологиями разработки и презентации проектов, а также маркетинговыми инструментами. В профессиональной картине мира будущих менеджеров социально-культурной деятельности преобладают творческая, социальная и содержательная миссии культуры. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что реализация аксиологического компонента в учебном и воспитательном процессе, несомненно, будет способствовать формированию образовательных и мотивационных ресурсов будущих менеджеров культуры, которым довольно скоро предстоит на практике воплощать задачи государственной культурной политики.

Ключевые слова: государственная культурная политика, духовно-нравственные ценности, менеджер социально-культурной деятельности, общероссийская гражданская идентичность, патриотизм, Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Panov D.G.

Associate Professor, Department of Physical Education, St. Petersburg State Institute of Culture.

Future cultural manager: willingness to implement cultural policy objectives

* © Панов Д.Г., 2026.

Будущий менеджер культуры: готовность к реализации задач культурной политики

Abstract. The success of a grandiose program of state cultural policy aimed at turning culture into a strategic resource for the country's development depends on how well future managers of the socio-cultural sphere understand and share the goals of this policy, and what their willingness to implement the tasks set is. That is why the purpose of this article is to identify the features of the value orientations of future managers of socio-cultural activities, their assessments of the state and priorities of the development of national culture, as well as their readiness to fulfill the strategic objectives of the state cultural policy. The article analyzes the results of a survey conducted at the Faculty of Socio-Cultural Technologies of the St. Petersburg State University of Culture at the end of 2025, the respondents of which were first-year students. The study showed that the ideal manager, according to the respondents, should understand the specifics of culture, and qualities such as determination and erudition are of particular importance for success. Such a manager should be an excellent communicator, possess goal-setting and personal and working time planning skills, be proficient in project development and presentation technologies, as well as marketing tools. The professional worldview of future managers of socio-cultural activities is dominated by creative, social and meaningful cultural missions. The conducted research allows the author to assert that the concentration of attention in the educational and educational process on the implementation of the axiological component will undoubtedly contribute to the formation of educational and motivational resources of future cultural managers, who will soon have to put into practice the tasks of state cultural policy.

Key words: state cultural policy, spiritual and moral values, manager of socio-cultural activities, all-Russian civic identity, patriotism, St. Petersburg State University of Culture.

Введение

Успех грандиозной программы государственной культурной политики, ориентированной на превращение культуры в стратегический ресурс развития страны, зависит от того, насколько понимают и разделяют цели этой политики будущие менеджеры **социокультурной сферы**, какова их готовность к реализации поставленных задач. Цель настоящей статьи заключается в выявлении представлений студентов вуза культуры о состоянии и приоритетах развития отечественной культуры, уровне готовности к выполнению стратегических задач государственной культурной политики.

Исследование предусматривает применение системного и аксиологического подходов как методологической основы проведенного теоретического анализа, опору на положения концепций, раскрывающих особенности профессионального развития менеджеров социально-культурной деятельности и самореализации студенческой молодежи. Персона успешного менеджера издавна привлекала внимание исследователей. Считается, что «содержательное определение позиции менеджера принадлежит А. Файолю» (цит. по: [2, с. 84]), М. Вебер называл его «строгим исполнителем организационной воли, реализующим собственный, личностный интерес за рамками своих официальных обязанностей» [2, с. 84]. Среди современных западных ученых, обращавшихся к профессиональным качествам менеджера культуры, выделим американского социолога П. ДиМаджио, европейских экспертов М. Драгичевич-Шешич, А. Кангас, П. Клан-

си, П. Мангсета, назовем также отечественных исследователей, уделявших внимание фигуре менеджера социально-культурной деятельности: М.А. Ариарский, Л.Е. Востряков, Е.Л. Кудрина, Е.Н. Львова, С.Б. Синецкий, А.А. Сукало, В.М. Чижиков, Н.В. Шарковская, Н.Н. Ярошенко и др.

Основная часть. Подготовка менеджеров социокультурной сферы осуществляется в вузах культуры по широкому спектру специальностей и направлений, в том числе почти четверть века – по профилю «менеджер социально-культурной деятельности».

Стратегия профессиональной подготовки менеджеров социально-культурной сферы как субъектов государственной культурной политики, по оценке исследователей Петербургского государственного института культуры «должна быть ориентирована на подготовку специалистов способных:

– осуществлять реализацию государственно-общественной функции учреждений культуры по передаче от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» [5, с. 111], укрепление гражданской идентичности, созданию условий для нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения;

– выстраивать «культурно-информационные и культурно-символические системы защиты российского социума от девальвации и разрушения ценностей отечественной культуры» [5, с. 111] на основе сохранения и интеграции устоявшихся символических форм, резонансных героическим образам отечественной истории и культуры;

– «осуществлять координацию социально-культурных инициатив, разработку социально-ориентированных проектов, направленных на формирование культуры личности, и решающих маркетинговые проблемы учреждений культуры и досуга, связанные с позиционированием творческих продуктов, поиском финансовых средств на их реализацию» [5, с. 112].

Основополагающие документы стратегического планирования последних лет – «Национальные цели развития до 2036 года» и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» – формируют государственный заказ на превращение культуры в стратегический ресурс развития страны, что требует от менеджера социально-культурной сферы постоянного профессионального роста, чтобы соответствовать масштабу новых амбициозных задач.

Цифровая трансформация сферы культуры в условиях общества знаний мотивирует менеджера на овладение комплексной цифровой грамотностью: прежде всего, освоение основ digital-продюсирования, data-аналитики и комьюнити-менеджмента, а в перспективе – успешное оперирование технологиями виртуальных миров. Федеральный закон «О развитии креативных индустрий» закрепляет переход значительной части

культурной деятельности в логику креативной экономики, когда успех менеджера будет в большей мере зависеть от предпринимательских навыков, привлечения инвестиций и создания партнёрств. Возрастание для менеджера значения качеств фандрайзера, переговорщика и специалиста по управлению правами побуждают на переход к гибридным моделям управления, сочетающим навыки работы в горизонтальных структурах, способности фасилитатора, новое финансовое и экосистемное мышление. Все это требует радикальной пересборки управленческих компетенций и профессиональных качеств менеджера, желающего соответствовать вызовам времени.

Утверждение «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» выводит менеджера социально-культурной деятельности на передовую идеологического фронта, превращая его из организатора в интерпретатора, транслятора и защитника смыслов. В этих условиях менеджеру необходимо найти живой, неформальный, созвучный времени язык для разговора с молодежью о патриотизме, исторической памяти, созидательном труде и крепкой семье. Параллельно формируется новый этический ландшафт профессии, побуждающий менеджера социально-культурной деятельности выступать гарантом цифровой этики в создаваемых им средах.

Профиль подготовки обеспечивает возможности научно-исследовательской деятельности в широком диапазоне современных информационных процессов, позволяет определять горизонты нового понимания сущности социокультурных процессов в современных условиях по таким направлениям, как:

- стратегия государственной культурной политики Российской Федерации и новые практики социально-культурной деятельности, в том числе: социально-культурные технологии в цифровом пространстве современного социума;
- модель «подготовки менеджеров социально-культурной деятельности как субъектов» [5, с. 111];
- реализация «потенциала социально-культурного проектирования как стратегической технологии, обеспечивающей конструирование и развитие социально-культурных процессов» [3, с. 68];
- исследование и концептуально-практическое осмысление проблемы ценностного-содержательного наполнения современного медиапространства, сохранения и интеграции устоявшихся символических форм, резонансных героическим образам отечественной истории и культуры;
- сохранение традиционных культурных институтов, укрепление семьи, патриотическое воспитание, формирование ценностно ориентированного пространства культуры детства.

В заявленных выше направлениях научно-исследовательской работы

прослеживается четкая ориентация на аксиологический подход, реализация которого представляется однозначно оправданной в сложившейся социокультурной ситуации. Авторы фундаментальной монографии отмечают: «Российская культура – это уникальное аксиологическое пространство, отражающее нравственные приоритеты, ценности патриотизма и любви к Родине, укрепления общественной организации и сохранения семейных устоев, принципы уважительно-го диалога народов России и преемственности в воспитании новых поколений россиян. Обладание столь глубоким по смыслу и ценностному содержанию культурным достоянием неизбежно ставит вопрос о его включении в процессы образования и воспитания. Причем речь должна идти не о формальной отсылке обучающихся к достижениям культуры, а о формировании условий для активного духовно-творческого освоения ими пространства ценностей и смыслов отечественной культуры» [14, с. 4].

Значимость аксиологических аспектов в деятельности менеджеров культуры, «призванных осуществлять взаимодействие людей в создании, освоении, сохранении и распространении значимых ценностей культуры» [3, с. 68], среди исследователей практически не оспаривается (см., напр.: [2; 7; 8; 11; 15]). Тем не менее, характер и система ценностей этой группы управленцев изучены далеко недостаточно. Таким образом, ценностные ориентации руководителей культуры, на наш взгляд, должны стать предметом тщательного исследования и анализа.

Если исходить из ценностно ориентированной модели, то обновленная редакция Основ государственной культурной политики однозначно определяет, что «государственная культурная политика призвана обеспечить» среди прочего «укрепление общероссийской гражданской идентичности», поясняя, что «основой общероссийской гражданской идентичности является исторически сложившаяся система российских духовно-нравственных ценностей» [12]. Понимая значимость этой задачи, можно констатировать, что «зона национально-культурной идентичности становится сегодня основным объектом информационной агрессии» [4, с. 15] со стороны стран Запада, «привыкших мыслить согласно логике глобального доминирования и неокOLONиализма» [10], а потому «стремящихся к деформации и уничтожению консолидирующих нацию оснований идентичности, ослаблению и разрушению национальной лояльности и готовности защищать национальные интересы» [4, с. 15].

Именно поэтому такое внимание уделяется формированию у менеджеров социально-культурной деятельности общероссийской гражданской идентичности: «способность идентифицировать себя в национально-культурном и социальном плане, разделять ключевые ценности отечественной культуры, осознавать культурный код российской цивилизации и доминировать в борьбе за культурный суверенитет, идеологические позиции

государства задает вектор подготовки менеджеров социально-культурной деятельности, прежде всего, как активных субъектов социокультурной инициативы и государственной культурной политики» [16, с. 78].

Довольно показательны в этой ситуации результаты опроса, проведенного на факультете социально-культурных технологий Санкт-Петербургского государственного института культуры в конце 2025 года. Респондентами выступили студенты первого курса, проходящие подготовку по специальности «социально-культурная деятельность». На опросный лист ответили 84% от списочного состава обучающихся.

Наибольшую опасность для стабильного инновационного развития России, как считают респонденты, представляет распространение в молодежной среде наркотических средств и психотропных веществ. На последующих позициях, по оценке студентов, такие угрозы как «фальсификации мировой истории, прежде всего – попытки пересмотра роли и места России в мировой истории» и «распространение ложного представления об исторической отсталости России», а также «противоправные посягательства на объекты культуры и традиционные российские духовно-нравственные ценности». Возможно, именно поэтому будущие менеджеры социально-культурной деятельности предлагают, что молодому поколению следует более активно разяснять такие феномены, как «культурная идентичность», «единое культурное пространство», «культурный суверенитет», популяризировать ценностную картину мира и особенности национального менталитета россиян. Первокурсники факультета социально-культурных технологий настаивают на том, что в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики в Российской Федерации приоритетную поддержку государства должны получать искусство кино, подготовка творческих кадров, деятельность театральных учреждений, развитие творческих (креативных) индустрий, а также детских школ искусств (музыкальных, художественных и др.).

Собственные досуговые предпочтения опрошенные ранжировали следующим образом: «прогулки на свежем воздухе», «отдых в кругу друзей», посещение театров и кинотеатров, а также музеев. 99,5% главным источником получения информации назвали Интернет, каждый второй отметил также и телевидение. Не удивительно, что у студентов вуза культуры наиболее популярны телепрограммы канала «Культура» (его выделили более половины опрошенных), хотя и отметили при этом, что передачи канала смотрят не регулярно.

Парадоксально, но среди личных устремлений у студентов института культуры (подавляющее большинство среди которых составляют девушки) любовь хотя и входит в первую пятерку, но уступает карьерным амбициям, творческой самореализации и здоровью. Большинство студентов имеют друзей и знакомых, связанных со сферой культуры, что свидетель-

ствует об осознанности выбора ими профессии, а также о наличии определенного багажа о реальной профессиональной среде. Этот фактор, несомненно, способствует более адекватному восприятию профессионального контекста уже на этапе обучения.

Идеальный менеджер, как представляют студенты, должен понимать специфику культуры, поэтому опыт работы в организации культуры и искусства крайне важен. Особое значение для успеха имеют такие качества, как целеустремленность и эрудиция, умение составить бюджет. Первоклассный менеджер социально-культурной деятельности должен быть прекрасным коммуникатором, в совершенстве пользоваться методиками и техниками переговоров, обладать навыками планирования личного и рабочего времени, целеполагания, искусно владеть технологиями разработки и презентации проектов, а также маркетинговыми инструментами. Для подобного специалиста приоритетны знания в области управления, финансов и психологии. При этом освоению педагогических методов, базовым познаниям истории и изучению политической науки респонденты уделяют явно недостаточное внимание.

Определенный перекос наблюдается и при ранжировании управленческих задач. Студенты обоснованно и рационально выделяют в качестве приоритетных содержательные, целеполагающие и клиентоориентированные функции: «постановка целей», «построение бюджета организации», «планирование деятельности» и «отношения с посетителями». В результате на первую позицию респонденты выводят общие задачи менеджмента, следом – за счет высокого положения отношений с посетителями – идут функциональные управленческие задачи. При этом такие существенные для ежедневного жизнеобеспечения любого учреждения задачи, как «найм персонала», «эксплуатация зданий», «организация коммерческих видов деятельности», находятся в самой нижней части списка. Даже, несмотря на это, последним, по оценкам опрошенных, оказался блок управленческих задач, специфических для культурной сферы.

Отметим также, что, анализируя компетенции менеджеров культуры, необходимые для эффективного управления культурными институтами, рецензенты наиболее важными посчитали административные компетенции, на вторую позицию определили финансово-правовые, которые значительно опередили информационно-сетевые и личностные. Коммуникативные компетенции, на особую значимость которых опрашиваемые указывали ранее, в результате остались на заключительной – пятой – позиции.

Свое профессиональное будущее студенты-первокурсники связывают со специализациями, отражающими влияние современных медийных трендов и рыночной среды: наибольшей популярностью пользуются динамичные и публичные направления: «реклама и PR в социально-куль-

турной деятельности», «ивент-менеджмент», «менеджмент креативных пространств», «реализация государственной культурной политики» и «арт-менеджмент». Основными факторами подобного выбора выступают желание иметь интересную работу, возможность общаться с разными людьми, профессиональный рост и творческая самореализация.

Сказанное позволяет утверждать, что в профессиональной картине мира будущих менеджеров социально-культурной деятельности преобладают творческая, социальная и содержательная миссии культуры. Возможно, именно поэтому конкурентоспособность Российской Федерации в XXI веке респонденты связывают прежде всего с развитием культуры и искусства, оборонных отраслей, освоением космоса, победами в спорте и успехами в сфере энергетики. На наш взгляд, это вполне взвешенный подход начинающих менеджеров социально-культурной деятельности, которым довольно скоро предстоит на практике воплощать задачи государственной культурной политики, в том числе «обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, повышение качества жизни в Российской Федерации» [12].

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что идеальный менеджер культурной сферы, согласно представлениям опрошенных, должен понимать специфику культуры, особое значение для его успешной деятельности имеют такие качества, как целеустремленность и эрудиция. Подобный управленец должен быть прекрасным коммуникатором, обладать навыками целеполагания и планирования личного и рабочего времени, искусно владеть технологиями разработки и презентации проектов, а также маркетинговыми инструментами. В профессиональной картине мира будущих менеджеров социально-культурной деятельности преобладают творческая, социальная и содержательная миссии культуры.

Не менее важно и то, что полученные нами результаты во многом совпадают с данными аналогичных опросов, проводившихся среди студентов-первокурсников на факультете социально-культурных технологий СПбГИК в течение последнего десятилетия (см., напр.: [1; 6; 9] и др.). Все это подтверждает наши предположения о том, что актуализация аксиологического компонента в учебном и воспитательном процессе детерминирует установку на развитие «ценностного отношения к профессии, сверхзадачей и смыслом которой является развитие духовно-ценностных компонентов» [4, с. 21] и, несомненно, будет способствовать формированию образовательных и мотивационных ресурсов менеджеров культуры,

позволяющих им успешно решать задачи государственной культурной политики, отвечать на цивилизационные вызовы и противодействовать информационной агрессии Запада.

Библиографический список

1. Веселкин В.В., Ларенкова Е.Ю. Менеджер социально-культурной деятельности в представлениях студентов первого курса СПбГИК // Государственная культурная политика Российской Федерации и новые практики социально-культурной деятельности: сб. научн. статей. – Т. 3. Вып 1. – Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2024. С. 45-52.
2. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: понятия и модели. – Санкт-Петербург: Издательство СЗИУ РАНХиГС, 2011. 168 с.
3. Востряков Л.Е. Становление менеджмента социально-культурной деятельности как области научного знания и профессионального образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 11-2. С. 65-70.
4. Востряков Л.Е., Ивлиева И.А. Социально-культурная деятельность в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. Т. 223. С. 10-22.
5. Востряков Л.Е., Ивлиева И.А., Сукало А.А. § 3.1. Профессиональная подготовка менеджеров социально-культурной сферы: миссия и приоритеты // Социально-культурная деятельность в современном гуманитарном дискурсе: Коллективная монография / Сост. и науч. ред. Н.Н. Ярошенко. – Москва: МГИК, 2021. С. 108-116.
6. Востряков Л.Е., Полагутина Л.В. Штрихи к портрету будущего менеджера социально-культурной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2019. № 9-2. С. 48-53.
7. Ивлиева И.А., Полагутина Л.В. Социальные и профессиональные ценности в системе подготовки менеджеров социально-культурной деятельности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 216. С. 8-16.
8. Ивлиева И.А. Развитие исследовательской культуры будущих менеджеров социально-культурной деятельности в образовательном пространстве вуза // Культура и образование. 2018. № 4. С. 59-67.
9. Кручинин Е.А. Задачи менеджера социально-культурной деятельности в контексте когнитивных войн XXI века // Государственная культурная политика Российской Федерации и новые практики социально-культурной деятельности: сб. научн. статей. – Т. 2. Вып 1 (2). – Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2023. С. 75-82.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.
11. Львова Е.Н. Специфика личностно-профессиональных установок будущих менеджеров культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2. С. 128-132. – DOI: 10.30725/2619-0303-2019-2-128-132
12. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: утв. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 5. Ст. 777.
13. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Указом Президента России от 7 мая 2018 г. №204 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.
14. Педагогика культуры: теоретические основания и инновационный потенциал: монография / Науч. ред. Е.Л. Кудрина, Н.Н. Ярошенко. – Москва: МГИК, 2024. 240 с.
15. Шарковская Н.В. Профессиональный имидж менеджера как фактор эффективной организации социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 6. С. 125-132. – DOI: [10.24412/1997-0803-2021-6104-125-132](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-6104-125-132)
16. Шукшин С.И., Востряков Л.Е. О формировании культурного суверенитета Российской Фе-

дерации: история и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2026. № 1. С. 74-79. – DOI: 10.37882/2223–2982.2026.01.49
 17. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

References

1. Veselkin V.V., Larenkova E.Yu. Manager of socio-cultural activities in the perceptions of first-year students of St. Petersburg State Institute of Culture // State cultural policy of the Russian Federation and new practices of socio-cultural activities: collection of scientific articles. – Vol. 3. Issue 1. – St. Petersburg: NITs ART, 2024. P. 45-52.
2. Vostryakov L.E. State cultural policy: concepts and models. - St. Petersburg: Publishing house of North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2011. 168 p.
3. Vostryakov L.E. Formation of management of socio-cultural activities as a field of scientific knowledge and professional education // Modern science: current problems of theory and practice. Series “Humanities”. 2019. № 11-2. P. 65-70. 4. Vostryakov L.E., Ivlieva I.A. Socio-cultural activities in the context of implementing a value-oriented model of state cultural policy // Works of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2021. Vol. 223. P. 10-22.
5. Vostryakov L.E., Ivlieva I.A., Sukalo A.A. § 3.1. Professional training of managers in the socio-cultural sphere: mission and priorities // Socio-cultural activities in modern humanitarian discourse: Collective monograph / Comp. and scientific editor N.N. Yaroshenko. – Moscow: MGIK, 2021. P. 108-116.
6. Vostryakov L.E., Polagutina L.V. Strokes to the portrait of the future manager of socio-cultural activities // Modern science: current problems of theory and practice. Series “Humanities”. 2019. № 9-2. P. 48-53.
7. Ivlieva I.A., Polagutina L.V. Social and professional values in the system of training managers of social and cultural activities // Works of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2018. Vol. 216. P. 8-16.
8. Ivlieva I.A. Development of research culture of future managers of social and cultural activities in the educational space of the university // Culture and education. 2018. № 4. P. 59-67.
9. Kruchinin E.A. Tasks of a manager of social and cultural activities in the context of cognitive wars of the 21st century // State cultural policy of the Russian Federation and new practices of social and cultural activities: collection of scientific articles. - Vol. 2. Issue 1 (2). – Saint Petersburg: NITs ART, 2023. P. 75-82.
10. Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation: approved. by Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, № 229 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. № 14. Article 2406.
11. Lvova, E.N. Specifics of Personal and Professional Attitudes of Future Cultural Managers // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2019. № 2. P. 128-132. – DOI: 10.30725/2619-0303-2019-2-128-132
12. On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 № 808: approved. by Decree of the President of the Russian Federation dated January 25, 2023 № 35 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. № 5. Art. 777.
13. On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation through 2024: approved. by Decree of the President of Russia dated May 7, 2018 № 204 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817.
14. Pedagogy of Culture: Theoretical Foundations and Innovative Potential: Monograph / Scientific ed. E.L. Kudrina, N.N. Yaroshenko. – Moscow: MGIK, 2024. 240 p.
15. Sharkovskaya N.V. Professional Image of a Manager as a Factor in the Effective Organization of Socio-Cultural Activities // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2021. № 6. P. 125-132. – DOI: 10.24412/1997-0803-2021-6104-125-132
16. Shukshin S.I., Vostryakov L.E. On the Formation of the Cultural Sovereignty of the Russian Federation: History and Prospects // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series «Humanities». 2026. № 1. P. 74-79. – DOI: 10.37882/2223–2982.2026.01.49
17. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Ефанов Д.А.

Аспирант 3 курса. Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Развитие музыкального слуха на уроках вокала в ДМШ-ДШИ: психолого-педагогический аспект*

Аннотация. В статье рассматривается музыкальный слух как сложное, многогранное явление, необходимое для сочинения, исполнения и активного восприятия музыки. Анализируются современные подходы к классификации видов музыкального слуха: абсолютного и относительного, мелодического, гармонического, полифонического, тембрового, ритмического, интонационного, архитектурного и других. Особое внимание уделяется психолого-педагогическим аспектам развития слуха на уроках вокала. Автор приходит к выводу, что развитие музыкального слуха – одна из ключевых задач музыкального воспитания, а её эффективность напрямую зависит от выбора методов и приёмов работы, среди которых пение и слуховой анализ занимают центральное место. Практическая значимость статьи связана с возможностью использования предложенных подходов в работе преподавателей вокала и сольфеджио в детских музыкальных школах, школах искусств и общеобразовательных учреждениях.

Ключевые слова: музыкальный слух, виды музыкального слуха, абсолютный слух, относительный слух, мелодический слух, гармонический слух, ритмический слух, тембровый слух, интонационный слух, внутренний слух, развитие музыкального слуха, уроки вокала, музыкальные способности, музыкальная педагогика, вокальное воспитание.

Efanov D.A.

Third-year graduate student, St. Petersburg State Institute of Culture.

Development of musical ear in vocal lessons at children's music schools and children's art schools: psychological and pedagogical aspect

Abstract. The article examines musical ear as a complex, multifaceted phenomenon necessary for composing, performing, and actively perceiving music. It analyzes current approaches to classifying types of musical ear: absolute and relative pitch, melodic, harmonic, polyphonic, timbre, rhythmic, intonational, architectonic hearing, and others. Special attention is paid to the psychological and pedagogical aspects of ear development in vocal lessons. The author concludes that the development of musical ear is one of the key tasks of music education, and its effectiveness directly

* © Ефанов Д.А., 2026.

Развитие музыкального слуха на уроках вокала в ДМШ-ДШИ: психолого-педагогический аспект

depends on the choice of teaching methods and techniques, among which singing and auditory analysis occupy a central place. The practical significance of the article lies in the possibility of using the proposed approaches in the work of vocal and solfeggio teachers at children's music schools, art schools, and general education institutions.

Key words: musical ear, types of musical ear, absolute pitch, relative pitch, melodic hearing, harmonic hearing, rhythmic hearing, timbre hearing, intonational hearing, inner hearing, development of musical ear, vocal lessons, musical abilities, music pedagogy, vocal education.

Музыкальный слух – это не просто способность слышать звуки. Это сложный механизм, который соединяет физиологию, психологию и мышление. Без него невозможно ни сочинять музыку, ни исполнять, ни даже полноценно её воспринимать [15, с. 42]. Трудно переоценить значение развитого слуха для музыканта: с первых шагов обучения педагоги ищут способы его активизации. Главная особенность здесь в том, что слух музыканта работает не изолированно. Он требует слухо-двигательных, зрительных и даже осязательных связей, где сенсорике нельзя отделить от эмоций и памяти. По сути, это тонкая настройка физиологических и психологических систем человека.

Музыкальный слух заметно отличается от биологического. Он развивается только через приобретение знаний, навыков и опыта. Это комплексное явление, затрагивающее разные стороны интеллекта: от восприятия высоты и тембра до чувства лада и ритма [1, с. 215]. Б.М. Теплов определял музыкальность через три компонента: эмоциональную отзывчивость на звук, умение оперировать слуховыми представлениями и чувство ритма [15, с. 80]. Когда педагоги говорят, что у ученика есть музыкальность, они чаще всего имеют в виду именно развитый слух – способность тонко различать звуки по высоте.

Актуальность этой работы связана с тем, что в реальной школьной практике вокалу и развитию слуха уделяют неоправданно мало времени. Хотя именно пение напрямую формирует эмоциональную сферу, воображение и энергию мышления.

Изучение музыкального слуха всегда привлекало междисциплинарный подход. Ещё Г. Гельмгольц в своём классическом труде наметил два важных постулата. Первый: музыкальные звуки – это простейшие элементы слуховых ощущений, поэтому их изучение проясняет общие механизмы слуха. Второй: анализ механизмов музыкального слуха помогает объяснить эволюцию ладогармонической системы [2, с. 15]. Оба этих положения до сих пор работают в разных научных отраслях. Слух профессионала – это по сути полный реестр знаний по сольфеджио, закреплённых в сознании. Именно полнота знаний определяет степень его совершенства [6, с. 120].

В психологии доказано: музыкальность зависит от развитости слуха,

и наоборот – степень сформированности слуха влияет на музыкальность. Музыкальный слух – это механизм первичной обработки музыкальной информации, её анализа, синтеза и эмоциональной оценки. Чем качественнее он развит, тем полнее человек воспринимает музыку. Полноценно воспринять произведение – значит не просто получить эмоциональный всплеск, а испытать эстетическое наслаждение. А это невозможно без специальных занятий [8, с. 33].

Принято различать несколько видов музыкального слуха. По способу восприятия выделяют абсолютный и относительный. Относительный слух работает через сравнение звуков в заданной тональности. Абсолютный – это способность узнать и воспроизвести высоту звука без сравнения с исходным тоном [2, с. 28]. Абсолютный слух встречается реже, он облегчает ориентацию в музыке: музыкант легко узнаёт тональность и следит за модуляциями. Но выработать его в классе невозможно – это природный дар. При этом относительный слух при хорошей тренировке может быть даже продуктивнее абсолютного. Обладателю абсолютного слуха всё равно нужно развивать музыкальные способности: мало фиксировать высоту, нужно осмысленно подходить к восприятию музыки.

Выделяют также синопсический слух (тип абсолютного), основанный на цветовых представлениях. Он часто встречается у художников и композиторов. Например, таким видом слуха обладали Н.А. Римский-Корсаков, А. Скрябин и др.

По классификации Б.М. Теплова, главные компоненты музыкального слуха – это мелодический, гармонический, динамический и тембровый [15, с. 102]. В.В. Медушевский добавлял также интонационный, полифонический, фактурный и архитектурный слух [11, с. 55].

Мелодический слух – это восприятие музыки именно как мелодии, а не просто последовательность звуков. Например, таким видом слуха обладали Н.А.Р.-К., А. Скрябини звуков. Именно в способности эмоционально реагировать на мелодию проявляется, музыкален ли человек [15, с. 94]. Интонационный слух – более тонкая вещь: он слышит выразительность, смысл, заложенный в музыке. Д.К. Кирнарская пишет, что интонационный слух распознаёт общий характер движения, его пространственные и энергетические качества, но при этом он может не отличить ноту «ре» от «оль» – зато улавливает смысловое наполнение [6, с. 135].

Звуковысотный слух – основа основ. Без него нет музыкальности во все. Полифонический и фактурный слух связаны с многоголосием. Первый позволяет распознавать движение голосов по горизонтали, второй – различать фактурные слои. Полифонический слух легче всего развивается у пианистов и дирижёров, потому что они постоянно имеют дело с несколькими линиями одновременно. Гармонический слух – это восприятие созвучий, умение отличать консонирующие и диссонансные зву-

чание, слышать его функции и тяготения. Н. Римский-Корсаков говорил, что знание законов тональностей, интервалов и есть музыкальный талант. Гармонический слух делится на интервальный (два звука) и аккордовый (три и более) [17, с. 210].

Ладовый слух – это чувство устойчивости и неустойчивости, напряжения и разрядки. Он развивается с самых первых занятий, когда ребёнок начинает ощущать тонику и тяготение неустойчивых ступеней. Внутренний слух – это способность представлять музыку «про себя», без внешнего звучания. Качество внутреннего слуха зависит от навыков самоконтроля. Некоторые исследователи считают, что тут обязательно должен быть задействован вокальный аппарат, но практика показывает обратное: бывают дети, которые чисто поют с листа, но плохо пишут диктанты, и наоборот. У каждого ученика есть свои предпочтения [4, с. 2].

Метроритмический слух – это различение длительностей, сильных и слабых долей, темпа. Именно ощущение метроритма – основа музыкальности. Без него невозможно активное, двигательное переживание музыки. Тембро-динамический слух – высшая форма музыкального слуха. Он особенно важен в исполнительстве. Педагог Т. Лешетицкий советовал при слабом тембровом слухе утрировать нюансировку, больше играть с оттенками, искать тончайшие нюансы [9, с. 106]. А. Алексеев писал, что для развития тембрового слуха полезно слушать оркестр и играть в ансамбле. Б.М. Теплов предупреждал: нельзя принижать роль тембра и динамики в развитии ребёнка, именно они помогают воспринимать музыку во всём богатстве красок [15, с. 128].

С появлением электронных средств музыкальное искусство получило новые тембры и принципы композиции. Современный музыкант должен уметь сопоставлять живое звучание с синтезированным. Развитый тембровый слух – это показатель музыкальной зрелости. Архитектонический слух отвечает за целостное восприятие формы: умение определить форму произведения, услышать соотношение частей, главную тему и принципы её развития. Именно он создаёт ощущение гармонии, когда все части пропорциональны и естественны [11, с. 142].

Один из главных вопросов музыкальной педагогики – врожденны ли музыкальные способности или развиваются средой? Современная психология и педагогика сходятся на том, что способности развиваются из врождённых задатков. Но сами задатки без воспитания и обучения ничего не дают. Наиболее продуктивно мелодический слух развивается через игру на инструментах и пение. Пение проверяет репродуктивный компонент слуха и уровень его развития [14, с. 55].

Методы развития слуха включают ритмические диктанты, где ученики записывают только ритмический рисунок, или оформляют мелодию метроритмически, когда педагог записывает звуки точками, а ученики рас-

ставляют длительности. В процессе обучения необходимо двигательное выражение ритма – мышечные реакции помогают ритмическому переживанию. Для развития чувства ритма полезна музыка с богатой акцентировкой.

Репродуктивный компонент мелодического слуха – это способность относительно чисто воспроизвести мелодию голосом. Она формируется у большинства детей в 4–7 лет, потом процесс замедляется. Практика показывает, что у большинства детей уровень развития репродуктивного слуха низкий. Причины: сокращение часов на музыку в школах и детских садах, отсутствие целенаправленной работы над певческим голосом. А ведь поставленный голос облегчает вокализацию и снимает трудности слухо-вокальной координации [5, с. 30].

Г.А. Семячник пишет, что в процессе пения успешно формируется весь комплекс музыкальных способностей, развивается эмоциональная отзывчивость, обогащаются переживания ребёнка. Дети, которые поют, более отзывчивы, эмоциональны и общинны. Владение голосом даёт возможность сиюминутно выразить свои чувства. Это заряжает ребёнка жизненной энергией [16, с. 98].

Развитие слуха через пение – это массовый способ музыкального воспитания. Его принципы: живое созерцание, наблюдение, практика – и затем уже осознание и обобщение. Способности всегда результат развития врождённых задатков. Комплекс способностей, развитый на их основе, определяет музыкальность, необходимую для успешной деятельности. В каждом виде музыкальной деятельности, кроме основных способностей (ладовое чувство, слуховые представления, чувство ритма), развиваются и другие: мышление, эмоции, воображение, внимание. Общие способности влияют на формирование музыкальных, и в первую очередь – на развитие слуха. Недостаток слуха делает невозможной саму музыкальную деятельность [10, с. 88].

Обобщая всё сказанное: музыкальный слух – сложное, многогранное явление. Его нельзя рассматривать мелко, отдельными компонентами. Развитый, чуткий слух – это качество, без которого исполнитель не может называться музыкантом. Работа над слухом должна быть постоянной, и здесь нет предела совершенству. Виды слуха – абсолютный, относительный, мелодический, внутренний, интонационный, гармонический, ладовый, полифонический, ритмический, тембральный, фактурный, архитектурный – у каждого музыканта развиты по-разному. Один ребёнок легко поёт любую мелодию (хороший интонационный слух), другой без труда воспроизводит сложный ритм (ритмический слух). В совершенстве обладать всеми видами слуха, возможно могут только гении. Обычным ученикам нужно развивать те виды, которые отстают.

В.И. Петрушин пишет о звуковысотном слухе (к нему относятся аб-

солютный и относительный). Абсолютный слух позволяет узнать высоту звука без соотнесения с другими. При относительном слухе нужна опора на известный звук (например, «до» или «ля» первой октавы). Люди с абсолютным слухом узнают не только ноты на инструменте, но и высоту пения птиц, завывание ветра, сигналы машин. Это узнавание происходит непосредственно, без внутреннего пропевания. Абсолютным слухом обладали Ф. Лист, Н.А. Римский-Корсаков, А.Н. Скрябин, В.А. Моцарт. Абсолютный слух помогает чистоте интонирования, облегчает развитие гармонического слуха и понимание модуляций. Это даёт много преимуществ в профессии [12, с. 75].

Слуховой анализ наряду с пением – основная форма работы над развитием музыкальных способностей. Он позволяет накопить внутренние слуховые представления, развивает музыкальную память и мышление. При анализе многоголосной музыки ученики разбирают средства выразительности, знакомые аккорды и интервалы, особенности фактуры (мелодия и аккомпанемент), типы полифонии [13, с. 34].

Таким образом, развитие музыкального слуха на уроках вокала – это одна из главных задач музыкального развития. Результат зависит от выбора эффективных методов и приёмов работы. Без постоянного, вдумчивого развития слуха невозможно сформировать настоящего музыканта – того, кто не просто воспроизводит ноты, а понимает и переживает музыку.

Библиографический список

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2017. 380 с.
2. Вейс П.Ф. Абсолютная и относительная сольмизация / П.Ф. Вейс // Вопросы методики воспитания слуха. – М.: Музыка, 2015. С. 25-41.
3. Грибкова О.В. Вокальная подготовка как средство развития творческого потенциала личности / О.В. Грибкова, С.М. Казначеев // Искусство и образование. 2018. № 2 (112). С. 77-83.
4. Губанихина Р.М. Классификация музыкального слуха // URL: <http://www.musicschool.ru/gubanihina> (Дата обращения: 25.03.2026).
5. Емельянов В.В. Фонопедический метод формирования певческого голосообразования / В.В. Емельянов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 2016. 62 с.
6. Канайкина А.В. Формирование у детей музыкального слуха // URL: <http://www.rusnauka.com> (Дата обращения: 25.03.2026).
7. Карасева М.В. Сольфеджио – психотехника развития музыкального слуха / М.В. Карасева. – М.: Композитор, 2019. 360 с.
8. Лейтес М.С. Бывают выдающиеся дети / М.С. Лейтес // Семья и школа. 2018. № 3. С. 30-33.
9. Лукина Е.В. Актуальность системы детского музыкального воспитания К. Орфа на современном этапе / Е.В. Лукина // Инновационные процессы в музыкальном образовании XXI века. – М.: МГПУ, 2017. С. 86-91.
10. Лукина Е.В. Имитация, интерпретация и импровизация как этапы творческого развития младшего школьника на уроках музыки / Е.В. Лукина // Современные проблемы и перспективы развития педагогики искусства и художественного образования в столице. – М.: МГПУ, 2016. С. 105-107.
11. Майкапар С.М. Музыкальный слух, его значение, природа и особенности и метод правильного развития / С.М. Майкапар. – М.: Музыка, 2018. 250 с.
12. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки / В. В. Медушевский. – М.: Композитор,

2016. 262 с.

13. Оськина С. Внутренний музыкальный слух / С. Оськина. – М.: 2017. 34 с.
14. Стулова Г.П. Развитие детского голоса в процессе обучения пению / Г. П. Стулова. – М.: Прометей МПГУ им. В.И. Ленина, 2017. 270 с.
15. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей: избр. труды / Б.М. Теплов. – М.: Педагогика, 2015. 330 с.
16. Халабужарь П.В. Методика музыкального воспитания: учебное пособие для муз. училищ / П.В. Халабужарь. – М.: Музыка, 2018. 173 с.
17. Энциклопедия юного музыканта. – СПб.: Золотой век, 2016. 576 с.
18. Березовская А.А., Сабурова Н.А. Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако) // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 12-19.

References

1. The Large Psychological Dictionary / edited by B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. – Moscow: Prime-Euroznakh, 2017. 380 p.
2. Weiss, P.F. Absolute and Relative Solmization / P.F. Weiss // Questions of Ear Training Methods. – Moscow: Muzyka, 2015. P. 25-41.
3. Gribkova O.V. Vocal Training as a Means of Developing an Individual's Creative Potential / O.V. Gribkova, S.M. Kaznacheev // Art and Education. 2018. № 2 (112). P. 77-83.
4. Gubanikhina R.M. Classification of Musical Ear // URL: <http://www.musicschool.ru/gubanihina> (25.03.2026).
5. Emelianov V.V. Phonopedic Method of Developing Singing Voice Formation / V.V. Emelianov. - Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 2016. 62 p.
6. Kanaykina A.V. Developing Musical Ear in Children // URL: <http://www.rusnauka.com> (25.03.2026).
7. Karaseva M.V. Solfeggio - a Psychotechnics of Developing Musical Ear / M.V. Karaseva. – Moscow: Kompozitor, 2019. 360 p.
8. Leites M.S. There Are Outstanding Children / M.S. Leites // Family and School. 2018. № 3. P. 30-33.
9. Lukina E.V. Relevance of K. Orff's System of Children's Music Education at the Present Stage / E.V. Lukina // Innovative Processes in Music Education of the 21st Century. – M.: Moscow State Pedagogical Univ., 2017. P. 86-91.
10. Lukina E.V. Imitation, Interpretation, and Improvisation as Stages of Creative Development of Primary School Students in Music Lessons / E.V. Lukina // Modern Problems and Prospects for the Development of Art Pedagogy and Art Education in the Capital. – M.: Moscow State Pedagogical Univ., 2016. P. 105-107.
11. Maikapar S.M. Musical Ear, Its Importance, Nature, and Features, and the Method of Correct Development / S.M. Maikapar. – M.: Muzyka, 2018. 250 p.
12. Medushevsky V.V. Intonational Form of Music / V.V. Medushevsky. Moscow: Kompozitor, 2016. 262 p.
13. Oskina S. Inner Musical Ear / S. Oskina. Moscow: 2017. 34 p.
14. Stulova G.P. Development of Children's Voice in the Process of Learning to Sing / G.P. Stulova. Moscow: Prometheus Moscow State Pedagogical University named after V.I. Lenin, 2017. 270 p.
15. Teplov B.M. Psychology of Musical Abilities: Selected Works / B.M. Teplov. Moscow: Pedagogy, 2015. 330 p.
16. Khalabuzar P.V. Methods of Music Education: A Textbook for Music Colleges / P.V. Khalabuzar. – M.: Muzyka, 2018. 173 p.
17. Encyclopedia of a young musician. – St. Petersburg: Golden Age, 2016. 576 p.
18. Berezovskaya A.A., Saburova N.A. Mitigation in a lawyer's speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 12-19.

Смердов М.И.

Председатель. Ирбитское местное отделение Свердловского областного отделения Русского географического общества, г. Ирбит.

Ирбитская ярмарка: история и современность*

Аннотация. *Статья посвящена ярмарочному феномену Ирбита. На основе литературных источников реконструируется характер древнего менового торга на месте современного города, преемником которого стала всероссийская Ирбитская ярмарка, получившая название «зеркало пушнины». Делается вывод, что древний меновой торг, находившийся на Великом меховом пути, был связан с пушной торговлей Северной Евразии со странами Ближнего и Среднего Востока. Пушнина была и основным товаром всероссийской Ирбитской ярмарки, что наглядно проявилось при ее недолгом возрождении в первой половине 1920-х годов. В заключении делается вывод, что современная возрождающаяся Ирбитская ярмарка эволюционирует в классическую охотничью и сельскую ярмарку.*

Ключевые слова: феномен Ирбитской ярмарки, пушнина, Великий меховой путь, «зеркало пушнины», охотничья и сельская ярмарка.

Smerdov M.I.

Chairman of the Irbit local branch of the Sverdlovsk regional branch of the Russian Geographical Society, Irbit.

Irbit fair: history and present

Abstract. This article explores the Irbit fair phenomenon. Based on literary sources, it reconstructs the nature of the ancient barter market on the site of the modern city, whose successor was the All-Russian Irbit Fair, nicknamed the “Mirror of Furs.” It is concluded that the ancient barter market, located along the Great Fur Route, was linked to the fur trade between Northern Eurasia and the countries of the Near and Middle East. Furs were also the main commodity at the All-Russian Irbit Fair, a fact clearly demonstrated during its brief revival in the first half of the 1920s. The article concludes that the modern, revived Irbit Fair is evolving into a classic game and country fair.

Key words: phenomenon of the Irbit Fair, furs, the Great Fur Route, “Mirror of Furs”, game and country fair.

История Ирбитской ярмарки привлекает повышенное внимание исследователей. Ее изучение восходит к Г.Ф. Миллеру, который в своей фун-

* © Смердов М.И., 2026.

Ирбитская ярмарка: история и современность

даментальной «Истории Сибири» освятил историю русского освоения Зауралья и, в частности, возникновения Ирбитской слободы [21, с. 78-80]. Дело Миллера продолжил И.Э. Фишер, который основное внимание уделил Ирбитской ярмарке [30, с. 311-312].

С середины XIX в. начался новый этап в изучении прошлого Ирбита – в 1840-е годы родилось «краеведческое направление» в изучении города и ярмарки. В это время в «Актах исторических» и дополнениях к ним были опубликованы документальные материалы по истории Ирбитской слободы XVII в., что создало прочную источниковую базу для развития краеведения. Значительные успехи в изучении прошлого Ирбита были достигнуты в 60–70-е годы XIX в.: вышли работы С.И. Сигова, Н.К. Чупина, Н.Е. Эйгера, А.Г. Хитрова [23, 31, 33, 35]. Наибольшую ценность представляют работы Н.К. Чупина и А.Г. Хитрова.

Книга А.Г. Хитрова «К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки» стала самым серьезным трудом во всей дореволюционной историографии, посвященной Ирбитской ярмарке. 20–30-е годы XX века не оставили заметного следа в историографии Ирбита.

Перелом в изучении истории Ирбита и Ирбитской ярмарки наступил в конце 40-х – начале 50-х годов после выхода книги В.И. Шумкова по истории колонизации Сибири [33], в которой содержался ряд сюжетов по истории Ирбита. Серьезный анализ социально-экономического развития Ирбита провел Л.Е. Иофе в своем капитальном труде «Города Урала» [16]. Формулируя проблему огромного экономического значения Ирбитской ярмарки и ее устойчивости при невыразительном экономическо-географическом положении города, Иофе использовал термин «загадка» Ирбита.

В 60-е годы истории Ирбитской ярмарки касались ученые О.Н. Вилков, М.М. Громыко, А.А. Кондрашев и др. [6, 10, 18]. В 1977 г. вышла книга ирбитских краеведов Я.Л. Герштейна и А.И. Смирных «Ирбит» [7] (перездана в 1981 г.).

Постсоветский период в изучении Ирбитской ярмарки открылся изданием книги ирбитского краеведа И.Я. Антропова «Были Ирбита» [2], в которой вышли устные предания об ирбитском торжище периода его расцвета. В самом конце 90-х годов вышел сборник «Ирбитский край в истории России», подготовленный учеными Урала и Сибири и местными краеведами. В нем были опубликованы статьи об Ирбитской ярмарке Д.Я. Резуна, М.Ф. Ершова и К.И. Зубкова [13, 15, 22].

В начале нулевых годов XXI в. екатеринбургские ученые Е.В. Вершинин, Н.С. Корепанов и А.В. Дмитриев подготовили работу по истории всероссийской Ирбитской ярмарки с ее возникновения до прекращения функционирования в конце 20-х годов XX в. [5]. В 2010 г. московский историк В.Е. Борисов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Ирбитская слобода в XVII веке: социальная

структура и повседневные отношения в локальном сообществе» [3]. Она стала знаковой работой в научном ирбитоведении и прецедентом анализа локального сообщества на примере Ирбита.

В 2016 г. коллектив ирбитских авторов в составе В.К. Аникина, С.Н. Вялковой, А.С. Ерёмина, Н.А. Полушкина и В.К. Сухих подготовил подарочную книгу «Ирбитская ярмарка» [1]. Продолжаются исследования частных вопросов истории всероссийской Ирбитской ярмарки. В последние годы вышли статьи А.Н. Хохлова, О.А. Задорожной, С.А. Дианова, Ю.В. Диановой, Л.Н. Суловой, В.А. Аксеновой и др. [12, 14, 28, 32] Помимо историков, Ирбит и Ирбитская ярмарка стали также объектом внимания культурологов. Н.Б. Граматчикова предприняла попытку реконструкции историко-культурного и меморативного ландшафта Ирбита по литературным и фольклорным материалам [8, 9].

Появились первые публикации, посвященные древнему меновому торгу на месте современного Ирбита, а также предпринимаются попытки осмысления современной возрождающейся Ирбитской ярмарки [26]. Однако до сих пор не было исследований, посвященных ярмарочному феномену Ирбита, как месту проведения двух евразийских торгов и наследующей их традиции возрождающейся ярмарки.

Издавна существовало поверье, что не ярмарка появилась в Ирбите, а Ирбит появился на месте ярмарки. Впоследствии было установлено, что при месте впадения реки Ирбит в Ницу существовал древний меновой торг. Характер всероссийской Ирбитской ярмарки (1686–1924 гг.), получившей неофициальное название «зеркало пушнины», позволяет понять характер древнего торгового места современного Ирбита.

Хорошо известен Великий шелковый путь, связывающий в древности Китай со Средиземноморьем. Гораздо менее известен Великий меховой путь, по которому пушнина Северной Евразии поступала в Средиземноморье, Персию и Среднюю Азию. Российские ученые А.П. Ярков и Н.В. Перцев дают ему следующее определение: «Меховой путь – это не точно фиксируемая на местности дорога, но дорога, являющаяся логическим продолжением Волго-Камского торгового пути, по которому происходил, как правило, натуральный (безденежный) товарообмен» [36, с. 26]. Меха Северо-Востока текли по нему на запад, юг и восток в обмен на западно-европейский, средиземноморский и мусульманский импорт. Шли века и тысячелетия, менялся климат и народы, но сохранялись торговые пути, по которым текло главное богатство «стран полуночных» – пушнина.

Основоположник российского научного охотоведения А.А. Силантьев писал в самом известном своем труде «Обзор промысловых охот в России»: «Весь быт наших предков неразрывно был связан с охотой и разносторон-

ним использованием получаемых от нее продуктов. Охота давала им всё: и хлеб насущный, и предметы домашнего обихода, и денежные знаки, и товары в виде ценной пушнины, послужившей первоначальным объектом наших торговых сношений с иностранными государствами... Мало того, погоня за ценной пушниной служила главным импульсом для завоевательных стремлений наших предков на восток, за Урал, в страну диких звероловов, сказочно богатую соболями и разным другим зверьем» [26, с. 9-10].

«По свидетельству главным образом иностранцев, посещавших Россию, – отмечал А.А. Силантьев, – зверей и птиц на Руси было невероятное количество. Северо-Восток России был особенно богат пушным зверем, причем славились им Югра, Печора, Заволочье и Пермь. Об изобилии пушного зверя на Печоре говорят Герберштейн, Ерлезунд, Мильтон и другие. Так, по свидетельству Герберштейна, в области Печоры еще в XVI веке встречались в большом количестве и лучшего качества соболи, куницы, бобры, горностаи, волки, зайцы, и притом чем ближе к Каменному Поясу, т.е. к Уральским горам, тем пушного зверя больше и качество его выше» [Там же, с. 3].

«Простой народ Древней Руси, – писал Силантьев, – в широких размерах пользовался правом свободной охоты; это видно из того, что русские вели обширную торговлю мехами с Востоком и Западом, которая была возможна лишь при условии свободы и общедоступности звериного промысла для всех классов населения. С другой стороны, уплата дани мехами была бы совершенно немислима, если бы звероловство не являлось общим и главным народным промыслом» [Там же, с. 7].

«Меха играли в древности роль денежных знаков, – продолжал А.А. Силантьев, – ими уплачивалась торговая пошлина, выдавалось жалованье должностным людям, во всех уставных грамотах пени и награды положены мягкой рухлядью; ею же платили за сорокоуст священникам, раздавали милостыню церквам и монастырям. Слово «куны» означало деньги... В домашнем обиходе меха играли важную роль: как материал для одежды, они наиболее соответствовали суровому климату Руси» [Там же, с. 8-9].

Большая часть добываемых мехов шла на продажу за границу. «Русские люди вели торговлю мягкой рухлядью с Европой и азиатскими народами, – писал А.А. Силантьев. Через Новгород меха отправлялись в ганзейские города; по Днепру они шли в Грецию; по «залозному» пути, лежавшему по Днестру и Галиции, меха направлялись в Венгрию и Бельгию; по Дону, через Крым, они направлялись в город Судак, куда собирались из разных стран, а отсюда развозились в Берду, Дербент, Багдад и даже Самарканд. Меха обменивались русскими на драгоценные металлы, ткани, одежды, оружие, пряности, хлеб и другие произведения Европы и Азии. О размерах вывоза мягкой рухляди можно судить по тому, что при Федоре Иоанновиче за границу ежегодно отпускали из России и Сибири этого товара на

500 000 рублей» [Там же, с. 8].

Научные знания конца XIX в. не позволили А.А. Силантьеву сделать обобщение всей древней меховой торговли Северной Евразии и, в частности, показать роль Волго-Камского торгового пути как основной артерии Великого мехового пути.

В VI–X вв. Волжский путь контролировался Хазарским каганатом. После его падения ключевую роль на Волго-Камском торговом пути стала играть Волжская Булгария – историческое государство на Средней Волге и в бассейне Камы. Именно с Волжской Булгарией связывают включение Югры в систему международной торговли.

Арабский путешественник XII в. Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Булгар, рассказывал: «И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфахане, в виде клинков, не придельвая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня... А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем булгарцы везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и [ее жители] покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников» [22, с. 33–34].

Изучавший историю уральской охоты С.А. Куклин писал: «Уже в V–VI веках нашей эры в Предуралье, заселенном тогда предками современных нам манси (вогулов), существовали значительные центры пушной торговли, которая велась с булгарами, а через них – с Ираном, Византией и другими странами. Развитие пушного промысла и рост торговли мехами создали здесь предпосылки классовой дифференциации населения, распад родового строя и зарождение феодальных отношений. Среди манси выделились феодалы-князья, в руках которых и сосредотачивалась пушная торговля» [19, с. 7].

Современный историк Р.М. Валеев отмечает, что «мусульманские купцы дальше Булгара не ездили, опасаясь ужасных условий жизни на севере. Булгарские же купцы продавали им меха, приобретенные у северных народов» [19, с. 21]. Использовался натуральный обмен товарами и денежный расчет. В обмен на пушнину в Югру поступали сабли, боевые и рабочие топоры, ножи, наконечники копий, шлемы, кольчуги, замки и ключи, конское снаряжение. В Западной Сибири встречаются археологические находки чаш и ковшей, из драгоценностей – подвески, серьги, браслеты. Богатейшие коллекции изделий булгарских ювелиров, в частности, обнаружены на Барсовой Горе возле города Сургута.

А.П. Ярков и Н.В. Перцев отмечают: «Не вызывает возражений мнение, что находки восточных драгоценностей являются главным свидетельством активных торговых контактов коренного населения Западной Сибири с мусульманскими государствами. При этом крайне интересен факт, что наибольшее количество кладов арабского серебра, обнаруженных на

Урале, хронологически восходит к периоду IX–X веков – времени, когда по завершении арабских завоеваний купцы-мусульмане открывают для себя богатейшие просторы Европейского Севера» [36, с. 27].

В XIII в. Волжская Булгария была покорена монголами и вошла в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). В золотоордынский период пушная торговля пережила небывалый расцвет. Ярков и Перцев пишут: «Вероятно, именно с периодом становления Улуса Джучи связана частичная переориентация торговли в Волго-Камском бассейне. Государство, могущество которого во многом базировалось на международной торговле, очень быстро подчинило себе торговые контакты в части северных регионов. В этом контексте нам кажется закономерным полное прекращение поставок [в Западную Сибирь] арабского серебра именно в XIII веке» [Там же, с. 28].

Клады восточных изделий указывают пути проникновения купцов в Зауралье. Одним из них была «старая Казанская дорога», проходившая возле татарских Ирбеевских юрт над Андреевским озером на месте современного Ирбита, там, где был древний меновой торг, по-видимому, в Ирбитском городище. К сожалению, как констатировала археолог Н.В. Федорова, «до сих пор не ставилась задача поиска остатков международных торжищ на Северо-Востоке Европы и в Западной Сибири» [29, с. 100]. Можно только гадать, насколько значимым был древний торг на Великом меховом пути на месте современного Ирбита.

В XV в. Золотая Орда распалась, торговля по Волго-Камскому пути стала небезопасной, а вскоре началось активное проникновение в Приуралье и Западную Сибирь Московского государства, что ограничило транзит пушнины в Среднюю Азию. В 1552 г. Иван Грозный взял Казань, а через четыре года пала Астрахань; все Поволжье вошло в состав Московского государства. После разгрома Ермаком Сибирского ханства все пушные богатства Северной Евразии оказались в руках русского царя.

На следующий год по взятии Казани английский мореплаватель Ричард Ченслор, отправившийся на поиски северного пути в Индию и Китай, достиг южного берега Белого моря. Он был с радостью принят Иваном Грозным, установившим прямые торговые отношения с Англией, после чего поток русской мягкой рухляди направился в Западную Европу.

Упадок Великого мехового пути привел к затуханию древнего торгового места современного Ирбита. Однако начало широкой пушной торговли Русского государства с Западной Европой в итоге привело к возрождению торговли мехами в Ирбите.

Описывая «Сибирское взятие», Н.М. Карамзин отмечал, что «малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти и благородною любовью ко славе, приобрела новое царство для России, открыла второй новый мир для Европы, безлюдный и холодный, но привольный для

жизни человеческой» [17, с. 475].

Захватив Кашлык, Ермак послал в конце 1582 г. в Москву посольство, которое ударило челом Ивану Грозному всем Сибирским «царством». Царь пожаловал казаков: простил все вины Ермака и его товарищей, наградил их почетными знаками отличия и принял Сибирь под свою высокую руку.

Оценивая эти события, которые нельзя рассматривать изолированно от открытия Нового Света на западе, известный российский ученый-охотовед В.В. Дежкин писал: «В XVI в. цивилизованная Европа получила постоянный доступ к двум пушным сокровищницам: Северной Америке и Сибири. Со вновь открытого заокеанского континента пошли корабли, груженные шкурками бобра, ондатры, выдры, американских куниц. Сибирь, а затем и Дальний Восток, осваиваемые русскими первопроходцами, одарили Европу прекрасными шелковистыми мехами соболя, колонка, чернубурой лисицы, калана, котика и многими другими. Прошло почти четыре столетия, но по-прежнему сохраняются в мире две основные зоны пушного промысла – североазиатская и североамериканская, причем первая, отстав по стоимости добываемой пушнины, сохраняет первенство по ее ассортименту и качеству. Сибирский соболь прочно удерживает славу обладателя ценнейшего меха планеты...» [11, с. 121].

С завоеванием Ермаком Сибири пушные богатства «стран полуночных» полностью открылись Русскому государству. Коренное население обширного края было обложено ясаком, который уплачивался мехами, лосиными и оленьими шкурами, рыбой и другими продуктами. С оскудением таежных угодий ясак стал все больше собираться деньгами. Одновременно шел рост цен на пушнину, особенно соболей. Л.П. Сабанеев писал в своей известной статье «Соболь и соболиный промысел»: «Ценность соболя меха возрастает с каждым десятилетием. Во времена Ермака сорочок соболей стоил 28 р.; еще в прошлом [XVIII] столетии камчадалы ценили собачью шкуру вдвое дороже соболей. Теперь же, как, напр[имер], на Ирбитской ярмарке 1871 года сорочок самого дешевого амурского соболя продается по 400–500 р., а якутского до 1200 р. Самые лучшие черные и пышные соболи продаются поштучно по 90–100 р. с[еребром]» [24, с. 351].

Специально для заведования казенными мехами, получаемыми из Сибири, в составе Сибирского приказа во второй половине XVII в. была создана Соболиная казна. Ввиду того, что «Соболиная казна учла перед прошлыми годами малиться [убывать]» [19, с. 10], в 1696 г. правительство объявило государственную монополию на соболиные шкурки. Однако ограничения, накладываемые на частную торговлю, мало мешали русским купцам находить окольные пути и торговать с туземным населением и даже вывозить часть пушнины за границу контрабандой. Поэтому в 1762 г. пушная монополия была отменена.

Промысловики полностью попали в цепкие руки скупщиков пушнины.

«Как правило, – писал С.А. Куклин, – «торг» в то время производился в буквальном смысле «при закрытых дверях». Правда, в большинстве центров промысловых районов, например в Обдорске, Сургуте, Югане, Ларьяке и др., были установлены один-два раза в году ярмарки. Но и здесь ничего похожего на открытый торг не было. Выезжавшие по окончании промыслового сезона в эти центры промысловики считали себя обязанными ехать к «своим благодетелям», где за ними накрепко запирались ворота, и пушнина за бесценнок переходила в руки купцов.

Почти вся скупленная таким образом пушнина поступала затем на Ирбитскую ярмарку, которая в пушной торговле имела не только местное, но мировое значение и была самой большой тогда в старой России. Сюда стекались почти все пушные богатства Урала, Печоры и Сибири, и то или иное положение рынка на ярмарке в значительной степени определяло собой конъюнктуру пушного рынка вообще».

Казалось, что соединение Сибири рельсовым путем с Европейской Россией, продолжал Куклин, «неблагоприятно отразится на оборотах пушнины на Ирбитской ярмарке, что не будет больше надобности делать дорогой заезд в Ирбит, когда можно отправлять пушной товар прямым путем на Москву. Действительность же не оправдала этих ожиданий. Попытки непосредственных закупок пушнины у местных купцов, минуя Ирбит, развивались крайне медленно. Выяснить конъюнктуру пушного рынка как покупатели-меховщики, так и продавцы находили возможным лишь в одном центре, и таким центром, по выражению пушников – «зеркалом пушнины», являлась вплоть до [Первой] мировой войны Ирбитская ярмарка» [19, с. 11-12].

Сделки, особенно по высокоценным мехам, носили преимущественно экспортный характер. Важнейшим торговым партнером России на рубеже XIX–XX вв. была Германия, что особо тесно связывало Ирбитскую и Лейпцигскую ярмарки. Значительная часть пушнины из Ирбита отправлялась на лондонский и парижский аукционы, а также в Северо-Американские Соединенные Штаты.

Среди российских покупателей пушнины главенствовали москвичи: наследники П. Сорокоумовского, Сибирский торговый дом А.М. Михайлова, Товарищество «И.М. Калинин и К^о», наследники А.И. Громова и др. Из Петербурга приезжали агенты торгового дома «Ляховецкий и К^о». Иностранные фирмы представляли Г. Кенингсвтер, Б. Рейхенштейн, Ю. Ариович, Х. Этингон, лейпцигская компания «Гергард Гей», англо-германская «Зингер и Ласкер» и др.

Продавали товар сибирско-уральские оптовики: Б. Патушинский, И. Абалаков, И. Качан, братья Тонконозовы, Алины, Черных и др. Большинство из них оперировали некондиционной, т.е. первично обработанной, невыделанной пушиной, что и предопределяло зависимость Ирбита

от мирового рынка [5, с. 121].

Хотя в первое десятилетие XX в. поставки соболя на Ирбитскую ярмарку – главный мировой торг невыделанной соболиной пушнины – резко сократились, Ирбит не только не утратил своего значения в меховой торговле, но еще более упрочил его. Если в 1891 г. стоимость проданной пушнины не превысила 2,6 млн руб., то в 1910 г. она достигла 8,35 млн, что составило почти треть совокупного товарооборота ярмарки [Там же, с. 124].

Первая мировая война, последовавшая за ней революция и гражданская война привели к резкому снижению пушной торговли. Однако переход Советской республики к новой экономической политике заставил власть вернуться лицом к мягкому золоту России, а, следовательно, и к «зеркалу пушнины» – Ирбиту.

Видный советский государственный деятель С.В. Малышев вспоминал: «В начале зимы 1921 года Владимир Ильич [Ленин] сказал мне, что нам необходимо широко развить охотничий промысел, увеличить добычу валютного товара – пушнины. «Пойдите договоритесь с П.А. Богдановым. Мы должны открыть Ирбитскую ярмарку. Он все расскажет вам. После зайдете ко мне». У тов. Богданова в ВСНХ уже была учреждена комиссия по подготовке к Ирбитской ярмарке. Вскоре все было решено, и меня отправили восстанавливать разрушенную Колчаком Ирбитскую ярмарку. Маленькая ярмарочка, на которой я раньше никогда не был, больших затрат не требовала – строения были почти все деревянные. По осмотре выработали смету. Строительные материалы нашлись на Урале же. Когда я вернулся в Москву, рассказал Владимиру Ильичу о том, что ярмарка будет восстановлена к указанному сроку, он сообщил мне, что уже идет подготовка к открытию Ирбитской ярмарки, чтобы я занялся этим вопросом со всех сторон, потому что мне придется проводить ее, как председателю ярмарки.

В ВСНХ и Комвнторге была комиссия по отбору товаров и выработке порядка торгового. Товарные массы подобрали, нащупали состояние нужных товаров в районах Сибири, составили определенный план, положение о ярмарке и ярмарочный комитет. Последний был создан из представителей Комвнторга, ВСНХ, Наркомвнешторга и Центросоюза. Постановлением Совета Труда и Оборона меня назначили председателем ярмарочного комитета. Владимир Ильич при отъезде моем на Ирбит сказал мне:

– Ну, как у вас там выйдет торговля... сторгуете или не сторгуете, но как можно выше поднимайте ярмарочный флаг, чтобы все охотники – тунгусы, чукчи и другие – видели, что мы начинаем покупать у них пушнину, а не отнимать, и развили бы охоту до прежних пределов. Нам это нужно. Сделайте всё для этого...» [20].

«По окончании ярмарки, – продолжал свои воспоминания Малышев, – мы вернулись в Москву. Владимир Ильич встретил нас очень хорошо, хотя, откровенно сказать, на Ирбитской ярмарке мне пришлось пережить

много горького. Разврат, кражи, безобразия представителей ведомств, неисполнение законов и нарушение интересов государства – словом, всего этого достаточно было там, на сибирском торжище».

Однако, по словам председателя ярмарочного комитета: «Владимир Ильич понял и оценил мое тяжелое положение в этой работе и не только подбадривал меня своим чутким отношением, хорошими словами, но и действиями. На мой доклад в СТО 14 апреля 1922 года о результатах Ирбитской ярмарки Владимир Ильич сам явился и взял председательство в свои руки. Поощрительно, с приподнятым настроением был заслушан мой доклад, хотя, повторяю, на Ирбите было много печального и результаты ярмарки были небольшие. Тем не менее, Владимир Ильич на Совете Труда и Оборона по моему докладу сам продиктовал решение, которым деятельность тов. Малышева и работа самой Ирбитской ярмарки в пределах поставленных задач признавалась успешной и т.д.» [Там же].

Всероссийская Ирбитская ярмарка 1922 г. стала первой ярмаркой в советской России. Но эта была ее лебединая песня. В ситуации, когда судьбу ярмарки стал решать чиновник, а не купец, перенос ее в Свердловск был предопределен.

17 ноября 1924 г. исполком Уральского областного Совета принял решение о переносе ярмарки республиканского значения из Ирбита в Свердловск. Несмотря на то, что Экономическое совещание (ЭКОСО) РСФСР признало необходимым сохранить Ирбитскую ярмарку и отказало в создании Свердловской ярмарки, 16 января 1925 г. СНК РСФСР принял решение о переносе ярмарки республиканского значения из Ирбита в Свердловск [15, с. 96]. Опасения ЭКОСО РСФСР, что перенос республиканской ярмарки из Ирбита в Свердловск является неоправданным риском, подтвердились, Свердловская ярмарка вскоре прекратила свое существование. Ее наследником является нынешний пушной аукцион в Санкт-Петербурге.

В начале XXI в. в Ирбите началось очередное возрождение ярмарки. Важнейшим шагом в ее возрождении стало проведение в ходе выставки-ярмарки межрегионального фестиваля народных промыслов и ремесел «Город мастеров». На сегодняшний день фестиваль является центральным событием выставки-ярмарки, ее душой и смыслом проведения.

Наиболее ярко значение межрегионального фестиваля народных промыслов и ремесел «Город мастеров» проявилось в 2012 г., когда прошла юбилейная, десятая, выставка-ярмарка. В ходе ее деловой части прошли открытые слушания регионального законопроекта о поддержке народно-художественных промыслов в Свердловской области. В них приняли участие мастера народных промыслов из Ирбита, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Артемовского, Качканара, Алапаевска, Владимира, Перми и

других городов Урала и России. Почетным гостем мероприятия стал председатель правления ассоциации «Народные художественные промыслы России» Г.А. Дрожжин. Модератором слушаний выступил один из инициаторов законопроекта, председатель комитета по социальной политике Законодательного собрания Свердловской области В.В. Погудин. В работе открытых слушаний также приняли участие первый заместитель председателя Законодательного собрания Свердловской области В.А. Шептий, директор Центра традиционной культуры Среднего Урала Г.Ю. Полухина, директор ООО «Лаковая живопись Урала» В.С. Анищенко и др. 9 июля 2013 г. Законодательное собрание Свердловской области приняло закон № 77-ОЗ «О народных художественных промыслах в Свердловской области», подписанный губернатором Е.В. Куйвашевым 15 июля.

После того, как основным событием выставки-ярмарки «Ирбитская ярмарка» стал межрегиональный фестиваль народных промыслов и ремесел «Город мастеров», стало очевидно, что выставка-ярмарка эволюционирует в сторону классической охотничьей и сельской ярмарки, популяризирующей культурную ценность охоты, всей сельской местности и сельского образа жизни, и получившей во второй половине XX в. распространение в странах Северной и Центральной Европы и Северной Америки.

С этого времени началась целенаправленная работа по проведению в Ирбите первой в России охотничьей и сельской ярмарки и апробации отдельных ее составных частей. Был проведен ряд конференций, совещаний и круглых столов, на которых обсуждалась идея проведения в Ирбите первой национальной охотничьей и сельской ярмарки. Было также принято несколько обращений к органам местного самоуправления Ирбитского муниципального образования и городского округа «город Ирбит», правительству Свердловской области и Президенту Российской Федерации В.В. Путину с предложением проведения в Ирбите охотничьей и сельской ярмарки.

Хотя обращения не достигли своей цели, работа по проведению в Ирбите первой в России охотничьей и сельской ярмарки продолжается.

Библиографический список

1. Аникин В.К. и др. Ирбитская ярмарка. – Ирбит, 2016.
2. Антропов И.Я. Были Ирбита. – Ирбит, 1992.
3. Борисов В.Е. Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – М.:2010.
4. Валеев Р.М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX – начале XV веков. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. – Казань, 2011.
5. Вершинин Е. и др. Ирбитская ярмарка. – Екатеринбург, 2011.
6. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. – М.: 1967.
7. Герштейна Я.Л., Смирных А.И. Ирбит. – Свердловск, 1977.
8. Граматчикова Н.Б. Историко-культурный ландшафт малого уральского города: образы ирбитской ярмарки в очеркестике XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Гуманитарные исследования. Тюмень, 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 115-135
9. Граматчикова Н.Б. Реконструкция историко-культурного и меморативного ландшафта

- Ирбита по литературным и фольклорным материалам (вторая половина XIX–XX вв.) // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2022. С. 96–112.
10. Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и сельскохозяйственное освоение. – Новосибирск, 1965.
 11. Дёжкин В.В. Охота и охотничье хозяйство мира. – М.: 1983.
 12. Дианов С.А., Дианова Ю.В. Первая в РСФСР: Ирбитская ярмарка в 1922 г. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 14–19.
 13. Ершов М.Ф. Ирбит и Ирбитская ярмарка в конце XVIII – начале 60-х годов XIX века // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 76–90.
 14. Задорожная О.А. Ирбитская ярмарка и купечество Тобольской губернии (последней четверти XVIII – начала XIX вв.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2 (36). С. 16–20.
 15. Зубков К.И. Ирбитская ярмарка на рубеже XIX–XX веков: факторы и этапы угасания // Ирбитский край в истории России. – Екатеринбург, 2000. С. 91–97.
 16. Иофе Л.Е. Города Урала. Ч. 1. – М.: 1951.
 17. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. М., 1998.
 18. Кондрашев А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. 1. – Челябинск, 1966.
 19. Куклин С.А. Звери и птицы Урала и охота на них. 2-е изд., испр. – Свердловск, 1938.
 20. Малышев С.В. Встречи с Лениным во время НЭПа [Электронный ресурс] <https://leninism.su/memory/3543-vstrechi-s-leninum-vo-vremya-nera.html> (Дата обращения: 13.12.2023.)
 21. Миллер Г.Ф. Истории Сибири. Т. 2. – М.: 1941.
 22. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М.:1971.
 23. Резун Д.Я. Город Ирбит в XVIII – первой половине XIX века // Ирбитский край в истории России. – Екатеринбург, 2000. С. 6775.
 24. Сабанеев Л.П. Охотничьи звери. – М.:1992.
 25. Сигов С.И. Статьи об Ирбитской ярмарке // Ирбитский ярмарочный листок. 1868. № 13.
 26. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. – СПб.: 1898.
 27. Смердов М. Урочище каменной бабы: ярмарка «подле храма Золотой бабы» // Уральский следопыт. 2024. № 8. С. 26–30.
 28. Сулова Л.Н., Аксенова В.А. Тобольск и Ирбитская ярмарка в XVIII веке // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 467–487.
 29. Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 91–101.
 30. Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири и до завоевания сей земли российским оружием... – СПб.: 1774.
 31. Хитров А. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872.
 32. Хохлов А.Н. Китайские товары на Ирбитской ярмарке во второй половине XIX в. – начало XX в. // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 645–652.
 33. Чупин Н.К. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки // Ирбитский ярмарочный листок. 1867. № 3.
 34. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. – М.:1946.
 35. Эйгер Н. Некоторые сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и о развитии в ней торговли // Пермский сборник. Т. 2. Отд. III. – М.:1860. С. 1–17
 36. Ярков А.П., Перцев Н.В. Исламский импорт на Великом меховом пути // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 25–32.

References

1. Anikin V.K. et al. Irbit Fair. – Irbit, 2016.
2. Antropov I.Ya. Byli Irbit. – Irbit, 1992.
3. Borisov V.E. Irbit Settlement in the 17th Century: Social Structure and Everyday Relations in the Local Community. Abstract of a Candidate of Historical Sciences Dissertation. – Moscow: 2010.

4. Valeev R.M. Trade in the Volga and Ural Regions in the 9th – Early 15th Centuries. Abstract of a Doctor of Historical Sciences Dissertation. – Kazan, 2011.
5. Vershinin E. et al. Irbit Fair. – Yekaterinburg, 2011.
6. Vilkov O.N. Crafts and Trade of Western Siberia in the 17th Century. Moscow: 1967.
7. Gershteina Ya.L., Smirnykh A.I. Irbit. Sverdlovsk, 1977.
8. Gramatchikova N.B. Historical and Cultural Landscape of a Small Ural Town: Images of the Irbit Fair in 19th-Century Essays // Bulletin of Tyumen State University. Series: Humanitarian Research. Tyumen, 2021. Vol. 7. № 4 (28). P. 115-135
9. Gramatchikova N.B. Reconstruction of the Historical, Cultural, and Memorial Landscape of Irbit Based on Literary and Folklore Materials (Second Half of the 19th–20th Centuries) // Memorial Landscapes of Small Towns in Russia and Poland: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg, 2022. P. 96-112.
10. Gromiko M.M. Western Siberia in the 18th Century. Russian Population and Agricultural Development. – Novosibirsk, 1965.
11. Dezhkin V.V. Hunting and Hunting Economy of the World. – Moscow: 1983.
12. Dianov S.A., Dianova Yu.V. The First in the RSFSR: The Irbit Fair in 1922 // Manuscript. 2020. Vol. 13. Issue 10. P. 14-19.
13. Ershov M.F. Irbit and the Irbit Fair in the Late 18th – Early 1860s // The Irbit Region in the History of Russia. Yekaterinburg, 2000. P. 76-90.
14. Zadorozhnaya O.A. Irbit Fair and the Merchants of Tobolsk Governorate (Last Quarter of the 18th – Early 19th Centuries) // Northern Region: Science, Education, Culture. 2017. № 2 (36). P. 16-20.
15. Zubkov K.I. Irbit Fair at the Turn of the 19th–20th Centuries: Factors and Stages of Decline // Irbit Region in the History of Russia. – Yekaterinburg, 2000. P. 91-97.
16. Iofe L.E. Cities of the Urals. Part 1. – Moscow: 1951.
17. Karamzin N.M. History of the Russian State. Book 3. Moscow, 1998.
18. Kondrashev A.A. Peasants of the Trans-Urals in the 17th–18th Centuries. Part 1. – Chelyabinsk, 1966.
19. Kuklin S.A. Animals and Birds of the Urals and Hunting for Them. 2nd ed., corrected. – Sverdlovsk, 1938.
20. Malyshev S.V. Meetings with Lenin during the NEP [Electronic resource] <https://leninism.su/memory/3543-vstrechi-s-leninym-vo-vremya-nepa.html> (13.12.2023.)
21. Miller G.F. Stories of Siberia. Vol. 2. – Moscow: 1941.
22. Abu Hamid al-Garnati's Journey to Eastern and Central Europe (1131–1153). – Moscow: 1971.
23. Rezun D.Ya. The city of Irbit in the 18th – first half of the 19th centuries // Irbit region in the history of Russia. – Ekaterinburg, 2000. P. 6775.
24. Sabaneev L.P. Hunting animals. – M.: 1992.
25. Sigov S.I. Articles about the Irbit Fair // Irbit Fair Leaflet. 1868. № 13.
26. Silantiev A.A. Review of commercial hunting in Russia. – St. Petersburg: 1898.
27. Smerdov M. Stone Woman Tract: Fair “near the Temple of the Golden Woman” // Ural Pathfinder. 2024. № 8. P. 26-30.
28. Suslova L.N., Aksenova V.A. Tobolsk and the Irbit Fair in the 18th Century // Scientific Dialogue. 2023. Vol. 12. № 4. P. 467-487.
29. Fedorova N.V. Western Siberia and the World of Medieval Civilizations: The History of Interaction on Trade Routes // Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia. 2002. № 4. P. 91-101.
30. Fisher I.E. Siberian History from the Very Beginning of the Discovery of Siberia to the Conquest of This Land by Russian Arms... – St. Petersburg: 1774.
31. Khitrov A. On the History of the Town of Irbit and the Irbit Fair. Irbit, 1872.
32. Khokhlov A.N. Chinese Goods at the Irbit Fair in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. // Society and State in China. 2015. № 2. P. 645-652.
33. Chupin N.K. On the History of the Town of Irbit and the Irbit Fair // Irbit Fair Leaflet. 1867. № 3.
34. Shunkov V.I. Essays on the History of the Colonization of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries. Moscow: 1946.
35. Eiger N. Some Information on the Establishment of the Irbit Fair and the Development of Trade There // Perm Collection. Vol. 2. Section III. Moscow: 1860. P. 1-17
36. Yarkov A.P., Pertsev N.V. Islamic Import on the Great Fur Route // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences Series. 2018. № 1. P. 25-32.

Сюзюмов И.А.

Аспирант кафедры философии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород. ORCID: 0000-0001-7459-1489

Концептуальная стагнация современной визуализированной антиутопии: анализ паттернов и функций жанра в XXI веке*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу визуализированных антиутопий XXI века, выявлению их общих паттернов и функций, в рамках чего рассматривается проблематика концептуального застоя и изменения значения антиутопии в современном обществе. Целью работы является обоснование концептуальной стагнации антиутопий и выявление причин которые могли этому способствовать. Для чего использовались методы: Сравнительно-сопоставительный метод, структурно-функциональный анализ, социологический подход – анализ связи между проблемами современного общества и тематикой антиутопии, включая влияние общественно-экономической формации. Дискурс-анализ – в контексте отказа от утопического мышления и неприятия идеализма в современном обществе, также применялись аналитический, синтетический методы. В работе доказано, что современные визуализированные антиутопии демонстрируют концептуальную стагнацию, повторяя одни и те же паттерны без предложения путей решения проблем. Ключевые причины этого: доминирование западной культурной парадигмы, ориентация киноиндустрии на прибыль и использование проверенных сюжетных схем, неразрешённость социально экономических проблем современности, отказ от утопического мышления и неприятие идеализма в обществе. Установлено, что антиутопия XXI века не выполняет в полной мере функцию социального предупреждения, так как: не предлагает альтернатив нежелаемому будущему, фокусируется на симптомах, а не на причинах проблем, сама воспроизводит черты критикуемого общества.

Ключевые слова: Антиутопия, неравенство, общественно-экономическая формация, концептуальная стагнация, жанровые паттерны, коммерциализация искусства, современная киноиндустрия.

Syuzumov I.A.

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod. ORCID: 0000-0001-7459-1489

Conceptual stagnation of contemporary visualized dystopia: analysis of patterns and functions of the genre in the 21st century

* © Сюзюмов И.А., 2026.

Концептуальная стагнация современной визуализированной антиутопии: анализ паттернов и функций жанра в XXI веке

Abstract. This article analyzes 21st-century visualized dystopias, identifying their common patterns and functions. It also examines the problem of conceptual stagnation and the changing meaning of dystopia in contemporary society. The aim of the study is to substantiate the conceptual stagnation of dystopias and identify the factors that may contribute to this. The following methods were used: comparative and contrastive methods, structural and functional analysis, and a sociological approach—analyzing the connection between the problems of modern society and the themes of dystopia, including the influence of socioeconomic formation. Discourse analysis—in the context of the rejection of utopian thinking and the rejection of idealism in modern society, analytical and synthetic methods were also used. The study demonstrates that contemporary visualized dystopias exhibit conceptual stagnation, repeating the same patterns without offering solutions. The key reasons for this include the dominance of the Western cultural paradigm, the film industry's focus on profit and the use of proven plot devices, the unresolved socioeconomic problems of the modern era, the rejection of utopian thinking, and the rejection of idealism in society. It has been established that 21st-century dystopia does not fully fulfill its function as a social warning because it: fails to offer alternatives to an undesirable future, focuses on the symptoms rather than the causes of problems, and reproduces the characteristics of the society being criticized.

Key words: Dystopia, inequality, socioeconomic formation, conceptual stagnation, genre patterns, commercialization of art, contemporary film industry.

Введение

Рассматривая различные визуализированные антиутопии XXI века, такие как: «Голодные игры», «Дивергент», «Бегущий в лабиринте», «Тайна семи сестер», ««V» значит Вендетта», «Мир Дикого Запада», «Черное зеркало», «Бегущий по лезвию 2049», «Сквозь снег», «Посвященный», «Эквилибриум», «Судная ночь» можно обнаружить общие для всех вышеназванных произведений паттерны и это не только наличие нежелаемого будущего, что свойственно антиутопическому жанру, ведь «под антиутопией понимают любое общество, где преобладали негативные тенденции развития» [8, с. 13], а принцип построения этого самого будущего. В них мир не является желанным потому, что мы наблюдаем: 1. Неравенство правовое или неравенство возможностей, 2. Сильное экономическое расслоение общества, 3. Ограничение свобод человека, 4. Правительство, работающее не на благо народа, 5. система построена на лжи, 6. Формирование общества потребления (во всем обществе или отдельной его части). В зависимости от произведения могут преобладать различные выделенные пункты, но в той или иной мере в каждом названном произведении они присутствуют практически все и всегда. «Проблематика антиутопии направлена на осмысление социальных и духовных процессов в социуме, анализ кризисных ситуаций, катастроф с целью поиска возможных путей их преодоления» [8, с. 14], первоначально, вероятно, так оно и было, но соответствует ли это современному состоянию жанра. Антиутопия, которая предположительно должна выявлять пороки мира и опасности, которые могут быть свойственны системе, множество раз повторяют одно и тоже не предлагая почти ничего концептуально но-

вого, это подводит к мысли, что сама современная визуализированная антиутопия имеет ряд аспектов, которые не возвышают ее над нежелаемым миром, а делает его частью. Особенно учитывая то, что антиутопия прогнозирует недостатки будущего исходя из проблем современности, «открытым остается вопрос об исполнении или неисполнении антиутопиями функции социального предупреждения» [5, с. 48]. Соответственно необходимо рассмотреть вопрос о том, не находится ли современная визуализированная антиутопия в фазе застоя и если да, то что привело антиутопию к концептуальной стагнации на фоне увеличения количества визуализированных антиутопий «антиутопии ... стали одной из самых топовых тем в развитии современных визуальных искусств, а начало XXI века и вовсе ознаменовалось небывалым всплеском тематики антиутопий» [4, с. 166].

Основная часть

Наличие общих паттернов в названных выше антиутопиях можно связать с несколькими основными причинами. Первой причиной можно назвать то, что большая часть названных произведений создана на Западе, в рамках единой (относительно) культурной парадигмы, а следовательно и основания для нежелаемого мира могут быть и вероятно будут похожи. Тут же необходимо сделать ряд уточнений: 1. В современном мире культура Запада является господствующей, как с точки зрения распространения, так и с точки зрения влияния, соответственно данные паттерны будут распространены не только в странах Европы и США, но и во многих других странах мира. 2. Если рассматривать мир в формате общественно-экономической формации, то можно утверждать, что на данный момент в мире распространена, в большей степени, капиталистическая формация, большинство стран уже отказались от феодализма, но только несколько стран смогли частично сохранить путь к передовой общественно-экономической формации. В тоже время передовыми странами доминирующей формации как раз выступают страны Запада, из чего следует, что даже если некоторым государствам на данном этапе развития, в полной мере не характерны выявленные паттерны, они просто не сформированы до конца и могли еще не проявиться. «Общественно-экономическая формация – пространственно и социально ограниченная целостная материально-общественная система, функциональное назначение которой заключается в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех ее сторон» [7, с. 135], т.к. вне зависимости от страны при одной общественно-экономической формации будут схожие общественные и экономические процессы, которые приведут к формированию схожих проблем и опасностей, особенно в том случае, когда сама формация базируется на принципах, создающих выявленные страхи.

Второй причиной стоит назвать одну из возможных целей создания современных визуализированных произведений. Основной задачей совре-

менной киноиндустрии является прибыль, как и любого иного предприятия производящего продукт, а следовательно наиболее безопасно использовать тот метод производства, который вероятнее всего принесет прибыль, то есть заинтересует потребителя. «высокие оценки экспертов и заслуженное признание широкой зрительской аудитории, полученные фильмом ... во многом связаны как раз с удачным сочетанием визуализированных в них глубинных архетипических запросов человека» [4, с. 193]. В таком случае очевидна причина схожести проблем и страхов, они показали свою эффективность, поэтому их включают и будут включать в визуализированные антиутопические произведения. Кроме того, для привлечения массового потребителя, а только он может сделать кассу произведению, необходимо, чтобы сам рецепиент понимал и разделял идею о антиутопичности представляемого мира. В связи с чем, проблемы и страхи демонстрируемые визуализированной антиутопией должны быть ему близки, поэтому из десятилетия в десятилетие используются принципиально схожие страхи, не произошло принципиальных общественно-экономических изменений и страхи остаются теми же. Используются не только близкие и легко считываемые страхи, подобного принципа нередко придерживаются и при составлении визуальных решений «В целом, фильмы будущего опираются на запас общих культурных образов прогресса в строительной среде и цитируют их» [1, с. 17], вновь не создавая ничего принципиально или концептуально нового.

Из второго пункта логически следует третий, неразрешенность проблем их сохранение приводит к тому, что меняется только их форма их проявления, но не их сущность, поэтому и антиутопии продолжают указывать на одно и то же. Про те же самые проблемы говорили и антиутопии XX века.

Несмотря на то, что на протяжении длительного времени различные авторы обращают внимание на выявленные нами проблемы, создаются антиутопии, идет политическая борьба, возникают общественные движения, социальные программы и многое другое, но концептуальных изменений нет. С связи с чем возникает ряд вопросов, как например: целесообразность существования антиутопий или почему антиутопические произведения фактически вытеснили утопии. В определенной степени парадоксально, но отчасти мы можем найти ответ в реальной антиутопичности выдуманных антиутопий. Антиутопия не предлагает решать какие-либо задачи, не ищет пути решения, а лишь выявляет и демонстрирует ряд нежелаемых общественно-экономических процессов, рассказывает к чему их сохранение может привести. Ознакомление с различными антиутопиями не формирует представление о правильном пути, а дает возможность ознакомиться в опасностях нынешнего, да и то не в контексте базиса их формирования. Таким образом, современная антиутопия не призывает строить мир лучшего, а предлагает лишь ужаснуться возможному нежелаемому будущему и продолжить идти по пути к нему. Даже борьба

внутри антиутопий за свержение плохого правительства и т.п. не меняет общественно-экономический базис общества, а следовательно сохраняет возможность возвращения к тем же самым проблемам, что создает цикличность, неизменность внутри антиутопии. Таким образом, можно сказать, что хоть антиутопия сохраняет внешнее противостояние порокам общества, на деле не выступает против их базиса, а следовательно только критикует некоторые видимые симптомы. «Развертывание спирали развития сопровождается ликвидацией ту пиковых направлений прогресса и преодолением его издержек» [7, с. 141], в связи с чем, мы можем говорить о том, что если антиутопия в действительности не способствует ликвидации тупиковых путей и преодолению издержек, то она и не выполняет, в полной мере, функцию социального предостережения.

Стоит оговориться, что антиутопия и не предполагает построение идеального мира, его представлением занимается утопия, но что любопытно, первые утопии перед тем как предложить идеальный мир раскрывали пороки существующего, подобное мы можем встретить и у Платона в его произведении «Государство» и у Томаса Мора в произведении «Утопия», потому как указывая недостатки логично искать способы избавиться от этих недостатков. «большинство исследователей отталкиваются от утопии при выявлении особенностей антиутопических произведений и рассматривают антиутопию как разновидность утопии» [6, с. 147]. В современном мире утопия не является популярным жанром и с большим трудом можно найти хоть какие-то работы, которые можно отнести к утопиям, в тоже время антиутопия, как мы уже указали, не дает никаких предложений по решению выявленных ею общественно-экономических проблем. Роль утопии, постепенно переняли политические идеологии, которые предлагают создание различных моделей государства. Антиутопия же окончательно оформилась как самостоятельный жанр «Наличие уникальных характеристик позволяет рассматривать жанр антиутопии отдельно, как самостоятельную единицу» [6, с. 147].

В современном мире можно назвать три основные идеологии: коммунизм, фашизм, либерализм – остальные модели, государственного, общественно-экономического устройства, сущностно являются их производными. Все эти модели очень разнятся, но есть одно, что роднит их все – это предложение некой идеальной модели общества, отсюда вытекает и отношение ко многим сторонникам различных идеологий, как к идеалистам, которые верят во что-то невозможное, стоит уточнить, что в ряде государств выделяется особое отношение к фашизму, например в России, где отношение к сторонникам данной идеологии не может быть как к идеалистам, т.к. в самом обществе идеология ассоциируется с абсолютным злом «в языковом сознании ... «фашизм» наполнен отрицательными коннотациями, вызывающими негативную реакцию» [3, с. 247], а идеалисты, в

массовом восприятии, стремиться к идеально хорошему. Однако идеализм также не воспринимается как явление однозначно позитивное, скорее как хорошее, но бессмысленное и в данном нюансе проявляется значимая общественная проблематика – борьба за светлое будущее (у разных политических моделей разное) фактически признается бессмысленным из-за невозможности его построения, «При этом фильмы выражают значительную потерю веры в идеализм» [1, с. 17]. Люди сами отказываются от решения проблем и в реальности не противятся нежелаемому будущему, а наоборот способствуют его приближению. «материалисты склонны считать, что в идеалистических учениях нередко возводятся слишком сложные умозрительные конструкции» [9, с. 1], так в обществе за маской реализма и прагматизма прячут цинизм, лень и страх. Нередко осуждающие других за стремление сорвать куш, сами желают принципиально того же самого, не готовые образовываться и трудиться для развития общества, но желая улучшений в обществе и как можно быстрее, с этим связано неприятие идеализма, а следом и утопизма – как модели идеальной системы, с этим, отчасти, связана и относительно невысокая самостоятельная политическая активность граждан. Также и некоторые авторы считают, что «антиутопия является рациональным взглядом на построенное утопическое общество» [8, с. 14], но все же рационализм предполагает первичность разума, а не полный отказ от стремления разумным путем достиг идеала, «между материализмом и идеализмом наблюдаются явные тенденции к сближению, поскольку стало ясно, что как материализм, так и идеализм могут сочетаться с рационализмом» [9, с. 3]. Отчасти в связи с этим слабо связанные с реальностью утопии трансформировались в политические идеологии научно обосновывая возможность их системы, как например это сделали Маркс и Энгельс.

Стоит обратить внимание на то, что антиутопия законсервировалась еще и потому, что представляет нам современные пороки и опасности только самой распространенной общественно-экономической формации, таким образом, антиутопия не столько конструирует модели возможного нежелаемого будущего, сколько уже описывает настоящее перенося ее в выдуманные миры отдаляясь от научной фантастики и сближаясь с популизмом. При этом закостеневают не только концептуальная часть, но и в некоторой степени визуальная, так зачастую тоталитаризм изображается в одной и той же манере отсылающий скорее к прошлому, чем к будущему «Бруталистика это действительно будущая архитектура нежелательного общества» [1, с. 15].

Заключение

Из всего вышесказанного следует вывод, что современные визуализированные антиутопии антиутопичны, они с одной стороны демонстрируют пороки общества и системы, но сами являются системным пороком,

как внутри антиутопий ситуации цикличны с ограниченным миром, так и сами антиутопии пользуются одними и теми же паттернами, воспроизводят их раз за разом, не предлагая ничего нового, в своей сущности они только изменяют внешние слои, но базис остается тем же самым. Но самое главное, что антиутопии предлагают человечеству не столько взглянуть на себя со стороны, сколько сопереживать героям антиутопии, чувствовать себя на их месте и взглянуть на мир со стороны, что ставит проблематику в определенной степени однобоко. «Авторская позиция призвана проникнуть в умы читателей через героя, который становится для общества антиутопии своеобразным лишним, опасным элементом» [2, с. 71], то есть сам мир является врагом как героя, так и рецепиента. Герой оценивает принципы «обществ по-иному, пытаясь противостоять им мыслями, действием и/или бездействием» [2, с. 71], но не ставится вопрос о роли человека не как свободной личности, а как части системы. Даже свободная личность является гражданином, он часть государственной системы и если он не стремится развиваться сам и развивать мир вокруг, а главной целью является личное обогащение или иные исключительно личные мотивы, то какое общество возможно построить с такими гражданами, разве оно не будет той самой антиутопией. В антиутопиях некая плохая система существует, зачастую, как будто бы в вакууме, независимо от граждан или каких-то обоснованных предпосылок. Так получается, что современная визуализированная антиутопия не способствует недопущению нежелаемого мира, а сама ему уподобляется. Как и нежелаемый мир она: 1. Потворствует обществу потребления, формирует его, 2. Работает не для просвещения людей, а ради прибыли, 3. Построена если не на лжи, то на недосказанности, когда основополагающие причины опасностей и проблем замалчиваются и демонстрируются только некоторые внешние проявления, 4. Фактически способствует неравенству, стоит оговориться что довольно косвенно, например через платный просмотр или тем, что прибыль получают и так богатые компании, получая средства из денег за просмотр от менее богатых. «во многих антиутопиях невозможно определить наличие сегрегации юридическим способом» [5, с. 46], что показательно не только в антиутопиях, ведь сегрегация это разделение, которое как правило понимается как формальный запрет, но если рассмотреть ее не с точки зрения формального запрета, а с позиции реальной доступности, то получится, что сегрегации уже кроется в самом наличии частной собственности и в разделении общества на богатых и бедных, а следовательно обогащение богатых есть поддержка сегрегации и неравенства. 5. Ограничение свободы человека невозможно для антиутопии, по крайней мере в том виде, как мы это привыкли воспринимать, однако, антиутопии, большая часть которых создается странами Запада, предлагают одни и те же страхи по всему миру способствуя закреплению гегемонии стран Запада на

культурном уровне, то есть являются продуктом той самой модели, опасности которой они демонстрируют при этом не предлагая ничего менять, не показывая путь они фактически упирают на страх предлагая, некоторым образом, путь принятие страха будущего как некой нормы с борьбой против ряда мешающих симптомов без лечения самой болезни общества и даже более того, приравнивает симптом к болезни. Также антиутопия, в некоторой степени оправдывает и поддерживает неприятие идеализма, как чего-то невозможного или даже вредного, опасного, таким образом, выступая против пороков отвергает возможность полного от них избавления.

Библиографический список

1. Аль-Мамори Я.Х. Обращение к будущему с помощью визуализации данных в научно-фантастических фильмах: антиутопия или утопия // Человек и культура. 2022. № 2. С. 12-20.
2. Дыдров Артур Александрович Идентичные признаки обществ утопии и антиутопии на материале утопических и антиутопических литературных произведений // Вестник ЧГАКИ. 2010. № 3 (23). С. 69-72.
3. Логинов И.Е., Фесенко О.П. Представление о фашизме в языковом сознании молодежи (на примере курсантов военного вуза) // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2020. № 1 (8). С. 244-247.
4. Маленко С.А., Некита А.Г. Постапокалиптический протест, или идеологическая деформация «архетипического семейства» в фильме «Сквозь снег» // EISCRT. 2025. № 4 (13). С. 164-198.
5. Солдатов В.Е., Тузовский И.Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума // Вестник ЧГАКИ. 2010. № 3 (23). С. 40-49.
6. Солобуто Д.С. Антиутопия: эволюция жанра и его особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (858). С. 142-149.
7. Солодовников С.Ю. Общественно-экономическая формация // Экономическая наука сегодня. 2020. № 12. С. 135-142.
8. Шепелева Ю.Е., Долгина Е. С. Антиутопия как жанр фантастической литературы // Вестник магистратуры. 2015. № 11-4 (50). С. 13-15.
9. Шустова О.Б., Сидоров Г.Н. Современные особенности материализма и идеализма в науке и обществе // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № S5. С. 1-4.

References

1. Al-Mamori Ya.Kh. Addressing the Future with the Help of Data Visualization in Science Fiction Films: Dystopia or Utopia // Man and Culture. 2022. № 2. P. 12-20.
2. Dydrov Artur Aleksandrovich. Identical Features of Utopian and Dystopian Societies Based on Utopian and Dystopian Literary Works // Bulletin of the ChGAKI. 2010. № 3 (23). P. 69-72.
3. Loginov I.E., Fesenko O.P. The Concept of Fascism in the Linguistic Consciousness of Young People (Based on the Example of Military University Cadets) // Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. 2020. № 1 (8). P. 244-247.
4. Malenko S.A., Nekita A.G. Post-apocalyptic protest, or ideological deformation of the "archetypal family" in the film "Snowpiercer" // EISCRT. 2025. № 4 (13). P. 164-198.
5. Soldatov V.E., Tuzovsky I.D. Sociocultural space in dystopias: main features of the modeled society // Bulletin of the ChGAKI. 2010. № 3 (23). P. 40-49.
6. Solobuto D.S. Dystopia: the evolution of the genre and its features // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2022. № 3 (858). P. 142-149.
7. Solodovnikov S.Yu. Socio-economic formation // Economic science today. 2020. № 12. P. 135-142.
8. Shepeleva Yu.E., Dolgina E.S. Dystopia as a Genre of Science Fiction Literature // Bulletin of the Magistracy. 2015. № 11-4 (50). P. 13-15.
9. Shustova O.B., Sidorov G.N. Modern Features of Materialism and Idealism in Science and Society // Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State Agrarian University. 2018. № S5. P. 1-4.

Уржумцева Е.А.

Магистрант кафедры истории культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар.

Берлизов Н.Е.

Доцент кафедры истории культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар.

Реконструкция быта и хозяйственных практик населения панагия 1 на этапе поздней бронзы через археологические находки*

Аннотация. В статье рассматриваются результаты комплексного исследования архитектурного памятника Панагия 1, периода эпохи поздней бронзы (XIV–X вв. до н. э.) в Северном Причерноморье. На основе анализа вещественного комплекса и погребальных практик реконструируется модель жизнеобеспечения и социально-экономическая структура древнего сообщества Таманского полуострова.

Автором установлено, что экономический фундамент общины базировался на сочетании пастбищного скотоводства с интенсивным использованием ресурсов прибрежной зоны. Высокая степень хозяйственной автономии подтверждается развитием домашних ремесел: керамического, косторезного, кожевенного и скорняжного производства. Особое внимание уделено местному металлургическому очагу, наличие которого подтверждается находками льячек, шлаков и орнаментированного бронзового ножа. Автором подчеркивается высокая адаптивность населения к ландшафтам Тамани, где функциональность орудий труда и бытовой утвари гармонично сочеталась с художественными традициями.

Анализ духовной культуры, основанный на материалах погребального обряда, обнаружил устойчивую систему идеологических представлений. Регламентированность ритуальных практик начинающаяся от строгой ориентации погребенных до специфического состава «поминального меню и использования астрагалов в качестве защитных амулетов говорит о развитом культе предков и общественной иерархии. Наличие декоративных элементов на повседневных предметах интерпретируется как признак социальной стабильности, позволившей обществу перейти от стратегии выживания к формированию эстетических ценностей.

В заключении определяются перспективы дальнейшего изучения памятника, связанные с применением мультидисциплинарных методов: трасологического и рентгенофлуоресцентного анализа (РФА), а также детального технико-технологического изучения керамики на базе лабораторий Института археологии РАН. Обобщение масштабного объема данных (свыше 10 000 единиц находок) и их последующая музеефикация в фондах заповедника «Таманис» позволят финализировать реконструкцию адаптационных механизмов населения Тамани в финале бронзового века.

Ключевые слова: Таманский полуостров, географические особенности, лиманы (Витязевский, Бугазский и др.), археологическое наследие, поздний бронзовый век (ПБВ), посе-

* © Уржумцева Е.А., Берлизов Н.Е., 2026.

Реконструкция быта и хозяйственных практик населения панагия 1 на этапе поздней бронзы через археологические находки

ление Панагия 1, рацион питания (молочно-мясной, морские ресурсы), домашние ремесла (керамика, обработка материалов), морское собирательство, технологии производства (очажный обжиг, ремонт сосудов), мультидисциплинарные исследования.

Urzhumtseva E.A.

Master's student, Department of History, Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Berlizov N.E.

Associate Professor, Department of History, Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Reconstruction of the life and economic practices of the population of panagia 1 at the stage of the late bronze age through archaeological finds

The article considers the results of a comprehensive study of the architectural monument Panagia 1, from the Late Bronze Age (XIV–X centuries BC) in the Northern Black Sea region. Based on the analysis of the material complex and burial practices, the model of life support and the socio-economic structure of the ancient community of the Taman Peninsula are reconstructed. The author has established that the economic foundation of the community was based on a combination of pastoral cattle breeding with intensive use of coastal resources. A high degree of economic autonomy is confirmed by the development of domestic crafts: ceramic, bone-cutting, leather and furry production. Special attention is paid to the local metallurgical hearth, the presence of which is confirmed by the finds of flakes, slag and an ornate bronze knife. The author emphasizes the high adaptability of the population to the landscapes of Taman, where the functionality of tools and household utensils was harmoniously combined with artistic traditions. The analysis of spiritual culture, based on the materials of the funeral rite, revealed a stable system of ideological ideas. The regularity of ritual practices, starting from the strict orientation of the buried to the specific composition of the “memorial menu” and the use of astragaluses as protective amulets, indicates a developed ancestral cult and social hierarchy. The presence of decorative elements on utilitarian objects is interpreted as a sign of social stability, which allowed society to move from a survival strategy to the formation of aesthetic values. In conclusion, the prospects for further study of the monument are determined, related to the use of multidisciplinary methods: tracological and X-ray fluorescence analysis (XFA), as well as a detailed technical and technological study of ceramics based on the laboratories of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. The generalization of a large-scale volume of data (over 10,000 finds) and their subsequent museification in the funds of the Tanais Reserve will make it possible to finalize the reconstruction of the adaptive mechanisms of the Taman population at the end of the Bronze Age.

Key words: Taman Peninsula, geographical features, estuaries (Vityazevsky, Bugazsky, etc.), archaeological heritage, Late Bronze Age (PBV), Panagia 1 settlement, diet (dairy and meat, marine resources), household crafts (ceramics, processing of materials), marine gathering, production technologies (hearth firing vascular repair), multidisciplinary research.

Изучение археологического наследия поселения Панагия 1 традиционно фокусируется на хронологических рамках и общей стратиграфии. Но часто случается, что за разделами классификаций остается наиболее содержательная часть – ткань повседневности, вплетенная в материальный мир памятника. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью перехода от формального каталога находок к реконструкции пространственного кода быта, где каждый фрагмент керамики или орудие труда выступает объектом фиксации, определителем жизненных ритмов, адаптации к окружающей среде.

Научная проблема заключается в поиске методологического баланса между статистической достоверностью находок и их способностью транслировать тонкости хозяйственного уклада. В данном контексте морфология материальной культуры рассматривается как сложная знаковая система, сохраняющая генезис локальных практик. Исследование быта позволяет актуализировать историко-культурную ценность памятника, представляя его не застывшим объектом, а динамичным пространством жизнедеятельности.

Характеристики исследования

Объект исследования: участок объекта археологического наследия (ОАН) «Поселение Панагия 1» в Темрюкском районе Краснодарского края (6,65 км к северо-западу от пос. Волна). Площадь исследованного участка составила 41 750 кв. м.

Предмет исследования: культурно-хронологические характеристики, стратиграфия и планиграфия памятника, а также материальная культура (керамический комплекс, изделия из кости, камня, остеологические материалы) и погребальный обряд, относящиеся преимущественно к эпохе поздней бронзы.

Цель работы: применение музееологического подхода к анализу археологического контекста для выявления функциональности предметов и специфики их взаимодействия, что критически важно для полноценного научного осмысления памятника.

Историография и теоретический базис

Изучение поселения Панагия 1 и памятников Таманского полуострова эпохи поздней бронзы носит комплексный характер. Значительный вклад в полевые исследования и введение памятника в научный оборот внесли Р.А. Мимоход [10], А.А. и З.В. Горошниковы [4], А.В. Кияшко [5] и Н.И. Сударев [6].

Технико-технологические особенности материальной культуры проанализированы в работах М.Е. Клемешовой [7], В.С. Бочкарева [1] и А.Н. Усачука [15].

Естественно-научный вектор (археозоология, антропология) представлен исследованиями С.В. Семеновой, Н.Г. Свиркиной и А.Д. Буряка.

Теоретический базис и культурно-хронологический контекст (культуры Сабатиновка – Ноуа – Кослоджень и Белозерская) опираются на фундаментальные труды Я.П. Гершковича [3], В.П. Ванчугова [2], И.Н. Шарфутдиновой, [16] Е. Савы, В.А. Колотухина [8], В.А. Ромашко [14], Д.П. Куштана и Х.И. Крис [9].

Методология

Методы исследования носят междисциплинарный характер:

Полевые работы: стратиграфические раскопки с послойным вскрытием (пласты по 20–25 см) по сетке 10x10 м; ручная переборка и просеивание грунта; технический контроль с использованием металлодетекции и высокоточной фиксации GNSS South Galaxy G1 (точность до 2,5 мм).

Камеральный анализ: статистическая обработка материала (свыше 10 000 фрагментов керамики и 9 700 костей), технико-технологический анализ керамики по методике ИА РАН, трасология и РФА-анализ состава находок.

Естественно-научные методы: археозоологическая идентификация (расчет индекса раздробленности, анализ патологий) для реконструкции животноводства; антропологический анализ (краниометрия, определение пола/возраста, изучение температурных режимов кремаций) [11].

Региональная специфика и ландшафт

Объективность исследования невозможна без учета специфики Таманского полуострова – неповторимого геокультурного палимпсеста. На протяжении тысячелетий регион выступал основным медиатором между античным миром, кочевой степью и Европой.

Географические особенности региона:

Гидрография: практически полное отсутствие поверхностных пресных вод.

Рельеф: грязевые вулканы, холмистые гряды (до 17 м) и активная динамика береговой линии, изрезанной лиманами (Витязевский, Бугазский и др.).

Баланс суши и воды: из 2000 кв. км общей площади полуострова на сушу приходится лишь около 900 км², что определяет особую экологическую динамику.

Поселение Панагия 1 занимает особое место в системе коммуникационных узлов Тамани. Несмотря на многослойный характер археологического наследия мыса, автор сознательно фокусирует внимание на горизонте позднего бронзового века (ПБВ). Выбор этого отрезка продиктован его значением для понимания генезиса культурного ландшафта: именно в этот период кристаллизуются формы адаптивного хозяйства и ремесленных

традиций, ставшие основанием для развития региона [11].

Далее анализ топографии, планиграфии и вещественного комплекса позволит систематизировать материал и воссоздать живую картину функционирования поселения, а также раскрыть специфику взаимодействия человека и среды в конце эпохи бронзы. Первоочередное внимание в данной реконструкции уделяется архитектуре и организации пространства как отражению внутренней логики древнего социума.

Жизнь поселенцев была организована вокруг многочисленных хозяйственных и бытовых структур, углубленных в грунт. Данная подземная инфраструктура формировала функциональный каркас поселения, выступая не только местом аккумуляции, но и композиционным ядром жилых зон, что подтверждает высокую степень рационализации бытового пространства.

Архитектурно-планировочная структура поселения Панагия I строилась на смешанном подходе к организации жилой среды, где каркасно-столбовые конструкции интегрировались с капитальными каменными основаниями. Выявленные скопления скальных обломков можно интерпретировать как специализированные технологические вымостки. Данные «каменные подушки», имеющие вытянутую морфологию (до 3.07 x 0.90 м), выполняли функцию поглощающего слоя, предотвращающего биодеструкцию деревянных опор и обеспечивающего термоизоляцию пола в условиях повышенной влажности грунта. Эти локации обозначают зоны повышенного социального статуса и специализированного назначения: пространственная сопряженность каменных платформ с престижным инвентарем – орнаментированными керамическими изделиями позволяет увидеть здесь репрезентативные жилые покои или мастерские по производству элитарных предметов [11].

Наземная застройка была неразрывно связана с системой подземных коммуникаций, представленной разветвленной сетью из 142 хозяйственных ям. Плотность и системность их расположения служат индикатором долгосрочной оседлости и формирования стратегии аккумулирующего хозяйства. Морфология этих подпрямоугольных и овальных структур обусловлена их первичной функцией – обеспечением стабильного температурного режима для хранения продовольственных и сырьевых резервов. В процессе функционирования памятника наблюдается вторичное использование данных структур: после утраты первоначальных эксплуатационных свойств ямы трансформировались в бытовые репозитории. Такая циклическая эксплуатация пространства превратила их в стратифицированные архивы повседневности, где в слоях заполнения зафиксирована высокая интенсивность материального производства и бытовой активности. В результате сформированный ландшафт поздней бронзы предстает как предельно рационализованная среда, где строгая функциональ-

ность утилитарных объектов гармонично сосуществовала с зонами высокого эстетического и технологического уровня.

Анализ пространственной организации поселения неизбежно подводит к рассмотрению его сырьевой базы. Центральное место в структуре жизнеобеспечения занимало животноводство, выступавшее основой экономической стабильности и определившее специфику адаптивной стратегии местного населения.

Экономическая модель поселения Панагия 1 основывалась на пастбищном животноводстве, сформировавшем специфический ритм жизнедеятельности и социальную иерархию общины. Отсутствие значительной доли свиноводства указывает на дистанцированность поселения от лесных массивов и концентрацию активности на открытых степных пространствах. Суточный цикл регламентировался потребностями стада: если крупный рогатый скот нуждался в богатых травостоем угодьях, то мелкий рогатый скот осваивал более аридные участки. Особую роль в хозяйственном комплексе играли волю; наличие остеофитов на их костях служит прямым доказательством интенсивной эксплуатации животных в качестве тягловой силы для транспортировки тяжелых грузов, строительных материалов или перемещения кочевых повозок.

Система жизнеобеспечения опиралась на контролируемое воспроизводство ресурсов, где доминирующее положение занимала молочно-мясная диета. Значительная доля крупного рогатого скота (почти 50% стада) обеспечивала население стабильным объемом молочной продукции, подвергавшейся переработке для длительного хранения. Примечательно, что четверть мясного рациона (26,1%) составляла конина, что подчеркивает высокий статус лошади как транспортного средства, так и источника питания [12].

Производственный цикл носил комплексный, безотходный характер: дериваты животноводства служили основой для развитых домашних ремесел. Плотные трубчатые кости лошадей использовались в качестве сырья для изготовления инструментария, элементов конской упряжи (псалиев) и деталей сложносоставных луков. Текстильное производство основывалось на переработке шерсти мелкого рогатого скота (24,1%), шедшей на изготовление войлочных покрытий и одежды, в то время как шкуры крупного скота обеспечивали потребности в прочной обуви и упряжных ремнях.

Высокая доля лошадей в структуре стада указывает на значительную мобильность населения и доминирование всадничества в мужской среде. Социальная организация общества предполагала четкое разделение функций: выделялись группы пастухов-всадников, ответственных за охрану и перегон скота, и хозяйственный блок, сосредоточенный на переработке сырья. Патологии костной ткани тягловых животных подтверждают существование развитой логистической системы, необходимой для межрегионального обмена. Таким образом, перед нами предстает общество

«степных прагматиков», чье благосостояние было интегрировано в постоянно развивающуюся среду пастбищного ландшафта [12].

Хозяйственная специализация общины напрямую определяла содержание их повседневного стола. Анализ материальных остатков позволяет реконструировать рацион питания, раскрывая не только вкусовые предпочтения жителей Панагии 1, но и их умение эффективно использовать возможности окружающей среды.

Система питания населения Панагии 1 базировалась на высокобелковом рационе, сочетавшем продукты интенсивного животноводства и активное освоение биоресурсов Азово-Черноморского бассейна. Основу мясного потребления составляла говядина (63,7%), что указывает на регулярный забой крупного рогатого скота и доминирование вареного и тушеного мяса в повседневном меню. Существенную роль играла конина (30,6%), выступавшая массовым и полноценным источником калорий. Примечательна специфика приготовления баранины и козлятины: несмотря на их малую долю в общем объеме (менее 5%), термическая обработка туш крупными фрагментами, а именно целыми ребрами и позвонками, указывает на традицию коллективных трапез и длительного томления продуктов в больших сосудах [12].

Сырьевой потенциал региона существенно расширился за счет хозяйства в прибрежной зоне. Ведущую роль в этом секторе играл массовый сбор моллюсков, где главным продуктом выступала устрица (более 67% находок), дополняемая сердцевидками и гребешками. Рыбный компонент рациона был представлен ценными видами – осетровыми, а также крупными особями сома и карповых, которые употреблялись как в свежем, так и в заготовленном впрок виде. Наличие в культурном слое остатков дельфинов-азовок указывает на эпизодическую морскую охоту или эффективное использование выброшенных на берег животных. Таким образом, сформированная модель жизнеобеспечения демонстрирует исключительный прагматизм: сочетание традиционного скотоводства с масштабным морским собирательством обеспечивало сообществу стабильный и сбалансированный рацион [12].

Высокая степень хозяйственной автономии общины во многом основывалась на развитии внутреннего производства. Анализ вещественного комплекса позволяет перейти к характеристике домашних ремесел и технологий, которые обеспечивали переработку первичного сырья в орудия труда, предметы быта и статусные артефакты.

Хозяйственный комплекс поселения показывает органичный синтез практичности и освоения природных богатств, где основой быта выступало керамическое производство. Керамический комплекс Панагии 1 – это прежде всего торжество лепной посуды, изготовленной вручную без применения гончарного круга. Одной из самых ярких характеристик местно-

го производства был низкотемпературный очажный обжиг. Из-за того, что температура в костре или простой печи распределялась неравномерно, поверхность сосудов приобрела специфический пятнистый окрас: от серых и бежевых до кирпичных оттенков. На изломе черепков часто видна их многослойная структура (темно-серая сердцевина между кирпичными слоями), что говорит о специфике древней технологии. Интересно отношение жителей к своим вещам: на многих крупных сосудах зафиксированы следы древнего ремонта – просверленные отверстия, через которые стягивали трещины. Это говорит о высокой ценности трудоемких изделий для общины.

Ассортимент посуды в Панагии поражает своим разнообразием, охватывая все сферы жизни. На одном полюсе находятся гигантские тарные сосуды (пифоиды) высотой до 80 см и диаметром венчика до 60 см. Эти «античные холодильники» использовались для хранения больших запасов зерна или продуктов. На другом полюсе – миниатюрные лепные сосуды, чаши, кубки и черпаки, служившие для индивидуальной трапезы. Среди находок встречаются и узкоспециальные вещи: сосуды-цедилки с отверстиями в дне и даже лепные сковороды. Особую группу составляет «столовая» посуда: тонкостенные горшки с четкой профилировкой и заглаженной, а иногда и лощеной поверхностью.

Декор керамики Панагии 1 сдержан, но символичен. В коллекции преобладает позитивный (рельефный) орнамент, составляющий почти 90% всех украшенных стенок. Самый узнаваемый элемент – валик, который мог быть как гладким, так и с вдавлениями или защипами. Настоящим «маркером» поселения является уникальная традиция украшать внутреннюю плоскость дна крупных сосудов «крестовидным налепом» – орнаментом из валиков с овальным вдавлением в центре перекрестия. Реже встречаются прочерченные узоры: зигзаги, насечки и «расчесы» – это следы расчесывания поверхности гребнем, характерные для многих традиций эпохи бронзы. Примечательно, что даже фрагменты разбитой посуды не выбрасывались, а обтачивались для создания пряслиц, игровых фишек или предметов счета [11].

Жизнеобеспечение жителей также опиралось на высокоразвитую косторезную индустрию и переработку продуктов скотоводства. Обработка шкур производилась с помощью специфических инструментов: костяных «тупиков» из челюстей животных и лоцил из копытцевых костей лошадей, а из самой кости мастера изготавливали широчайший спектр вещей – от тонких проколов для шитья до рукоятей и трубок. Земледельческий цикл и эстетические потребности были тесно связаны с каменной индустрией, где массивные ладьевидные зернотерки из местного песчаника и ракушечника использовались для ежедневного растирания зерна, и измельчения минеральной охры, служившей краской с целью украшения тела и предметов быта. Несмотря на преобладание органических матери-

алов, в поселении функционировал собственный металлургический очаг: наличие льячек и шлака подтверждает плавку бронзы и изготовление орудий труда. Среди находок выделяется бронзовый однолезвийный нож с небрежно нанесенным зигзагообразным орнаментом; петлевидно-изогнутый с уплощенным и расширенными кончиками пинцет; четырехгранная в сечении проколка. В целом материальный мир поселения характеризуется высокой адаптивностью и умением виртуозно использовать любые подсобные материалы, формируя самодостаточную экономическую модель, в которой функциональность гармонично сочеталась с художественными традициями [11].

Связь повседневных технологий с символическими элементами быта позволяет перейти от материальной среды к анализу духовных представлений жителей, которые наиболее полно воплотились в ритуальной сфере и погребальном обряде.

Духовная культура и мировоззрение населения находились в тесном симбиозе с культом предков и спецификой скотоводческого уклада жизни, что находило отражение в строго регламентированной погребальной практике. Забота о переходе соплеменника в иной мир проявлялась в тщательном соблюдении ритуальных канонов, начиная с устройства захоронений, которые производились в грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной конфигурации. Положение тела умершего на спине, руки и ноги параллельны туловищу сопровождалось строгой сакральной ориентацией – головой на север или восток, что, по всей видимости, служило земным отражением космогонических представлений и верований общества [11].

Неотъемлемой частью заупокойного культа являлась концепция обеспечения покойного всем необходимым для существования в загробном пространстве. В состав сопроводительного инвентаря неизменно включалась простая лепная керамика баночных форм, предназначавшаяся для ритуальной пищи или питья. Особое значение придавалось мясному подношению: обязательным элементом обряда было положение в могилу частей туш мелкого рогатого скота. Примечательно, что постоянная традиция предписывала использовать преимущественно задние части животных, что подчеркивало специфический характер «поминального меню». Сакральное пространство погребения дополнялось предметами, наделяемыми магической силой, среди которых особое место занимали астрагалы. Эти специально обработанные кости, имевшие следы лощения или символические нарезки, выполняли двойственную роль: выступая одновременно в качестве игровых принадлежностей и защитных амулетов, они сопровождали человека на протяжении всей жизни и оставались с ним после смерти, показывая неразрывную связь между миром живых и миром предков [13].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что обнаруженные археологические индикаторы начиная от строгой регламентации быта до

сложности заупокойных практик, позволяют интерпретировать памятник Панагия 1 как характерную модель высокоорганизованного сообщества с устойчивой социальной структурой и развитой системой идеологических представлений. Поселение Панагия 1 служит наглядным примером того, как такое сообщество смогло достичь гармонии, эффективно используя сразу две стихии – степь и море. Проведенная реконструкция быта позволяет увидеть не просто борьбу за выживание, а продуманную и сбалансированную экономическую систему, обеспечившую населению Таманского полуострова настоящий достаток в конце эпохи бронзы. Как подчеркивалось ранее главным залогом успеха стала стратегия совмещения пастбищного скотоводства с интенсивными морскими промыслами. Такое сочетание сделало общину устойчивой к природным изменениям: близость моря превратила рыболовство и собирательство из случайных подсобных занятий в надежную опору хозяйства.

О высоком уровне социальной стабильности и внутреннего развития говорят и развитые домашние ремесла. Тот факт, что община была автономной и владела сложными технологиями, заявляет о налаженной передаче опыта между поколениями. Особое подтверждение этому мы находим в археологическом контексте: наличие орнаментированных изделий указывает на то, что у жителей оставалось время и запасы для творчества. Нанесение узоров на функциональные предметы – это признак общества, которое уже закрыло базовые потребности в еде и безопасности и перешло к формированию эстетических ценностей. Таким образом, Панагия 1 предстает перед нами как модель «умного» сообщества, где гибкое хозяйство и ремесленное мастерство создали прочную основу для процветания.

Перспективы последующего изучения поселения Панагия 1 неразрывно связаны с расширением источниковой базы и применением современных мультидисциплинарных подходов. Первоочередной задачей является уточнение границ памятника и мощности его культурных напластований, так как результаты работ 2023–2024 гг. подтвердили наличие археологических структур и погребальных комплексов за пределами ранее определенных участков. Технично-технологический вектор исследований предполагает детальное изучение состава формовочных масс лепной керамики на базе лабораторий Института археологии РАН, что позволит подтвердить локальные гончарные традиции. Особое значение приобретает внедрение естественно-научных методов: трасологический анализ костяного и каменного инструментария для уточнения их функционального назначения, а также применение рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) для определения элементного состава находок.

Продолжение палеоантропологических и археозоологических изысканий, включая изучение остатков кремаций, обеспечит приток принципиально новых данных о демографии, состоянии здоровья и специфике по-

гребальной обрядности древнего населения. Обобщение этого массива данных, включающего более десяти тысяч единиц керамики и сопоставимое количество остеологических остатков, позволит финализировать реконструкцию модели хозяйствования в XIV–X вв. до н.э. и раскрыть механизмы адаптации человека к ландшафтам Тамани. Заключительным этапом станет музеефикация коллекции в фондах археологического музея-заповедника «Танаис», что сохранит материалы для будущих исследований. Таким образом, Панагия 1 утверждает свой статус одного из показательных объектов для изучения материальной и духовной культуры эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье.

Библиографический список

1. Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 159-204.
2. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье: Проблемы формирования белозерской культуры // Киев: Наук. думка, 1990. 162 с.
3. Гершкович Я.П., Ключко В. И., Евдокимов Г.Л. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья // *Советская археология*. – М.: «Наука», 1987. № 2. С.142-158.
4. Горошников А.А., Горошникова З.В. Исследования поселения эпохи поздней бронзы «Панагия I» в юго-западной части Таманского полуострова в 2017–2019 гг. В сб.: XV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» // *Материалы конференции*. – Ростов-на-Дону–Таганрог, 2020. С. 106-115.
5. Кияшко А.В. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // *Археологические вести*. 2020. № 30. С. 207-222.
6. Кияшко А.В., Сударев Н.И. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, 2018. С. 212-218.
7. Клемешова М.Е., Горошников А.А., Горошникова З.В. Технично-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия 1 (предварительные результаты) // *Древности Боспора*. 2022. Т. 27. С. 170-180.
8. Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма // Киев: Сталос, 2003.139 с.
9. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // М. Наука, 1981. 128 с.
10. Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Некрополь Волна-1 (2017 г.) // *Города, селища, могильники*. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. – М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 220-231.
11. НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ о выполнении полевых археологических исследований (раскопок) на территории памятника археологического наследия «Панагия 1» на площади 41 750 кв.м, расположенного в зоне строительства объекта «Комплекс по переработке природного газа». В двенадцати томах. Том 1.
12. НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ о выполнении полевых археологических исследований (раскопок) на территории памятника археологического наследия «Панагия 1» на площади 41 750 кв.м, расположенного в зоне строительства объекта «Комплекс по переработке природного газа». В двенадцати томах. Том 3.
13. НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ о выполнении полевых археологических исследований (раскопок) на территории памятника археологического наследия «Панагия 1» на площади 41 750 кв.м, расположенного в зоне строительства объекта «Комплекс по переработке природного газа». В двенадцати томах. Том 6.
14. Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) // К.: КНТ, 2013. 592 с.

15. Усачук А.Н., Горошников А.А., Мимоход Р.А. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // Археология Евразийских степей, 2023. № 2. С. 36-63.
16. Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы // Киев: Наукова думка. 160 с.
17. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.

References

1. Bochkarev V.S. Stages of development of metal production in the Late Bronze Age in the south of Eastern Europe // *Stratum plus*. 2017. № 2. P. 159-204.
2. Vanchugov V.P. Belozersk sites in the Northwestern Black Sea region: Problems of the formation of the Belozersk culture // *Kyiv: Nauk. dumka*, 1990. 162 p.
3. Gershkovich Ya.P., Klochko V.I., Evdokimov G.L. Novokiyevskaya foundry and problems of the chronology of the Sabatinovo sites of the Lower Dnieper region // *Soviet archeology*, – Moscow: “Nauka”, 1987. № 2. P. 142-158.
4. Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V. Research of the Late Bronze Age settlement “Panagia I” in the southwestern part of the Taman Peninsula in 2017–2019. In: XV International Archaeological Conference of Students and Postgraduates “Problems of Archaeology of Eastern Europe” // *Conference Proceedings*. – Rostov-on-Don–Taganrog, 2020. P. 106-115.
5. Kiyashko A.V. The Bronze Age settlement of Lisovitsky Balka IV on Taman: general overview and characteristics of metal inventory // *Archaeological News*. 2020. № 30. P. 207-222.
6. Kiyashko A.V., Sudarev N.I. On the issue of the ethnocultural affiliation and chronology of Late Bronze Age monuments on the Taman Peninsula // *XIX Bosphoran Readings. Bosphorus. The Cimmerian and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and Innovations*. Kerch, 2018. P. 212-218.
7. Klemeshova M.E., Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V. Technical and Technological Analysis of Late Bronze Age Ceramics from the Panagia 1 Settlement (Preliminary Results) // *Antiquities of the Bosphorus*. 2022. Vol. 27. P. 170-180.
8. Kolotukhin V.A. Late Bronze Age of Crimea // *Kyiv: Stylos*, 2003, 139 p.
9. Kris H.I. Kizil-Koba Culture and the Taurians // *Moscow: Nauka*, 1981. 128 p.
10. Mimoskhod R.A., Sudarev N.I., Uspensky P.S. Necropolis Volna-1 (2017) // *Cities, settlements, burial grounds. Excavations 2017. Materials of rescue archaeological research*. Vol. 25. – Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 220-231.
11. SCIENTIFIC REPORT on the implementation of field archaeological research (excavations) on the territory of the archaeological heritage site-settlement “Panagia 1” on an area of 41,750 sq.m, located in the construction zone of the “Natural Gas Processing Complex” facility. In twelve volumes. Volume 1.
12. SCIENTIFIC REPORT on the implementation of field archaeological research (excavations) on the territory of the archaeological heritage site-settlement “Panagia 1” on an area of 41,750 sq.m, located in the construction zone of the “Natural Gas Processing Complex” facility. In twelve volumes. Volume 3.
13. SCIENTIFIC REPORT on the implementation of field archaeological research (excavations) on the territory of the archaeological heritage site-settlement “Panagia 1” on an area of 41,750 sq.m, located in the construction zone of the “Natural Gas Processing Complex” facility. In twelve volumes. Volume 6.
14. Romashko V.A. The final stage of the Late Bronze Age in Left-bank Ukraine (based on materials from the Boguslav-Belozersk culture) // *Kiev: KNT*, 2013. 592 p.
15. Usachuk A.N., Goroshnikov A.A., Mimoskhod R.A. Bone tools of the primary cycle of working with wool in the complexes of the Late Bronze Age // *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2023. № 2. P. 36-63.
16. Sharafutdinova I.N. 1982. The Dnieper steppe region in the Late Bronze Age // *Kyiv: Naukova Dumka*. 160 p.
17. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // *Etnosotsium and international culture*. 2025. № 9 (207). P. 74-81.

Ван Чао

Аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0006-7412-9319 / SPIN-код: 2818-8199

Шаманская мифология как структурообразующий фактор монгольской драматургии*

Аннотация. Обоснование. Статья посвящена проблеме влияния шаманской мифологии на формирование драматургических принципов монгольского театра. Актуальность исследования определяется тем, что в работах по истории монгольской сцены шаманское наследие обычно рассматривается как элемент обрядовой культуры, фольклорной образности или этнографического колорита, тогда как его структурная роль в организации конфликта, системы персонажей и сценического пространства раскрыта недостаточно.

Цель. Цель статьи состоит в выявлении тех драматургических механизмов, через которые шаманская мифология воздействует на построение монгольской пьесы и сценического действия.

Метод и/или методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют историко-культурный, сравнительный и театроведческий методы, а также элементы мифопоэтического и перформативного анализа. В работе используются труды по монгольскому шаманизму, исследования по монгольской культуре, а также работы по теории ритуала, мифа и сценического действия.

Результаты. Установлено, что шаманская мифология влияет на монгольскую драматургию не только на уровне сюжетной тематики, но и на уровне глубинной организации действия. Показано, что мифологические модели перехода между мирами, испытания, медиативного посредничества и восстановления нарушенного порядка формируют особый тип конфликта, в котором противостояние разворачивается одновременно в человеческом, природном и сакральном измерениях. Выявлено, что фигура посредника между мирами становится одним из устойчивых драматургических центров, а космогоническая символика вертикали, круга, мирового древа, горы и пути определяет пространственную композицию сценического действия. Обосновано, что шаманский миф в монгольской театральной традиции выступает не внешним фольклорным украшением, а одним из структурообразующих принципов драматургии.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в культурологии, театроведении, при анализе национальных моделей драматургии, а также в преподавании курсов по истории театра, мифологии и традиционной культуре народов Центральной Азии.

Ключевые слова: монгольская драматургия, шаманизм, мифология, театральное действие, медиатор, сценическое пространство, мифопоэтика, конфликт.

* © Ван Чао, 2026.

Шаманская мифология как структурообразующий фактор монгольской драматургии

Wang Chao

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0006-7412-9319 / SPIN-code: 2818-8199

Shamanic mythology as a structure-forming factor of Mongolian dramaturgy

Abstract. Background. The article examines the influence of shamanic mythology on the formation of dramaturgical principles in Mongolian theatre. The relevance of the study lies in the fact that, in works on the history of Mongolian stage culture, shamanic heritage is usually treated as an element of ritual culture, folklore imagery, or ethnographic colouring, whereas its structural role in the organisation of conflict, the system of characters, and scenic space remains insufficiently explored.

Purpose. The purpose of the article is to identify the dramaturgical mechanisms through which shamanic mythology shapes the construction of Mongolian plays and stage action.

Methodology. The methodological basis of the study includes historical-cultural, comparative, and theatre-studies methods, as well as elements of mythopoetic and performance analysis. The article draws on works on Mongolian shamanism, Mongolian culture, and theories of ritual, myth, and stage action.

Results. It is established that shamanic mythology affects Mongolian dramaturgy not only at the level of subject matter but also at the level of deep structural organisation. Mythological models of passage between worlds, ordeal, mediation, and restoration of order generate a specific type of conflict in which confrontation unfolds simultaneously in human, natural, and sacred dimensions. The figure of the mediator between worlds becomes one of the stable dramaturgical centres, while the cosmological symbolism of the vertical axis, the circle, the world tree, the mountain, and the path determines the spatial composition of stage action. It is argued that, in Mongolian theatre, the shamanic myth functions not as an external folkloric ornament but as one of the structure-forming principles of dramaturgy.

Practical implications. The results of the study may be applied in cultural studies, theatre studies, the analysis of national dramaturgical models, and in courses on theatre history, mythology, and the traditional cultures of Central Asia.

Key words: Mongolian drama, shamanism, mythology, theatrical action, mediator, stage space, mythopoetics, conflict.

Введение

Вопрос о соотношении мифа, ритуала и драматургии остаётся одним из ключевых для гуманитарного знания, поскольку именно в этой зоне пересечения выявляются глубинные механизмы формирования сценического действия. Для культур Азии данная проблема приобретает особую значимость: здесь архаические формы сакрального действия не были полностью вытеснены позднейшими художественными системами, а во многих случаях продолжили существовать в преобразованном виде внутри эпической, музыкально-театральной и драматической традиции. В этом отношении монгольская культура представляет особенно показательный материал,

поскольку шаманизм в ней выступал не только религиозной практикой, но и одной из форм символического моделирования мира.

В научной литературе монгольский шаманизм исследован прежде всего как религиозно-антропологический и историко-культурный феномен. Значительное внимание уделено космологии, культуре духов-хозяев местности, родовым ритуалам, фигуре шамана и постсоциалистическим трансформациям шаманской традиции. Отдельно изучены ритуальные песни, обряды посвящения, формы памяти и механизмы современного возрождения шаманизма. Вместе с тем вопрос о том, каким образом шаманская мифология влияет именно на внутреннюю организацию монгольской драматургии, разработан значительно слабее. В существующих исследованиях её присутствие обычно фиксируется на уровне тематики, персонажного набора или сценической стилизации. Гораздо реже шаманский миф рассматривается как принцип построения конфликта, композиции действия и сценического пространства.

Новизна настоящей статьи заключается в том, что шаманская мифология интерпретируется не как внешняя область культурных заимствований, а как один из структурообразующих факторов монгольской драматургии. В центре внимания находятся не отдельные «шаманские мотивы», а более глубокие механизмы: фигура посредника между мирами, мотив испытания, вертикальная модель космоса, взаимодействие человеческого и сверхчеловеческого уровней, а также тенденция к построению действия как процесса нарушения и восстановления равновесия.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить формы и механизмы воздействия шаманской мифологии на драматургическую организацию монгольского театрального действия. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: охарактеризовать место шаманской мифологии в системе монгольской культуры; определить типы мифологического конфликта, значимые для монгольской драматургии; проанализировать фигуру медиатора между мирами как драматургический центр; показать роль космогонической и эпической символики в организации сценического пространства; обосновать, что шаманский миф в монгольской пьесе выступает структурным, а не внешне-декоративным элементом.

Объектом исследования является монгольская драматургия в её связи с традиционными формами мифологического мышления. Предмет исследования – шаманская мифология как фактор организации конфликта, персонажной системы и пространственно-символической композиции монгольской пьесы.

Материалы и методы

Материалом исследования выступают научные труды по истории и антропологии монгольского шаманизма, исследования по монгольской

культуре, а также работы по теории ритуала, мифа, перформанса и драматургии. В качестве концептуальной базы используются исследования, посвящённые шаманской космологии, фигуре медиатора, ритуальному переходу, сакральному пространству и мифопоэтическим моделям действия. Дополнительно привлекаются работы, позволяющие рассматривать монгольскую театральную традицию в контексте взаимодействия ритуальных, эпических и сценических форм.

Методологическую основу составляют историко-культурный, сравнительный и театроведческий методы. Историко-культурный метод позволяет рассматривать шаманскую мифологию как часть целостной символической системы монгольской культуры. Сравнительный метод используется для выявления устойчивых соответствий между мифологической моделью мира и драматургической организацией действия. Театроведческий метод даёт возможность проследить, как мифологические структуры воздействуют на тип конфликта, композицию пространства и характер персонажа. Мифопоэтический подход в этой работе используется не для простого поиска «шаманских мотивов» в тексте пьес. Его задача шире: показать, какие устойчивые схемы действия переходят из ритуальной культуры в драматургию. Это переход через границу, испытание, нарушение и восстановление порядка, посредничество между мирами, вертикальная модель пространства. Такие элементы важно рассматривать не только как образы, но и как следы ритуального действия. Поэтому к мифопоэтическому анализу здесь добавляется перформативный: он позволяет увидеть, как шаманская структура работает в пьесе не на уровне декора, а на уровне самого сценического движения.

Исследование движется от общего культурного фона к конкретным драматургическим решениям. Сначала рассматривается место шаманской мифологии в монгольской традиции. Затем анализируется конфликт как форма нарушения равновесия. Далее внимание переносится на персонажа-посредника, после чего разбираются космогонические и эпические элементы сценического действия. В финале шаманский миф рассматривается уже не как отдельная тема, а как принцип, организующий внутреннюю логику монгольской пьесы.

Результаты и обсуждение

Шаманская мифология в системе монгольской культуры

В монгольской культуре шаманизм нельзя свести только к архаическим верованиям или локальным ритуалам. Он связан с более широкой системой представлений о мире и месте человека внутри него. Эта система определяет отношения между человеком, природой, родом, духами и сакральным порядком [3]. Горные вершины, небесные силы, духи местности, предки, посредники между мирами здесь существуют не как отвлечённые

мифологические образы. Через них задаются модели поведения, запреты, формы испытания и способы восстановления нарушенного равновесия.

Одной из основ такой картины мира становится представление о трёхчастном устройстве космоса – верхнем, среднем и нижнем мирах, связанных между собой переходом или вертикальной осью [20]. Такой образ мира важен не только для религиозной практики, но и для драматургического мышления, поскольку задаёт вертикальную логику действия [10]. Событие разворачивается не только как столкновение персонажей, но и как пересечение уровней бытия. Поэтому в монгольской культуре конфликт часто мыслится не как исключительно социальный или психологический, а как процесс, затрагивающий космический порядок [14].

Шаманская мифология тесно связана с эпической традицией. Мотивы пути, испытания, контакта с духами, родовой памяти, избранничества, нарушения табу и восстановления силы переходят из сакрального действия в область повествования и сценической репрезентации [17]. Благодаря этому миф функционирует не как застывший сюжетный фонд, а как генеративная модель действия. Именно в таком качестве он становится значимым для монгольской драматургии.

Мифологические модели конфликта в монгольской драматургии

Одним из наиболее существенных следствий влияния шаманской мифологии на драматургию является особый тип конфликта. В отличие от модели, где действие строится главным образом вокруг социального противостояния или индивидуально-психологической коллизии, монгольская драматургия нередко организует конфликт как нарушение равновесия между мирами, силами или уровнями бытия [8]. Причиной кризиса в такой драматургии становится не только поступок человека. Нарушение может возникнуть из-за потери связи с предками, несоблюдения запрета, вторжения в сакральное пространство, ослабления родовой защиты или столкновения человеческого мира с силами иного порядка [18].

Поэтому конфликт редко остаётся только бытовым или психологическим. Снаружи он может выглядеть как спор поколений, борьба за власть, защита рода, столкновение отдельных героев. Но глубже за этим стоит другое – нарушенное равновесие между человеком, общиной и миром [1]. Отсюда возникает и особая логика действия. Герой не просто сталкивается с препятствием и ищет выход. Он проходит через кризис как через путь: спускается в опасную зону, возвращается, выдерживает испытание, пытается восстановить нарушенный порядок.

В этом монгольская драматургия близка ритуалу. Конфликт здесь редко выглядит случайной ссорой или обычным столкновением интересов. Чаще он воспринимается как сбой в устройстве мира. Нарушены связи между людьми, родом, предками, сакральным пространством – и действие пьесы разворачивается как попытка вернуть этим связям устойчивость [16].

Поэтому важен не только итог, но и само прохождение через кризис. Шаманская мифология влияет на драматургию именно на этом уровне: она задаёт понимание конфликта как утраты целостности и последующего движения к равновесию [4].

Фигура медиатора между мирами как драматургический центр

В монгольской пьесе часто появляется особый герой – тот, кто способен находиться между разными уровнями реальности. Иногда он представлен прямо: шаман, провидец, старец, хранитель памяти, герой, способный вступать в контакт с силами иного порядка [19]. Но такая функция может быть выражена и менее очевидно. Персонаж не всегда назван шаманом, однако он всё равно сохраняет медиативные признаки: слышит голос предков, распознаёт скрытые связи, проходит через пограничное состояние, понимает язык пространства или становится проводником между общиной и сакральным миром [11].

С драматургической точки зрения эта фигура чрезвычайно важна, поскольку именно она связывает разные уровни действия. Посредник не просто участвует в конфликте, а обеспечивает перевод одного порядка в другой: частного – в коллективное, социального – в космическое, человеческого – в сверхчеловеческое [7]. Благодаря этому он становится композиционным узлом пьесы. Через него вводятся пророчество, предупреждение, переход, испытание и возвращение.

Медиатор в монгольской драматургии часто располагается между героическим и жертвенным типом персонажа. Он может быть носителем знания, но это знание не освобождает его от участия в кризисе [12]. Напротив, способность видеть больше других делает его особенно уязвимым. Такая фигура драматургически продуктивна, поскольку совмещает в себе действие и толкование действия. Через неё сцена получает не только сюжетное движение, но и более глубокую семантическую перспективу.

Космогоническая и эпическая символика сценического действия

Не менее существенным проявлением шаманской мифологии в монгольской драматургии является организация сценического пространства. Оно строится не как нейтральный фон для действия, а как символически нагруженная среда, в которой сохраняются космогонические и эпические координаты [13]. Наиболее устойчивыми здесь оказываются образы вертикали, круга, пути, горы, дерева, огня и порога [5].

Вертикаль связана с трёхчастной моделью мира и задаёт направление перехода между уровнями бытия [15]. Круг организует пространство как защищённую и ритуально очерченную целостность. Путь становится не просто перемещением героя, а формой испытания и изменения статуса. Гора, дерево и огонь выступают как точки концентрации силы и как символические центры действия [6]. Даже в тех случаях, когда сценическая репрезентация не воспроизводит ритуал буквально, сама логика простран-

ственной композиции сохраняет черты мифологической модели.

Эпическая символика усиливает эту структуру. Для монгольской культуры характерно переплетение эпоса и мифа, вследствие чего сценическое действие часто приобретает масштаб, выходящий за пределы бытовой ситуации. Пространство становится местом не только человеческого поступка, но и проявления судьбы, памяти рода и силы земли [2]. Благодаря этому драматургия получает не только тематическую, но и композиционную связь с шаманской мифологией.

Шаманский миф как структурный принцип монгольской пьесы

Все рассмотренные элементы позволяют сделать принципиальный вывод: шаманский миф в монгольской драматургии выступает не как внешнее фольклорное украшение, а как структурный принцип пьесы. Он формирует тип конфликта, задаёт систему персонажей, определяет пространственную символику и направляет внутреннюю динамику действия.

Прежде всего это проявляется в построении пьесы как процесса перехода. Действие развивается от состояния относительного порядка через кризис, испытание и пограничное переживание к восстановлению равновесия или осознанию его утраты. Далее, шаманский миф организует фигуру героя не как замкнутого индивидуального субъекта, а как участника более широкой системы связей – с родом, землёй, духами, прошлым и будущим [9]. Наконец, он задаёт особый уровень сценической условности, при котором видимое действие всегда отсылает к невидимым структурам мира.

Именно поэтому шаманская мифология в монгольской драматургии должна рассматриваться как фактор глубинной организации, а не как набор архаических мотивов. Её значение состоит в том, что она формирует особый тип сценического мышления, где драматургия строится вокруг перехода, посредничества, испытания и восстановления связности мира.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Шаманская мифология занимает в системе монгольской культуры не периферийное, а структурно значимое место, поскольку задаёт модели отношений между человеком, природой, родом и сакральным порядком.

2. Воздействие шаманской мифологии на монгольскую драматургию проявляется не только на уровне тематики, но и на уровне внутренней организации действия, прежде всего в типе конфликта, основанного на нарушении и восстановлении равновесия между мирами.

3. Одним из ключевых драматургических центров становится фигура медиатора между мирами, которая связывает разные уровни действия и обеспечивает переход от частного события к сакрально-космической перспективе.

4. Космогоническая и эпическая символика вертикали, круга, пути,

горы, дерева и порога определяет пространственную композицию сценического действия и придаёт монгольской драматургии особую мифопоэтическую насыщенность.

5. Шаманский миф в монгольской пьесе выступает как структурообразующий принцип, формирующий композицию, персонажную систему и внутреннюю динамику сценического действия.

Дальнейшее исследование данной темы целесообразно связать с анализом конкретных драматургических текстов и постановочных практик Монголии XX–XXI веков, а также с сопоставлением монгольской модели сценической мифопоэтики с китайскими и российскими формами художественной трансформации шаманского наследия.

Библиографический список / References

1. Батомункуева С.Р., Хартаев В.В. История буддизма в Монголии в сочинении Кенсур Агван-Нимы «Освещение классических источников по истории буддизма» // Научный диалог. 2021. № 7. С. 400-411. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-400-411.
2. Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.
3. Buyandelger M. Tragic Spirits: Shamanism, Memory, and Gender in Contemporary Mongolia. Chicago: The University of Chicago Press, 2013.
4. Delaplace G. Establishing mutual misunderstanding: a Buryat shamanic ritual in Ulaanbaatar // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2014. Vol. 20. № 3. P. 524-541.
5. Eliade M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. Princeton: Princeton University Press, 1964.
6. Fischer-Lichte E. The Transformative Power of Performance: A New Aesthetics. London; New York: Routledge, 2008.
7. Hamayon R. Why We Play: An Anthropological Study. Chicago: HAU Books, 2016.
8. Heissig W. The Religions of Mongolia. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1980.
9. Hoppál M. Shamans and Traditions. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2007.
10. Humphrey C. Inside and Outside the Mirror: Mongolian Shamans' Mirrors as Instruments of Perspectivism // Inner Asia. 2007. Vol. 9. № 2. P. 173-196.
11. Humphrey C., Onon U. Shamans and Elders: Experience, Knowledge, and Power among the Daur Mongols. Oxford: Clarendon Press, 1996.
12. Humphrey C., Ujeed H. A Monastery in Time: The Making of Mongolian Buddhism. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
13. Nair U. Beyond the Secret (gsang ba): The Performativity of Citation in an Exile Tibetan Buddhist Ritual // Signs and Society. 2024. Vol. 12. № 2. P. 142-163.
14. Pegg C. Mongolian Music, Dance, and Oral Narrative: Performing Diverse Identities. Seattle: University of Washington Press, 2001.
15. Sabirov R. T. Tibetan Buddhism in Russia and Mongolia in the Early 21st Century // State, Religion and Church. 2017. Vol. 4. № 2. P. 70-93.
16. Schechner R. Performance Studies: An Introduction. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2013.
17. Singh M. The cultural evolution of shamanism // Behavioral and Brain Sciences. 2018. Vol. 41. Article e66.
18. Swancutt K. Moved to Distraction: The Ritual Theatre of the Fire Festival in Southwest China // Religion. 2023. Vol. 53. № 3. P. 431-455.
19. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. London: Routledge & Kegan Paul, 1969.
20. Vitebsky P. Shamanism. Norman: University of Oklahoma Press, 2001.

Сюй Цзявэнь

Аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0002-8376-1704 / SPIN-код: 4229-9206

«Малый театр» как пространство становления китайского театрального авангарда*

Аннотация. Обоснование. Статья посвящена феномену «малого театра» в Китае как ключевой институциональной и художественной среды, в которой сформировался современный китайский театральный авангард. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественном театроведении китайский авангард нередко описывается преимущественно через отдельные режиссёрские имена или через влияние европейских художественных моделей, тогда как институциональная роль малых сцен остаётся в тени. Между тем именно пространство камерного спектакля, возникшее в постреформенную эпоху, позволило китайскому театру выработать новые формы сценической условности, режиссёрской свободы, зрительского контакта и художественного эксперимента.

Цель. Цель статьи состоит в том, чтобы показать «малый театр» как пространство становления китайского театрального авангарда и выявить его значение в художественной и институциональной трансформации театра КНР конца XX – начала XXI века.

Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют историко-культурный, сравнительно-типологический и театроведческий методы, а также элементы институционального анализа. В работе использованы исследования по истории китайского театра периода реформ и открытости, труды, посвящённые современному китайскому режиссёрскому театру, малым сценам, межкультурной театральной рецепции и постдраматическим процессам.

Результаты. Установлено, что «малый театр» в Китае выступил не только архитектурно-пространственной, но и культурной моделью нового сценического мышления. Показано, что возникновение камерных площадок было связано с изменением культурной политики после 1978 года, расширением режиссёрской инициативы, ослаблением нормативной репертуарной модели и формированием нового городского зрителя. Выявлено, что именно в пространстве малых сцен были выработаны основные черты китайского авангарда: монтажная драматургия, антииллюзионизм, жанровая гибридность, новая телесность, сближение актёра и зрителя, а также соединение западного театрального опыта с традиционными китайскими сценическими кодами. Обосновано, что деятельность Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэя и связанных с ними театральных структур превратила «малый театр» в институциональную основу современного китайского сценического эксперимента.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в культурологии, театроведении, истории зарубежного театра, а также при разработке учебных курсов по современному китайскому искусству, межкультурному театру и институциональной истории сценических практик.

Ключевые слова: китайский театр, малый театр, театральный авангард, Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэй, режиссёрский театр, реформы и открытость, китайская сцена, межкультурный театр, постдраматические практики.

* © Сюй Цзявэнь, 2026.

«Малый театр» как пространство становления китайского театрального авангарда

Xu Jiawen

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0002-8376-1704 / SPIN-code:4229-9206

The “small theatre” as a space for the formation of the Chinese theatrical avant-garde

Abstract. Background. The article examines the phenomenon of the “small theatre” in China as a key institutional and artistic environment in which the contemporary Chinese theatrical avant-garde was formed. The relevance of the study is determined by the fact that in Russian theatre studies Chinese avant-garde theatre is often described mainly through individual directors or through the influence of European artistic models, while the institutional role of small stages remains under-explored. Yet it was precisely the chamber performance space that emerged in the post-reform era and enabled Chinese theatre to develop new forms of scenic conventionality, directorial freedom, spectator contact and artistic experiment.

Purpose. The purpose of the article is to interpret the “small theatre” as a space for the formation of the Chinese theatrical avant-garde and to identify its significance in the artistic and institutional transformation of PRC theatre from the late twentieth to the early twenty-first century.

Methodology. The methodological basis of the research includes historical-cultural, comparative-typological and theatre-studies methods, as well as elements of institutional analysis. The article draws on studies of Chinese theatre in the era of reform and opening-up, scholarship on contemporary Chinese directing, small stages, intercultural reception and postdramatic processes.

Results. It is established that the “small theatre” in China functioned not merely as an architectural or spatial format but as a cultural model of new stage thinking. The study shows that the emergence of chamber venues was connected with transformations in cultural policy after 1978, the expansion of directorial initiative, the weakening of the normative repertory model and the rise of a new urban audience. It is demonstrated that the main features of the Chinese avant-garde were elaborated precisely in the space of small stages: montage dramaturgy, anti-illusionism, genre hybridity, new corporeality, a closer actor-spectator relationship, and the combination of Western theatrical experience with traditional Chinese scenic codes. It is argued that the activity of Lin Zhaohua, Meng Jinghui and related theatre structures turned the “small theatre” into the institutional basis of contemporary Chinese theatrical experiment.

Practical implications. The findings may be applied in cultural studies, theatre studies, theatre history, as well as in courses on contemporary Chinese art, intercultural theatre and the institutional history of stage practices.

Key words: Chinese theatre, small theatre, theatrical avant-garde, Lin Zhaohua, Meng Jinghui, director's theatre, reform and opening up, Chinese stage, intercultural theatre, postdramatic practices.

Введение

Во второй половине XX века китайский театр пережил глубокую художественную и институциональную трансформацию, связанную с политической реформой и открытостью, начатой после 1978 года. Ослабление жёсткой идеологической регламентации, расширение международных культурных

контактов, активизация переводческой деятельности и постепенное усложнение городской культурной среды привели к появлению новых театральных форм, выходящих за рамки прежней репертуарной модели. В этом процессе особое значение приобрело пространство «малого театра», которое стало не только новой сценической площадкой, но и средой формирования иной театральной логики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что китайский театральный авангард чаще всего описывается через творчество отдельных режиссёров, через рецепцию западной драматургии или через проблему межкультурного сценического синтеза. Такой подход безусловно продуктивен, однако он не позволяет в полной мере понять, почему именно в Китае конца XX века новые театральные практики получили столь интенсивное развитие. Между тем решающую роль здесь сыграла не только смена эстетических ориентиров, но и возникновение новой институциональной среды – малых сцен, камерных площадок, студийных пространств и фестивальных форматов, в которых эксперимент получил возможность устойчивого существования.

Научная новизна статьи заключается в том, что «малый театр» рассматривается не как второстепенный формат показа, а как самостоятельное пространство становления китайского театрального авангарда. В центре внимания находится связь между камерностью сценического пространства, изменением статуса зрителя, расширением режиссёрской свободы, новой организацией театрального языка и формированием художественных стратегий, определивших современную китайскую сцену.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить значение «малого театра» для становления китайского театрального авангарда. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: охарактеризовать театральную ситуацию в КНР после начала реформ и открытости; рассмотреть возникновение малых сцен как альтернативы нормативной большой сцене; проанализировать эстетические особенности камерного театрального пространства; выявить роль Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэя и других режиссёров в формировании новой сценической модели; определить значение «малого театра» как институциональной основы китайского авангардного театра.

Объектом исследования выступает современный китайский театр периода 1979–2020 годов. Предмет исследования – «малый театр» как художественная и институциональная среда формирования китайского театрального авангарда. Теоретическую базу исследования составляют труды по истории китайского театра, работы о постреформенной культурной политике КНР, исследования современного режиссёрского театра Китая, а также публикации, посвящённые Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэю, малым сценам и постдраматическим процессам.

Материалы и методы

Материалом исследования выступают научные работы по истории китайского театра периода реформ и открытости, исследования по проблемам малых сцен, труды о современном китайском режиссёрском театре, а также публикации, посвящённые становлению театрального авангарда в Китае. В качестве аналитической базы привлечены исследования о Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэе, китайском «поп-авангарде», постдраматических формах и институциональной трансформации театрального пространства КНР.

Методологическую основу составляют несколько взаимосвязанных подходов. Историко-культурный метод используется для анализа театральной ситуации в КНР после 1978 года и для рассмотрения роли реформ и открытости в модернизации сценического искусства. Сравнительно-типологический метод позволяет выявить специфику малых сцен по сравнению с традиционной большой репертуарной сценой. Театроведческий метод применяется для анализа эстетики камерного пространства, режиссёрских решений, организации зрительского восприятия и принципов сценической условности. Институциональный анализ используется для того, чтобы показать, как именно возникновение новых площадок, студий, независимых театральных структур и фестивалей повлияло на формирование китайского авангарда.

Последовательность исследования строится от общего к частному. На первом этапе рассматривается культурно-театральный контекст постреформенного Китая. На втором этапе анализируется появление «малого театра» как новой сценической среды. На третьем этапе выявляются эстетические принципы камерной сцены. На четвёртом этапе исследуются режиссёрские практики, наиболее ярко репрезентирующие данную форму. На заключительном этапе обобщается значение «малого театра» как институциональной основы китайского театрального авангарда.

Результаты и обсуждение

Театр КНР после реформ и открытости: условия для появления новой сцены

Начало политики реформ и открытости стало переломным моментом для театральной культуры Китая. Театр, долгое время существовавший в условиях жёсткой идеологической регламентации, постепенно оказался включён в более сложную и подвижную систему культурных отношений [11]. Ослабление централизованного контроля не означало полного исчезновения идеологического надзора, однако оно создало пространство для новых художественных инициатив. В театре это выразилось в возвращении ранее ограниченных форм мировой драматургии, в расширении переводного репертуара, в усилении режиссёрской роли и в постепенном переосмотре эстетических норм, сложившихся в предшествующий период [4].

Особое значение имело то, что театральная сфера начала реагировать на общее усложнение городской жизни. Новая публика, прежде всего молодая и образованная городская аудитория, уже не удовлетворялась исключительно нормативным репертуаром большой государственной сцены. Её интерес смещался в сторону более компактных, интеллектуально насыщенных, экспериментальных форм [2]. Именно эта аудитория стала одним из факторов, обеспечивших жизнеспособность новых камерных площадок.

Параллельно менялась и сама культурная инфраструктура. Возникновение небольших сценических пространств внутри крупных театров, студийных площадок, независимых коллективов и позднее – фестивальных платформ создало условия для появления спектаклей, не ориентированных на массовую репрезентативность [10]. Тем самым театральная система КНР начала дробиться на разные уровни: официально репертуарный, коммерческий, экспериментальный и гибридный. В этой многоуровневой системе «малый театр» занял особое место как зона художественного риска и режиссёрской свободы.

Возникновение малых сцен как альтернативы большой государственной сцене

Появление «малого театра» в Китае следует рассматривать не только как изменение масштаба сценического пространства, но и как пересмотр самой театральной модели [3]. Большая государственная сцена, связанная с устойчивой репертуарной системой, с официальным статусом спектакля и с жёсткой институциональной рамкой, задавала определённый тип сценичности: монументальность, идеологическую контролируемость, зрелищную репрезентативность и относительную дистанцию между актёром и зрителем [16]. Камерная сцена, напротив, открывала возможность для иной театральной организации.

В китайском контексте одним из символических рубежей здесь стала постановка «Абсолютного сигнала» Гао Синцзяня в режиссуре Линь Чжаоухуа, осуществлённая в 1982 году. Этот спектакль стал важен не только как художественный эксперимент, но и как событие институционального порядка. Он показал, что небольшое пространство может стать местом выработки нового театрального языка [17]. В отличие от большой сцены, малый театр позволял иначе организовать время действия, ритм восприятия, работу с голосом, жестом и паузой, а также выстраивать более плотный контакт со зрителем [15].

Камерность здесь имела принципиальное значение. Она устраняла привычную репрезентативную дистанцию и делала любое художественное решение более зримым. В малом пространстве уже невозможно было скрыться за декоративной избыточностью или за эффектом масштабности. В центре оказывались актёр, режиссёрская композиция, темпоритм, смысловая структура действия [6]. Именно поэтому малая сцена стала бла-

гоприятной средой для антииллюзионизма, монтажной драматургии, ролевой нестабильности, жанровой гибридности и иных черт, позднее ставших ассоциироваться с китайским театральным авангардом.

Эстетика камерности, эксперимента и режиссёрской свободы

«Малый театр» выработал не только новую пространственную организацию, но и специфическую эстетику. Прежде всего она связана с камерностью как художественным принципом. В малом сценическом пространстве меняется сама логика зрительского участия. Зритель оказывается не внешним наблюдателем большого театрального зрелища, а непосредственным участником интенсивного восприятия [1]. Малейшее изменение жеста, голоса, паузы, предметной композиции приобретает здесь смысловую насыщенность. В результате спектакль начинает строиться не на масштабе, а на плотности выразительного действия.

Вторым важным признаком становится экспериментальность. Малая сцена освобождала режиссёра от части институциональных обязательств, характерных для репертуарной «большой сцены», и позволяла обращаться к текстам, формам и сценическим решениям, которые в ином пространстве могли бы быть восприняты как слишком рискованные [19]. Здесь активнее осваивались западная модернистская и авангардная драматургия, новые принципы монтажа, фрагментарность, открытая условность, сценическая рефлексия, документальные элементы, музыкально-пластические эксперименты [7].

Третья черта связана с изменением статуса режиссёра. Именно малая сцена стала пространством, где режиссёр в китайском театре всё явственнее выступал не как интерпретатор готового репертуара, а как полноценный автор сценической структуры [18]. В этом смысле «малый театр» оказался связан с формированием в Китае новой модели режиссёрского театра. Он делал возможным спектакль как индивидуальное высказывание, а не только как реализацию нормативного драматургического текста.

Наконец, малая сцена способствовала новому соединению китайской и западной театральных традиций. В ней европейские авангардные и постдраматические импульсы могли быть не просто заимствованы, а локально адаптированы [5]. Именно камерное пространство оказалось наиболее благоприятным для того, чтобы соединить монтаж, антииллюзионизм и режиссёрскую свободу с китайской условностью, знаковым жестом, музыкальностью и ритуализированной телесностью.

Линь Чжаохуа и становление малой сцены как художественной лаборатории

Одной из центральных фигур китайского «малого театра» стал Линь Чжаохуа. Его значение определяется тем, что он одним из первых увидел в камерной сцене не вспомогательный формат, а самостоятельную художественную лабораторию [14]. Именно в этом пространстве он смог по-

следовательно вырабатывать иной тип театральности, дистанцированный от психологического натурализма и от громоздкой репрезентативности официального театра.

Для Линь Чжаохуа малая сцена была важна не только организационно, но и эстетически. Она позволяла строить спектакль как напряжённое поле смыслов, а не как линейное воспроизведение драматургии. Его режиссёрские решения часто опирались на демонстративную условность, ролевую подвижность, дробление действия на смысловые блоки, подчеркнутую сценическую конструктивность. В этом отношении малая сцена стала для него пространством, где можно было соединить западный режиссёрский опыт, модернистскую драматургию и ресурсы китайской сценической памяти.

Именно благодаря таким опытам «малый театр» перестал быть периферийной формой. Он начал восприниматься как легитимная среда художественного поиска. Это было особенно важно для китайского театра 1980-х годов, когда эксперимент ещё не имел прочного институционального статуса. Деятельность Линь Чжаохуа показала, что малая сцена способна производить не просто камерные спектакли, а новые модели театрального мышления.

Мэн Цзиньхуэй и превращение малой сцены в пространство городской авангардной культуры

Если у Линь Чжаохуа малая сцена выступала прежде всего как интеллектуальная лаборатория, то в творчестве Мэн Цзиньхуэя она приобрела ещё и качество городской культурной платформы. Именно Мэн Цзиньхуэй во многом сделал китайский театральный авангард заметным для широкой молодой аудитории. Его работа показала, что камерное пространство может быть не только зоной элитарного эксперимента, но и местом формирования новой урбанистической театральной культуры [12].

Спектакли Мэн Цзиньхуэя строились на монтажности, коллажности, музыкальной агрессии, иронии, цитатности и принципиальной фрагментарности. В малом пространстве эти качества приобретали особую интенсивность. Камерная сцена у Мэн Цзиньхуэя переставала быть просто уменьшенной версией большого театра. Она превращалась в пространство плотного и почти физически ощутимого взаимодействия, где текст, музыка, пластика актёра, свет и видео существовали одновременно и постоянно влияли друг на друга [9]. За счёт этой перегруженности разными выразительными слоями возникал особый тип театральности, который позднее начали связывать с понятием «поп-авангарда».

Важно и другое: деятельность Мэн Цзиньхуэя не ограничивалась постановками. Он участвовал в формировании всей среды вокруг нового театра – поддерживал молодых режиссёров и драматургов, работал с фестивальными площадками, помогал закрепиться независимым инициативам [8]. Постепенно малая сцена в Китае стала не только местом показа спектак-

клей, а отдельной культурной системой со своей аудиторией, инфраструктурой и механизмами обмена.

«Малый театр» как институциональная основа китайского авангарда

Китайский театральный авангард появился не только благодаря новым эстетическим поискам. Не менее важным оказалось само существование пространства, где эти поиски могли закрепиться. Без малых сцен многие экспериментальные практики, вероятно, остались бы случайными и недолговечными.

Именно небольшие площадки позволяли работать иначе: с меньшей зависимостью от крупных государственных театров, с более свободной организацией репетиций и с возможностью быстрее реагировать на культурные изменения. Одновременно менялся и сам характер общения со зрителем. Дистанция между залом и сценой сокращалась, а спектакль начинал восприниматься как более непосредственный опыт. Постепенно вокруг таких площадок сложилась новая публика – зритель, готовый к условности, фрагментарности, смешению жанров и более интеллектуальному театральному языку [13]. Вместе с этим возникла и особая инфраструктура: студийные пространства, независимые коллективы, фестивали, альтернативные формы продюсирования.

Поэтому китайский театральный авангард трудно объяснить только отдельными режиссёрскими экспериментами. За ним стоял длительный процесс институционального формирования. И ключевую роль здесь сыграл именно «малый театр» – пространство, где эксперимент получил возможность существовать не эпизодически, а как устойчивая часть современной театральной культуры.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько основных выводов.

1. «Малый театр» в Китае возник как следствие общей культурной трансформации, связанной с политикой реформ и открытости, и стал одной из важнейших форм модернизации театральной системы КНР.

2. Камерные сценические пространства выступили альтернативой большой государственной сцене и создали условия для развития новых форм сценической условности, режиссёрской инициативы, антииллюзионизма и жанрового эксперимента.

3. Эстетика «малого театра» определяется камерностью, высокой степенью зрительской вовлечённости, монтажностью, художественным риском и возможностью соединять западные авангардные стратегии с китайской сценической традицией.

4. Деятельность Линь Чжаохуа и Мэн Цзиньхуэя сыграла решающую роль в превращении малых сцен в пространство формирования нового

китайского театрального языка и в институциональное ядро театрального авангарда.

5. Следовательно, китайский театральный авангард конца XX – начала XXI века следует понимать не только как эстетическое, но и как институциональное явление, тесно связанное с пространством «малого театра».

Библиографический список

1. Барбой Ю.М. К теории театра. – СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2008. 240 с.
2. Каморная Ю.О. Современный театр Китая: между традицией и модернизацией // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 7. С. 89-95.
3. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. – М.: ABCdesign, 2013. 312 с.
4. Рязанова Д.Б. Театр Китая в эпоху реформ и открытости: институциональные и художественные трансформации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2021. Т. 11. № 4. С. 612-628.
5. Сизикова Н.В. Традиция и современность в сценической культуре Китая // *Культура и искусство*. 2020. № 9. С. 52-63.
6. Conceison C. China's Experimental Mainstream: The Badass Theatre of Meng Jinghui // *TDR: The Drama Review*. 2014. Vol. 58. № 1. P. 64-90. – DOI: 10.1162/DRAM_a_00328.
7. Conceison C. Meng Jinghui and Avant-Garde Theater // *A New Literary History of Modern China*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. P. 827-833. – DOI: 10.4159/9780674978898-142.
8. Ferrari R. Transnational Chinese Theatres: Intercultural Performance Networks in East Asia. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 302 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-37273-6.
9. Ferrari R. Flowers in the Mirror, Moon on the Water, and Beijing Avant-Garde Theatre // *Staging China: New Theatres in the Twenty-First Century*. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 133-158. – DOI: 10.1057/9781137529442_7.
10. Feng W. Intercultural Aesthetics in Traditional Chinese Theatre: From 1978 to the Present. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 278 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-40635-6.
11. He W. Bertolt Brecht's Theatrical Concept of Alienation Effect and the Chinese Application and Transformation // *Neohelicon*. 2019. Vol. 46. № 1. P. 53-65. – DOI: 10.1007/s11059-018-0468-3.
12. Leonesi B. Teahouse or Not? Meng Jinghui's Avant-Garde Version of Lao She's Classical Play // *Modern Chinese Literature and Culture*. 2023. Vol. 35. № 1. P. 131-161. – DOI: 10.3366/mclc.2023.0029.
13. Phillips H. Twentieth-Century Chinese–Western Intercultural Theatre // *Theatre Research International*. 2010. Vol. 35. № 1. P. 93-95. – DOI: 10.1017/S0307883309990393.
14. Stecher A. Translating Theatre: Lin Zhaohua's "World Classics" Productions with Special Focus on Dürrenmatt's *Romulus the Great* // *Contemporary European Theatre Directors*. London: Routledge, 2023. P. 191-205. – DOI: 10.4324/9781003435327-13.
15. Tian M. "Alienation-Effect" for Whom? Brecht's (Mis)interpretation of the Classical Chinese Theatre // *Asian Theatre Journal*. 1997. Vol. 14. № 2. P. 200-222. – DOI: 10.2307/1124277.
16. Wang H. Remapping Avant-Garde Theatre in Post-Socialist China // *Modern Chinese Literature and Culture*. 2024. Vol. 36. № 2. P. 1-34. – DOI: 10.3366/mclc.2024.0061.
17. Wei Y. Lin Zhaohua's Innovation of Huaju Acting in *The Master Builder* // *Staging China: New Theatres in the Twenty-First Century*. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 53-76. – DOI: 10.1057/9781137529442_3.
18. Xian L. The Bodily Encounter: Towards a Utopian Community through Stage Presence // *Theatre Research International*. 2025. Vol. 50. № 2. P. 125-143. – DOI: 10.1017/S030788332500001X.
19. Zhao H.Y.H. Towards a Modern Zen Theatre: Gao Xingjian and Chinese Theatre Experimentalism. London: School of Oriental and African Studies, 2000. 284 p.
20. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // *Альманах «Крым»*. 2025. № 49. С. 103-110.

References

1. Barboy Yu.M. On the Theory of Theater. St. Petersburg: SPbGATI Publishing House, 2008. 240 p.
2. Kamornaya Yu.O. Contemporary Theater of China: Between Tradition and Modernization // Society: Philosophy, History, Culture. 2022. № 7. P. 89-95.
3. Lehman H.-T. Postdramatic Theater. Moscow: ABCdesign, 2013. 312 p.
4. Regzenova D.B. Theater of China in the Era of Reforms and Openness: Institutional and Artistic Transformations // Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism. 2021. Vol. 11. № 4. P. 612-628.
5. Sizikova N.V. Tradition and Modernity in the Stage Culture of China // Culture and Art. 2020. № 9. P. 52-63.
6. Conceison C. China's Experimental Mainstream: The Badass Theatre of Meng Jinghui // TDR: The Drama Review. 2014. Vol. 58. № 1. P. 64-90. – DOI: 10.1162/DRAM_a_00328.
7. Conceison C. Meng Jinghui and Avant-Garde Chinese Theater // A New Literary History of Modern China. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. P. 827-833. – DOI: 10.4159/9780674978898-142.
8. Ferrari R. Transnational Chinese Theatres: Intercultural Performance Networks in East Asia. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 302 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-37273-6.
9. Ferrari R. Flowers in the Mirror, Moon on the Water, and Beijing Avant-Garde Theatre // Staging China: New Theatres in the Twenty-First Century. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 133-158. – DOI: 10.1057/9781137529442_7.
10. Feng W. Intercultural Aesthetics in Traditional Chinese Theatre: From 1978 to the Present. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 278 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-40635-6.
11. He W. Bertolt Brecht's Theatrical Concept of Alienation Effect and the Chinese Application and Transformation // Neohelicon. 2019. Vol. 46. № 1. P. 53-65. – DOI: 10.1007/s11059-018-0468-3.
12. Leonesi B. Teahouse or Not? Meng Jinghui's Avant-Garde Version of Lao She's Classical Play // Modern Chinese Literature and Culture. 2023. Vol. 35. № 1. P. 131-161. – DOI: 10.3366/mclc.2023.0029.
13. Phillips H. Twentieth-Century Chinese-Western Intercultural Theatre // Theatre Research International. 2010. Vol. 35. № 1. P. 93-95. – DOI: 10.1017/S0307883309990393.
14. Stecher A. Translating Theatre: Lin Zhaohua's "World Classics" Productions with Special Focus on Dürrenmatt's Romulus the Great // Contemporary European Theatre Directors. London: Routledge, 2023. P. 191-205. – DOI: 10.4324/9781003435327-13.
15. Tian M. "Alienation-Effect" for Whom? Brecht's (Mis)interpretation of the Classical Chinese Theatre // Asian Theatre Journal. 1997. Vol. 14. № 2. P. 200-222. – DOI: 10.2307/1124277.
16. Wang H. Remapping Avant-Garde Theatre in Post-Socialist China // Modern Chinese Literature and Culture. 2024. Vol. 36. № 2. P. 1-34. – DOI: 10.3366/mclc.2024.0061.
17. Wei Y. Lin Zhaohua's Innovation of Huaju Acting in The Master Builder // Staging China: New Theatres in the Twenty-First Century. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 53-76. – DOI: 10.1057/9781137529442_3.
18. Xian L. The Bodily Encounter: Towards a Utopian Community through Stage Presence // Theatre Research International. 2025. Vol. 50. № 2. P. 125-143. – DOI: 10.1017/S030788332500001X.
19. Zhao H.Y.H. Towards a Modern Zen Theatre: Gao Xingjian and Chinese Theatre Experimentalism. London: School of Oriental and African Studies, 2000. 284 p.
20. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.

*Current issues of science
and innovation*

*Актуальные вопросы науки
и инновации*

Мальцева Л.В.

Доктор педагогических наук, доцент, профессор, Кубанский государственный университет.

Зачем человеку нужна каллиграфия?*

Аннотация. Искусство писать красиво – это относится к каллиграфии. Она вкладывает душу в каждую букву и слово, позволит нам окунуться в безграничный мир искусства, в котором переплелись узоры древности и современная романтика. А, быть может, каллиграфия в современном формате станет для кого-то профессией. Каллиграфия даёт возможность каждому слову передать в точности нужный образ через свой стиль; создать особую атмосферу, вдохнув в строки новые краски. Каллиграфия – это творчество, она подразумевает создание индивидуального стиля письма, придания знакам эмоциональности. Ведь задача каллиграфа не просто оформить текст с эстетической точки зрения, но и правильно расставить акценты, сделать его запоминающимся и ассоциативным. Если заниматься каллиграфией постоянно, тем самым можно исправить почерк. Сегодня к каллиграфии начинает проявляться интерес и это нужно развивать, начиная со школы и продолжать в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: каллиграфия, воспитание, обучение, красота, lettering, история.

Maltseva L.V.

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Kuban State University.

Why does human need calligraphy?

Abstract. The art of beautiful writing – this applies to calligraphy. It pours soul into every letter and word, allowing us to immerse ourselves in a boundless world of art, where ancient patterns and modern romance are intertwined. Perhaps, for some, calligraphy in its modern form will become a profession. Calligraphy allows each word to convey precisely the desired image through its own style; it creates a special atmosphere, breathing new colors into the lines. Calligraphy is a creative process; it implies the creation of an individual writing style, imbuing characters with emotionality. After all, the calligrapher's task is not simply to present a text aesthetically, but also to correctly place accents, making it memorable and associative. Regular practice of calligraphy can improve one's handwriting. Today, interest in calligraphy is beginning to emerge, and this should be developed, starting in school and continuing in higher education.

Key words: calligraphy, education, training, beauty, lettering, history.

Каллиграфия – это красиво писать: от греческого слова «каллиграфия».

* © Мальцева Л.В., 2026.

Зачем человеку нужна каллиграфия?

Исполнить написание иероглифов или букв нужно с элементами рисунка, с особым художественным самовыражением, эмоциональностью и философией. В древности каллиграфия использовалась для написания манускриптов и книг. Эта профессия ценилась. Каллиграфист считался не просто ремесленником, передающим знания, но и настоящим художником, вкладывающим в своё творение душу и философию.

Актуальность данной проблемы в наше время состоит в том, чтобы научиться красиво писать, в этом поможет каллиграфия. Что все – таки такое каллиграфия. В некоторых высших учебных заведениях каллиграфию изучали и продолжают изучать как отдельный предмет. Но большая часть людей, особенно это касается подрастающего поколения, и вовсе не имеют представления о красивом и изящном письме.

История каллиграфии интересна. Впервые каллиграфию начали использовать в XVI веке в Европе. В этот период красивое и безупречное изображение слов стало называться каллиграфическим письмом. Каллиграфия постоянно развивалась. Еще древние люди, жившие в пещерах, изображали на камнях разнообразные рисунки. Со временем рисунки стали заменяться символами, и такой стиль письма имел название клинопись. В современном мире почерк ребенка невозможно разобрать, нужно понять причины, влияющие на это. Неряшливость почерка может проявляться по-разному – частые помарки, прыгающие буквы, неразборчивые слова, используя компьютер и др.

Детей писать нужно начинать в возрасте 5-7 лет. Для этого сначала нужно использовать прописи. С годами тренировок ребенок станет писать быстрее. К признакам плохого почерка можно отнести: 1) разные буквы, которые написаны одинаково; 2) неправильное соединение букв или слова, написанные с разрывом по слогам; 3) слова, которые написаны не на строке, а над ней или под не; 4) буквы отличаются по высоте; 5) наклон букв превышает 50 градусов. Чтобы научиться писать красивым почерком, для этого нужно прежде всего научиться правильно держать ручку. Этим нужно заниматься систематически – это и есть основа всей каллиграфии, чтобы добиться изменения почерка в лучшую сторону.

Каллиграфия особенно у детей развивает мелкие мышцы, связки руки и тем самым влияет на мелкую моторику. Мы знаем, что в силу того, что дети в раннем возрасте познают при помощи осязания и игры – занятия на мелкую моторику очень важны для развития. Мелкая моторика при занятиях каллиграфией развивается даже лучше, чем при сборке конструкторов, рисовании, игре с кубиками и пирамидками и в других занятиях. Занятия каллиграфией отлично развивают творческое мышление, воображение. Помогает человеку получить положительные эмоции. Каллиграфия – это хороший способ реализации и направления энергии, ведь, как мы знаем, создание произведений искусства своими руками отлично

успокаивает и несет положительный заряд.

Чтобы научиться каллиграфии необходимо: 1) положение пальцев, ладони и запястья для правильного обхвата пера; 2) правильное положение запястья и руки в воздухе при письме; 3) движения пером. Все это не только тренирует мышцы рук и нервы, но и затрагивает все части тела: пальцы, плечи, спину и ноги. Этот процесс влияет на психическое и физическое здоровье, развивает тончайшие мышцы рук, стимулирует работу мозга и воображение. Процесс письма также восстанавливает дыхание.

Поэтому у нас на художественно-графическом факультете Кубанского государственного университета ввели занятия по каллиграфии на втором курсе. На занятиях студенты осваивают азы каллиграфии, то есть начинают с элементов букв, затем делают буквицы, пишут тексты. Каллиграфия – это творчество, она подразумевает создание индивидуального стиля письма, придания знакам эмоциональности. Ведь задача каллиграфа не просто оформить текст с эстетической точки зрения, но и правильно расставить акценты, сделать его запоминающимся и ассоциативным. У нас в Кубанском государственном университете на художественно-графическом факультете студентам преподаются основы каллиграфии. Была разработана программа. Цель этой программы развитие навыков каллиграфического письма.

Рисунок 1. работы студентов 2 курс.

Изучение стилей. Создание каллиграфических композиций, в том числе использование векторных редакторов, развитие творческого мышления и навыков работы с цифровыми инструментами (рисунок 1). В этой программе предусмотрено:

- практикум по каллиграфии;
- стили каллиграфического письма;
- цифровая каллиграфия в векторных редакторах и визуальной реальности.

Первые упоминания об искусстве красивого письма датируются 4000 годом до н.э., а родом оно из Китая. Страна является родиной бумаги, поэтому неудивительно, что именно в Китае каллиграфия не только возникла, но и получила распространение и наполнение смыслами.

Этот вид искусства возникал независимо друг от друга почти во всех культурах на протяжении становления цивилизации. Сегодня можно говорить сразу о нескольких ветвях развития каллиграфии.

– **Восточноазиатская.** К ней относится китайский стиль искусного письма. В китайские иероглифы закладывались глубокие философские смыслы, а искусство ставилось на один уровень с поэзией, литературой и считалось утонченной формой живописи. Живопись и каллиграфия считаются родными сестрами.

– **Арабское искусство письма.** Связано с зарождением ислама на Ближнем Востоке. При помощи витиеватых букв ученые и богословы копировали священную книгу мусульман – Коран. Ислам запрещает изображение людей и животных, но не регламентирует особенности написания, поэтому арабская вязь стала чуть ли не именем нарицательным.

– **Европейская каллиграфия.** Берет начало от алфавитов Древних Греции и Рима, которые, в свою очередь, легли в основу всего европейского письма. Затейливыми орнаментами из букв украшали памятники, архитектурные сооружения, писались законы, важные рукописи. Знаменитый готический стиль просуществовал почти 10 столетий, до самой эпо-

нем Востоке. При помощи витиеватых букв ученые и богословы копировали священную книгу мусульман – Коран. Ислам запрещает изображение людей и животных, но не регламентирует особенности написания, поэтому арабская вязь стала чуть ли не именем нарицательным.

хи Возрождения.

Древние артефакты и письменность, выделяют также персидскую, индийскую, еврейскую, армянскую каллиграфию. Течения рукописного искусства в разные эпохи имели различные масштабы развития и использовались чаще всего для оформления религиозных текстов.

С появлением рекламы и возникновением цифровой среды каллиграфия обрела второе дыхание. Можно говорить о двух направлениях развития древнего искусства.

1. Ручное изображение. Штучный товар, дорогой и уникальный. Это могут быть объекты украшения интерьера, ручное оформление обложек книг, подарков. Часто встречается в оформлении городской среды, арт-объектах. Буквы и символы наносятся на поверхности различных объектов: холст, ткани.

2. Цифровое изображение. Используется как элемент фирменного стиля, визиток, печатной продукции и др. Все это получило распространение с развитием рекламы.

Есть еще леттеринг. Его не стоит путать с каллиграфией. Леттеринг имеет отношение к дизайну, а не написания букв, в отличие от каллиграфии. Леттеринг искусство рисования. В леттеринге буква или слово являются иллюстрацией объекта или послания, которое зашифровал художник. Этот стиль изобразительного искусства часто можно встретить в брендинге, граффити или, например, комиксах. Леттеринг окончательно сформировался к концу XIX века. В тот период благодаря новым технологиям полиграфии и бурному всплеску в сфере рекламы стал развиваться жанр плаката, постера, афиши и экслибриса. Часто не только иллюстрации, но и заголовки и тексты на них художники рисовали от руки, и леттеринг визуально переплетался с орнаментами и другими изобразительными формами.

Леттеринг – инструмент графического дизайна. Его создают и используют так же, как модульную сетку, палитру цветов или фотоматериал — согласно задаче. Также он родственен иллюстрации. Рисунок букв привносит дополнительные смыслы в текст и не просто украшает его, а передаёт некую визуальную метафору. А если леттеринг не вписан в ка-

кую-то дизайн-концепцию и создан автором «просто так», для красоты, то его вполне можно считать чистым творчеством.

Понятия каллиграфии, типографики и леттеринга можно определить следующим образом:

- каллиграфия – это искусство написания букв;
- леттеринг – это искусство рисования букв;
- типографика – это искусство использования букв в верстке и дизайне.

Каллиграфией необходимо заниматься и изучать. Так как она:

Антистрессовый эффект. Монотонная и механическая работа, связанная с мелкой моторикой пальцев рук, имеет благоприятное воздействие на нервную систему. Более того, происходящая в процессе стимуляция центров положительных эмоций позволит почувствовать себя лучше.

Тренировка внимания и памяти. Создание замысловатых узоров требует хорошей концентрации и усидчивости. Этот навык можно не просто развить при помощи погружения в процесс каллиграфии, но и применять в других сферах, требующих максимального сосредоточения. В моменты концентрации становятся активными центры памяти, стимуляция которых напрямую влияет на улучшение рабочей памяти.

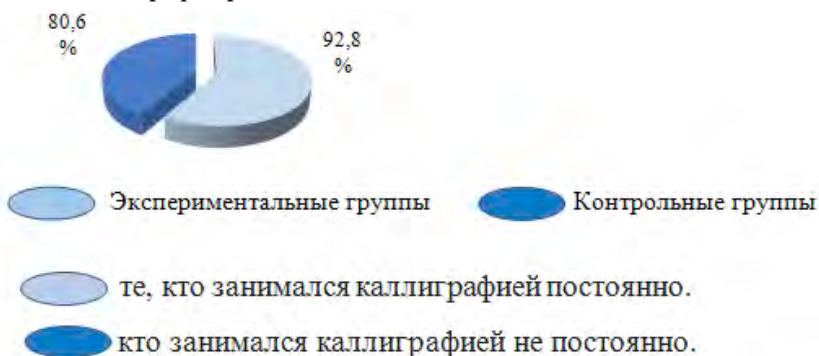
Развитие воображения и креативности. Для создания уникальных надписей все так же зачастую нужны стилус и рука. Помимо всестороннего развития, которое дает процесс каллиграфии, обучение красивому письму несет пользу для всех, кто имеет дело с дизайном и необходимостью мыслить креативно.

Сегодня появляется интерес по теплу живой рукописи, да и рукописные, рукодельные книги входят в моду во всем мире. Но к сожалению, сейчас по-прежнему мало времени уделяется предмету каллиграфия. Каллиграфия полезна и важна, особенно в условиях современной жизни. Уверена в том, что, совершенствуя себя с помощью каллиграфии, можно изменить в лучшую сторону не только свою собственную жизнь, но принести пользу окружающим тебя людям.

Как каллиграфия развивает внимание.

Как каллиграфия развивает память, если ей заниматься постоянно.

Как каллиграфия развивает воображение, которое необходимо при выполнении творческих работ.

Библиографический список

1. Ферраро, Меткалф, Ньюхолл Основы каллиграфии и лetterинга. – Москва: АСТ, 2022.
2. Проненко Л.И. Каллиграфия для всех. – Москва: студия Артемия Лебедева, 2023.
3. Куланина Е. М. Современная каллиграфия как социокультурный феномен. – Москва: Прометей, 2021.
4. Келичхани Хамид-Реза Иранская каллиграфия. Знакомство с традицией. – СПб: Сандра, 2019.
5. Богдеско И.Т. Каллиграфия. – СПб: Агат, 2005.
6. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.

References

1. Ferraro, Metcalf, and Newhall. Basics of Calligraphy and Lettering. Moscow: AST, 2022.
2. Pronenko, L.I. Calligraphy for Everyone. Moscow: Art. Lebedev Studio, 2023.
3. Kulanina, E.M. Contemporary Calligraphy as a Sociocultural Phenomenon. Moscow: Prometheus, 2021.
4. Kelikhani, Hamid-Reza. Iranian Calligraphy. Introduction to the Tradition. St. Petersburg: Sandra, 2019.
5. Bogdesko, I.T. Calligraphy. St. Petersburg: Agat, 2005.
6. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.

Федорова Л.В.

Кандидат политических наук, Директор Международного Фонда Исследования Тенгри, г. Якутск.

Тенгризм и Тэнрикё как религии откровения*

Аннотация. Цель данного исследования - поиск схожестей в якутском тенгризме (тенгризме) и японском тэнри-кё. Впервые в сравнительном плане как религии Откровения рассматриваются якутский тенгризм (тенгризм) и японская религия Тэнри-кё.

Актуальность исследования исходит из сложившейся современной напряженной ситуации в мире и необходимости ее мирной разрядки. Необходимо искать не противоречия между народами, а общности, в т.ч. сходства их традиционных духовных ценностей. Почему у саха (якутов) и у японцев идентичный теоним Тэнри? Чем это обусловлено?

Методы. Для выяснения этих положений применяется феноменологический метод, который фокусируется на непосредственном опыте и переживаниях Мики Накаяма, которой в октябре 1838 года открылся Бог Тэнри-кё, и опыте персонажей якутского эпоса олонхо. А также проводится исторический экскурс по появлению этих религиозных учений, указываются места и время их появлений, кратко описываются их обряды и основные концепты.

Результаты и выводы. В результате сопоставлений основных концептов обеих религий, несмотря на разные эпохи и места их проявлений, выявляются общие параллели, объясняемые универсальностью религий откровений Бога-Творца – Тэнри / Тэнри, а также возможными древнейшими культурными и другими контактами.

Ключевые слова: Тэнри, Тангара, Айыы, Тэнрикё, Откровение, Тэнгризм, Олонхо.

Fedorova L.V.

Candidate of Political Sciences, Director of the International Tengri Research Foundation, Yakutsk.

Tengrism and Tenrikyo as religions of revelation

Abstract. The purpose of this study is to find similarities in Yakut Tengrism and Japanese Tenri-kyo. For the first time Yakut Tengrism and the Japanese religion of Tenri-kyo are considered in comparative terms as religions of Revelation. The relevance of the research comes from the current tense situation in the world and the need for its peaceful resolution. It is necessary to look not for contradictions between peoples, but for commonalities, including similarities in their traditional spiritual values. Why do the Sakha (Yakuts) and the Japanese have the identical theonym Tenri? What is the reason for this? To clarify these positions, a phenomenological method is used, which focuses on the direct experience and experiences of Miki Nakayama, who revealed the God Tenri-kyo in October 1838, and the experience of the characters of the Yakut epic olonkho. There is also a historical tour of the appearance of

* © Федорова Л.В., 2026.

Тенгризм и Тэнрикё как религии откровения

these religious teachings, the places and times of their appearance are indicated, their rituals and basic concepts are briefly described. As a result of comparing the basic concepts of both religions, despite the different epochs and places of their manifestations, common parallels are revealed, explained by the universality of the religions of the revelations of the Creator God – Tenri, as well as possible ancient cultural and other contacts. The issue undoubtedly requires further investigation.

Key words: Tengri, Tangara, Ayy, Tenrikyo, Revelation, Tengrism, Olonkho.

Введение. Во многих религиях письменная фиксация Откровения признается источником вероучения. В якутском тенгризме фиксация Откровения передана мифологией эпоса олонхо. Олонхо тысячелетиями передавалось из поколения в поколение изустно. Во всех олонхо все деяния персонажей подчинены божественным волеизъявлениям, услышанным, увиденным чудесным образом. Поэтому, хотя за тысячелетия имя первого человека, которому Тенгри открылся впервые, не сохранилось, якутский тенгризм можно отнести к религиям Откровения. В современной истории примером религии Откровения, где Тэнри открылся человеку, является японская религия Тэнрикё. Так, 26 октября 1838 года Бог-Творец – Тэнри-О-но-Микото, явился в мир, воплотившись в облике Основательницы религии Мики Накаяма, чтобы спасти человечество. Бог-Творец открылся ей во время проведения лечения больного сына, объявив себя первоначальным и истинным Родителем, который не только создал человека, но и со времени его сотворения постоянно воспитывает людей и ведёт их по жизненному пути.

Основными источниками работы выступили работы тенгриведов Н.Г. Аюпова, Ж.-П. Ру, якутских историков, фольклористов и работы Г.Е. Комаровского, А.С. Арутюнова, Т.П. Григорьевой, материалы сайта религиозной организации Тенрикё.

Источниками исследования якутского тенгризма послужили работы якутских историков Г.В. Ксенофонтова, П.А. Ойунского, А.И. Гоголева, А.Н. Алексеева, Р.Д. Бравиной, Е.Н. Романовой, К.Д. Уткина, Ф.Ф. Желобцова и др. А также работы генетиков В.В. Фефеловой, С.А. Федоровой, изучавших родословную саха (якутов), помимо археологических, этнографических, генетических материалов послужили работы фольклористов, филологов Э.К. Пекарского, Г.У. Эргиса, С. Боло, И.В. Пухова, Н.А. Алексеева, Н.В. Емельянова, Е.С. Сидорова и др. Вопросы тенгриведения рассмотрены в работах французского религиоведа Ж.-П. Ру, казахского ученого Н.Г. Аюпова, монгольского академика Ш. Бира, якутских ученых А.И. Гоголева, Е.С. Сидорова, Н.А. Алексеева, Л.А. Афанасьева – Тэрис, и других. Источниками исследования японского Тэнрикё послужили работы Г.Е. Комаровского, Сояма Масару, С.А. Арутюнова, К.Л. Банни-

кова, Т.П. Григорьевой, материалы сайта организации Тэнрикё.

Сегодня большинство якутских исследователей согласны с тем, что предки саха прибыли в III - IV вв. на Среднюю Лену через Байкал с Красноярско-Минусинского региона. Они привели с собой свои традиции и религиозную веру в *Айыы Тангара*. Согласно выводам якутских историков, прибывшие на Среднюю Лену предки саха (якутов) были хуннского происхождения [1, с. 131].

По историческим данным в X веке до н. э. хунну начали постепенно переселяться с южной окраины пустыни Гоби на северную. Но пустыня Гоби не была изначальной родиной предков уранхай саха. Южные окраины Гоби были вторичной родиной. Якутский героический эпос олонхо изначальную родину уранхай саха располагает в цветущей горной долине, окруженной снежными горными хребтами. Южная сторона Гоби примыкает к Тибетскому нагорью, которое окружено величественными горными системами Гималаев, Куньлуня, Каракорума, Гиндукуша. Анализ рассмотренных материалов приводит к тому, что якутский героический эпос олонхо располагает изначальную родину предков уранхай саха в долинах района стыка Каракорума, Гиндукуша, Западных Гималаев. Значит, этот район также и должен быть местом, с которого берут истоки веры саха в Творца Небесного – *Айыы Тангара*, аналогичного культу Тэнгри (Тенгри) тюркских, монгольских народов и праболгар.

Откровение в якутском Тэнгризме, как во всех теистических религиях в широком смысле – явление Бога-Творца, его непосредственное волеизъявление или исходящая от него информация.

История Тэнри-кё началась с женщины по имени Мики Накаяма, родившейся 18 апреля 1798 года в деревне Санмайдэн, уезде Ямабэ, провинции Ямато, которая сейчас соответствует префектуре Нара.

Г.Е. Комаровский пишет: «Религиозное чувство зависит не только от того, что заложено в человеке с рождения, что унаследовал он от предков, решающую роль здесь играет эпоха, в которую живет человек, и обстоятельства, в которые он поставлен» [2, с. 5].

Сояма Масару пишет: «В октябре 1838 года Мики Накаяма, получив божественное откровение, произнесла слова Бога-Отца: «Я – Бог-Создатель, истинный Бог. Есть причина моего появления в этом месте. В этот раз Я спустился сюда, чтобы спасти все человечество. Я желаю, чтобы Мики была храмом Бога» [3, с. 54].

Получение Божественного откровения – явление нуминозности, когда человек переживает ранее не испытанное чувство сверхъестественного – чуда, чего-то прекраснейшего или невероятного страха, ужаса. Человек что-то видит, слышит или чувствует, после которого он полностью меняется, и физически, и психологически, его начинает охватывать неотвязное чувство и мысль исполнения услышанного, увиденного, прочувственного.

Мики испытала такое нуминозное состояние и полностью преобразилась, стала фанатично проповедовать учение «вошедшего» в нее Тэнри. Войдя в ее тело Бог Тэнри стал учить вере в самого себя – Тэнри-кё. Главной целью своего учения он провозгласил достижение людьми полной радостей жизни. Сояма Масару об этом говорит: «Практический путь к полным радостям жизни, достигаемой благодаря вере в Бога-Отца, это целеустремленный путь служения другим людям, реализацией которого являются *цутомэ*, или служба, и *садзукэ*, или дар» [3, с. 55]. Мики написала на бумаге текст ритуальной песни для совершения обрядов и основную волю Тэнри. Сояма Масару пишет: «Этот письменный памятник, состоящий из 1711 стихов, мы называем его Книгой Откровения» [3, с. 55]. Тэнри-кё – полностью религия откровения.

Казахский тенгривед Н.Г. Аюпов об открытости тенгрианства пишет: «Тенгрианство как открытое мировоззрение, сохраняющее свои внутренние основания, выступает как один из факторов культурной и цивилизационной идентификации. Вместе с этим, его универсальные проявления позволяют движение к интеграции, что является условием духовно-культурного согласия и единства народов, как в рамках отдельных государств и регионов, так и в мире в целом» [4, с. 12].

А.С. Арутюнов об открытости религии Тэнри-кё: «Именно открытость Тэнри-кё и ее последователей, отсутствие у них каких-либо черт фанатизма, религиозной замкнутости и исключительности и объясняют широкие и свободные контакты членов Тэнри-кё с представителями других деноминаций, уважение и авторитет, которыми приверженцы Тэнри-кё пользуются у последних» [5, с. 25].

Как видим из этих высказываний, Тенгрианство и Тэнри-кё являются религиями Откровения, выражающими открытое, универсальное мировоззрение.

О Тэнгризме якутов. Термин *тэнгризм* / *тенгризм* в 1956 г. был введен в научный оборот французским религиоведом, историком Ж.-П. Ру. Он предложил дать название живой и организованной религии, возвращающейся вокруг Тэнгри, обобщающий термин «тэнгризм» [21, с. 49-82].

В Откровении Тэнгризма, монотеистической религии алтайских народов, трансцендентный личный Бог – Тэнгри, прямо или опосредованно (через мир *айыы*, *тэнгриев*, пророков, посредством чудесных явлений) открывает себя людям, возвещая свою волю и замысел о мире. Инициатива Откровения в Тэнгризме, как и в других монотеистических религиях, всегда исходит от Бога – Тэнгри. Основная идея якутского Тэнгризма заключается в том, что человек, люди в целом, сотворены Тэнгри-Творцом для счастья и мирной гармоничной жизни.

Архаичное ядро якутского героического эпоса олонхо сложилось во времена окончания периода матриархата и наступления патриархата.

О.Г. Сидоров пишет: «П.А. Ойунский подчеркивает ценность олонхо как источника информации о древней истории народа саха и рассматривает олонхо как историко-этнографический источник, как отражение представлений народа о социальных отношениях и т. д.» [6, с. 90]. Е.С. Сидоров также считал, что олонхо описывает реальную историю прапредков якутов зашифрованным сказительским текстом, он считал, что в некоторых олонхо есть упоминание о сюннских (хунну) вершителях судеб: «Правители хунну после Модуна величали себя: “Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, Великий шаньюй”. А древнетюркские каганы, потомки сюнну, считали себя “Тенгриподобными, в Тенгри возникшими» [7, с. 55].

По описанию в эпической стране олонхо зимуют священные птицы уранхай саха – белые журавли стерхи. Стерхи Обской популяции, до недавнего времени, пока их не истребили местные жители, зимовали на берегах северных озер и рек Пакистана, Афганистана и Западной Индии. Стерхи – эндемики, летуют в тундровой зоне Сибири. В олонхо П.А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный» стерхи летуют и в верхней долине Сайдылыкы, и в нижней долине Кыладыкы [8, с. 63-72]. Индира Ганди в свое время создала национальный парк Кеоладео в округе Бхаратпур специально для стерхов. Название долины Кеоладео созвучно названию эпической долины-родины уранхай саха – Кыладыкы.

То есть олонхо описывает изначальной родиной прапредков саха (якутов) район стыка высочайших горных систем Азии – Каракорума, Гиндукуша, западных Гималаев. Именно в этом районе зимовали стерхи Обской популяции. Также это положение подтверждается выводами генетиков. В.В. Фефелова пишет, что «в сложении якутского народа принимали участие главным образом две большие ветви: арийская и тюркская» [9, с. 210]. С.А. Федорова также пишет, что «Происхождение древних западноевразийских линий в генофонде якутского этноса, по-видимому, связано с доэтническим этапом формирования якутов как отдельного народа – скифо-сибирским, последующим гунно-сарматским и древнетюркским временем. Таким образом, данные генетической археологии подтверждают присутствие древнего европеоидного компонента в генофонде якутов, выдвинутой профессором В.В. Фефеловой на основании результатов исследований системы HLA» [10, с. 63-64].

Эпоха олонхо соответствует позднему бронзовому и раннему железному векам, которая в олонхо описывается как время междуусобиц племен верхней, средней и нижней долин. Учитывая эти положения, можем представить, смоделировать кочевую жизнь родоначальников уранхай саха. Поскольку родоначальники саха были табунщиками, осенью они перекочевывали на зимовку через горные проходы на южную сторону хребта Гиндукуша в теплые долины для тебеневки лошадей. Весной обратно пере-

валивали на весенники и летники. Естественно, они вступали в различные контакты с автохтонными племенами за овладение теплыми пастбищами [11, с. 44-74].

Освоения же новых земель в олонхо происходит по велению *Үрүҥ Аар Айыы Тойон Тангара*, который восседает на вышнем девятом ярусе неба. По его велению родители спускают на среднюю долину своих младших детей-близнецов – мальчика и девочку, с предназначением стать родоначальниками племени *айыы* и освоить эту среднюю долину.

В целом, в якутском героическом эпосе олонхо, все действия героев подчинены велениям верхних *айыы*, являющихся разнофункциональными ипостасями-аспектами *Үрүҥ Аар Айыы Тойон Тангара* (он же *Үрүҥ Аар тойон* или *Үрүҥ Айыы тойон*). Эти веления даются божественным служителям, которые открываются земным персонажам для доведения ими до адресатов. Т. е. конкретный человек или группа людей слышат от этих божественных служителей повеление *Үрүҥ Айыы Тойон Тангара* о каком-то действии.

В олонхо К.Г. Оросина «Ньургун Боотур стремительный» *Үрүҥ Аар тойон (Айыы Тангара)* – верховное божество, создатель Вселенной, живет на девятом ярусе неба. *Үрүҥ Аар тойон* повелевает богатырю *Кюн Эрбийэ* передать его наказ родителям мальчика и девочки спустить их на Срединную землю, чтобы они стали родоначальниками племени *айыы*. Родители остолбенели от такого повеления, но потом отец соглашается со словами: «Я своих деточек милых почитаю словно привеском своего многосудного сердца, придатком своей крепкой чёрной печени. Но как мне быть, что мне делать, раз повелевают такие важные господа, придется мне спустить их» [12, с. 77-79]. Так он подчиняется повелению Бога-Творца.

Детям, спустивший их брат богатырь *Мөһүт Бөбө*, говорит: «По предопределению *Одун* неба, по предуказанию *Чы ыс* неба, по велению *Дьылга тойона*, вы спустились на жительство в среднюю изначальную мать-землю стать прародителями людей-якутов» [12, с. 96]. Здесь говорится о триедином божестве *Одун хаан - Чыгыс хаан - Дьылга хаан*, одного из ипостасей *Айыы Тойон Тангара*. Это триединое божество, имеет три имени, которые, возможно, отражают длительный процесс этногенеза древнейших предков саха (якутов).

Так олонхо от начала до конца пронизано повелениями, пожеланиями, указаниями *Үрүҥ Аар тойона (Айыы Тангара)*, которыми он открывает себя персонажам олонхо.

Якуты автоматически употребляют теоним *Айыы Тангара*. Чаще всего, когда что-то трудное разрешается, приговаривают «*Айыы Тангара баар эбит*» (Творец Бог есть оказывается), когда молятся - «*Айыы Тангара, быһаа, абыраа*» (Творец Бог, спаси, помоги) и т. д.

В словаре Э.К. Пекарского о религиозном учении предков саха гово-

рится: «*”Би иги былыргыларбыт бастыг – таптаан да туран дьарыктанар дьарыктара баара – Айыы Та ара үөрэбэ”*», перевод – “Главным и любимым занятием-развлечением наших древних (людей) было Божье навидание (в вере *Айыы Тагара*)”» [13, с. 796]. Слово *үөрэх* – учение.

Казахский тенгривед Н.Г. Аюпов пишет: «Первым периодом развития тюркской культуры является: 6-1 тыс. л. до н. э. – культура прототюркских арийских племен» [4, с. 82]. Основываясь на этом положении, временем зарождения и первым периодом развития истоков Тэнгризма принимается так же 6-1 тыс. л. до н. э.

О Тэнри-кё японцев. В первой половине XIX века, сохранялся режим строгой изоляции Японии от остального мира. Это была эпоха кризиса, которая породила новые явления и в сфере религии.

Г.Е. Комаровский о семье Мики Накаяма, основательницы религии Тэнри-кё: «Родители Мики были ревностными приверженцами культуры Будды Амида (Амитабхи). Под их влиянием и сама Мики росла очень важной» [2, с. 7].

Однажды в поле Сюдзи, единственному сыну Мики, стало плохо, вызвали врача, но лекарства его не помогли. Пригласили целителя *ямабуси* и его помощницу шаманку *мико*, вещательницу гласом божьим. Поскольку это не помогало, было решено предпринять еще одну попытку. В связи с отсутствием шаманки, *ямабуси* предложил Мики занять ее место. Вскоре Мики вошла в транс, она вся дрожала, делала произвольные движения и, когда *ямабуси* спросил, кто вселился в нее, Мики ответила незнакомым голосом: «Я, изначальный и истинный Бог. Я избрал Мики как обитель Бога и посредника между Богом и людьми» [2, с. 10]. Случилось это 26 октября 1838 года, и этот день считается днем основания религиозного учения Тэнри-кё. Далее Мики, чтобы люди поверили в ее проповеди, начинает лечить родственников, соседей, знакомых. Излечившиеся люди начинают верить ей.

Т.П. Григорьева приводит цитаты из *Офудэсаки*: «Все, что я говорю или записываю кончиком своей кисти, исходит из сердца *Цуки-Хи*»; «Истинный родитель этого мира, *Цуки-Хи*, обо всем позаботится»; «Нет того, что не было бы известно *Цуки-Хи*, положившему начало этому миру» [14, с. 29].

Одним из основных положений Тэнри-кё является избавление от греховной пыли – лжи, зависти, злости и т. д. Пыль избавляется посредством *хинокисин* – безвозмездным трудом, выполняемого для Бога-Отца [2, с. 15]. *Хокориnasi* – это отсутствие пыли. Нигде не должно быть пыли, ни внутри, ни во вне, ни в словах, ни в мыслях, нигде.

С Мики Накаямой произошло классическое нуминозное явление, она ощутила божественное, то есть таинственное, услышала обращение Бога, который открылся ей под именем Тэнри. В 1875 г. Мики Накаяма назы-

вает точное место творения мира – сакральный центр Вселенной Дзиба, на этом месте воздвигают *канродай*, а вокруг строится главный культовый центр Тэнри-кё [15]. *Канродай* – это тэнрийская версия мировой оси.

В якутском тэнгризме мировая ось, пронизывающая все миры, передается образами Мирового дерева *Аал Луук мас* или *Аал Дууп мас*, Золотой Коновязи *Алтан Сэргэ*, Священного Столпа *Аар Бабах*. Они проходят через Полярную звезду, пронизывают Вселенную. К этой оси мироздания привязан конь-дракон – ездовое животное Отца Тенгри. Он, сидя на ней верхом, крутит звездное небо, все мироздание, вокруг его оси – Золотой Коновязи, упирающейся в Полярную звезду.

В центре сакральной площадки отправления тэнгрианских церемоний ставятся образы мировой оси в виде мирового дерева – *Аал Луук Мас*, или *Аар Бабах*, или золотой коновязи *Алтан Сэргэ*, в зависимости традиций того или иного поселения. Под этими символами обустраивается сакральная площадка *туһулгэ*, от слова *түс* – выпадай, спустись *алгыс* (благость божественная). Площадка предназначается для благословения, моления. Это главный культовый центр.

В Тенрикё атрибуты бога символически объясняются в терминах *тохасира-но ками* (десять божеств-столпов), каждый из которых является персонификацией специфической функции бога [15]. В якутском тэнгризме у *Айыы Тангара* имеются девять, в т. ч. один приведенный выше триединый, разнофункциональных персонификаций, называемых *айыы* и восседающих на девяти ярусах неба. Они проявляют участие в человеческой жизни.

Как уже говорили выше, идея якутского тэнгризма заключается в том, что человек, люди в целом, сотворены Тэнгри-Творцом для счастья и мирной гармоничной жизни.

В якутских традициях также с древности существует бескорыстный труд для общества, например, добытые в охоте группой мужчин трофеи, уловы бескорыстно и поровну раздаются семьям общины, особенно обхаживаются осиротевшие семьи. Или же семья, организовывающая обрядовый кумысный праздник, готовит угощения бескорыстно и потчует ими всю общину. Зимой, из-за невероятных холодов несколько семей проживают в одной юрте, все запасы делаются, готовятся, собираются вместе, все помогают друг другу.

Сравнение основных положений учений Тенгризма и Тенри-кё.

Единым богом Тэнри-кё считают Тэнри-О-но-Микото. Тэнри создал людей для наслаждения блаженством и гармонией их жизни.

Единым богом в якутском Тенгризме является *Айыы Тангара*, он же *Юрюнг Айыы тойон* или *Юрюнг Аар тойон*. Он создатель Вселенной и людей. Все обрядовые праздники связаны с благословением *Айыы Тангара* / Тенгри и его ипостасей – верхних *айыы*. *Айыы Тангара* создал уранхай саха для того, чтобы они наслаждались счастливой жизнью, как и япон-

ский Тэнри.

Саха (якуты) проводят обряды в том или ином виде в течение всего календарного хозяйственного цикла. И все они имеют, как и община Тэнри-кё, цели достижения мировой гармонии человечества с духом-прародителем – *екигураси*, в якутском – достижении гармонии с *Айыы Тангара* и получении у него божественной благодати – *алгыс*.

Если у общины Тэнри-кё знания по индивидуальному «спасению» каждого человека исходят из центра Вселенной *Дзиба*, то получение благословения *алгыс* саха (якутов) происходит в центре специально устроенного места *туһулгэ* – образа центра Вселенной.

Главы учения Офудесаки («Кончик пишущей кисти») были написаны самой Оясамой и содержат 1711 стихов в семнадцати частях. *Осасидзу* («Божественные наставления») – это собрание письменных записей учений, переданных Оясамой и Хонсэки [16].

Рассмотрим некоторые из положений Тэнри-кё и положения якутского Тенгризма (табл. 1):

Таблица 1. Положения Тэнри-кё и якутского Тенгризма.

Тэнри-кё [16]	Тенгризм
Бог-Родитель, Тэнри-О-но-Микото – Бог. Я – Бог Истока, создавший человечество в этом мире. (Офудесаки III:15)	Бог-Родитель, Тангара (Тенгри) – Бог, создавший мироздание, человечество.
Бог-Родитель создал этот мир и людей, чтобы они жили Радостной Жизнью и разделяли её. Бог-Родитель обеспечивает работу всего сущего в этом мире и поддерживает равновесие.	Айыы Тангара – создатель мира, обладает чудесной властью самые невыносимые страдания человеческой души превращать в самое глубокое и самое прочное Счастье. Установил круговорот, упорядоченность, гармонию мироздания.
Бог-Родитель создал человечество и мир, желая, чтобы все люди жили Радостной Жизнью, помогая и уважая друг друга. Чудесные благословения будут явлены, когда мы будем молиться о воплощении Радостной Жизни для всех людей мира, уважая и помогая друг другу, как братья и сестры, независимо от языковых или культурных различий.	Айыы Тангара создал мироздание и всех людей, чтобы они были добрыми, радостными, счастливыми, ответственными за каждого и всех. Главным и любимым занятием-развлечением древних саха было учение в вере «Айыы Тангара (Тэнгри)». Все обрядовые праздники были посвящены верхнему Богу или его ипостасям айыы и сопровождалась радостными мероприятиями.

<p>Служба – важнейший обряд Тэнри-кё, которому учила сама Оясама как способ достижения Радостной Жизни для всех людей в мире. 26-го числа каждого месяца Служба Кагура совершается вокруг Дзибы в молитве о Радостной Жизни. В Службе Кагура участвуют десять танцоров, исполняющих различные движения рук, которые выражают деяния Бога во время сотворения человека. Служба Кагура – это реконструкция чудесного творения Богом человечества и мира.</p>	<p>Проведение в дни летнего солнцестояния обрядового праздника Ёсыях, получения на нем алгыс – важнейшая служба якутского тенгризма. Это способ достижения верхнего Бога Айыы Танара и получения у него благословения. Коллективное достижение Айыы Танара в эти дни достигается круговым танцем осуохай. Прежде всего, осуохай, который связан с Ёсыяхом, является главным его украшением» [17, С. 83-88]. Н.Е. Петров: «Вероятно, с возникновением религии, связывающей земную жизнь с космосом, он стал обрядовым и массовым хороводом грандиозных тенгрианских религиозных праздников типа якутского Ёсыяха у народов Азии, особенно скотоводов – кочевников» [18, с. 8].</p>
<p>Поскольку наши души бессмертны, мы будем продолжать жить в этом мире, переживая рождения и перерождения. Мы можем уйти в перерождение, не успев стряхнуть с себя всю пыль, которую накопили в этой жизни. В таком случае пыль перенесётся в нашу следующую жизнь в виде причинно-следственных связей.</p>	<p>Якуты также верят в переселение душ, и говорят: «да переселится в тебя дух такого-то (знаменитого) твоего пращура [19, С. 169-176]. Отступление человека от определенной ему свыше линии поведения в жизни приводило к дисгармонии, хаосу [20; 94]. Во время обряда алгыс заблудшие грешные души стараются очиститься от накопленной грязи и облегченные перейти в более верхние ярусы неба.</p>

Как видим, основные концепты японского Тэнри-кё и якутского Тэнгризма схожи, включая нравственно-этические понятия и целей учения, ведущих к счастливой, полной радости жизни всех людей.

Заключение. В результате анализа рассмотренных материалов религий Тэнри-кё японцев и Тэнгризма саха (якутов) выявляются следующие параллели:

1. Тэнри-кё и Тэнгризм являются религиями Откровения. Историческая личность Мики Накаяма путем откровения ей Бога-отца Тэнри-О-но-Микото возвестила свою волю и замысел о мире. У саха (якутов) в связи давностью времени, письменно зафиксированного имени исторической личности, первым получившим откровение Тэнгри как Бога-Творца, не сохранилось. Тем не менее, по анализу мифологических, фольклорных, обрядовых материалов, ясно выводится положение, указывающее на получение повелений и знаний, путем открытия себя самого и своей воли людям *Айыы Танара* (Тэнри).

3. Тэнгризм и Тэнри-кё, являясь феноменами открытого мировоззрения, демонстрируют в целом схожие ценности и положения, в некоторых случаях, даже идентичные.

4. Учитывая, что и древние шумеры Небесного Бога называли Дингир, тюрки и монголы - Тингир, Тенир, Танара, Дээр и т. д., древние болгары – Тангра, можно сказать, что Бог-Творец открывается во многих случаях одним и тем же именем. Независимо от места, расстояния, национальности людей, времени и т. д. Это положение подтверждает появление в наше время религии откровения Тенри-кё в Японии.

Полученные результаты это только начало, необходимо продолжить исследования, поскольку Япония является исторически соседом России, с которым надо выстраивать конструктивные отношения в настоящем и будущем.

Библиографический список

1. Алексеев А.Н., Алексеева Е.К., Аргунов В.Г. и др. История Якутии: в 3 томах / Под общей редакцией А.Н. Алексеева. Т. 1. – Новосибирск: Наука, 2020. 535 с.
2. Комаровский Г.Е. Тэнри / Закон Неба / Г.Е. Комаровский, А.С. Арутюнов, Т.П. Григорьева. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 3–27.
3. Сояма Масару. Не думайте, где находится рай или ад. Это все в нашей душе / Закон Неба / Г.Е. Комаровский, А.С. Арутюнов, Т.П. Григорьева. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 54-57.
4. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. – Алматы: КИЕ, 2012. 256 с.
5. Арутюнов С.А. Воспоминания о Тэнри // Закон Неба / Г.Е. Комаровский, А.С. Арутюнов, Т.П. Григорьева. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 18-27.
6. Сидоров О.Г. Олонхо как отражение древней истории саха // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2017. № 4 (08). С. 89-96.
7. Сидоров Е.С. Этюды по сравнительно-исторической лексикологии якутского языка // Советская тюркология. № 3 (май – июнь). Баку, 1985. С. 53-63.
8. Ойунский П.А. Ньургун Боотур Стремительный / Перев. В. Державина. Якутск: Якутск. кн.изд-во, 1975. 432 с.
9. Фефелова В.В. Предками якутов были арийцы. Красноярск: Офсет, 2014. 224 с.
10. Федорова С.А. Происхождение якутов: молекулярно-генетические реконструкции в сравнении с гипотезами историков // Якутский медицинский журнал. 2017. № 3 (59). С. 60-64.
11. Федорова Л.В. Тенгризм / Монография. – Якутск: Изд.-во СВФУ им. М.К. Аммосова, 2023. 596 с.
12. Оросин К.Г. Ньургун Боотур Стремительный / Редактура, перевод, комментарии Г.У. Эргис. – Якутск: Госиздат, 1947. 402 с.
13. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. – М: АН СССР, 1959 г. 1-1279 стлб.
14. Григорьева Т.П. Закон Неба (О религии Тэнри) / Г.Е. Комаровский, А.С. Арутюнов, Т.П. Григорьева. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 28-52.
15. Банников К.Л. Тэнри-кё / Народы и религии мира: энциклопедия. Главный редактор В.А. Тишков; редакционная коллегия: О.Ю. Артемова, С.А. Арутюнов, А.Н. Кожановский и др. Москва: Большая российская энциклопедия, 1999. 964 с.
16. Учение Тенрикё. // URL: <https://www.tenrikyo.or.jp/eng/word/word1/> (Дата обращения: 06.03.2025)
17. Илларионов В.В., Илларионова Т.В. Осуохай – древний танец якутов – солнцепоклонников // Сборник статей V-й Международной научно-практической конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» (20-24 сентября 2015 г., Болгария, СОК «Камчия»). София: Бъдник, 2015. С. 83-88.
18. Петров Н.Е. Осуохай – древний хоровод солнцепоклонников // Якутские хороводные песни: теория и практика. Якутск: Изд.-во ЯГУ, 2005. С.7-19.

19. Приклонский В.Л. Якутские народные поверья и сказки // Живая старина. № 3. Вып. II. Отдел. II. – СПб: Типогр. Евдокимова, 1890. С. 169-176.
20. Романова Е.Н. Якутский обрядовый праздник ысыах: Истоки и представления. – Новосибирск: Наука, 1994.
21. Roux Jean-Paul. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques (quatrième article). In: Revue de l'histoire des religions, tome 150, n°2. Paris: éd. Université de France, 1956. P. 173-212.
22. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 31-40.

References

1. Alekseev A.N., Alekseeva E.K., Argunov V.G. and others. History of Yakutia: in 3 volumes / Under the general editorship of A.N. Alekseeva. Vol. 1. – Novosibirsk: Nauka, 2020. 535 p.
2. Komarovskiy G.E. Tenri / Law of Heaven / G.E. Komarovskiy, A.S. Arutyunov, T.P. Grigorieva. M.-Berlin: Direct-Media, 2014. P. 3-27.
3. Soyama Masaru. Don't think about where heaven or hell is. It's all in our soul / Law of Heaven / G.E. Komarovskiy, A.S. Arutyunov, T.P. Grigorieva. M.- Berlin: Direct-Media, 2014. P. 54-57.
4. Ayupov N.G. Tengrism as an open worldview. – Almaty: KIE, 2012. 256 p.
5. Arutyunov S.A. Memories of Tenri // Law of Heaven / G.E. Komarovskiy, A.S. Arutyunov, T.P. Grigorieva. M. – Berlin: Direct-Media, 2014. P. 18-27.
6. Sidorov O.G. Olonkho as a reflection of the ancient history of the Sakha // Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosova: Epic Studies Series. 2017. № 4 (08). P. 89-96.
7. Sidorov E.S. Sketches on comparative historical lexicology of the Yakut language // Soviet Turkology. № 3 (May – June). Baku, 1985. P. 53-63.
8. Oyunsky P.A. Nurgun Bootur the Swift / Transl. V. Derzhavin. Yakutsk: Yakutsk. book publishing house, 1975. 432 p.
9. Fefelova V.V. The ancestors of the Yakuts were Aryans. Krasnoyarsk: Offset, 2014. 224 p.
10. Fedorova S.A. Origin of the Yakuts: molecular genetic reconstructions in comparison with the hypotheses of historians // Yakut Medical Journal. 2017. № 3 (59). P. 60-64.
11. Fedorova L.V. Tengrism / Monograph. – Yakutsk: Publishing house of NEFU named after. M.K. Ammosova, 2023. 596 p.
12. Orosin K.G. Nurgun Bootur the Swift / Editing, translation, comments by G.U. Ergis. – Yakutsk: Gosizdat, 1947. 402 p.
13. Pekarsky E.K. Dictionary of the Yakut language. Vol. I. – M: USSR Academy of Sciences, 1959, 1-1279 st.
14. Grigorieva T.P. Law of Heaven (On the Tenri religion) / G.E. Komarovskiy, A. S. Arutyunov, T.P. Grigorieva. M.-Berlin: Direct-Media, 2014. P. 28-52.
15. Bannikov K.L. Tenri-kyo / Peoples and religions of the world: encyclopedia. Editor-in-Chief V.A. Tishkov; editorial board: O.Yu. Artemova, S.A. Aryutunov, A.N. Kozhanovskiy et al. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1999. 964 p.
16. Teachings of Tenrikyo. // URL: <https://www.tenrikyo.or.jp/eng/word/word1/> (03.06.2025)
17. Illarionov V.V., Illarionova T.V. Osuokhai - the ancient dance of the Yakuts - sun worshipers // Collection of articles of the Vth International Scientific and Practical Conference “Tengrianism and the Epic Heritage of the Eurasian Peoples: Origins and Modernity” (September 20-24, 2015, Bulgaria, Kamchia Sports Complex). Sofia: Badnik, 2015. P. 83-88.
18. Petrov N.E. Osuokhai - an ancient round dance of sun worshipers // Yakut round dance songs: theory and practice. Yakutsk: YSU Publishing House, 2005. P. 7-19.
19. Priklonskiy V.L. Yakut folk beliefs and fairy tales // Living Antiquity. № 3. Issue. II. Department. II. – St. Petersburg: Typogr. Evdokimova, 1890. P. 169-176.
20. Romanova E.N. Yakut ritual holiday Ysyakh: Origins and ideas. – Novosibirsk: Science, 1994.
21. Roux Jean-Paul. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques (quatrième article). In: Revue de l'histoire des religions, tome 150, n°2. Paris: éd. Université de France, 1956. P. 173-212.
22. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 31-40.

Филиппов С.В.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт) имени М.И. Платова.

Особенности различных подходов к системе управления персоналом*

Аннотация. Исследуются особенности научных подходов к системе управления персоналом, выделены их ключевые принципы, анализируется специфика административных, экономических, психологических, социальных методов управления, а также виды организационно-управленческого воздействия на сотрудников.

Ключевые слова: управление персоналом, трудовой потенциал, управление человеческими ресурсами, трудовой коллектив, организационная культура, методы управления, кадровая политика.

Filippov S.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Technological Institute (branch) of the South-Russian State Polytechnical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) named after M.I. Platon.

Features of different approaches to the personnel management system

Abstract. The article examines the features of scientific approaches to the personnel management system, highlights their key principles, analyzes the specifics of administrative, economic, psychological, and social management methods, as well as the types of organizational and managerial impact on employees.

Key words: personnel management, labor potential, human resource management, labor collective, organizational culture, management methods, personnel policy.

В условиях усложнения социально-экономических процессов сотрудники предприятия становятся весьма значимым ресурсом, от которого

* © Филиппов С.В., 2026.

Особенности различных подходов к системе управления персоналом

Рисунок 1. Научные подходы к управлению сотрудниками.

зависит долговременная устойчивость хозяйственной деятельности организации. В этой связи, рациональная система управления персоналом, базирующаяся на использовании потенциала каждого сотрудника с учетом его профессионального уровня, компетенций и навыков, является одной из ключевых составляющих эффективного функционирования предприятия [1, 4, 6]. В научной литературе и сложившейся практике управления персоналом принято выделить три основных подхода, представленных на рисунке 1.

При технико-экономическом подходе к управлению ключевое место отводится не управленческой или организационной, а технической стороне подготовки сотрудников. В данном случае процесс управления представляет собой определённый набор взаимных воздействий и связей, в границах которых управляемая система должна эффективно работать, как хорошо отлаженный механизм. Ключевыми принципами данной концепции являются:

- единство системы управления, предполагающее, что подчиненные получают управляющие распоряжения только от одного руководителя;
- наличие строгой вертикали управления, предполагающей направление командного воздействия сверху вниз от руководителя к нижестоящему сотруднику в рамках утверждённой структуры управления организацией;
- численность сотрудников, которые находятся в подчинении одного руководителя, не должна образовывать помехи для обеспечения эффективной коммуникации и координации выполнения заданий;
- выделение в учреждении аналитического и линейного подразделения, при этом аналитики отвечают за само содержание работы и не имеют ру-

ководящих прав и компетенций, свойственных линейным руководителям;

- нормативно закреплённые правила, регламентирующие внешние признаки взаимоотношения между руководителем и подчиненными;
- личные потребности сотрудников учреждения строго подчинены целям и интересам организации [2].

В свою очередь органический подход к управлению работниками базируется на концепциях «управления персоналом» и «управления человеческими ресурсами», акцентируя внимание на вопросы вне общепринятых функций, связанных с организацией и оплатой работ. Профессиональное кадровое управление трансформируется от исключительно регистрационной и контрольной функций к поиску и подбору наиболее подходящих сотрудников, оценке служебной деятельности, повышению профессиональной квалификации, планированию будущего карьерного продвижения. Концентрация повышенного внимания на качество человеческого потенциала организации содействовал появлению иного представления о механизме работы организации, которая стала рассматриваться в качестве органической системы, функционирующей в динамично изменяющейся внешней среде [3, 5]. В этой связи, начали применяться параллели, стимулирующие возникновение иного взгляда на процесс управления организацией:

1. Использование как описательной модели функционирование организации, работу головного мозга, связанную с обработкой поступающей информации, это позволило рассматривать организацию в качестве упорядоченной системы с координированными связями, направленными на осуществление коммуникации, перманентного контроля и непосредственного управления.

2. Уподобление организации и человеческой личности, употребляя при этом такие понятия как мотивы, потребности и цели, а также жизненный цикл, связанный с зарождением, ростом, развитием, стабилизацией и смертью (элиминацией).

Органический подход к управлению сотрудников организации, основан на представлениях об ограниченной рациональности. Данный подход предусматривает поиск необходимой информации и контроль полученных результатов при помощи утвержденных задач и установленных целей, а не контроль поведения сотрудников на базе жестких инструкций и правил. Ключевые направления органического подхода к управлению организацией представлены на рисунке 2.

Гуманистический подход к системе управления работниками предприятия основан на видении как некоего культурного феномена, подход, прежде всего, ориентирован на задачу «управления человеком». Культура при данном подходе к управлению представляется в качестве определенной системы ценностей и идеологии, знаний и представлений, а также законов

Рисунок 2. Органический подход к процессу управления предприятием.

система «пожизненного найма» делает трудовой коллектив организации продолжением семьи.

Для данного подхода характерно восприятие культуры, как непрерывного процесса по отображению действительной реальности, которая способствует видению и пониманию сотрудником действий, ситуаций и событий, направляя его поведение и придавая осмысленность действиям.

К факторам, которые составляют базисную основу организационной культуры можно отнести организационную структуру, утвержденные задачи и цели, организационную политику и правила, должностные инструкции и стандартные процедуры.

По нашему мнению, в отличие от иных подходов к управлению, гуманистический подход направлен, прежде всего на человека, в связи с чем огромное значение приобретает уровень вовлечённости работника в систему ценностей организации, в какой степени они воспринимаются как собственные, как отражают динамичные изменения, проходящие во внешней и внутренней среде. Особую актуальность, в этой связи, приобретают единые правила и принципы принятия решений и оценки труда для различных групп сотрудников [8].

Отметим, что при рассмотрении особенностей управления сотрудниками организации, помимо рассмотренных подходов к организации системы управления, немаловажное значение играют используемые методы управления. При этом, под методами управления сотрудниками нами понимаются способы воздействия на отдельные группы работников с целью координации работы в процессе непрерывного функционирования организации.

Традиционно, в литературе по менеджменту организаций принято вы-

и повседневных ритуалов поведения [7].

Отметим, что само предприятие, в данном случае рассматривается не в качестве некоей ограниченной территории, объединяющий отдельных работников, а как единый трудовой коллектив, для которого характерно сотрудничество и взаимопомощь. Для отдельных стран, например Японии, действующая

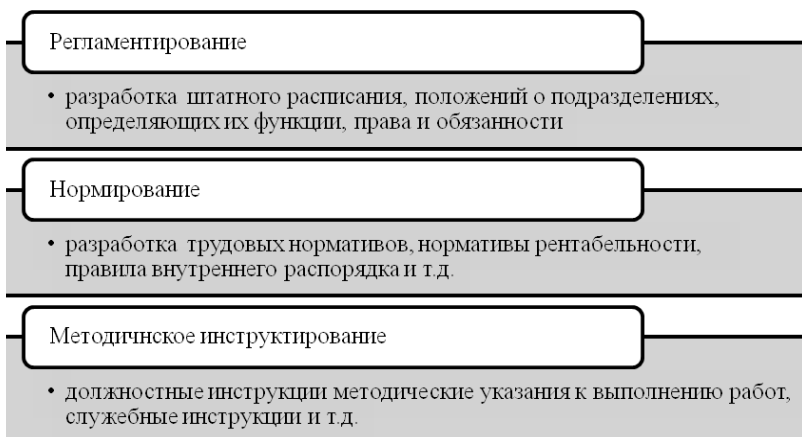

Рисунок 3. Виды организационно-нормативного воздействия на сотрудников.

делять четыре направления методов управления: административные, экономические, психологические, социальные [9].

Административные методы управления организацией основаны, прежде всего, на применении формальной власти и нормативном обеспечении служебной деятельности. Сам процесс по использованию административных методов реализуется в виде нормативного или административного воздействия. Данный вид воздействия предполагает наличие определенных необходимых элементов, представленных на рисунке 3.

По своей форме распорядительное воздействие является актом ненормативного характера и может выражаться в виде: распоряжения, приказа или указания.

Распорядительные воздействия, применяемые для придания управленческим решениям административной и правовой силы, издаются руководителями подразделений в виде указаний, а линейными руководителями организации в виде приказов.

Экономический метод управления сотрудниками организации предполагает применения экономических стимулов воздействия для мобилизации трудового потенциала с целью получения требуемого результата. Одним из важнейших инструментов экономического метода управления является материальное стимулирование сотрудников, в этом случае ключевым мотивационным фактором выступают различные формы денежных выплат. Данные выплаты могут осуществляться в форме: заработной платы, надбавок, премий, оплаты проезда, питания, отдыха, дополнительного медицинского и пенсионного страхования.

Необходимо всегда помнить, что применение экономических методов

управления сотрудниками должно базироваться на экономической целесообразности. Фонд дополнительных выплат должен наполняться за счет повышения производительности труда и роста эффективности работы сотрудников организации.

Социально-психологические методы управления сотрудниками организации связаны с широким внедрением последних достижений в социологии и психологии человеческого поведения, применением правил и возможностей воздействия на групповые, коллективные и личные интересы. Для оказания воздействия на отдельную личность используются различные виды психологических методов, в то время, как при воздействии на группу или же коллектив - социологические. В качестве результата применения социально-психологических методов управления сотрудниками можно выделить:

- минимизацию в коллективе конфликтов и стрессовых ситуаций,
- возникновение благоприятного рабочего климата,
- формирование устойчивой организационной культуры.

Таким образом, умелое использование рассмотренных подходов и методов, направленных на рациональное управление сотрудниками предприятия будет способствовать формированию рациональной и гибкой кадровой политики, основанной на последних достижениях в области менеджмента. Одной из ключевых задач системы управления персоналом является разработка обоснованных управленческих решений, которые способствуют наиболее полному использованию трудового потенциала кадрового состава организации.

Библиографический список

1. Ананченкова П.И. Развитие человеческого капитала и организация корпоративного обучения в зарубежных компаниях: региональные особенности, цели, модели, принципы, тенденции развития / П.И. Ананченкова. – Москва: Директ-Медиа, 2024. 208 с.
2. Армстронг М. (перевод) Стратегическое управление человеческими ресурсами. – М.: Альпина Паблишер, 2023. 568 с.
3. Бергер Л. 5 новых подходов к оценке персонала // Harvard Business Review Россия, 2023. № 7. С. 60-68.
4. Жданов Д.А. Человеческий капитал предприятия в контексте системной экономики / Д. А. Жданов; Президентская академия. – Москва: Дело, 2024. 120 с.
5. Одегов Ю.Г. Управление персоналом в цифровой экономике. – М.: Юрайт, 2023. 502 с.
6. Человеческий капитал и эффективный менеджмент / под ред. А.Б. Конобеевой. – Москва: Директ-Медиа, 2023. 184 с.
7. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации. – М.: Бизнес-школа, 2021.
8. Шумская Е.Н., Филиппов С.В., Терновский О.А. Мотивация и стимулирование труда управленческих кадров на предприятии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 199-211.
9. Яхонтова Е.С. Эффективные технологии управления персоналом. – М.: ИНФРА-М, 2023.
10. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

11. Стафеев О.Н. Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году // Власть истории в История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 165-175.

References

1. Ananchenkova P.I. Development of human capital and organization of corporate training in foreign companies: regional features, goals, models, principles, development trends / P.I. Ananchenkova. – Moscow: Direct-Media, 2024. 208 p.
2. Armstrong M. (translation) Strategic human resource management. - Moscow: Alpina Publisher, 2023. 568 p.
3. Berger L. 5 new approaches to personnel assessment // Harvard Business Review Russia, 2023. № 7. P. 60-68.
4. Zhdanov D.A. Human capital of an enterprise in the context of a system economy / D.A. Zhdanov; Presidential Academy. – Moscow: Delo, 2024. 120 p.
5. Odegov Yu.G. Personnel management in the digital economy. – М.: Yurait, 2023. 502 p.
6. Human Capital and Effective Management / edited by A.B. Konobeeva. – Moscow: Direct-Media, 2023. 184 p.
7. Shekshnya S. V. Personnel Management of a Modern Organization. – М.: Business School, 2021.
8. Shumskaya E. N., Filippov S. V., Ternovsky O. A. Motivation and Incentives for Managerial Work at an Enterprise // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. 2022. Vol. 15. № 2. P. 199-211.
9. Yakhontova E. S. Effective Personnel Management Technologies. – М.: INFRA-M, 2023.
10. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.
11. Stafeev O.N. Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921 // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 165-175.

Гермашева Т.М.

Кандидат филологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Файзулина А.И.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

«Политея» Платона в современной научной мысли Японии*

Аннотация. В приведённой статье рассматриваются интерпретации и анализ труда Платона «Политея» современными японскими учеными, различные аспекты которые привлекают их внимание и как платоновские концепции соотносятся с японским культурным и политическим контекстом. В исторической проекции знакомство Японии с философией Платона началось в период Мэйдзи (1868-1912), когда в стране наблюдалось активное заимствование западных идей. В это время переводы произведений Платона стали доступны японским интеллектуалам, что положило начало академическому изучению его трудов. В XX веке изучение античной философии, включая наследие Платона, стало частью университетских программ, что отражает общие процессы глобализации, в образовании. Японские исследователи начали анализировать «Политею» не только как исторический документ, но и как источник идей, актуальных для современности.

Ключевые слова: Япония, Платон, Политея, учёные, справедливость, буддизм, конфуцианство, образование, демократия.

Germasheva T.M.

PhD in Philology, Associate Professor. Rostov State University of Economics (RINH). Head of the Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov-on-Don, Russia.

Fayzulina A.I.

Rostov State University of Economics, Senior lecturer of Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov-on-Don.

Plato's "Politheia" in modern Japanese scientific thought

* © Гермашева Т.М., Файзулина А.И., 2026.

«Политея» Платона в современной научной мысли Японии

Abstract. This article examines the interpretation and analysis of Plato's work "Polytheia" by modern Japanese scholars, the various aspects that attract their attention, and how Platonic concepts relate to the Japanese cultural and political context. Historically, Japan's acquaintance with Plato's philosophy began during the Meiji period (1868-1912), when the country experienced an active adoption of Western ideas. During this time, translations of Plato's works became available to Japanese intellectuals, marking the beginning of the academic study of his works. In the 20th century, the study of ancient philosophy, including Plato's work, became part of university curricula, reflecting the general processes of globalization in the education. Japanese scholars began to analyze "Polytheia" not only as a historical document but also as a source of ideas relevant to modern times.

Key words: Japan, Plato, Politeia, scientists, justice, Buddhism, Confucianism, education, democracy.

До вступления Японии в первый контакт с западной цивилизацией философская мысль страны Восходящего солнца представляла собой смесь конфуцианских идей, даосизма, буддизма и синтоизма. После «открытия» страны в середине XIX века, она быстро познакомилась и усвоила основные идеи западных мыслителей и философов, в частности Джона Стюарта Милля, Жан-Жака Руссо, Чарльза Дарвина, Иммануила Канта, Фридриха Ницше и Карла Маркса. Так же в этот период японцы познакомились с трудом Платона «Политея», что сыграло важную роль в интеллектуальной истории современной Японии.

«Политея» (с древнегреческого языка *polis* – «город-государство») Платона 360 г. до н. э. – один из ключевых текстов западной политической философии. Его идеи о справедливости, идеальном государстве и роли философов-правителей продолжают вызывать интерес во всем мире, в том числе и в Японии, где понятия долга и справедливости очень близки и понятны каждому. В наши дни японские интеллектуалы рассматривают «Политею» в нескольких направлениях философской мысли. Прежде всего, в аспекте сравнительной философии, где происходит сопоставление платоновских идей с конфуцианством, которое исторически играло главенствующую роль в формировании японской политической культуры. Параллельно с сравнительной философией «Политея» представлена в утилитарных и прикладных исследованиях в рамках политической философии, где анализируются вопросы связанные с концепциями платоновской справедливости применительно к правящим элитам, особое внимание сосредоточено на дескрипциях «философа-правителя» в современных демократических обществах, где Япония занимает ведущее место (хотя подобное суждение весьма субъективно).

«Политея» является основой в этико-образовательных конструктах современной Японии, где знание, понимается средством формирования добродетели, а идеи воспитания «стражей» экстраполируются в современной

образовательной среде. Параллельно с образованием суждения Платона преломляются в культурологических исследованиях, в частности концепции «мира идей» и их влияние на социокультурную проекцию японского бытия, вестернизированную литературу и искусство.

Нельзя отдельно не отметить интерпретацию аллегории пещеры многими японскими учёными: данный фрагмент «Политеи» рассматривается в контексте эпистемологии и теории познания, а также как метафора общества постмодерна сотканного из мира медиа и симулякров и тут интересно, что платоновская мысль созвучна современной постмодернистской философии, в частности идеям Жана Бодрийяра, Жана –Франсуа Лиотара и Сёрена Кьеркегора – первого философа экзистенциалиста, чьи идеи во многом сформировали современную философскую мысль, мыслителя, который предвидел нашу современность и черпавший вдохновение в интерпретациях платоновской «Политеи».

Остановимся более подробно на персоналиях ведущих японских учёных и их концепциях понимания платоновской «Политеи». Труды Такахаси Кэнъити связаны с исследованием теории развития демократии и ряд его работ посвящены «Политеи» в контексте современной политической философии. Профессор Такахаси Кэнъити переосмысливает концепцию «философа -правителя» в контексте применимости к современным демократическим системам, включая японскую. Его основные тезисы: 1. *Критика прямой демократии*. Такахаси отмечает, что Платон видел опасность в «власти толпы», которая способна породить тиранию большинства. В современной Японии это соотносится с проблемой популизма и низкой политической грамотностью граждан. 2. *Меритократия как альтернатива*. Учёный предлагает рассматривать платоновскую идею «правления мудрых» как основу для меритократической модели, где власть получают наиболее компетентные и образованные люди. 3. *Роль экспертов*. Такахаси считает, что современные демократии должны включать в себя механизмы, позволяющие подлинным экспертам влиять на принятие важных политических решений – например, через консультативные советы или независимые аналитические центры. 4. *Баланс между мудростью и равенством*. Исследователь подчёркивает, что в современных условиях концепция «философа-правителя» должна быть адаптирована к существующим реалиям: мудрость и знания должны сочетаться, и строится на уважении и принятии демократических процедур. В своих ключевых работах ученый делает ряд ярких выводов. «プラトンの『国家』と現代民主主義» («Политея Платона и современная демократия») – основная работа, где Такахаси анализирует, как платоновские идеи могут помочь решить проблемы и противоречия современных демократий. «知の統治: プラトンから現代へ» («Правление знания: от Платона к современности») – исследование эволюции концепции мери-

тократии. Статьи в академических журналах, таких как «哲学研究» («Философские исследования») и «政治学論集» («Сборник по политической науке»). Особенно интересно рассмотреть его интерпретацию концепции «философа-правителя»: Такахаси рассматривает платоновское определение правителя: 「真理を知る者が統治すべきである」 («Тот, кто знает истину, должен править»). Учёный отмечает, что в современном контексте это можно трактовать как необходимость экспертного участия в политике. Он приводит пример японских правительственных советов, куда входят учёные и специалисты: 「現代の『哲学者君主』は、専門家グループとして機能する」 («Современный «философ-правитель» функционирует как группа экспертов»). Так же в своих работах уделяет внимание критике демократии и её актуальности для Японии: Такахаси цитирует фрагмент «Политеи», где Платон критикует демократию: 「民衆は真理よりも美辞に動かされやすい」 («Народ легче движется красноречием, чем истиной»). Он сопоставляет это с современными японскими реалиями, где популистские лозунги часто оказываются эффективнее содержательных программ: 「現代日本の政治において、スローガンは政策の内容よりも影響力がある」 («В современной японской политике лозунги имеют большее влияние, чем содержание политики»). Про меритократию и образование Такахаси рассуждает следующее: подчёркивает важность платоновской идеи воспитания правителей. Он предлагает адаптировать её к современной системе образования: 「エリート教育は、単なる知識の伝達ではなく、公共の利益を考える能力の育成でなければならない」 («Элитарное образование должно быть не просто передачей знаний, но и воспитанием способности думать об общественном благе»). Таким образом, профессор Такахаси делает ряд важных выводов:

1. Платоновские идеи не устарели, актуальны, правдивы и свежи, но требуют адаптации к современным реалиям.

2. Концепция «философа-правителя» может быть переосмыслена как модель экспертного участия в структурах построения подлинной демократии.

3. Японская политическая система может извлечь пользу из платоновского акцента на знании и добродетели правителей, что исторически созвучно конфуцианской политической культуре.

4. Критика демократии у Платона актуальна для анализа проблем популизма и низкой политической культуры, как правителей, так и граждан.

Другой учёный – профессор Сато Миэко анализирует этические аспекты «Политеи» Платона. Являясь специалистом по античной философии университета Киото, она сосредоточена на раскрытии платоновских идей о добродетели, справедливости, воспитании, которые необходимо адаптировать к японскому педагогическому контексту. Его основные идеи заключены в нижеследующих выводах: 1. *Воспитание добродетели.* Сато под-

чёркивает, что Платон видел образование не просто как передачу знаний, а как формирование жизненно важных начал: мудрости, мужества, умеренности и справедливости. В японской педагогике это соотносится с концепцией «дотоку кёйку» (道徳教育 – воспитание нравственности). 2. *Гармония души*. Платоновская идея о гармонии трёх частей души (разумной, ясной и вожделеющей) интерпретируется как основа целостного развития личности. 3. *Роль искусства в воспитании*. Сато интерпретирует платоновские требования к музыке и поэзии в идеальном государстве, проводя аналогии с японской традицией эстетического воспитания через каллиграфию 書道 (сёдо) и чайную церемонию 茶の湯 (тяноу). 4. *Справедливость как «каждому своё»*. Концепция справедливости Платона сводится к суждению, что «каждый должен заниматься своим делом» сопоставляется с японскими этическими установками о коллективной ответственности. Ключевые работы Сато Мизэко можно назвать следующие: «プラトンの倫理教育論と日本の道徳教育» («Платоновская теория этического воспитания и японское дотоку кёйку») – центральная работа, где Сато проводит сравнительный анализ педагогических систем. «魂の調和: プラトンの教育理論から学ぶ» («Гармония души: уроки из образовательной теории Платона») – исследование, посвящённое целостному развитию личности. Статьи в журналах «教育哲学研究» («Исследования по философии образования») и «古典学» («Классические исследования»).

В своих ключевых работах Сато рассматривает платоновскую программу воспитания стражей, подчёркивая акцент на гармоничном развитии: 「若者たちは、音楽で魂を磨き、体操で肉体を鍛えるべきである」 («Молодёжь должна шлифовать душу музыкой и тренировать тело гимнастикой»). Учёный сопоставляет это с японской системой образования, где сочетаются академические предметы и внеклассные активности (клубные занятия – букацу): 「現代の高校では、部活動がプラトンの提唱する『魂と肉体の調和』の役割を果たしている」 («В современных старших школах клубные занятия выполняют роль, которую Платон отводил „гармонии души и тела“»). Если взять тему справедливости и коллективной ответственности, то Сато анализирует определение справедливости у Платона так: 「正義とは、各人が自分の仕事に専念することである」 («Справедливость – это когда каждый сосредоточен на своём деле»).

В японском контексте это соотносится с этикой коллективной работы и уважением к специализации: 「日本企業における役割分担は、プラトンの正義観に通じる」 («Распределение ролей в японских компаниях перекликается с платоновским пониманием справедливости»). Роль искусства в формировании характера тоже привлекает пристальное внимание японского ученого. Сато обращает внимание на строгие требования Платона к искусству в идеальном государстве: 「詩や音楽は、勇気と節制を育むものでなければならない」 («Поэзия и музыка должны воспитывать мужество

и умеренность»). Она проводит параллель с японской традицией эстетического воспитания: 「書道や茶道は、心の平穏と礼儀を教える点でプラトンの理想に合致する」 («Каллиграфия и чайная церемония соответствуют платоновскому идеалу, обучая душевному спокойствию и вежливости»).

Диалог как метод обучения - Сато подчёркивает важность сократического диалога в педагогике Платона: 「真理は教えられるのではなく、対話の中で発見される」 («Истина не преподаётся, а открывается в диалоге»). Этот метод, по её мнению, может обогатить японскую систему, где традиционно доминирует лекционный формат: 「対話型授業の導入は、生徒の批判的思考力を育む」 («Внедрение диалоговых форм обучения развивает критическое мышление учеников»). Таким образом, Сато Миэко приходит к важным дидактическим выводам:

1. Платоновская концепция добродетели может обогатить современную японскую педагогику, сместив акцент с формальных знаний на нравственное развитие через познание.

2. Идея гармонии души актуальна для борьбы с проблемами стресса и изоляции в среде молодёжи и социального одиночества, что характерно молодым японцам.

3. Методы диалогового обучения могут повысить вовлечённость учеников и развить критическое мышление.

4. Традиционное японское эстетическое воспитание (каллиграфия, чайная церемония) априори реализует платоновские идеалы о прекрасном и совершенном.

5. Концепция справедливости как «каждому своё» помогает укрепить социальную солидарность и преодолеть разобщённость, особенно в среде молодёжи и подростков.

Отдельно нельзя не отметить взгляды Накамуры Хироси, который сопоставляет платоновскую концепцию справедливости с буддийскими и конфуцианскими пониманиями справедливости. Профессор философии университета Осака приводит компаративный и дескриптивный анализ теории справедливости в «Полирее» и восточных философских идей о справедливости. Его труды раскрывают, как универсальные идеи о гармонии и порядке проявляются в разных культурных контекстах: 1. *Концепция справедливости*. Накумура даёт сравнительные дефиниции платоновского понимания справедливости (каждый делает своё дело) с буддийской идеей «дхармы» (закон и порядок) и конфуцианским принципом «ли» (ритуал, норма поведения). 2. *Гармония как цель*. Платоновская идея гармонии души и государства в соотношении с буддийским понятием «санги» (мир, гармония) и конфуцианским подходом «хэ» (гармония). 3. *Роль добродетели*. У платона добродетель правителя – базис справедливости в государстве. В японской традиции это переключается с буддийским идеалом Бодхисаттвы и конфуцианским собирательным образом «благо-

родного мужа» (кун-цзы). 4. *Критика материальных основ мира*. Накамура отмечает, что Платон, Буддизм и конфуцианство сходятся в критике чрезмерной привязанности к материальным благам как источника тотальной несправедливости и разобщения людей. Всё вышеописанное учёный детально анализирует в своих работах: «プラトンの正義論と東アジアの倫理思想» («Теория справедливости Платона и этические идеи Восточной Азии») – центральная работа, где проводится сравнительный анализ концепций справедливости. «魂の調和と悟りの道: プラトンと仏教の対話» («Гармония души и путь просветления: диалог Платона и буддизма») – исследование параллелей между платоновской психологией и буддийской антропологией. «儒教とプラトンの統治理論» («Конфуцианство и теория правления Платона») – анализ сходств в концепциях идеального правителя. Статьи в журналах «東西哲学» («Философия Востока и Запада») и «古典と現代» («Классика и современность»). Чтобы объяснить определение справедливости у Платона, Накамура цитирует фрагмент «Политеи»: 「正義とは、各人が自分の才能に応じた役割を果たすことであり、他に干渉しないことである」 («Справедливость – это когда каждый выполняет свою социальную роль, соответствующую его способностям, и не вмешивается в дела других»).

Он сопоставляет это с буддийской концепцией пратитья-самутпада (взаимозависимое происхождение): 「仏教では、すべての存在は相互依存であり、個々の役割が調和して初めて世界は安定する」 («В буддизме все существа взаимозависимы, и только когда индивидуальные роли гармонируют, мир становится стабильным»). Тема гармонии души и просветления тоже была рассмотрена ученым в своих работах. Накамура анализирует платоновскую модель трёхчастной души: 「魂は、理性、勇氣、欲望の三つの部分から成り、それらの調和が美德を生む」 («Душа состоит из трёх частей – разума, мужества и желания, – и их гармония порождает добродетель»). Это соотносится с буддийской практикой медитации, направленной на уравнивание ума: 「瞑想は、貪欲 瞋 愚痴の三毒を克服し、心の平衡を回復する」 («Медитация преодолевает три яда – жадность, гнев и невежество – и восстанавливает душевное равновесие»). Идеальный Платоновский «философ-правитель» сопоставляется с конфуцианским «благородным мужем»: 「哲学者君主は、真理を知り、公共の利益を優先すべきである」 («Философ-правитель должен знать истину и ставить общественное благо выше личного»). В конфуцианстве это отражено в принципе жэнь (человеколюбие): 「君子は、仁を以て治め、民を導く」 («Благородный муж правит через человеколюбие и ведёт народ»). Рассматривая тему критики материальных благ, Накамура подчёркивает, что Платон осуждает жажду богатства как источник коррупции: 「金銭への愛は、魂を墮落させ、正義を損なう」 («Любовь к деньгам развращает душу и вредит справедливости»). Буддийская традиция

разделяет эту критику через концепцию тришна (жажда): 「欲は苦の根源であり、悟りを遠ざける」 («Жажда – источник страдания и отдаляет от просветления»). Таким образом Накамуры Хироси приходит к знаковым умозаклучениям:

1. Несмотря на различия в языке и контексте, теории справедливости Платона, буддизма и конфуцианства имеют общие черты: акцент на гармонии, добродетели и общественном благе.

2. Платоновская идея специализации («каждый занимается своим делом») переключается с восточным пониманием дхармического долга.

3. Концепция гармонии как основы справедливости универсальна. Она проявляется в платоновской «Политее», буддийском учении о взаимозависимости и конфуцианском идеале «хэ».

4. Критика материального и эгоизма – общая черта всех трёх традиций, актуальная для современного общества, где материальное начало часто превалирует над духовными, нравственно-этическими ценностями.

5. Диалог между западной и восточной философией может обогатить современный социокультурный и политический дискурсы, с акцентуацией на справедливости, демократии и этических нормах управления.

Специфика японской интерпретации «Политеи» Платона заключена в анализе базовых концептов: гармония и порядок, роль знания, критика демократии и способам её совершенствования, метафизическом символизме (аллегория пещеры, что актуально в эпоху развития технологий и цифровизации сознания людей). В практическом плане идеи Платона японская мысль считает важными в реформах образования, во возвращение политических лидеров, в выработке чувства долга и ответственности у молодёжи, в создании и преумножении социальной гармонии.

Мы полагаем, что «Политея» Платона является важным источником вдохновения для японских учёных. Платоновские идеи, их переосмысление в контексте японской культуры способствуют лучшему пониманию социальных и политических проблем. Компаративистский подход характерный для японской научной мысли позволяет выявлять платоновские универсалии применительно к вызовам нового тысячелетия, где античные концепции обретают новую жизнь и способствуют развитию философской мысли, созданию социальной гармонии и совершенствованию демократических институций.

Библиографический список

1. Кавасаки Сёдзо. Японская философия и западная мысль: диалог традиций. // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 145-153.
2. Конфуций. Лунь юй. Суждения и с. беседы/ Конфуций; пер. с кит. В.В. Башкеева. – Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. 432 с.
3. Платон. Государство: [перевод с древнегреческого] / Платон. – Москва: Эксмо, 2025. 544 с.
4. Накамура Хироси. Конфуцианство и теория правления Платона / Накамура Хироси. – Оса-

- ка: журнал *Философия Востока и Запада*, 2019. С. 45-67.
5. Сато Миэко. Платоновская теория этического воспитания и японское нравственное воспитание / Сато Миэко. – Киото: журнал *Исследования по философии образования*, 2018. С. 112-130.
6. Такахаши Кэнъити. «Политея» Платона и современная демократия/ Такахаши Кэнъити. – Токио: Иванами Сэтэн, 2015. 267 с.
7. Ames Roger T., Rosemont Henry Jr. *The Analects of Confucius: A Philosophical Translation*/ Roger T. Ames. – New York: Ballantine Books, 1999. 352 p.
8. Keown Damien. *Buddhist Ethics: A Very Short Introduction*/ Damien Keown. – London: Oxford University Press, 2005. 269 p.
9. Maruyama Masao. *Thought and behavior in modern Japanese politics* / Masao Maruyama. – London: Oxford University Press, 1969. 407 p.
10. Nagatomi Masatoshi. *Plato and Buddhism: A Comparative Study of Politeia and Dhammapada* / Masatoshi Nagatomi. – Cambridge: *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1985. Vol. 45. № 1. P. 5-32.
11. Почему философ Платон ненавидел демократию. Книга онлайн. Выбор редакционного отдела // URL: <https://diamond.jp/articles/-/337848> (Дата обращения: 01.04.2026).
12. Были обнаружены место захоронения Платона и другие подробности. // URL: <https://www.y-history.net/appendix/wh0102-138.html> (Дата обращения: 10.04.2026).
13. Нобору Нотоми. Прочитайте образец: Чтение философских диалогов Платона (Иванами Синсё) // URL: https://read.amazon.co.jp/sample/B018TDQJRC?f=2&l=ja_JP&r=cf41e8a7&rid=5FGR88VCK7BKJG3TTJRZ&sid=358-2271172-7136812&ref=litb_m (Дата обращения: 01.05.2026).
14. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

References

1. Kawasaki Shozo. *Japanese Philosophy and Western Thought: A Dialogue of Traditions*. // *Voprosy filosofii*. 2018. № 5. P. 145-153.
2. Confucius. *Lunyu. Judgments and Conversations / Confucius*; trans. from Chinese. V.V. Bashkeeva. – Moscow: AST Publishing House: OGIZ, 2023. 432 p.
3. Plato. *The Republic*: [translated from ancient Greek] / Plato. – Moscow: Eksmo, 2025. 544 p.
4. Nakamura Hiroshi. *Confucianism and Plato's Theory of Government* / Nakamura Hiroshi. – Osaka: *Philosophy of the East and West Journal*, 2019. P. 45-67.
5. Sato Mieko. *Plato's Theory of Ethical Education and Japanese Moral Education* / Sato Mieko. – Kyoto: *Journal of Studies in Philosophy of Education*, 2018. P. 112-130.
6. Takahashi Kenichi. *Plato's Politeia and Modern Democracy* / Takahashi Kenichi. – Tokyo: Iwanami Shoten, 2015. 267 p.
7. Ames Roger T., Rosemont Henry Jr. *The Analects of Confucius: A Philosophical Translation* / Roger T. Ames. – New York: Ballantine Books, 1999. 352 p.
8. Keown Damien. *Buddhist Ethics: A Very Short Introduction* / Damien Keown. – London: Oxford University Press, 2005. 269 p.
9. Maruyama Masao. *Thought and behavior in modern Japanese politics* / Masao Maruyama. – London: Oxford University Press, 1969. 407 p.
10. Nagatomi Masatoshi. *Plato and Buddhism: A Comparative Study of Politeia and Dhammapada* / Masatoshi Nagatomi. – Cambridge: *Harvard Journal of Asian Studies*, 1985. Vol. 45. № 1. P. 5-32.
11. *Why the Philosopher Plato Hated Democracy*. Book online. Editorial Board's Choice // URL: <https://diamond.jp/articles/-/337848> (01.04.2026).
12. *Plato's burial site and other details have been discovered*. // URL: <https://www.y-history.net/appendix/wh0102-138.html> (10.04.2026).
13. *Noboru Notomi. Read the sample: Reading Plato's Philosophical Dialogues* (Iwanami Shinsho) // URL: https://read.amazon.co.jp/sample/B018TDQJRC?f=2&l=ja_JP&r=cf41e8a7&rid=5FGR88VCK7BKJG3TTJRZ&sid=358-2271172-7136812&ref=litb_m (01.05.2026).
14. Goltsov A.N., Dediu E.I. *Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century)* // *Almanac "Crimea"*. 2025. № 50. P. 21-33.

Аннотации

Демидов А.В.

Российская дипломатия в лицах: Александр Безбородко

В статье дается краткое описание жизни и деятельности на дипломатическом поприще выходца из небольшого малороссийского города Глухова. А.А. Безбородко, не принадлежавший к высшим слоям российской аристократии, тем не менее, внес существенный вклад во внешнюю политику России в один из наиболее ярких периодов истории страны – в период правления императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: П.А. Румянцев, Кючук-Кайнарджийский договор, императрица, Крым, татары, Речь Посполитая, Османская империя, Крымское ханство, Англия, Пруссия, Австрия, Турция, православные, Швеция.

Липтеев И.А.

Отношение населения к средствам массовой информации и социальным медиа как инструментам политической коммуникации

Средства массовой информации и социальные медиа сегодня стали основным инструментом политической коммуникации. В условиях массовой цифровизации и широкого распространения социальных медиа применение их в политической коммуникации оказывается необходимым условием для обеспечения эффективности процессов политической коммуникации. Средства массовой информации являются традиционными средствами коммуникации, применяющимися в политической коммуникации, а социальные медиа, которые получили распространение только в последние десятилетия, стали новой формой инструментов политической коммуникации, которые позволяют сегодня охватить труднодоступную для традиционных средств массовой информации часть населения – молодежь. Для молодой части аудитории, как и для населения в целом, наиболее предпочтительными каналами коммуникации сегодня являются такие социальные медиа, как социальные сети (ВКонтакте) и мессенджеры (Телеграмм, который на данный момент уже имеет ограничения в использовании на территории Российской Федерации). Однако, сегодня социальные сети и мессенджеры имеют тенденцию к сокращению в использовании в социальных медиа и всё большее укрепление, как основного канала политической коммуникации, получают традиционные средства массовой информации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, средства массовой информации, социальные медиа, социальные сети, мессенджеры, инструменты коммуникации, каналы коммуникации, коммуникация.

Цзин Сунь

Инхун Ян

Исследование модели преподавания и механизма оценки курсов по идеологической и политической теории с использованием искусственного интеллекта

Расширение возможностей курсов по идеологической и политической теории с использованием искусственного интеллекта является неизбежным результатом развития эпохи информатизации образования.

Для всестороннего продвижения «живых» идеологических и политических курсов необходимо полагаться на технологию искусственного интеллекта. С целью проведения курсов по идеологической и политической теории, важно использовать цифровое кодирование, Интернет и электронное оборудование, а для завершения передачи учебной информации и обработки учебных данных создавать цифровые учебные сцены и онлайн- и офлайн-кабинеты для занятий по идеологической и политической теории.

Также необходимо содействовать интеграции технологий искусственного интеллекта в

образование, создать высококачественную базу учебных данных для курсов идеологической и политической теории и предоставить преподавателям и студентам более интеллектуальные модели преподавания и механизмы научной оценки.

Между тем, необходимо будет использовать технологию искусственного интеллекта для обеспечения возможности и повышения эффективности курсов идеологической и политической теории, а также для содействия качественному развитию идеологического и политического образования в новую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, курсы идеологической и политической теории, модель преподавания, Механизм оценки.

Герман Р.Э.

Гиперисторицизм политического сознания населения кавказского региона и его влияние на процессы этнополитической мобилизации

Настоящая статья посвящена осмыслению гиперисторицизма как особой разновидности политического сознания, характерной для жителей кавказского региона. Суть данного феномена состоит в том, что давно минувшие исторические события наделяются сверхзначимым смыслом и превращаются в действенный фактор текущей политической жизни. В работе рассматриваются как зарубежные, так и российские теоретические концепции, посвященные этой проблематике, прослеживаются корни гиперисторицизма на кавказской почве, а также проводится концептуальная демаркация между историческим сознанием в его обычном понимании и его гипертрофированными проявлениями. Опираясь на разбор отдельных показательных случаев, автор демонстрирует двойственный характер рассматриваемого явления и формулирует предложения, направленные на гармонизацию межнациональных взаимоотношений в северокавказском регионе в контексте сохранения единого российского социокультурного и политического пространства.

Ключевые слова: гиперисторицизм, политическое сознание, Северный Кавказ, этнополитическая мобилизация, историческая память, межэтнические отношения, российская государственность, политика памяти.

Петрова С.И.

Петров И.Ф.

Философы-постмодернисты о плюрализации восприятия в культуре

Философы-постмодернисты, внесли значительный вклад в переосмысление природы восприятия и интерпретации культурных феноменов. Несмотря на различия в подходах, их объединяет стремление преодолеть ограничения классической рациональности и обнажить условность любых смысловых конструкций. В статье показывается, что постмодернистские идеи оказали большое влияние на современную культуру, искусство, социальные науки. Они способствовали развитию критического мышления, научили замечать противоречия, парадоксы, многоплановость явлений, которые ускользают от однозначных трактовок. Постмодернисты отвергают идею единственно верного прочтения текстов культуры, утверждая принципиальную множественность интерпретаций. Смыслы не содержатся в произведениях искусства или литературы как нечто предзаданное, но рождаются каждый раз заново в процессе рецепции, обусловленной как личностью интерпретатора, так и широким социокультурным контекстом. Согласно постмодернистам, наше восприятие всегда опосредовано дискурсивными практиками, системами означивания и отношениями власти. Язык, с этой точки зрения, не просто отражает реальность, но активно конституирует ее, задавая границы мыслимого и воспринимаемого. Осознание этой обусловленности восприятия ведет к релятивизации любых смысловых иерархий и признанию равноправия различных точек зрения. Постмодернизм, таким образом, не только фиксирует фундаментальный плюрализм культурного восприятия, но и утверждает его в качестве позитивной ценности.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, культура, плюрализм, восприятие, интерпретация, текст.

Фаттахов Р.А.

Евразийское толкование свободы

В статье рассматривается взаимосвязанность таких ценностей, как свобода, гуманизм, духовность в контексте евразийской культуры. По мнению автора, евразийская культура формируется на основе глубинных ценностей, которые отражают дух народов через образы бытия, мышления, морали, политики. Эти фундаментальные ценности лежат в основе аккумуляции и развития культурного наследия различных народов региона. Нам представляется, что функцию такого контекста эффективно выполняет культурно-ценностная система, интегрирующая евразийскую цивилизацию. В ее основе лежат органично взаимосвязанные ценности – свободы, гуманизма, духовности. Эти ценности являются ключевыми элементами в процессе формирования общей культурной платформы для дальнейшей гармоничной интеграции.

Ключевые слова: свобода, гуманизм, духовность, ценности, евразийская культура, культурное наследие.

Шиндель С.В.

Аскарова А.Х.

Дискурсивные особенности придворного этикета, репрезентированного в спектакле «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt»

Статья посвящена исследованию специфики придворного этикета, репрезентированного в спектакле «Великая! С любовью, Екатерина ...» творческим коллективом «Jugendstadt». Проектная деятельность коллектива включает широкий спектр мероприятий, направленных на популяризацию историко-культурного наследия немцев Поволжья. Одним из проектов «Jugendstadt» стал спектакль «Великая! С любовью, Екатерина ...» (автор сценария и режиссер Д. Жукоцкая (Рафф)), постановка которого осуществлена на русском и немецком языках (2019-2023 гг.). Предметом исследования являются дискурсивные особенности, объектом – лингвистические и экстралингвистические маркеры придворного этикета на материале сценария спектакля. К лингвистическим маркерам относятся: репрезентация на вербальном уровне этнокультурных реалий, правил и норм придворного этикета, расцвет которого приходится на время правления Екатерины II. В тексте сценария приводятся имена собственные представителей знати и придворного окружения юной будущей императрицы, наименование титулов, форма обращения, характерная для данной исторической эпохи. К экстралингвистическим маркерам репрезентации придворного этикета относятся детали интерьера, костюмы, декорации, исполнение танцев, использование театра «теневого полотна». В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический и семиотический методы, а также интерпретативный анализ эмпирического материала.

Ключевые слова: исторический дискурс, придворный этикет, немецкий язык, немцы Поволжья, творческий коллектив «Jugendstadt», спектакль «Великая! С любовью, Екатерина ...», семиотическое пространство, лингвистические маркеры, экстралингвистические маркеры, театр «теневого полотна».

Еременко А.Г.

Лаво Р.С.

Шипунова Е.А.

Распопина В.С.

Роль музеев в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне

В статье авторы рассматривают необходимость сохранения исторической памяти поколений о Великой Отечественной войне. Особое внимание уделяется роли музеев и мемориальных комплексов как главных хранителей подлинных свидетельств, способных предотвратить или раскрыть фальсификацию итогов Второй мировой войны и преуменьшения роли советского народа в Победе над фашизмом. Анализируется эволюция музейных практик, начиная от первых выставок и заканчивая современными экспозициями и иными музейными проектами. Сделан вывод, что синтез документальности и художественных форм наиболее эффективно обеспечивает сохранение исторической правды и преемственность поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, героизм, патриотизм и мужество советского народа, музеи и мемориалы о войне, память поколений, музейная коммуникация, сохранение исторической памяти.

Ефанов Д.А.

Педагогические основы изучения драматургии вокального номера, как ключевого элемента эстрадного искусства

В статье рассматривается эстрадный вокальный номер как основная единица эстрадного искусства. Акцент сделан на педагогических аспектах: как изучать драматургию номера в системе профессиональной подготовки вокалистов. Анализируются композиционная структура, критерии драматургии и роль режиссуры. Предлагаются методические подходы к разбору номера со студентами. Делается вывод о необходимости включения драматургического анализа в учебный процесс.

Ключевые слова: эстрадный вокальный номер, драматургия, педагогика эстрадного искусства, режиссура, подготовка вокалиста, сценический образ.

Альсусо Небрас

Мориски: память под угрозой. Культурная идентичность в условиях принудительной ассимиляции (XVI–XVII вв.)

Статья посвящена феномену морисков – потомков мусульман Пиренейского полуострова, принявших крещение после завершения Реконкисты, – как культурно-историческому и теоретическому объекту исследования. Используя концепцию культурной памяти Я. Ассмана и семиотику культуры Ю.М. Лотмана, автор анализирует механизмы сохранения арабо-мусульманской культурной идентичности в условиях административного и инквизиционного давления. Показано, что феномен морисков воплощает принцип «двойной идентичности» – официальной христианской и скрыто поддерживаемой мусульманской; существование этой двойственности свидетельствует о пределах административного уничтожения культурной памяти. Особо анализируется доктрина *limpieza de sangre*, перенёсшая культурную границу с религиозного на биологический уровень и сделавшая интеграцию морисков структурно невозможной. Рассматриваются конкретные формы сохранения культурной идентичности: тайное исповедание веры (доктрина *такыйи*), традиция *алхамйадо* – записи романских текстов арабским алфавитом как акта идентификации, – а также повседневные ритуальные и языковые практики. Изгнание морисков 1609–1614 гг. анализируется как кульминация «семиотического проекта очищения» идентичности и как культурная катастрофа, последствия которой испанское общество ощущало на протяжении столетия. Судьба морисков в диспоре, прежде всего в Тетуане, рассматривается через понятие культурной кристаллизации Ассмана.

Ключевые слова: мориски, принудительная ассимиляция, двойная идентичность, *limpieza de sangre*, культурная память, *алхамйадо*, *такыйи*, изгнание морисков 1609–1614, семиотика культуры, Ю.М. Лотман, Я. Ассман.

Донгак В.С.-о.

Религиозный синкретизм традиционных семейных ритуалов тувинцев в современных условиях

В статье анализируются структурно-функциональные характеристики семейных ритуалов тувинцев в современных условиях. Особое внимание уделяется их синкретичности, которая проявляется в сочетании элементов шаманистских ритуалов и буддийских обрядов, также в сохранении культурного наследия, адаптации религии к новой среде и в меняющихся культурных условиях, образуя уникальные структуры верований и обеспечивая устойчивость в новой социальной среде. Научная значимость исследования заключается в его вкладе в теорию культурной устойчивости малых этносов России. Полученные данные расширяют понимание адаптационных механизмов традиционных обществ перед лицом глобальных вызовов. Работа обогащает этнологические исследования новыми эмпирическими материалами о специфике тувинской духовной культуры. Кроме того, она вносит методологический вклад, демонстрируя эффективность комплексного подхода к изучению синкретических религиозных систем.

Ключевые слова: религиозный синкретизм, шаманизм, буддизм, культурное наследие, этническая идентичность, тувинская культура, традиция, ритуалы, традиционная культура.

Зыкова Т.В.

Как музей меняет культурную среду. Из опыта работы над проектами музеев Красноярского края

Статья посвящена роли музеев как активных трансформаторов культурной среды на примере проектов Красноярского края. Рассматривается, как музеи актуализируют культурное наследие, выступают площадками для общественного диалога и участия, решают социальные проблемы, усиливают «силу места» и способствуют формированию сибирской идентичности. На основе анализа научных публикаций и конкретных практик (педагогическая археология, музеи под открытым небом, Красноярская музейная биеннале, Национальный центр В.П. Астафьева, филиал Национального центра «Россия») показаны механизмы влияния музеев на городскую и региональную среду. Особое внимание уделено комплексному характеру музейной деятельности и ее реализации на региональном, межрегиональном и международном уровнях. Сделан вывод о музеях как центрах общественной жизни и катализаторах культурных изменений в Сибири.

Ключевые слова: музей, культурная среда, культурное наследие, сибирская идентичность, актуализация, диалог, инновации.

Карев С.А.

Антонов О.В.

Диалог эпох в стенах Шелапутинской гимназии: музеологический анализ трансформации историко-культурной среды

В статье представлен комплексный музеологический анализ трансформации историко-культурной среды здания Московской классической гимназии, основанной в 1901 году на средства выдающегося мецената П.Г. Шелапутина по проекту архитектора Р.И. Клейна. Под «диалогом» в контексте Шелапутинской гимназии понимается сосуществование и взаимодействие различных исторических слоев, смыслов и функций в одном пространстве на протяжении более чем 120 лет. Автор исследует эволюцию объекта от «совершенной образовательной среды» начала XX века, сочетавшей светское просвещение с духовным воспитанием в домовом храме св. Григория Богослова, до современного административного центра.

Рассматривается процесс архитектурной деградации и фрагментации пространства в советский период, когда размещение в здании общежития Академии коммунистического воспитания и Академии Генштаба РККА привело к сокрытию авторского замысла под поздними

диссонирующими конструкциями. На основе материалов государственной историко-культурной экспертизы 2024 года в статье анализируются современные методы реставрации, направленные на раскрытие первоначальных объемов и восстановление торжественного неоклассического декора: колонн, маскаронов и сводчатых перекрытий.

Особое внимание уделено проблеме интеграции современных систем безопасности и связи Главной военной прокуратуры в историческую ткань памятника по принципу обратимости.

Ключевые слова: П.Г. Шелапутин, Р.И. Клейн, Шелапутинская гимназия, музеологический анализ, реставрация, культурное наследие, диалог эпох, неоклассицизм.

Карозин А.А.

От зрителя к соавтору: ролевая трансформация аудитории в контексте нелинейного нарратива

Статья посвящена анализу фундаментальных изменений в структуре зрительского опыта, вызванных развитием интерактивного кинематографа в первой четверти XXI века. Автор рассматривает процесс перехода реципиента от традиционной модели пассивного созерцания к новой гибридной форме – статусу «зрителя-пользователя». В работе подробно эксплицируется концепция «нарративной агентности» как ключевого фактора, наделяющего аудиторию инструментами прямого влияния на событийный ряд и смысловую структуру произведения.

Особое внимание уделяется психологическим и эстетическим феноменам рецепции, возникающим в условиях нелинейного повествования: «процедурной идентификации», при которой субъект отождествляет себя не только с персонажем, но и с самим волевым актом выбора, а также «эстетике ответственности», связанной с этическим весом принимаемых решений. На примере анализа репрезентативных медиапродуктов («Black Mirror: Bandersnatch», «Erica», «Late Shift») обосновывается, что пользовательский интерфейс в современном интерактивном кино перестает быть технической надстройкой, превращаясь в органичный элемент «навигационной эстетики».

В статье доказывается, что ролевая трансформация аудитории ведет к деконструкции классической триады «автор – произведение – зритель», где фигура автора переходит к роли «архитектора вероятностей», а процесс просмотра трансформируется в акт осознанного сотворчества.

Ключевые слова: интерактивный кинематограф, зритель-пользователь, нарративная агентность, навигационная эстетика, нелинейный нарратив, процедурная идентификация, эстетика ответственности, тактильная визуальность.

Ли Ен Ок

Обзор современных исследований творчества Н.К. Рериха в Южной Корее

Статья представляет собой обзор исследований философии и живописи Н.К. Рериха, опубликованных в Южной Корее в последнее время. Такие исследования появились относительно недавно, но показывают стабильную тенденцию к изучению взаимоотношений «Востока» и «Запада». Также, как и в России, на Дальнем Востоке Николай Константинович Рерих хорошо известен как художник, сценограф, философ, писатель, путешественник, археолог и общественный деятель. В статье рассматриваются несколько актуальных научных публикаций демонстрирующих взгляды современных корейских ученых на происхождение философии Н.К. Рериха, ее связи с теософией Е.П. Блаватской, интерес к «Живой этике» на Дальнем Востоке, восприятие живописи художника, культурно-историческое значение Пакта Рериха. В статье представлены исследования, относящиеся к 2010-2020-м годам.

Ключевые слова: Николай Рерих, Живая Этика, Дацан Гунзэчойнэй, Живопись Н. Рериха, Пакт Рериха.

Ли Сисян**Роль японской гравюры укиё-э в формировании колористической системы работ Густава Климта и его школы (Венский сецессион)**

Настоящее исследование осуществляет комплексный анализ определяющего влияния японской ксилографии укиё-э периода Эдо на генезис и эволюцию колористической системы в творчестве Густава Климта и художников его круга, объединенных вокруг Венского сецессиона и движения «Венских мастеров». В контексте феномена европейского японизма второй половины XIX века работа детально исследует не поверхностное заимствование экзотических мотивов, а глубокую структурную трансформацию западного живописного сознания под воздействием альтернативной цветовой парадигмы. Доказывается, что эстетические принципы укиё-э – плоскостность, локальность и условность цвета, примат декоративно-ритмической организации плоскости, смелые неимитационные контрасты – стали катализатором для радикального пересмотра Климтом и его современниками функций цвета в живописи. Это влияние способствовало переходу от натурализма и историзма к синтетическому, символично-орнаментальному стилю, в котором цвет эмансипировался от задачи иллюзорного воспроизведения реальности, став ключевым носителем эмоции, символа и чистой живописной выразительности. Исследование вносит вклад в понимание механизмов межкультурного диалога в искусстве модерна.

Ключевые слова: Густав Климт, Венский сецессион, японизм, укиё-э, цветовая система, колоризм, локальный цвет, плоскостность, декоративность, орнамент, модерн (югендстиль), Хокусай, Хиросигэ, синтез искусств.

Панов Д.Г.**Будущий менеджер культуры: готовность к реализации задач культурной политики**

Успех грандиозной программы государственной культурной политики, ориентированной на превращение культуры в стратегический ресурс развития страны, зависит от того, насколько понимают и разделяют цели этой политики будущие менеджеры социокультурной сферы, какова их готовность к реализации поставленных задач. Именно поэтому целью настоящей статьи является выявление особенностей ценностных ориентаций будущих менеджеров социально-культурной деятельности, их оценок состояния и приоритетов развития отечественной культуры, а также готовности к выполнению стратегических задач государственной культурной политики. Анализируются результаты опроса, проведенного на факультете социально-культурных технологий Петербургского государственного института культуры в конце 2025 года, респондентами которого выступили студенты первого курса.

Исследование показало, что идеальный менеджер, по представлениям опрошенных, должен понимать специфику культуры, особое значение для успеха имеют такие качества, как целеустремленность и эрудиция. Подобный управленец должен быть прекрасным коммуникатором, обладать навыками целеполагания и планирования личного и рабочего времени, искусно владеть технологиями разработки и презентации проектов, а также маркетинговыми инструментами. В профессиональной картине мира будущих менеджеров социально-культурной деятельности преобладают творческая, социальная и содержательная миссии культуры. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что реализация аксиологического компонента в учебном и воспитательном процессе, несомненно, будет способствовать формированию образовательных и мотивационных ресурсов будущих менеджеров культуры, которым довольно скоро предстоит на практике воплощать задачи государственной культурной политики.

Ключевые слова: государственная культурная политика, духовно-нравственные ценности, менеджер социально-культурной деятельности, общероссийская гражданская идентичность, патриотизм, Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Ефанов Д.А.**Развитие музыкального слуха на уроках вокала в ДМШ-ДШИ: психолого-педагогический аспект**

В статье рассматривается музыкальный слух как сложное, многогранное явление, необходимое для сочинения, исполнения и активного восприятия музыки. Анализируются современные подходы к классификации видов музыкального слуха: абсолютного и относительного, мелодического, гармонического, полифонического, тембрового, ритмического, интонационного, архитектурного и других. Особое внимание уделяется психолого-педагогическим аспектам развития слуха на уроках вокала. Автор приходит к выводу, что развитие музыкального слуха – одна из ключевых задач музыкального воспитания, а её эффективность напрямую зависит от выбора методов и приёмов работы, среди которых пение и слуховой анализ занимают центральное место. Практическая значимость статьи связана с возможностью использования предложенных подходов в работе преподавателей вокала и сольфеджио в детских музыкальных школах, школах искусств и общеобразовательных учреждениях.

Ключевые слова: музыкальный слух, виды музыкального слуха, абсолютный слух, относительный слух, мелодический слух, гармонический слух, ритмический слух, тембровый слух, интонационный слух, внутренний слух, развитие музыкального слуха, уроки вокала, музыкальные способности, музыкальная педагогика, вокальное воспитание.

Смердов М.И.**Ирбитская ярмарка: история и современность**

Статья посвящена ярмарочному феномену Ирбита. На основе литературных источников реконструируется характер древнего менового торгового места современного города, преемником которого стала всероссийская Ирбитская ярмарка, получившая название «зеркало пушнины». Делается вывод, что древний меновой торг, находившийся на Великом меховом пути, был связан с пушной торговлей Северной Евразии со странами Ближнего и Среднего Востока. Пушнина была и основным товаром всероссийской Ирбитской ярмарки, что наглядно проявилось при её недолгом возрождении в первой половине 1920-х годов. В заключении делается вывод, что современная возрождающаяся Ирбитская ярмарка эволюционирует в классическую охотничью и сельскую ярмарку.

Ключевые слова: феномен Ирбитской ярмарки, пушнина, Великий меховой путь, «зеркало пушнины», охотничья и сельская ярмарка.

Сюзюмов И.А.**Концептуальная стагнация современной визуализированной антиутопии: анализ паттернов и функций жанра в XXI веке**

Данная статья посвящена анализу визуализированных антиутопий XXI века, выявлению их общих паттернов и функций, в рамках чего рассматривается проблематика концептуального застоя и изменения значения антиутопии в современном обществе. Целью работы является обоснование концептуальной стагнации антиутопий и выявление причин, которые могли этому способствовать. Для чего использовались методы: Сравнительно-сопоставительный метод, структурно-функциональный анализ, социологический подход – анализ связи между проблемами современного общества и тематикой антиутопии, включая влияние общественно-экономической формации. Дискурс-анализ – в контексте отказа от утопического мышления и неприятия идеализма в современном обществе, также применялись аналитический, синтетический методы. В работе доказано, что современные визуализированные антиутопии демонстрируют концептуальную стагнацию, повторяя одни и те же паттерны без предложения путей решения проблем. Ключевые причины этого: доминирование западной культурной парадигмы, ориентация киноиндустрии на прибыль и использование проверен-

ных сюжетных схем, неразрешённость социально экономических проблем современности, отказ от утопического мышления и неприятие идеализма в обществе. Установлено, что антиутопия XXI века не выполняет в полной мере функцию социального предупреждения, так как: не предлагает альтернатив нежелаемому будущему, фокусируется на симптомах, а не на причинах проблем, сама воспроизводит черты критикуемого общества.

Ключевые слова: Антиутопия, неравенство, общественно-экономическая формация, концептуальная стагнация, жанровые паттерны, коммерциализация искусства, современная киноиндустрия.

Уржумцева Е.А.

Берлизов Н.Е.

Реконструкция быта и хозяйственных практик населения панагия 1 на этапе поздней бронзы через археологические находки

В статье рассматриваются результаты комплексного исследования архитектурного памятника Панагия 1, периода эпохи поздней бронзы (XIV–X вв. до н. э.) в Северном Причерноморье. На основе анализа вещественного комплекса и погребальных практик реконструируется модель жизнеобеспечения и социально-экономическая структура древнего сообщества Таманского полуострова.

Автором установлено, что экономический фундамент общины базировался на сочетании пастбищного скотоводства с интенсивным использованием ресурсов прибрежной зоны. Высокая степень хозяйственной автономии подтверждается развитием домашних ремесел: керамического, косторезного, кожаного и скорняжного производства. Особое внимание уделено местному металлургическому очагу, наличие которого подтверждается находками льячек, шлаков и орнаментированного бронзового ножа. Автором подчеркивается высокая адаптивность населения к ландшафтам Тамани, где функциональность орудий труда и бытовой утвари гармонично сочеталась с художественными традициями.

Анализ духовной культуры, основанный на материалах погребального обряда, обнаружил устойчивую систему идеологических представлений. Регламентированность ритуальных практик начинающаяся от строгой ориентации погребенных до специфического состава «поминального меню и использования астрагалов в качестве защитных амулетов говорит о развитом культе предков и общественной иерархии. Наличие декоративных элементов на повседневных предметах интерпретируется как признак социальной стабильности, позволившей обществу перейти от стратегии выживания к формированию эстетических ценностей.

В заключении определяются перспективы дальнейшего изучения памятника, связанные с применением мультидисциплинарных методов: трасологического и рентгенофлуоресцентного анализа (РФА), а также детального технико-технологического изучения керамики на базе лабораторий Института археологии РАН. Обобщение масштабного объема данных (свыше 10 000 единиц находок) и их последующая музеефикация в фондах заповедника «Таманис» позволят финализировать реконструкцию адаптационных механизмов населения Тамани в финале бронзового века.

Ключевые слова: Таманский полуостров, географические особенности, лиманы (Витязевский, Бугазский и др.), археологическое наследие, поздний бронзовый век (ПБВ), поселение Панагия 1, рацион питания (молочно-мясной, морские ресурсы), домашние ремесла (керамика, обработка материалов), морское собирательство, технологии производства (очажный обжиг, ремонт сосудов), мультидисциплинарные исследования.

Ван Чао

Шаманская мифология как структурообразующий фактор монгольской драматургии

Обоснование. Статья посвящена проблеме влияния шаманской мифологии на формирование драматургических принципов монгольского театра. Актуальность исследования определяется тем, что в работах по истории монгольской сцены шаманское наследие обычно рассматривается как элемент обрядовой культуры, фольклорной образности или этнографического колорита, тогда как его структурная роль в организации конфликта, системы персонажей и сценического пространства раскрыта недостаточно.

Цель. Цель статьи состоит в выявлении тех драматургических механизмов, через которые шаманская мифология воздействует на построение монгольской пьесы и сценического действия.

Метод и/или методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют историко-культурный, сравнительный и театроведческий методы, а также элементы мифопоэтического и перформативного анализа. В работе используются труды по монгольскому шаманизму, исследования по монгольской культуре, а также работы по теории ритуала, мифа и сценического действия.

Результаты. Установлено, что шаманская мифология влияет на монгольскую драматургию не только на уровне сюжетной тематики, но и на уровне глубинной организации действия. Показано, что мифологические модели перехода между мирами, испытания, медиативного посредничества и восстановления нарушенного порядка формируют особый тип конфликта, в котором противостояние разворачивается одновременно в человеческом, природном и сакральном измерениях. Выявлено, что фигура посредника между мирами становится одним из устойчивых драматургических центров, а космогоническая символика вертикали, круга, мирового древа, горы и пути определяет пространственную композицию сценического действия. Обосновано, что шаманский миф в монгольской театральной традиции выступает не внешним фольклорным украшением, а одним из структурообразующих принципов драматургии.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в культурологии, театроведении, при анализе национальных моделей драматургии, а также в преподавании курсов по истории театра, мифологии и традиционной культуре народов Центральной Азии.

Ключевые слова: монгольская драматургия, шаманизм, мифология, театральное действие, медиатор, сценическое пространство, мифопоэтика, конфликт.

Сюй Цзявэнь

«Малый театр» как пространство становления китайского театрального авангарда

Обоснование. Статья посвящена феномену «малого театра» в Китае как ключевой институциональной и художественной среды, в которой сформировался современный китайский театральный авангард. Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественном театроведении китайский авангард нередко описывается преимущественно через отдельные режиссёрские имена или через влияние европейских художественных моделей, тогда как институциональная роль малых сцен остаётся в тени. Между тем именно пространство камерного спектакля, возникшее в постреформенную эпоху, позволило китайскому театру выработать новые формы сценической условности, режиссёрской свободы, зрительского контакта и художественного эксперимента.

Цель. Цель статьи состоит в том, чтобы показать «малый театр» как пространство становления китайского театрального авангарда и выявить его значение в художественной и институциональной трансформации театра КНР конца XX – начала XXI века.

Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляют историко-культурный, сравнительно-типологический и театроведческий методы, а также элементы институционального анализа. В работе использованы исследования по истории китайского театра периода реформ и открытости, труды, посвящённые современному китай-

скому режиссёрскому театру, малым сценам, межкультурной театральной рецепции и пост-драматическим процессам.

Результаты. Установлено, что «малый театр» в Китае выступил не только архитектурно-пространственной, но и культурной моделью нового сценического мышления. Показано, что возникновение камерных площадок было связано с изменением культурной политики после 1978 года, расширением режиссёрской инициативы, ослаблением нормативной репертуарной модели и формированием нового городского зрителя. Выявлено, что именно в пространстве малых сцен были выработаны основные черты китайского авангарда: монтажная драматургия, антииллюзионизм, жанровая гибридность, новая телесность, сближение актёра и зрителя, а также соединение западного театрального опыта с традиционными китайскими сценическими кодами. Обосновано, что деятельность Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэя и связанных с ними театральных структур превратила «малый театр» в институциональную основу современного китайского сценического эксперимента.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в культурологии, театроведении, истории зарубежного театра, а также при разработке учебных курсов по современному китайскому искусству, межкультурному театру и институциональной истории сценических практик.

Ключевые слова: китайский театр, малый театр, театральный авангард, Линь Чжаохуа, Мэн Цзиньхуэй, режиссёрский театр, реформы и открытость, китайская сцена, межкультурный театр, постдраматические практики.

Мальцева Л.В.

Зачем человеку нужна каллиграфия?

Искусство писать красиво – это относится к каллиграфии. Она вкладывает душу в каждую букву и слово, позволит нам окунуться в безграничный мир искусства, в котором переплелись узоры древности и современная романтика. А, быть может, каллиграфия в современном формате станет для кого-то профессией. Каллиграфия даёт возможность каждому слову передать в точности нужный образ через свой стиль; создать особую атмосферу, вдохнув в строки новые краски. Каллиграфия – это творчество, она подразумевает создание индивидуального стиля письма, придания знакам эмоциональности. Ведь задача каллиграфа не просто оформить текст с эстетической точки зрения, но и правильно расставить акценты, сделать его запоминающимся и ассоциативным. Если заниматься каллиграфией постоянно, тем самым можно исправить почерк. Сегодня к каллиграфии начинает проявляться интерес и это нужно развивать, начиная со школы и продолжать в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: каллиграфия, воспитание, обучение, красота, летте-ринг, история.

Федорова Л.В.

Тэнгризм и Тэнрикё как религии откровения

Цель данного исследования - поиск схожестей в якутском тэнгризме (тенгризме) и японском тэнри-кё. Впервые в сравнительном плане как религии Откровения рассматриваются якутский тэнгризм (тенгризм) и японская религия Тэнри-кё.

Актуальность исследования исходит из сложившейся современной напряженной ситуации в мире и необходимости ее мирной разрядки. Необходимо искать не противоречия между народами, а общности, в т.ч. сходства их традиционных духовных ценностей. Почему у саха (якутов) и у японцев идентичный теоним Тэнри? Чем это обусловлено?

Методы. Для выяснения этих положений применяется феноменологический метод, который фокусируется на непосредственном опыте и переживаниях Мики Накаяма, которой в октябре 1838 года открылся Бог Тэнри-кё, и опыте персонажей якутского эпоса олонхо. А также проводится исторический экскурс по появлению этих религиозных уче-

ний, указываются места и время их появления, кратко описываются их обряды и основные концепты.

Результаты и выводы. В результате сопоставлений основных концептов обеих религий, несмотря на разные эпохи и места их проявлений, выявляются общие параллели, объясняемые универсальностью религий откровений Бога-Творца – Тэнри / Тэнри, а также возможными древнейшими культурными и другими контактами.

Ключевые слова: Тэнри, Тангара, Айбы, Тэнрикё, Откровение, Тэнгризм, Олонхо.

Филиппов С.В.

Особенности различных подходов к системе управления персоналом

Исследуются особенности научных подходов к системе управления персоналом, выделены их ключевые принципы, анализируется специфика административных, экономических, психологических, социальных методов управления, а также виды организационно-управленческого воздействия на сотрудников.

Ключевые слова: управление персоналом, трудовой потенциал, управление человеческими ресурсами, трудовой коллектив, организационная культура, методы управления, кадровая политика.

Гермашева Т.М.

Файзулина А.И.

«Политея» Платона в современной научной мысли Японии

В приведённой статье рассматриваются интерпретации и анализ труда Платона «Политея» современными японскими учеными, различные аспекты которые привлекают их внимание и как платоновские концепции соотносятся с японским культурным и политическим контекстом. В исторической проекции знакомство Японии с философией Платона началось в период Мэйдзи (1868-1912), когда в стране наблюдалось активное заимствование западных идей. В это время переводы произведений Платона стали доступны японским интеллектуалам, что положило начало академическому изучению его трудов. В XX веке изучение античной философии, включая наследие Платона, стало частью университетских программ, что отражает общие процессы глобализации, в образовании. Японские исследователи начали анализировать «Политею» не только как исторический документ, но и как источник идей, актуальных для современности.

Ключевые слова: Япония, Платон, Политея, учёные, справедливость, буддизм, конфуцианство, образование, демократия.

Abstracts

Demidov A.V.

Russian diplomacy in person: Alexander Bezborodko

The article provides a brief description of the life and activities in the diplomatic field of A.A. Bezborodko, a native of the small Little Russian town of Glukhov, who did not belong to the upper strata of the Russian aristocracy, nevertheless, made a significant contribution to Russia's foreign policy during one of the most striking periods in the country's history – during the reign of Empress Catherine II.

Key words: P.A. Rumyantsev, Kuchuk-Kaynardzhi Treaty, Empress, Crimea, Tatars, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ottoman Empire, Crimean Khanate, England, Prussia, Austria, Turkey, Orthodox, Sweden.

Laptev I.A.

Public attitudes towards mass media and social media as tools of political communication

Today, mass media and social media have become the main tools of political communication. In the context of mass digitalization and the widespread use of social media, their application in political communication is essential for ensuring the effectiveness of political communication processes. Mass media are traditional communication tools used in political communication, while social media, which have only gained popularity in recent decades, have become a new form of political communication tools that allow for reaching a segment of the population that is difficult for traditional mass media to reach, such as young people. For the younger part of the audience, as well as for the general population, the most preferred communication channels today are social media such as social networks (VKontakte) and instant messengers (Telegram, which currently has restrictions on its use in the Russian Federation). However, today, social networks and instant messengers are showing a downward trend in their use in social media, and traditional media outlets are increasingly gaining prominence as the primary channel for political communication.

Key words: political communication, mass media, social media, social networks, messengers, communication tools, communication channels, communication.

Jing Sun

Yinghong Yang

A study of a teaching model and assessment mechanism for courses on ideological and political theory using artificial intelligence

Empowering ideological and political theory courses with artificial intelligence is an inevitable result of the development of the era of educational informatization. To comprehensively promote the “live” of ideological and political courses, it is necessary to rely on AI technology to enable ideological and political theory courses, use digital coding, the Internet, and electronic equipment to complete the transmission of teaching information and the processing of teaching data, and create digital teaching scenes and online+offline flipped classrooms for ideological and political theory courses. It is also necessary to promote the integration of AI technology and education, build a high-quality teaching data database for ideological and political theory courses, and provide teachers and students with more intelligent teaching models and scientific evaluation mechanisms. Meanwhile, there will be a must to use AI technology to enable and increase efficiency for ideological and political theory courses, and promote the high-quality development of ideological and political education in the new era.

Key words: Artificial intelligence, Ideological and political theory courses, Teaching model, Evaluation mechanism.

German R.E.

Hyperhistoricism of political consciousness of the Caucasian region's population and its influence on the processes of ethnopolitical mobilization

This article is devoted to understanding hyperhistoricism as a special kind of political consciousness characteristic of the inhabitants of the Caucasian region. The essence of this phenomenon is that long-past historical events are given a super-significant meaning and become an effective factor in current political life. The work examines both foreign and Russian theoretical concepts devoted to this issue, traces the roots of hyperhistoricism on Caucasian soil, and provides a conceptual de-

marcation between historical consciousness in its usual sense and its hypertrophied manifestations. Based on the analysis of individual illustrative cases, the author demonstrates the dual nature of the phenomenon under consideration and formulates proposals aimed at harmonizing interethnic relations in the North Caucasus region in the context of preserving a unified Russian socio-cultural and political space.

Key words: hyperhistoricism, political consciousness, North Caucasus, ethnopolitical mobilization, historical memory, interethnic relations, Russian statehood, politics of memory.

Petrova S.I.

Petrov I.F.

Postmodern philosophers on the pluralization of perception in culture

Postmodern philosophers have made significant contributions to rethinking the nature of perception and interpretation of cultural phenomena. Despite their differences in approach, they share a common goal of overcoming the limitations of classical rationality and exposing the contingency of all meaning-making constructs. This article explores the profound impact of postmodern ideas on contemporary culture, art, and the social sciences. They contributed to the development of critical thinking, teaching us to notice contradictions, paradoxes, and the multi-layered nature of phenomena that defy straightforward interpretations. Postmodernists reject the idea of a single correct reading of cultural texts, emphasizing the inherent plurality of interpretations. They argue that meanings are not predetermined in works of art or literature, but are re-created each time they are perceived, influenced by both the individual interpreter and the broader socio-cultural context. According to postmodernists, our perception is always mediated by discursive practices, systems of signification, and power relations. From this perspective, language does not simply reflect reality, but actively constitutes it, setting the boundaries of what can be thought and perceived. Recognizing this conditioning of perception leads to the relativization of any hierarchical meanings and the recognition of the equality of different perspectives. Thus, postmodernism not only acknowledges the fundamental pluralism of cultural perception, but also celebrates it as a positive value.

Key words: modernism, postmodernism, culture, pluralism, perception, interpretation, text.

Fattakhov R.A.

The Eurasian interpretation of freedom

The article examines the interrelation of values such as freedom, humanism, and spirituality in the context of Eurasian culture. According to the author, Eurasian culture is formed on the basis of deep values that reflect the spirit of peoples through the images of being, thinking, morality, politics. These fundamental values underlie the accumulation and development of the cultural heritage of the various peoples of the region. It seems to us that the function of such a context is effectively performed by the cultural and value system integrating the Eurasian civilization. It is based on organically interrelated values – freedom, humanism, spirituality. These values are key elements in the process of forming a common cultural platform for further harmonious integration.

Key words: freedom, humanism, spirituality, values, Eurasian culture, cultural heritage.

Shindel S.V.

Askarova A.Kh.

Discursive peculiarities of court etiquette represented in Theatricalized Performance «Great! With love, Catherine ...» by Creative Team «Jugendstadt»

The article is devoted to the study of the court etiquette represented in theatricalized performance «Great! With love, Catherine...» by the creative team «Jugendstadt». The project activity of the team involves a wide range of activities with the aim of popularizing the historical and cultural heritage of the Germans in the Volga region. The theatricalized performance «Great! With love, Catherine...» (written and directed by D. Zhukockaya (Raff)) is one of these events, the staging of the play having been done in the Russian and German languages (2022-2023). The subject of the research is the discursive peculiarities; the object is the linguistic and extralinguistic markers of the court etiquette based on the script of the play. The representations of the ethnocultural realities, the rules and norms the court etiquette which blossoming fell at the period of Cathrine's reign on the verbal level are viewed as the linguistic markers. The script lists the proper names of the noble representatives and court circles of the young future empress, the titles, the forms of address which were

typical for the historical epoch under discussion. The interior details, the costumes, the decorations, the dance performing, the use of the theatre «shadow puppetry» are considered as the extralinguistic markers of the court etiquette representation. The analysis and synthesis as the general scientific methods, the descriptive method, the textual and semiotic methods as well as the interpretational analysis of the empirical material have been applied in the research.

Key words: historical discourse, court etiquette, the German language, the Germans in the Volga region creative team «Jugendshtadt», theatricalized performance «Great! With love, Catherine...», semiotic space, linguistic markers, extralinguistic markers, theatre «shadow puppetry».

Eremenko A.G.

Lavo R.S.

Shipunova E.A.

Raspopina V.S.

The role of museums in preserving the historical memory of The Great Patriotic War

In the article, the authors consider the need to preserve the historical memory of generations about the Great Patriotic War. Special attention is paid to the role of museums and memorial complexes as the main keepers of authentic evidence capable of preventing or uncovering falsification of the results of World War II and downplaying the role of the Soviet people in the Victory over fascism. The evolution of museum practices is analyzed, starting from the first exhibitions and ending with modern expositions and other museum projects, and it is concluded that the synthesis of documentary and artistic forms most effectively ensures the preservation of historical truth and the continuity of generations.

Key words: The Great Patriotic War, heroism, patriotism and courage of the Soviet people, museums and memorials about the war, memory of generations, museum communication, preservation of historical memory.

Efanov D.A.

Pedagogical foundations for studying the dramaturgy of a vocal piece as a key element of variety art

This article examines the pop vocal performance as the fundamental unit of pop art. The focus is on pedagogical aspects: how to study the dramaturgy of a performance within the framework of professional training for vocalists. The article analyzes the compositional structure, dramaturgical criteria, and the role of direction. Methodological approaches to analyzing a performance with students are proposed. The conclusion is drawn regarding the necessity of incorporating dramaturgical analysis into the educational process.

Key words: pop vocal performance, dramaturgy, pedagogy of pop art, stage direction, vocalist training, stage image.

Alsuso Nebras

Moriscos: memory under threat. Cultural identity under conditions of forced assimilation (16th–17th centuries)

The article examines the phenomenon of the Moriscos – descendants of the Muslims of the Iberian Peninsula who converted to Christianity following the Reconquista – as a cultural-historical and theoretical object of study. Drawing on Jan Assmann's concept of cultural memory and Yu.M. Lotman's semiotics of culture, the author analyses the mechanisms of preservation of Arab-Muslim cultural identity under conditions of administrative and inquisitorial pressure. It is shown that the Morisco phenomenon embodies the principle of “dual identity” – official Christian and covertly maintained Muslim – whose existence testifies to the limits of administrative destruction of cultural memory. Special attention is given to the doctrine of *limpieza de sangre*, which shifted the cultural boundary from the religious to the biological level, making Morisco integration structurally impossible. Concrete forms of identity preservation are examined: covert religious practice (the doctrine of *taqiyya*), the *aljamiado* tradition of recording Romance texts in Arabic script as an act of identification, and everyday ritual and linguistic practices. The expulsion of the Moriscos of 1609–1614 is analysed as the culmination of the “semiotic project of identity purification” and as a cultural catastrophe whose consequences Spanish society felt for a century. The fate of Moriscos in the diaspora, particularly in Tétouan, is considered through Assmann's concept of cultural crystallisation.

Key words: Moriscos, forced assimilation, dual identity, limpieza de sangre, cultural memory, aljamiado, taqiyya, expulsion of the Moriscos 1609–1614, semiotics of culture, Yu.M. Lotman, J. Assmann.

Dongak V.S.-o.

Religious syncretism of traditional Tuvan family rituals in modern conditions

The article analyzes the structural and functional characteristics of Tuvan family rituals in modern conditions. Special attention is paid to their syncretism, which is manifested in a combination of elements of shamanic rituals and Buddhist rituals, as well as in the preservation of cultural heritage, adaptation of religion to a new environment and in changing cultural conditions, forming unique belief structures and ensuring stability in a new social environment. The scientific significance of the research lies in its contribution to the theory of cultural sustainability of small ethnic groups in Russia. The data obtained expand the understanding of the adaptation mechanisms of traditional societies in the face of global challenges. The work enriches ethnological research with new empirical materials on the specifics of Tuvan spiritual culture. In addition, it makes a methodological contribution, demonstrating the effectiveness of an integrated approach to the study of syncretic religious systems.

Key words: religious syncretism, shamanism, Buddhism, cultural heritage, ethnic identity, Tuvan culture, tradition, rituals, traditional culture.

Zykova T.V.

How a museum transforms the cultural environment: from experience working on museum projects in the Krasnoyarsk Region

The article is devoted to the role of museums as active transformers of the cultural environment using the example of projects in the Krasnoyarsk Territory. It examines how museums actualize cultural heritage, act as platforms for public dialogue and participation, solve social problems, strengthen the «power of the place» and contribute to the formation of Siberian identity. Based on the analysis of scientific publications and specific practices (pedagogical archeology, open-air museums, Krasnoyarsk Museum Biennale, V.P. National Center Astafieva, branch of the National Center «Russia») shows the mechanisms of the influence of museums on the urban and regional environment. Special attention is paid to the complex nature of museum activities and their implementation at the regional, interregional and international levels. The conclusion is made about museums as centers of social life and catalysts of cultural changes in Siberia.

Key words: museum, cultural environment, cultural heritage, Siberian identity, actualization, dialogue, innovation.

Karev S.A.

Antonov O.V.

Dialogue of epochs within the walls of the Shelaputinsky gymnasium: a museological analysis of the transformation of the historical and cultural environment

The article presents a comprehensive museological analysis of the transformation of the historical and cultural environment of the Moscow Classical Gymnasium building, founded in 1901 with funds from the outstanding philanthropist P. G. Shelaputin and designed by architect R. I. Klein. In the context of the Shelaputinsky Gymnasium, “dialogue” refers to the coexistence and interaction of various historical layers, meanings and functions in one space for more than 120 years. The author explores the evolution of the facility from the “perfect educational environment” of the early 20th century, which combined secular education with spiritual education in the house church of St. Gregory the Theologian, to the modern administrative center. The article examines the process of architectural degradation and fragmentation of space during the Soviet period, when the placement of the Academy of Communist Education and the Academy of the General Staff of the Red Army in the dormitory building led to the concealment of the author’s idea under late dissonant structures. Based on the materials of the 2024 state historical and cultural expertise, the article analyzes modern restoration methods aimed at uncovering the original volumes and restoring the solemn neoclassical decor: columns, mascarons and vaulted ceilings. Special attention is paid to the problem of integrating modern security and communications systems of the Main Military Prosecutor’s Office into the historical fabric of the monument on the principle of reversibility.

Key words: P.G. Shelaputin, R.I. Klein, Shelaputinsky gymnasium, museological analysis, restoration, cultural heritage, dialogue of epochs, neoclassicism.

Karozin A.A.**From viewer to collaborator: role transformation of the audience in the context of a non-linear narrative**

The article is devoted to the analysis of fundamental changes in the structure of the viewer's experience caused by the development of interactive cinema in the first quarter of the 21st century. The author examines the process of the recipient's transition from the traditional model of passive contemplation to a new hybrid form – the status of “viewer-user”. The paper explicates in detail the concept of “narrative agency” as a key factor that provides the audience with tools to directly influence the sequence of events and the semantic structure of the work. Special attention is paid to the psychological and aesthetic phenomena of reception that arise in the context of nonlinear storytelling: “procedural identification”, in which the subject identifies himself not only with the character, but also with the volitional act of choice itself, as well as the “aesthetics of responsibility” associated with the ethical weight of decisions. Using the example of the analysis of representative media products (“Black Mirror: Bandersnatch”, “Erica”, “Late Shift”), it is proved that the user interface in modern interactive cinema ceases to be a technical superstructure, turning into an organic element of “navigation aesthetics”. The article proves that the role transformation of the audience leads to the deconstruction of the classical triad “author – work – viewer”, where the figure of the author passes to the role of “architect of probabilities”, and the viewing process is transformed into an act of conscious co-creation.

Key words: interactive cinema, viewer-user, narrative agency, navigational aesthetics, nonlinear narrative, procedural identification, aesthetics of responsibility, tactile visibility.

Lee Yeon Ok**The overview of contemporary South Korean studies on Nicholas Roerich**

The article provides an overview of recent research on the philosophy and art of Nikolai Roerich, published in South Korea. While this research is relatively new, it highlights a growing interest in exploring the relationship between the East and the West. In the Far East, Nikolai Roerich is well-known as an artist, set designer, philosopher, writer, traveler, archaeologist, and public figure. The article examines several relevant scientific publications that demonstrate the views of contemporary Korean scholars on the origins of N.K. Roerich's philosophy, its connections with the theosophy of E.P. Blavatsky, the interest in the Living Ethics in the Far East, the perception of the artist's paintings, and the cultural and historical significance of the Roerich Pact. The article analyzes research conducted in the 2010s and 2020s.

Key words: Nicholas Roerich, Living Ethics, Datsan Gunzechoinei, Paintings of N. Roerich, Roerich Pact.

Li Xixiang**The role of Japanese Ukiyo-e prints in the formation of the coloristic system of Gustav Klimt and his school (Vienna secession)**

This study provides a comprehensive analysis of the decisive influence of Japanese ukiyo-e woodblock prints of the Edo period on the genesis and evolution of the coloristic system in the works of Gustav Klimt and the artists of his circle, united around the Vienna Secession and the Wiener Werkstätte movement. In the context of the phenomenon of European Japonism in the second half of the 19th century, the study examines in detail not the superficial adoption of exotic motifs, but the profound structural transformation of Western pictorial consciousness under the influence of an alternative color paradigm. It is argued that the aesthetic principles of ukiyo-e – flatness, locality, and conventionality of color, the primacy of the decorative and rhythmic organization of the plane, and bold, non-imitative contrasts – served as a catalyst for Klimt and his contemporaries' radical reconsideration of the functions of color in painting. This influence contributed to the transition from naturalism and historicism to a synthetic, symbolic-ornamental style, in which color was emancipated from the task of illusorily reproducing reality, becoming a key carrier of emotion, symbolism, and pure pictorial expressiveness. This study contributes to the understanding of the mechanisms of intercultural dialogue in Art Nouveau art.

Key words: Gustav Klimt, Vienna Secession, Japonism, ukiyo-e, color system, colorism, local color, flatness, decorativeness, ornament, Art Nouveau (Jugendstil), Hokusai, Hiroshige, synthesis of the arts.

Panov D.G.**Future cultural manager: willingness to implement cultural policy objectives**

The success of a grandiose program of state cultural policy aimed at turning culture into a strategic resource for the country's development depends on how well future managers of the socio-cultural sphere understand and share the goals of this policy, and what their willingness to implement the tasks set is. That is why the purpose of this article is to identify the features of the value orientations of future managers of socio-cultural activities, their assessments of the state and priorities of the development of national culture, as well as their readiness to fulfill the strategic objectives of the state cultural policy. The article analyzes the results of a survey conducted at the Faculty of Socio-Cultural Technologies of the St. Petersburg State University of Culture at the end of 2025, the respondents of which were first-year students. The study showed that the ideal manager, according to the respondents, should understand the specifics of culture, and qualities such as determination and erudition are of particular importance for success. Such a manager should be an excellent communicator, possess goal-setting and personal and working time planning skills, be proficient in project development and presentation technologies, as well as marketing tools. The professional worldview of future managers of socio-cultural activities is dominated by creative, social and meaningful cultural missions. The conducted research allows the author to assert that the concentration of attention in the educational and educational process on the implementation of the axiological component will undoubtedly contribute to the formation of educational and motivational resources of future cultural managers, who will soon have to put into practice the tasks of state cultural policy.

Key words: state cultural policy, spiritual and moral values, manager of socio-cultural activities, all-Russian civic identity, patriotism, St. Petersburg State University of Culture.

Efanov D.A.**Development of musical ear in vocal lessons at children's music schools and children's art schools: psychological and pedagogical aspect**

The article examines musical ear as a complex, multifaceted phenomenon necessary for composing, performing, and actively perceiving music. It analyzes current approaches to classifying types of musical ear: absolute and relative pitch, melodic, harmonic, polyphonic, timbre, rhythmic, intonational, architectonic hearing, and others. Special attention is paid to the psychological and pedagogical aspects of ear development in vocal lessons. The author concludes that the development of musical ear is one of the key tasks of music education, and its effectiveness directly depends on the choice of teaching methods and techniques, among which singing and auditory analysis occupy a central place. The practical significance of the article lies in the possibility of using the proposed approaches in the work of vocal and solfeggio teachers at children's music schools, art schools, and general education institutions.

Key words: musical ear, types of musical ear, absolute pitch, relative pitch, melodic hearing, harmonic hearing, rhythmic hearing, timbre hearing, intonational hearing, inner hearing, development of musical ear, vocal lessons, musical abilities, music pedagogy, vocal education.

Smerdov M.I.**Irbit fair: history and present**

This article explores the Irbit fair phenomenon. Based on literary sources, it reconstructs the nature of the ancient barter market on the site of the modern city, whose successor was the All-Russian Irbit Fair, nicknamed the "Mirror of Furs." It is concluded that the ancient barter market, located along the Great Fur Route, was linked to the fur trade between Northern Eurasia and the countries of the Near and Middle East. Furs were also the main commodity at the All-Russian Irbit Fair, a fact clearly demonstrated during its brief revival in the first half of the 1920s. The article concludes that the modern, revived Irbit Fair is evolving into a classic game and country fair.

Key words: phenomenon of the Irbit Fair, furs, the Great Fur Route, "Mirror of Furs", game and country fair.

Syuzumov I.A.**Conceptual stagnation of contemporary visualized dystopia: analysis of patterns and functions of the genre in the 21st century**

This article analyzes 21st-century visualized dystopias, identifying their common patterns and

functions. It also examines the problem of conceptual stagnation and the changing meaning of dystopia in contemporary society. The aim of the study is to substantiate the conceptual stagnation of dystopias and identify the factors that may contribute to this. The following methods were used: comparative and contrastive methods, structural and functional analysis, and a sociological approach—analyzing the connection between the problems of modern society and the themes of dystopia, including the influence of socioeconomic formation. Discourse analysis—in the context of the rejection of utopian thinking and the rejection of idealism in modern society, analytical and synthetic methods were also used. The study demonstrates that contemporary visualized dystopias exhibit conceptual stagnation, repeating the same patterns without offering solutions. The key reasons for this include the dominance of the Western cultural paradigm, the film industry's focus on profit and the use of proven plot devices, the unresolved socioeconomic problems of the modern era, the rejection of utopian thinking, and the rejection of idealism in society. It has been established that 21st-century dystopia does not fully fulfill its function as a social warning because it: fails to offer alternatives to an undesirable future, focuses on the symptoms rather than the causes of problems, and reproduces the characteristics of the society being criticized.

Key words: Dystopia, inequality, socioeconomic formation, conceptual stagnation, genre patterns, commercialization of art, contemporary film industry.

Urzhumtseva E.A.

Berlizov N.E.

Reconstruction of the life and economic practices of the population of panagia 1 at the stage of the late bronze age through archaeological finds

The article considers the results of a comprehensive study of the architectural monument Panagia 1, from the Late Bronze Age (XIV–X centuries BC) in the Northern Black Sea region. Based on the analysis of the material complex and burial practices, the model of life support and the socio-economic structure of the ancient community of the Taman Peninsula are reconstructed. The author has established that the economic foundation of the community was based on a combination of pastoral cattle breeding with intensive use of coastal resources. A high degree of economic autonomy is confirmed by the development of domestic crafts: ceramic, bone-cutting, leather and furry production. Special attention is paid to the local metallurgical hearth, the presence of which is confirmed by the finds of flakes, slag and an ornate bronze knife. The author emphasizes the high adaptability of the population to the landscapes of Taman, where the functionality of tools and household utensils was harmoniously combined with artistic traditions. The analysis of spiritual culture, based on the materials of the funeral rite, revealed a stable system of ideological ideas. The regularity of ritual practices, starting from the strict orientation of the buried to the specific composition of the “memorial menu” and the use of astragaluses as protective amulets, indicates a developed ancestral cult and social hierarchy. The presence of decorative elements on utilitarian objects is interpreted as a sign of social stability, which allowed society to move from a survival strategy to the formation of aesthetic values. In conclusion, the prospects for further study of the monument are determined, related to the use of multidisciplinary methods: trachological and X-ray fluorescence analysis (XFA), as well as a detailed technical and technological study of ceramics based on the laboratories of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. The generalization of a large-scale volume of data (over 10,000 finds) and their subsequent museification in the funds of the Tanais Reserve will make it possible to finalize the reconstruction of the adaptive mechanisms of the Taman population at the end of the Bronze Age.

Key words: Taman Peninsula, geographical features, estuaries (Vityazevsky, Bugazsky, etc.), archaeological heritage, Late Bronze Age (PBV), Panagia 1 settlement, diet (dairy and meat, marine resources), household crafts (ceramics, processing of materials), marine gathering, production technologies (hearth firing vascular repair), multidisciplinary research.

Wang Chao

Shamanic mythology as a structure-forming factor of Mongolian dramaturgy

Background. The article examines the influence of shamanic mythology on the formation of dramaturgical principles in Mongolian theatre. The relevance of the study lies in the fact that, in works on the history of Mongolian stage culture, shamanic heritage is usually treated as an element of ritual culture, folklore imagery, or ethnographic colouring, whereas its structural role in the or-

ganisation of conflict, the system of characters, and scenic space remains insufficiently explored.

Purpose. The purpose of the article is to identify the dramaturgical mechanisms through which shamanic mythology shapes the construction of Mongolian plays and stage action.

Methodology. The methodological basis of the study includes historical-cultural, comparative, and theatre-studies methods, as well as elements of mythopoetic and performance analysis. The article draws on works on Mongolian shamanism, Mongolian culture, and theories of ritual, myth, and stage action.

Results. It is established that shamanic mythology affects Mongolian dramaturgy not only at the level of subject matter but also at the level of deep structural organisation. Mythological models of passage between worlds, ordeal, mediation, and restoration of order generate a specific type of conflict in which confrontation unfolds simultaneously in human, natural, and sacred dimensions. The figure of the mediator between worlds becomes one of the stable dramaturgical centres, while the cosmological symbolism of the vertical axis, the circle, the world tree, the mountain, and the path determines the spatial composition of stage action. It is argued that, in Mongolian theatre, the shamanic myth functions not as an external folkloric ornament but as one of the structure-forming principles of dramaturgy.

Practical implications. The results of the study may be applied in cultural studies, theatre studies, the analysis of national dramaturgical models, and in courses on theatre history, mythology, and the traditional cultures of Central Asia.

Key words: Mongolian drama, shamanism, mythology, theatrical action, mediator, stage space, mythopoetics, conflict.

Xu Jiawen

The “small theatre” as a space for the formation of the Chinese theatrical avant-garde

Background. The article examines the phenomenon of the “small theatre” in China as a key institutional and artistic environment in which the contemporary Chinese theatrical avant-garde was formed. The relevance of the study is determined by the fact that in Russian theatre studies Chinese avant-garde theatre is often described mainly through individual directors or through the influence of European artistic models, while the institutional role of small stages remains underexplored. Yet it was precisely the chamber performance space that emerged in the post-reform era and enabled Chinese theatre to develop new forms of scenic conventionality, directorial freedom, spectator contact and artistic experiment.

Purpose. The purpose of the article is to interpret the “small theatre” as a space for the formation of the Chinese theatrical avant-garde and to identify its significance in the artistic and institutional transformation of PRC theatre from the late twentieth to the early twenty-first century.

Methodology. The methodological basis of the research includes historical-cultural, comparative-typological and theatre-studies methods, as well as elements of institutional analysis. The article draws on studies of Chinese theatre in the era of reform and opening-up, scholarship on contemporary Chinese directing, small stages, intercultural reception and postdramatic processes.

Results. It is established that the “small theatre” in China functioned not merely as an architectural or spatial format but as a cultural model of new stage thinking. The study shows that the emergence of chamber venues was connected with transformations in cultural policy after 1978, the expansion of directorial initiative, the weakening of the normative repertory model and the rise of a new urban audience. It is demonstrated that the main features of the Chinese avant-garde were elaborated precisely in the space of small stages: montage dramaturgy, anti-illusionism, genre hybridity, new corporeality, a closer actor-spectator relationship, and the combination of Western theatrical experience with traditional Chinese scenic codes. It is argued that the activity of Lin Zhaohua, Meng Jinghui and related theatre structures turned the “small theatre” into the institutional basis of contemporary Chinese theatrical experiment.

Practical implications. The findings may be applied in cultural studies, theatre studies, theatre history, as well as in courses on contemporary Chinese art, intercultural theatre and the institutional history of stage practices.

Key words: Chinese theatre, small theatre, theatrical avant-garde, Lin Zhaohua, Meng Jinghui, director's theatre, reform and opening up, Chinese stage, intercultural theatre, postdramatic practices.

Maltseva L.V.**Why does human need calligraphy?**

The art of beautiful writing – this applies to calligraphy. It pours soul into every letter and word, allowing us to immerse ourselves in a boundless world of art, where ancient patterns and modern romance are intertwined. Perhaps, for some, calligraphy in its modern form will become a profession. Calligraphy allows each word to convey precisely the desired image through its own style; it creates a special atmosphere, breathing new colors into the lines. Calligraphy is a creative process; it implies the creation of an individual writing style, imbuing characters with emotionality. After all, the calligrapher's task is not simply to present a text aesthetically, but also to correctly place accents, making it memorable and associative. Regular practice of calligraphy can improve one's handwriting. Today, interest in calligraphy is beginning to emerge, and this should be developed, starting in school and continuing in higher education.

Key words: calligraphy, education, training, beauty, lettering, history.

Fedorova L.V.**Tengrism and Tenrikyo as religions of revelation**

The purpose of this study is to find similarities in Yakut Tengrism and Japanese Tenri-kyo. For the first time Yakut Tengrism and the Japanese religion of Tenri-kyo are considered in comparative terms as religions of Revelation. The relevance of the research comes from the current tense situation in the world and the need for its peaceful resolution. It is necessary to look not for contradictions between peoples, but for commonalities, including similarities in their traditional spiritual values. Why do the Sakha (Yakuts) and the Japanese have the identical theonym Tenri? What is the reason for this? To clarify these positions, a phenomenological method is used, which focuses on the direct experience and experiences of Miki Nakayama, who revealed the God Tenri-kyo in October 1838, and the experience of the characters of the Yakut epic olonkho. There is also a historical tour of the appearance of these religious teachings, the places and times of their appearance are indicated, their rituals and basic concepts are briefly described. As a result of comparing the basic concepts of both religions, despite the different epochs and places of their manifestations, common parallels are revealed, explained by the universality of the religions of the revelations of the Creator God – Tenri, as well as possible ancient cultural and other contacts. The issue undoubtedly requires further investigation.

Key words: Tengri, Tangara, Ayy, Tenrikyo, Revelation, Tengrism, Olonkho.

Filippov S.V.**Features of different approaches to the personnel management system**

The article examines the features of scientific approaches to the personnel management system, highlights their key principles, analyzes the specifics of administrative, economic, psychological, and social management methods, as well as the types of organizational and managerial impact on employees.

Key words: personnel management, labor potential, human resource management, labor collective, organizational culture, management methods, personnel policy.

Germasheva T.M.**Fayzulina A.I.****Plato's "Politheia" in modern Japanese scientific thought**

This article examines the interpretation and analysis of Plato's work "Polytheia" by modern Japanese scholars, the various aspects that attract their attention, and how Platonic concepts relate to the Japanese cultural and political context. Historically, Japan's acquaintance with Plato's philosophy began during the Meiji period (1868-1912), when the country experienced an active adoption of Western ideas. During this time, translations of Plato's works became available to Japanese intellectuals, marking the beginning of the academic study of his works. In the 20th century, the study of ancient philosophy, including Plato's work, became part of university curricula, reflecting the general processes of globalization in the education. Japanese scholars began to analyze "Polytheia" not only as a historical document but also as a source of ideas relevant to modern times.

Key words: Japan, Plato, Politeia, scientists, justice, Buddhism, Confucianism, education, democracy.

Авторы

Альсусо Небрас - аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Антонов О.В. - аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии, Института географии, геологии, туризма и сервиса, Кубанский государственный университет.

Аскарова А.Х. - кандидат филологических наук, доцент. Заведующая кафедрой «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов.

Берлизов Н.Е. - доцент кафедры истории культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар.

Ван Чао - аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0006-7412-9319 / SPIN-код: 2818-8199

Герман Р.Э. - кандидат исторических наук, доцент. Профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Гермашева Т.М. - кандидат филологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Демидов А.В. - кандидат политических наук, доцент. Российский государственный социальный университет.

Донгак В.С.-о. - кандидат социологических наук, доцент кафедры философии. Тувинский государственный университет.

Еременко А.Г. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», старший научный сотрудник научно-методического отдела ГБУК КК КГИАМЗ (Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына»).

Ефанов Д.А. - аспирант 3 курса. Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Зыкова Т.В. - научный руководитель, Национальный центр В.П. Астафьева в Овсянке, старший преподаватель кафедры «Информационные технологии в креативных и культурных индустриях», Гуманитарный институт Сибирского Федерального Университета.

Инхун Ян - школа Марксизма, Северо-Восточный нефтяной университет, Дацин.

Карев С.А. - магистрант кафедры истории культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры.

Карозин А.А. - аспирант кафедры теории и истории культуры. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Лаво Р.С. - доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Латтев И.А. - аспирант. Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград.

Ли Эн Ок - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Ли Сисян - аспирант. Российский государственный художественно-промышленный университет имени С.Г. Строганова.

Мальцева Л.В. - доктор педагогических наук, доцент, профессор, Кубанский государственный университет.

Панов Д.Г. - доцент кафедры физического воспитания. Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Петров И.Ф. - доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Распопина В.С. - магистрант ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», главный специалист отдела молодежной политики ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Смердов М.И. - председатель. Ирбитское местное отделение Свердловского областного отделения Русского географического общества, г. Ирбит.

Сюзюмов И.А. - аспирант кафедры философии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород. ORCID: 0000-0001-7459-1489

Сюй Цзявэнь - аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0002-8376-1704 / SPIN-код: 4229-9206

Уржумцева Е.А. - магистрант кафедры истории культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар.

Фаттахов Р.А. - кандидат философских наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань. Директор, Общественный фонд татарской культуры Республики Татарстан имени Р. Вагапова.

Файзулина А.И. - ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Федорова Л.В. - кандидат политических наук, Директор Международного Фонда Исследования Тенгри, г. Якутск.

Филиппов С.В. - кандидат экономических наук, доцент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал) Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт) имени М.И. Платова.

Цзин Сунь - школа Марксизма, Северо-Восточный нефтяной университет, Дацин.

Шиндель С.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов. ORCID: 0000-0002-5253-0068

Шинунова Е.А. - магистрант ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры».

Authors

Alsuso Nebras, Postgraduate Student, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Antonov O.V., Postgraduate student of the Department of Economic, Social and Political Geography, Institute of Geography, Geology, Tourism and Service, Kuban State University.

Askarova A.Kh., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, Saratov.

Berlizov N.E., Associate Professor, Department of History, Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Demidov A.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor. Russian State Social University.

Dongak V.S.-o., Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Philosophy, Tuva State University.

Efanov D.A., Third-year graduate student, St. Petersburg State Institute of Culture.

Eremenko A.G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor in the Department of History, Cultural Studies, and Museology at the Krasnodar State Institute of Culture; Senior Researcher in the Research and Methodology Department at the E.D. Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve.

Fattakhov R.A., Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan. Director, Public Foundation of Tatar Culture of the Republic of Tatarstan named after R. Vagapov.

Fayzulina A.I., Rostov State University of Economics, Senior lecturer of Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov-on-Don.

Fedorova L.V., Candidate of Political Sciences, Director of the International Tengri Research Foundation, Yakutsk.

Filippov S.V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Technological Institute (branch) of the South-Russian State Polytechnical University (Novocheerkassk Polytechnic Institute) named after M.I. Platov.

German R.E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Germasheva T.M., PhD in Philology, Associate Professor. Rostov State University of Economics (RINH). Head of the Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov-on-Don, Russia.

Jing Sun, School of Marxism, Northeast Petroleum University, Daqing.

Karev S.A., Master's student of the Department of History of Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture.

Karozin A.A., Postgraduate Student, Department of Theory and History of Culture, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Lavo R.S., Doctor of Philosophy, Professor in the Department of History, Cultural Studies, and Museology at the Krasnodar State Institute of Culture.

Laptev I.A., Graduate Student. Volgograd Institute of Management - The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd.

Lee Yeon Ok, Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Li Xixiang, Postgraduate student. Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov.

Maltseva L.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Kuban State University.

Panov D.G., Associate Professor, Department of Physical Education, St. Petersburg State In-

stitute of Culture.

Petrova S.I., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Pedagogy and Intercultural Communications, National Academy of Sciences, Private Educational Institution of Higher Education, "Academy of Marketing and Social-Information Technologies."

Petrov I.F., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Pedagogy and Intercultural Communications, National Academy of Sciences, Private Educational Institution of Higher Education, "Academy of Marketing and Social-Information Technologies."

Raspopina V.S., Master's student at the Krasnodar State Institute of Culture; Chief Specialist in the Youth Policy Department at the Krasnodar State Institute of Culture.

Shindel S.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, Saratov. ORCID: 0000-0002-5253-0068

Shipunova E.A., Master's student at the Krasnodar State Institute of Culture.

Smerdov M.I., Chairman of the Irbit local branch of the Sverdlovsk regional branch of the Russian Geographical Society, Irbit.

Syuzumov I.A., Postgraduate Student, Department of Philosophy and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod. ORCID: 0000-0001-7459-1489

Urzhumtseva E.A., Master's student, Department of History, Cultural Studies and Museology, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar.

Wang Chao, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0006-7412-9319 / SPIN-code: 2818-8199

Xu Jiawen, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0002-8376-1704 / SPIN-code: 4229-9206

Yinghong Yang, School of Marxism, Northeast Petroleum University, Daqing.

Zykova T.V., Scientific Director, V.P. Astafieva National Center in Ovsyanka, Senior Lecturer, Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, Humanities Institute, Siberian Federal University.